КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРИНАДЦАТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

М. Н. Покровский. Статья.— Восстание Черниговского полка.— Записки Н. И. Тургенева.— М. Ф. Орлов в 14 декабря 1825 г.— „Практические начала политической экономии" П. И. Пестеля.— К истории освобождения крестьян И. Д. Якушкиным.— Заговор в Зерентуйском руднике.— П. И. Пестель „Конституция. Государственный Завет".— Рассказ [illegible] о 14 декабря.— Солдаты Московского полка в 14 декабря. Книги [illegible]-декабристов.— Из писем и записок В. Ф. Раевского.— и др.

ЦЕНТРАРХИВ

1925

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

1. Предисловие М. Н. Покровского . . . V—VIII
2. Восстание Черниговского полка в показаниях участников. В. Сыроечковский . . . 1—67
3. Записки Н. И. Тургенева. Н. Ф. [illegible] . . . 68—147
4. М. Ф. Орлов и 14 декабря. [illegible] . . . 148—173
5. „[illegible]" [illegible] . . . 174—249
6. [illegible] . . . 250—257
7. [illegible] . . . [illegible]—279
8. [illegible] . . . [illegible]
9. [illegible] 14 декабря [illegible] . . . [illegible]
10. [illegible] 14 декабря [illegible] . . . [illegible]
11. [illegible] . . . [illegible]—307
12. [illegible] . . . 307—314
13. [illegible] . . . —314
14. [illegible] . . . 314—[illegible]
15. [illegible] . . . —[illegible]

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

V. 6

ТОМ ШЕСТОЙ (ТРИНАДЦАТЫЙ)

1925

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Главлит 55261. Гиз 15153.
Тираж 2000.

XIII том «Красного Архива» целиком посвящается юбилею 14 декабря 1825 г. Порвав с традицией, которая от декабристов вела русскую революцию, историки марксисты не могут пройти мимо событий 1825—1826 годов как высшей точки подъема общественной сознательности данной эпохи — эпохи разложения крепостного хозяйства и зарождения буржуазной России. Шестидесятые годы, последняя решительная попытка русского помещика приспособиться и приспособить свое хозяйство к условиям буржуазного общежития, первая попытка русской буржуазной демократии поднять голову и заговорить своим языком — шестидесятые годы были бы немыслимы без героического подъема двадцатых годов, как немыслима была бы русская буржуазная революция 1905 года без «Народной Воли». А кое-какие, пусть бледные и слабые, намеки на народовольчество просвечивают уже на левом крыле декабристов — и не фетишизируя этих последних, не делая из них титанов вне времени и пространства, разбудивших «спящий народ», найти декабристам место, законное и обеспеченное, в развитии русской революционной идеологии легче всего именно марксистам.

Дать последним фактическую базу для их научной работы, базу, какой, нужно сказать, не имели буржуазные историки 14 декабря, составляет основную задачу всех публикаций Центрархива, связанных с восстанием декабристов. В настоящий том вошли те, более мелкие, но, тем не менее, глубоко интересные «памятники декабризма», которые относятся к этой теме. Читатели без труда выделят важнейшие из этих памятников. Идеологическую крайнюю левую» движения мы имеем в Пестеле: «Соединенные Славяне» были, несомненно, левее Пестеля по своим настроениям, — законченной, четкой идеологии они не оставили. Но идеология Пестеля ставит всякого, марксистски мыслящего, историка перед рядом загадок. Откуда взялся этот русский якобинец, не имея, в качестве фона, не только столярной мастерской Дюплэ *), но и парижской адвокатуры, из которой вышел Дантон? Не в кавалергардском же полку — и не в канцеляриях сибирского генерал-губернатора учился он якоби-

*) В семье столяра Дюплэ жил Робеспьер.

низму. Помещаемый на страницах XIII тома «Красного Архива» политико-экономический трактат р а н н е г о Пестеля дает отчасти ответ на этот вопрос. У нас теперь есть материал для д и а л е к т и к и П е с т е л я. Он не родился якобинцем, он им сделался. В 1820 году, к которому, наиболее правдоподобно, относится трактат, он еще верит в возможность совершить переворот руками дворянства — а, быть может, обойтись и вовсе без насильственного переворота. И Пестель был членом «Союза Благоденствия». Был им не только формально, а верил в «благоденственные» идеалы, в возможность мирного и постепенного освобождения крестьян и тому подобное. Детальный анализ издаваемой нами вскоре «Русской Правды» в ее последовательных напластованиях должен показать точку надлома этой, еще нереволюционной, или, если хотите, предреволюционной, идеологии Пестеля. Политико-экономический трактат, точнее, беглые замечания, канва трактата, помогают нам уловить кое-какие признаки надвигающейся идеологической катастрофы. Учителем политической экономии у генерал-губернаторского сына, ездившего в карете «четверней на вынос» (см. его завещание, напечатанное в этом же томе) и думавшего по-французски— на этом языке был написан и трактат, мы даем перевод,— был, насквозь мелкий буржуа, Сисмонди. Тот самый, что вдохновлял потом наших почтенных народников. Насколько Пестель опередил последних — и насколько атмосфера крестьянской страны действовала на мыслящего человека сильнее, нежели всякие индивидуальные, семейные, групповые, профессиональные связи и традиции!

Прибавим только, что Пестель шел о т Сисмонди к революции, а народники обратным маршем — от революции к Сисмонди. Если бы трактат Пестеля был известен в 1890-х годах, он бы сослужил тогдашним марксистам, и особливо левому их крылу, хорошую службу в их полемике с Михайловским и К-о.

В настоящее время — и в настоящем своем виде — трактат только лишь м а т е р и а л для истории возникновения революционной идеологии русского якобинца 1820-х годов. Пишущий эти строки не совсем согласен с прекрасным комментарием к этой вещи, данным тов. С. С. Мильманом. Едва ли можно выводить «потребительскую» точку зрения Пестеля из его положения интеллигента, «совершенно оторванного от производства». А кто из интеллигентов-революционеров — будь то Чернышевский, Нечаев или Желябов, был с производством связан? Техническая интеллигенция появляется у нас только к самому концу XIX столетия — и она была всего менее революционна. Потребительская же точка зрения на промышленность есть в высшей степени крестьянская точка зрения. Любой зажиточный крестьянин, часто появляющийся на рынке в качестве покупателя, и теперь повторил бы многое из того, что говорит на этот счет Пестель. Тут дело не в оторванности от производства, а в неуменьи выглянуть за горизонт м е л к о г о производства. Мелкобуржуазным мыслителем с головы до пяток Пестель является уже в этом трактате:

мелким буржуа, идеологически, он был раньше, нежели стал революционером. Первым было легче стать, нежели вторым: до-технический интеллигент был еще ближе к миру мелких производителей по своей интеллектуальной физиономии, нежели наш современник, технический. А ведь и последний как иногда близок!

Совершенно иные мысли вызывает другой крупный документ настоящего тома — оправдательная записка Н. И. Тургенева. Факт ее существования и ее содержание известны давно — но полный текст дается только теперь. Чтобы найти более совершенное отречение от революции, нужно спуститься до Льва Тихомирова. Записка невольно напоминает и еще один печальный памятник революционного движения — знаменитую «Исповедь» Бакунина. Но какой контраст! Там был человек, заживо замурованный в могилу и готовый вырваться из нее какой угодно ценой. Притом, Бакунин не скрывал своего участия в революции — он только старался изобразить революцию в приемлемых для Николая тонах — и, как ни странно, до некоторой степени в этом успел. Н. И. Тургенев весьма спокойно, и нимало не нуждаясь, жил в Англии. Никаких неприятностей в этой стране, — позже десятилетиями оказывавшей гостеприимство Герцену, — ему не угрожало: никаких, кроме разве косых взглядов английских мещан в ресторане, — да и то эти взгляды едва ли не почудились русскому «революционеру». Казалось бы, какой великолепный случай бросить в лицо Николаю всю правду, стать адвокатом дела замученных в царских тайниках товарищей перед лицом всего цивилизованного мира. И, вместо этого, такие тирады:

«Я хотел революции? Я, который говорил, что если есть в России что-либо похожее на элемент революции, то сей элемент есть единственно крепостное состояние нескольких миллионов. Желанием, целью моею было: отстранить сей элемент революции — и я мог хотеть революции! Все дела мои ограничиваются советами отпускать людей на волю, и я мог знать, что даю сии советы тем, кои желают революции. И я мог давать советы, противные их намерению»... «Я вступил в общество уже устроенное, но не преступное, и содействовал к его уничтожению. В устройстве новых обществ хотя не участвовал, хотя не вступал в сии общества, но знал и слыхал, что некоторые лица хлопочут об устройстве новых обществ. Никогда однако же не знал, не слыхал и не подозревал, чтобы новое общество было устроено». И наконец: «Рапорт Следственной Комиссии представил все адское дело во всей полноте, со всеми подробностями беспримерного разврата и бешеной кровожадности... Душа моя содрогнулась, ужасные ощущения ее терзали. Тогда я увидел, что совещания, на коих я некогда присутствовал, превратились, наконец, в настоящее скопище разбойников; я увидел, что люди, с коими и я некогда говаривал, явили себя истинными злодеями и что в то самое время, когда я с ними говорил, мысль злодейства уже таилась в их сердце развращенном».

И находятся до сей поры русские интеллигенты, свято блюдущие культ Н. И. Тургенева! Тогда как единственный интерес, какой представляет этот человек в истории революционного движения двадцатых годов, это интерес эксперимента: что будет, если среднего декабриста из Северного общества поместить в максимально благоприятные условия, абсолютно вне пределов досягаемости для Николая? Ответ мы имеем: будет записка Тургенева. Отныне этот человек, на которого еще Пыпин ссылался, как на одного из главнейших историков заговора, остается чем угодно — экономистом, финансистом, — но историк декабристов он такой же, как Тихомиров историк «Народной Воли». «Записка» Тургенева дискредитирует «либеральную легенду» декабристов больше, чем это могли бы сделать писания дюжины критиков.

Собранные в одно целое отрывки из «Дела», касающиеся восстания Черниговского полка, приканчивают другую легенду, почти не стоявшую уже на ногах после издания записок Горбачевского. Теперь мы не из рассказа явно не беспристрастного к «аристократам» мемуариста, а со слов самих южан знаем наверное, что они «проходили» восстание, так же, как их собратья на севере «простояли» его — так и не перейдя к активным военным операциям. И если бы не «Соединенные Славяне», никакого восстания, вероятно, на юге и вовсе не было бы — Муравьев был бы арестован так же «мирно», как Пестель, но за то, надо думать, не был бы, как Пестель, повешен. Горячая офицерская молодежь сразу и сделала из своего начальника героя, и погубила его.

Прочие документы носят менее значительный характер, но все прибавляют что-нибудь новое к тому, что было уже известно. В «Записной книжке архивиста» особенно ценен рассказ Телешева о 14 декабря— прибавляющий кое-какие штрихи к истории этого дня, как начала массового движения. Мы узнаем из него, что декабристы — или сочувствовавшие им — были не только в военных мундирах или во фраках, но и в «синих кафтанах».

Кое-что весьма интересное, напр., письма родных к Пестелю, рисующие его семейную среду — не могли войти в этот том из-за размеров, и будут опубликованы нами впоследствии.

М. Покровский.

Krasnyj arkhiv

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ ТОМОВ В ГОД.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ:

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем.—П. Г. Зайчневский.—Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым.—К истории партии Народного Права. — Новое о зубатовщине. — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта.—Письма Некрасова и Достоевского.— Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Толстой и Короленко.— Александр III о Л. Толстом.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны.—Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Письма И. А. Гончарова и А. Мицкевича.— С. В. Зубатов и А. И. Спиридович.—Генерал Алексеев и М. В. Родзянко.—Подкуп китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-Ин-Хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову 1910 — 1912 г.г. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцева. — Бакунин перед австрийским судом. —Материалы об Огареве, Лаврове и Герцене.— Письма С. Л. Перовской.—Воспоминания А. Г. Достоевской.—**Из записной книжки архивиста**: Завещание Николая I. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Бальзак в России.— Письма В. Гете и др.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г.—Дневник А. А. Половцева.— Переписка В. Н. Коковцева с Нецлиным.— Семейная переписка Романовых.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Отзвуки польского восстания 1863 г.—Письма К. П. Победоносцева.— Л. Н. Толстой в Астапове. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма Достоевского, Гончарова, Тютчева. — **Из записной книжки архивиста**: Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина „Русская Правда“.—Достоевский в Твери.—Речь Щапова.— Революционное движение в войсках во время мировой войны.—Материалы к истории живописи. — К истории манифеста 17 октября и т. д.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина.— Русско-германский договор 1905 г.— Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка).— Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.) — Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина.— Письма участников процесса 193-х.— Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату.— С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине.— Верховное командование в первые дни революции. Из переписки Николая I в декабре 1825 г.— Письма Д. И. Писарева из крепости.— Два письма П. Ф. Якубовича.— **Из записной книжки архивиста:** Г. В. Плеханов и „шпионские забавы“.— Казнь П. П. Шмидта, Частника и др.—В. Чернов и июльск. дни.—Распутин в освещении охранки.—От редакции.

ШЕСТОЙ ТОМ.

Портсмут.— Константинополь и проливы.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Из архива Л. Тихомирова.— Временное правительство после Октября.— Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Свистунову.— Л. Толстой и помощь голодающим.— **Из записной книжки архивиста:** Два письма Карла Маркса.— Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой.— К иконографии декабристов.—Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.

СЕДЬМОЙ ТОМ.

Портсмут (окончание).— Константинополь и проливы (окончание).— Из дневника А. Н. Куропаткина.— Автобиографическая записка и письма С. Ширяева.— М. Бакунин и экспедиция на пароходе „Ward Jackson".— Достоевский „Преступление и наказание".— Омские события при Колчаке.— **Из записной книжки архивиста:** Неизданный манифест Исполнительного Комитета „Народной воли".— Неизданные письма Л. Толстого Иславиным.— Стихотворение Я. П. Полонского „Простая быль".

ВОСЬМОЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г.— Записки А. С. Ермолова Николаю II в 1905 г.— Из дневника Куропаткина (декабрь 1905 г.— март 1906 г.) — Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880—1881 г.г.) — Заседание совета министров 8 марта 1881 г. (из дневников Е. А. Перетца и вел. кн. Константина Николаевича).— Октябрьский переворот и Ставка.— Омские события при Колчаке (окончание).— Указы Пугачева и его коллегии.— Литература 60-х годов по отчетам III отделения.— Ф. М. Решетников и „Северная Пчела". Неизданная сказка А. П. Чехова.— **Из записной книжки архивиста:** Революция 1848 г. и франц. подданные в Москве.— В годы реакции.— Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову.— Николай Романов 28 февраля — 4 марта 1917 г.—Пенсионная практика Временного Правительства.— Казнь Афанасия Матюшенко.

ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. (окончание).— Отражение событий 1905 г. за границей.— Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г.— Крестьянское движение 1905 г. Волнения во флоте в 1915 г.— Из дневника ген. В. И. Селивачева.— Показание А. Д. Протопопова.— Октябрьский переворот и Ставка (окончание).— Вокруг Гатчины.— Записка А. К. Бошняка.— Марксистская периодическая печать 1896—1906 г.г.— **Из записной книжки архивиста:** „План убийства" Вильгельма II.— Письмо Балашова к Столыпину.— Письмо Гапона.— Охранник об аресте участников 1 марта 1887 г— Похороны Н. В. Гоголя.

ДЕСЯТЫЙ ТОМ.

К переговорам В. Н. Коковцева о займе 1905—1906 г.г.— С. Ю. Витте, франц. печать и русские займы.— Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины.— Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана.— Экономическое положение России перед революцией: 1) записка М. В. Родзянко; 2) записка В. Степанова.—Протоколы заседаний ЦИК С Р. и С Д. 1 созыва после Октября.— Из дневника ген. Селивачева.— Из дневника А. Д. Протопопова.— Буташевич-Петрашевский в Сибири.— Из дневника в. кн. Константина Николаевича.— 14 декабря 1825 г. в письмах гр. М. Д. Нессельроде.— Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге.— **Из записной книжки архивиста:** Письмо Е. Н. Трубецкого Николаю Романову по поводу роспуска I Госуд. Думы.— К. П. Романов в характеристике Д. Х. Ливен.— М. Корф в полемике с Герценом.— Григорий Гольденберг в Петропавловской крепости.— Рептильный фонд 1914—1916 г.г.— Увольнение Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего.

ОДИННАДЦАТЫЙ — ДВЕНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Начало пролетарской революции в России. Статья М. Н. Покровского.— 9 января 1905 г.— Проект манифеста о событиях 9 января.— Манифест 17 октября.— Из архива С. Ю. Витте.— Доклады С. Ю. Витте Николаю II.— Хроника вооруженной борьбы в 1905 г.— Аграрное движение в 1905 г.— по отчетам Дубасова и Пантелеева. Флот в 1905 г.: а) Восстание броненосца „Потемкин-Таврический", б) „Георгий Победоносец."—Прибалтийский край в 1905 г.— Движение в войсках на Дальнем Востоке.— Штурм Пресни.— Карательная экспедиция Римана.— Заем 1906 г. в донесениях русского посла.— **Из записной книжки архивиста:** Николай II в 1905 г.— Письма Николая II к Дубасову.— К убийству Н. Э. Баумана.— Подвиги барона Меллера-Закомельского.— К истории 9 января 1905 года.— Из бумаг Д. Ф. Трепова.— Самоубийство Н. П. Шмидта.

Восстание Черниговского полка в показаниях участников.

Восстание Черниговского полка является одним из самых ярких эпизодов в истории движения декабристов. Именно здесь, в Южном обществе, особенно в наиболее революционной части его — в Васильковской управе и в обществе Соединенных Славян, — задумали и подготовляли вооруженное восстание, которое должно было привести к захвату власти. События, происшедшие на севере, спутали планы южан; общество было открыто, начались аресты. Но у южан нашлось достаточно решимости и активности, чтобы на удар по организации ответить восстанием.

История восстания Черниговского полка не раз уже излагалась. Помимо мемуаров и официальных донесений, в основу изложения обычно ложились те архивные материалы, которые публикуются здесь. И если поэтому настоящая публикация не изменяет в существе наших представлений о восстании и понимания его, все же она имеет определенный интерес: в показаниях арестованных и преданных суду декабристов мы слышим голос непосредственных участников событий; притом, записанные вскоре после событий, эти показания еще сохраняют свежесть впечатлений и переживаний, уже утраченную в более поздних мемуарах.

В предлагаемом вниманию читателей подборе материалов охвачен весьма ограниченный хронологически период — последние дни декабря 1825 г. и первые — января 1826 г., когда и разыгрались события, называемые восстанием Черниговского полка. Основной задачей при подборе материалов было дать описание восстания, сделанное самими участниками его. Но показания участников, к сожалению, далеко не полны. Помещая ниже рассказы руководителя восстания С. И. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина, М. И. Муравьева-Апостола, мы не можем дать в той же полноте показаний других весьма активных его участников, потому что дела Соловьева, Сухинова и других офицеров, разбиравшиеся Комиссией военного суда при главной квартире 1 армии в Могилеве, до сих пор не найдены в архивах; известен только аудиториатский доклад по этому процессу. По аналогичной причине слишком глухи дошедшие до нас показания и рядовых, участников восстания, которые судились в Белой Церкви. Ход следствия, повторные допросы вновь и вновь возвращали допрашиваемых все к тем же вопросам; с другой стороны, понятно, что и их собственная мысль не могла оторваться от слишком важных для каждого из них событий. Отсюда неизбежные повторения в показаниях. Мы сочли излишним их устранять редакторскими купюрами, так как каждый раз они все-таки дают или новые детали событий, или новые оттенки мысли, важные для понимания самых событий.

Незначительная часть показаний С. И. Муравьева-Апостола была уже опубликована Л. Ф. Пантелеевым в «Современнике», 1913 г., № 4. Мы позволили себе перепечатать ее, чтобы не нарушить цельности показаний Муравьева. Точно так же приведено здесь и небольшое показание И. Ракузы, уже напечатанное в другой связи М. Ф. Шугуровым в «Русском Архиве», 1902 г., № 6.

События, разыгравшиеся между Васильковым, Белою Церковью и Фастовым, тотчас отозвались в районе Житомира, Новоград-Волынска и Старого Константинова, где был центр общества Соединенных Славян, где Славяне давно готовились и с часу на час ждали общего восстания, и теперь, связанные клятвою с Южным обществом, сделали попытку восстать на поддержку Муравьева. Считая нужным осветить и эту сторону движения, мы даем материалы, относящиеся к попыткам Андреевича 2-го и братьев Борисовых вызвать движение в Ахтырском, Пензенском, Троицком полках, с разработанным широким планом похода, в случае удачи, на Киев, Бобруйск и даже Москву.

Следует указать, что часть показаний, печатаемых ниже, находятся в выпускаемом Центрархивом РСФСР издании «Восстание Декабристов». (Материалы, т.т. IV и V.) Здесь же в удобообозримом виде собраны все раскиданные по разным архивным делам показания участников южного восстания. Все материалы, приводимые здесь, хранятся в Особом отделе Архива Октябрьской Революции и заключены в делах о декабристах, составлявших в бывшем госуд. архиве «Разряд I В». В дальнейшем мы указываем только номера и листы отдельных дел.

В. Сыроечковский.

I. ВОССТАНИЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛКА.

Из показаний С. И. Муравьева-Апостола.

1. Из показания, данного С. И. Муравьевым-Апостолом во дворце В. В. Левашеву 21 января 1826 г. [1]).

Общество Южное неоднократно намеревалось действовать, но всегда отлагало по недостаточным средствам. В 1823 году полк наш [2]) был в Бобруйской крепости. Тогда назначен был смотр дивизии государем. Мы решились — Швейковский [3]), Бестужев, Норов и я — начать действие. Положили овладеть государем и потом с дивизиею двинуться на Москву. Сие осталось без исполнения по недостаткам средств. В 1825 году при сборе корпуса в Лещине, когда был отнят полк у Швейковского, решились опять действовать. Совещание о сем было на

---

[1]) Дело С. И. Муравьева-Апостола, № 395, л. 2.

[2]) С. И. Муравьев-Апостол с 1822 г. служил в Черниговском пехотном полку.

[3]) И. С. Повало-Швейковский — командир Алексопольского полка.

квартире у Швейковского, где были Швейковский, Тизенгаузен, Муравьев Арт., Бестужев [1]) и я. Мы предложили Швейковскому начать действие, овладев корпусным командиром и начальником штаба, что было всеми принято. Бестужев должен был ехать уведомить о сем Южную управу. При совещании сем Артамон Муравьев предложил ехать сам в Таганрог истребить государя; но ему сказали, что присутствие его нужно в полку. На другой день Швейковский упросил намерение взятое отложить, и мы для сего съехались к Артамону Муравьеву, где и было положено Бестужеву уже не ехать, а действие начинать при первом удобном случае, но никак не пропуская 1826 года. В продолжение же лагеря при открытии Славянского общества были из оного приготовлены несколько человек, для отправления в Таганрог для истребления государя, буде на то необходимость встретится. Всех сих лиц наверное я не знаю, но в числе оных были: Горбачевский, Бечасный, Пестов, Спиридов, о прочих может, наверное, сказать Бестужев. Артамон Муравьев один вооружался против отсрочки действия и по окончании лагеря приезжал ко мне в Васильков опять с предложением начинать; иначе, говорил, что он один в Таганрог отправится. Мы его остановили, говоря, что как уже решено не пропущать будущего года, то удобнее дождаться назначенного смотра трех корпусов. После сего общество осталось некоторое время без действия, и тогда узнали о смерти государя. Мы ожидали уведомления из Северного общества, дабы согласовать наши действия. Перед отъездом Трубецкого из Киева в Петербург он обязался нас о всем уведомлять.

В прошедшем декабре 25 числа, быв в Житомире, я видел гр. Мошинского [2]), у коего спрашивал, что их общество теперь будет делать? Он мне отвечал, что они слишком слабы, чтоб действовать одним, и что будут соображаться с нами. Из Житомира был я в Троянове у Александра Муравьева, где, чрез письмо из Петербурга к г. Шуазейлю, узнал о происшествии 14 числа. Предузнав судьбу, меня ожидающую, но желая вместе скрыть чувства мои от Александра, я объявил ему, что далее остаться не могу, поеду в полк, но прежде посещу Артамона. В Любаре [3]) по приезде моем вскоре прибыл Бестужев с известием, что приехали меня арестовать и бумаги уже взяли. Тогда решились мы прежде бежать; но после отправились в полк с намерением, оной собрав, начать действовать. Поехали мы чрез Бердичев, Паволочи в Трилесы, где стояла 5 рота. Здесь надеялся я скрыться, доколе не получу известия о моем преследовании. Для сего Бестужев

---

[1]) В. К. Тизенгаузен командовал Полтавским полком, М. П. Бестужев-Рюмин был офицером того же полка, Арт. З. Муравьев командовал Ахтырским гусарским полком.

[2]) Гр. Мошинский — волынский предводитель дворянства, член Польского общества.

[3]) В Любаре стоял Ахтырский полк, которым командовал Арт. З. Муравьев.

отправился к Житомиру, но в Брусилове нашел жандармов, меня ищущих, почему и воротился. Я же вечером послал записку поручику Кузьмину в Васильков, вызывая его вместе с Соловьевым и Щепилло [1]) в Трилесы. Призывал их для того, чтоб по известиям, которые они мне привезут, послать по-ротно собрать оные. В ожидании их среди ночи полковник Гебель [2]) сыскал меня, против чаяния моего, и объявил мне и брату об аресте. Он тут остался до утра. На рассвете приехали ко мне вышеозначенные лица, и еще Сухинов [3]), которого я не приглашал. Кузьмин успел спросить у брата, что ему делать? на что брат отвечал: ничего; а я на тот же вопрос сказал: избавить нас. — Вслед засим услышал я крик в сенях; я вышиб окошко, выскочил на улицу, где нашел часового, хотящего меня остановить; но я на него закричал и вырвал из рук ружье. Я побег тогда на шум и нашел Гебеля, борющегося против офицеров; я им сказал его оставить, чем он воспользовался, сел было в сани, но, боясь, чтоб он обстоятельства сего не разгласил, я его велел воротить, а потом он поехал на панский двор. Тогда я велел поручику Кузьмину, собрав 5 роту, итти на 2 гренадерскую, куда я сам наперед поехал и где с обеими сими ротами в деревне Ковалевке ночевал. Тогда же я послал унтер-офицера Какаурова с письмом в Белую Церковь к подпоручику 17 егерского полка Вадковскому, уведомляя его, что общество открыто, что я с полком действую и чтоб он содействовал мне с 17 егерским. Он на другой день сам приехал ко мне и объявил, что средства действовать с своим полком не имеет, после сего поехал назад. Из Ковалевки пошел я в Васильков, где нашел все роты, кроме второй, 1 гренадерской и 1 мушкатерской. Здесь мы еще переночевали. Я взял к себе знамена и казенный ящик; арестантов из гауптвахты выпустил и поставил в ряды. На другой день поутру полк выстроился на площади; священник, коему, дабы склонить на сие, дал 200 рублей, отслужил молебен, прочел катехизис, мною сочиненный, и тогда мы пошли на Мотовиловку, дабы соединиться с первой мушкатерской и 1 гренадерской ротами, но они к нам не пристали и пошли ночью же в Белую Церковь. Здесь я для нового года передневал. 2 числа пошел к Белой Церкви и ночевал в деревне Пологах, где, узнав, что 17 егерский полк уже выступил, решился итти на Волынь, по направлению Трилес. Не доходя до оного, был встречен отрядом под командою ген. Гейсмара. После нескольких выстрелов картечью по нас батальон бросил ружья и сдался. Меня взяли мои люди и привели к эскадронному командиру гусарскому.

---

[1]) Все трое — офицеры Черниговского полка и члены общества Соединенных Славян.

[2]) Г. И. Гебель — командир Черниговского полка — был произведен: в подполковники — с 20 сент. 1817; в полковники — 9 янв. 1826 г.

[3]) И. И. Сухинов, член общества Соединенных Славян, был недавно переведен из Черниговского в Александрийский полк.

2. Ответы на вопросы от 10 января 1826 г. при штабе 1 армии в Могилеве[1]).

На вопрос 1. Декабря 24 дня прошлого года, я, отпросившись у полкового командира, отправился в г. Житомир [2]) для испрошения, буде возможно, отпуска Бестужеву-Рюмину, который только что получил известие о кончине матери. Из Житомира же я поехал в Троянов и Любар для посещения братьев. Впрочем, я с упомянутыми братьями моими не имел никаких ни дел, ни совещаний.

На вопрос 2. Приехавши в Любар, я был извещен Бестужевым-Рюминым, приехавшим туда, что приезжали в г. Васильков брать мои бумаги и меня, а потому, не желая навлечь неприятности брату моему и больной жене его, я решился, не отлагая времени, ехать в полк, что сейчас и исполнил, проезжая чрез м. Бердичев в Паволочи и оттудова в Трилесы. В Трилесах же я решился остановиться потому, что уверен был — в сем селении меня не отыщут, тем более что фурман, нанятый мною в Паволочах, был ряжен для (sic!) м. Фастова; из с. Трилес же он отправился вместе с Бестужевым-Рюминым в м. Брусилов, потому что я полагал, что так как Бестужева-Рюмина не велено арестовать, то он безопасно может туда проехать и получить сведения; сам же я расположился ночевать в Трилесах, уведомив о прибытии моем поручика Кузьмина и прося его приехать ко мне. Просил же я его приехать ко мне, чтобы получить известие о том, что происходит в Василькове, но, повторяю я, без всякого намерения противу подполковника Гебеля, ибо я уверен был, что след мой пропал.

В половине ночи явился на ту квартиру подполковник Гебель с жандармским офицером, и он оставался до утра, а в самое то время, когда прибыл Кузьмин, Щепилло с бароном Соловьевым и Сухиновым, которые, узнав чрез Кузьмина, что я в Трилесах, приехали осведомиться о том, что со мною делается. Сии г.г., вошедши в комнату, нашли меня арестованным, и когда Кузьмин подошел к брату, лежащему в другой комнате, с вопросом, что ему делать? он ему отвечал: ничего; а я на тот же самый вопрос отвечал: избавить нас. Я же никакого приказания не отдавал снять часовых потому, что солдаты меня не послушались бы, и именно вот почему. Офицеры принуждены были напасть на подполковника Гебеля; что солдаты их не послушались бы, в доказательство того может служить, — когда я услышал шум и выбил окошко с тем, чтобы бежать, то часовой, у окошка стоявший, обернулся ко мне со штыком и только тогда отошел, когда я стал кричать на него. Я вырвал у него ружье, и с сим-то ружьем я побежал вперед, но не с тем, чтобы наносить раны и обиды кому бы то ни было. Я честию клянусь, что ни одной раны не нанес подполковнику Гебелю, также

[1]) Дело № 395, л. л. 20—22.

[2]) В Житомире находилась главная квартира 3 корпуса.

не ходил искать его и по селению с заряженными пистолетами, а когда он, сев в сани, было уехал, то воротили его назад, чтобы он заблаговременно не дал знать о сем происшествии. Вслед же за сим, дав приказание поручику Кузьмину собрать 5 мушкатерскую роту, сам поехал во 2 гренадерскую роту. Прочее все так, кроме того, что я никогда не позволял солдатам делать по городу буйства и грабительства, напротив, строгое на счет оного приказание было отдано.

На вопрос 10. В это время в беспрестанном движении мне было некогда наблюдать дух в ротах по особенности, но, повторяю я, строго мною было смотрено, чтобы никто не позволял себе ни буйства, ни грабежа и неистовства всякого рода.

На вопрос 11 [1]). По происшествию возмущения Черниговского полка, я возмутил его сам один, потому никаких фамилий чиновников военного звания или частных лиц назвать не могу.

На вопрос 12. Когда прибыл в с. Трилесы подполковник Гебель для арестования меня и брата моего, то я не только никакого не отдавал приказания солдатам, находящимся в карауле 13-ти человекам, но не знаю даже, когда их привели; а перед отъездом моим в с. Ковалевку я дал 25 рублей Алексею Григорьеву за то, что он остановил часового, который кинулся ко мне с ружьем, а насчет того, чтобы колоть Гебеля, о том мною ни слова не было говорено.

На вопрос 13. Насчет собрания 5 мушкатерской роты отдавал приказание поручику Кузьмину, а если что и приказывал фельдфебелю Шутову, того не упомню.

На вопрос 14. Разжалованные: Грохольский и Ракуза находились при полку и шли с своими ротами, а если они употреблялись в должности какие, то не упомню; я же, с моей стороны, никакого ни обещания, ни награды им не делал; насчет же Башмакова [2]) — с самого отъезда моего из г. Василькова я его не видал.

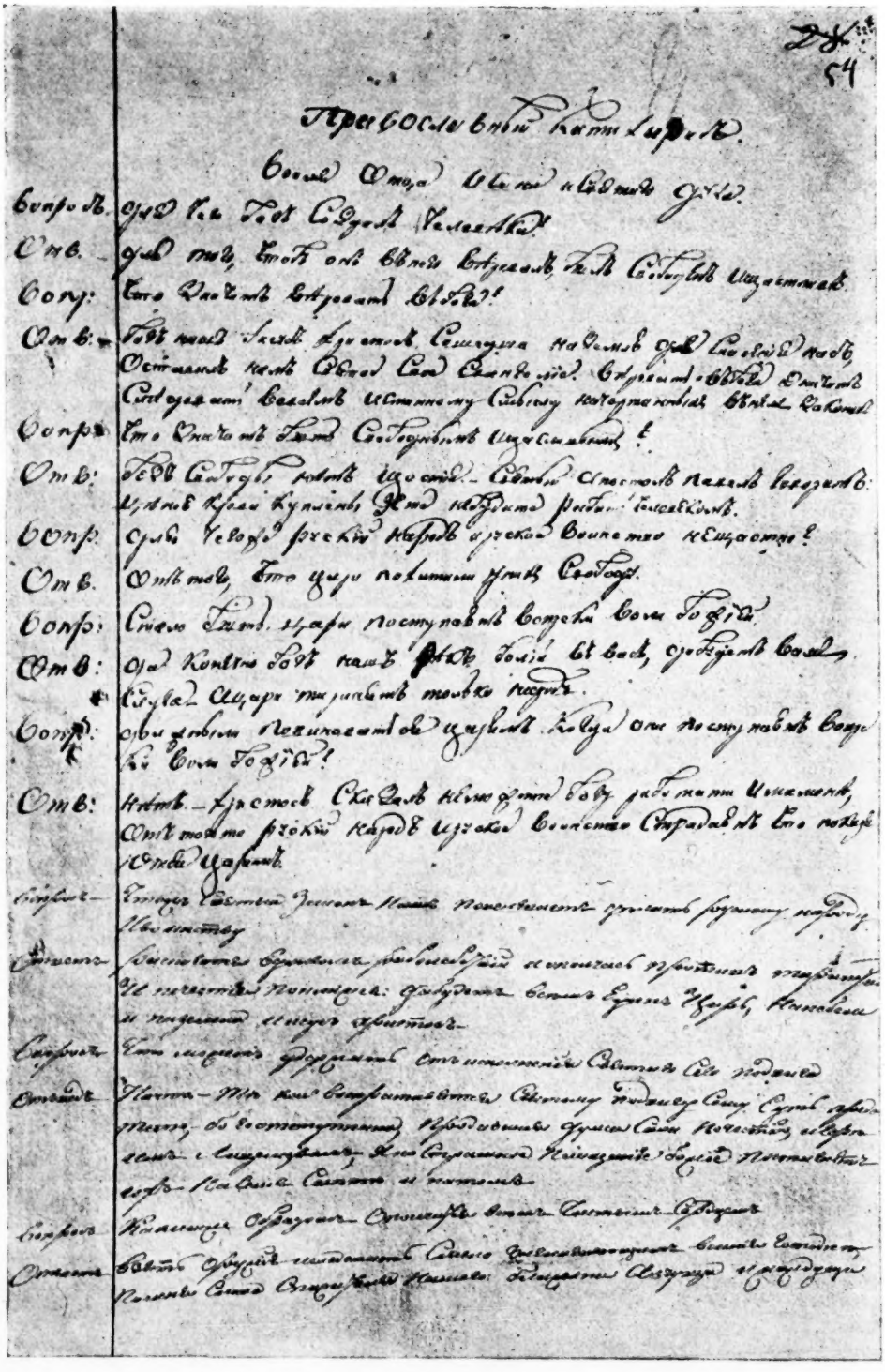
На вопрос 15. Я прежде возмущения Черниговского полка и во время самого бунта не имел никаких особенных видов на полки пехотные, егерские и кавалерийские, вблизи расположенные, и не мог знать, последует ли кто из них моему предприятию; тайные же сношения на возмущение в день приближения моего ни с одним полком не имел.

На вопрос 16. Мною заблаговременно никто из нижних чинов, фельдфебелей, унтер-офицеров и из прежде бывших семеновских солдат в заговор введены не были, и я не употреблял на сей предмет ни офицеров, ни моих собственных людей, и в том намерении мною деньги не были раздаваемы, и я не посылал никого к другим полкам при назначении для возмущения, которое случилось от моего арестования и от обстоятельств, в прежних пунктах объясненных.

---

[1]) Вопросы 11—16 имели целью установить степень участия в возмущении военных чиновников и нижних чинов.

[2]) Башмаков так же, как Ракуза и Грохольский, был разжалованным из офицеров рядовым Черниговского полка.



„Православный Катехизис“ С. И. Муравьева-Апостола.

(Один из списков, сделанных писарями Черниговского полка, предназначавшихся к раздаче войскам и населению.)

(Архив Окт. Револ. Особ. Отд. Фонд XXI, д. № 395, л. 54.)

3. Из ответов на дополнительные вопросы от 11 января 1826 г. [1]).

На вопрос 20. К заставе г. Василькова действительно был наряжен в караул прапорщик Мозалевский, который ночью арестовал двух жандармских офицеров с бумагами и деньгами, из коих бумаги были брошены, а деньги розданы по-ротно; на другой же день Мозалевского посылал я с четырьмя рядовыми в Киев для узнания, что там делается; погонов же я у нижних чинов не порол. Даны ли были им при сем случае катехизисы, я не упомню, ибо они могли быть даны другим кем-либо, а не мною; я же сам не давал. Что же касается до письма Курского полка майору Крупникову [2]), то объявляю, что, действительно, оно дано было, а (sic!) не с тем, чтобы он шел на сборное место в м. Брусилов, а для того только, чтобы уведомить его о моем намерении и узнать его мнение, ибо я до сих пор не был с ним знаком и не знаю его, Крупникова; писал же я к нему потому, что говорил мне об нем поручик Кузьмин, как о человеке, которого он знает, и сие одно на всякий случай побудило меня писать упомянутое письмо к нему [3]).

4. Из ответов на вопросные пункты от 31 января 1826 г. [4]).

На 35 вопрос. Приехав в с. Трилесы, имел я намерение скрыться в оном несколько дней, полагая, что ушел от всех поисков, тем паче, что в Паволочах нанял я фурмана до Фастова, а в самый день приезда моего в Трилесы Бестужев на нем же поехал до Брусилова для получения там сведений и чтобы проехать, буде возможно, в Новгород-Волынск к Славянам, для извещения оных. Перед отъездом Бестужева я взял с него обещание, что, буде он в Брусилове увидит, что проезд до Новгорода-Волынска затруднителен, то он возвратится к нам, а я обещал ему ждать его в Трилесах, не предпринимая ничего до его возвращения. Вечером я написал записку в Васильков к поручику Кузьмину, прося его приехать ко мне и не говорить о прибытии моем никому совершенно, как разве Соловьеву и Щепилле, которые могут с ним при-

[1]) Дело № 395, л. 24 об.

[2]) Майор Крупников, или Крупенников, как его называет в других местах С. И. Муравьев, не был отыскан Мозалевским. (См. «Восстание декабристов», т. VIII). Повидимому. Кузьмин имел ввиду поручика Курского полка Крупенникова. О нем см. дело № 20, л 11 об.

[3]) «30 декабря в Василькове говорил мне умерший поручик Кузьмин, что в Курском полку есть майор Крупенников и что если это тот, которого он знает, то предполагает, что он не откажется содействовать нам. По сему разговору с Кузьминым решился я, на всякий случай, написать к сему майору Крупенникову письмо, которое вручил я для отдачи вызвавшемуся добровольно на сию поездку, прапорщику Мозалевскому, и дал ему 4 солдата и 4 катехизиса для раздачи в Киеве». (Из показаний С. И. Муравьева-Апостола от 31 января 1826 г. Дело № 395, л. 166).

[4]) Дело № 395, л.л. 166—168.

ехать ко мне, если они в Василькове. В ночь приехал в Трилесы подполковник Гебель с жандармским офицером и объявил мне и брату арест. В сем положении пробыли мы до света, когда вдруг наехал поручик Кузьмин с поручиком Сухиновым и вслед за ними ш.-капитан Соловьев и поручик Щепилло. Кузьмин, подошед к брату, спросил его, что делать? на что брат отвечал ему: ничего; а я на таковой же вопрос Кузьмина отвечал: избавить нас. Вскоре после краткого сего разговора услышал я шум в передней комнате, и первое мое движение было выбить окно и выскочить на улицу, чтобы скрыться. Часовой, стоявший у окна сего, преклонив на меня штык, хотел было воспрепятствовать мне в том, но я закричал на него и вырвал у него ружье из рук. В это время налево от квартиры увидел я Гебеля, борющегося с Кузьминым и Щепиллою и, подбежав туда, после первой минуты изумления, произведенного сим зрелищем, вскричал я: «полно-те, господа!» И тут подполковник Гебель, освободившись и нашед на дороге сани, сел в оные, чтобы уехать, и мы побежали было, чтобы воротить его, дабы он заблаговременно не дал знать о сем происшествии, что Сухинов, сев верхом, и исполнил. Происшествие сие решило все мои сомнения; видев ответственность, к коей подвергли себя за меня четыре сии офицеры, я положил, не отлагая времени, начать возмущение; и, отдав поручику Кузьмину приказание собрать 5 роту и итти на Ковалевку, сам поехал туда вперед для сбора 2 гренадерской роты. Соловьеву же и Щепилле приказал из Ковалевки ехать в свои роты и привести их в Васильков. К вечеру 5 рота пришла в Ковалевку, и я решился переночевать в оной по причине дурной погоды и мятелицы и дабы дать время собраться и 2 гренадерской роте. Из Ковалевки посылал я вышеупомянутую записку 17 егерского полка подпоручику Вадковскому через унтер-офицера Какаурова [1]). На другой день рано поутру выступил я с ротами 2 гренадерской и 5 мушкатерской, пришел с оными к Мытнице, на большой дороге, в 8-ми верстах от Василькова, велел людям зарядить ружья и подвинуться к городу (в Мытнице нашел я Бестужева, возвратившегося из Брусилова и ожидавшего нас). Вступив в Васильков часу в 5-м пополудни без всякого сопротивления, велел взять на свою квартиру знамена и полковой ящик, уговаривал

---

[1]) «Из с. Ковалевки посылал я, действительно, унтер-офицера Какаурова с письмом к Вадковскому, где не говорил ему ничего другого, как чтобы он приехал в г. Васильков на другой день, что мне очень нужно с ним видеться. На другой день, действительно, приехал в Васильков Вадковский, по приглашению моему, и когда я объявил ему мое намерение, то он отвечал мне, что он в 17 полку ничего не намерен делать, и вслед за сим поехал обратно в тот же вечер». (Из показаний 11 января 1826 г. Дело № 395, л. 24 об.).

«17 егерского полка подпоручика Вадковского призывал я в Васильков, потому что он был член общества, и, действительно, уговаривал его, чтобы, когда полк будет послан противу нас, он постарался произвести в оном возмущение, подобное нашему, на что он мне отвечал, что он, если б и имел намерение нам содействовать, в полку не в силах ничего сделать». (Из показаний 31 января 1826 г. Дело № 395, л. 166).

солдат 3 и 4 мушкатерских рот быть с нами заодно; выпустил из-под ареста и поставил в ряды двух арестантов, Алексеева (за побег из 11 дивизии) и Переметьева (за неумышленное смертоубийство, им самим объявленное), и приказал занять въезды караулами; распустил остальных людей на квартиры (в это время приезжал ко мне Вадковский из Белой Церкви). В течение ночи приводили ко мне Ушакова (чина не знаю), гусарского принца Оранского полка, проезжающего в полк, коего я велел, не задерживая, пропустить [1]), и прапорщик Мозалевский, стоявший в карауле у Б.-Церковского въезда, принес мне бумаги и 900 руб. денег, найденные им у двух арестованных жандармских офицеров. Бумаги я сжег, а деньги отдал для роздачи в роты. Из Василькова я мог действовать трояким образом: 1-е — итти на Киев, 2-е — итти на Белую Церковь и 3-е — двинуться поспешнее к Житомиру и стараться соединиться с Славянами. Из сих трех планов я склонялся более на последний и на первый, по сей самой причине, когда посылал я Мозалевского с письмом к майору Крупенникову, назначил ему приехать в Брусилов, ибо из Брусилова я мог одним переходом прийти в Киев, если б получил от Крупенникова удовлетворительный ответ; в противном же случае я находился также в расстоянии одного перехода от Житомира. На другой день, 31 декабря, выждав до полудни, чтобы дать приблизиться 2 мушкатерской роте, я собрал роты, в городе находящиеся. Полковой священник после молебствия прочел катехизис, сочиненный мною, и я вернулся с ротами на Мотовиловку по дороге к Брусилову, где были роты 1 гренадерская и 1 мушкатерская. Приметив же, что прочтение катехизиса произвело дурное впечатление на солдат, я решился снова действовать во имя великого князя Константина Павловича. Приближась к сумеркам в с. Мотовиловке (sic!), нашел там собранные обе упомянутые роты без ротных командиров, уговаривал их пристать к нам. Часть 1 мушкатерской роты согласилась, 1 же гренадерская отказалась и пошла ночью в Белую Церковь. Переночевав в Мотовиловке с остальными ротами (2 мушкатерская прибыла на другой день поутру), я решился здесь передневать, по случаю нового года, дабы не возбудить ропота в солдатах. На другой

---

[1]) «Что касается до Ушакова, вот как сие происходило. Когда Черниговский полк по возмущении занял Васильков, то были приставлены солдаты к почтовому двору, с тем чтобы никому из военных лошадей не давать, не уведомя предварительно нас. Солдаты же Ушакова, возвращающегося в полк, привели к нам на квартиру. Ни с кем из нас он знаком не был. Видя, что мы восприяли действия, он воспламенился и желал нам успеха. Мы поручили ему немедленно уведомить о виденном принца Оранского полк, где мы на некоторых офицеров считали (на Жукова, Паскевича, Веселовского, Поздеева, Рославлева. Комитету известно, что они действительными членами не были; а Рославлеву об обществе и говорено не было). Быть может, что я дал Ушакову написанный нами катехизис, но о сем ясно вспомнить не могу. (Благоволит Комитет о сем узнать от Муравьевых.) Ушакову, впрочем, ничего об обществах говорено не было; и под Королевкою он находился в отряде, против нас действовавшем». (Показание М. П. Бестужева-Рюмина. Дело № 396, л.л. 152, 153).

же день, т.-е. 2 генваря, не имея никаких известий о Мозалевском и заключив из сего, что он взят или в Киеве, куда, следственно, мне итти не надобно, или в Брусилове, где, стало быть, уже предварены о моем движении, и зная, сколько первая встреча подействует на солдат, я решился двинуться на Белую Церковь, где предполагал, что меня не ожидают, и где надеялся не встретить артиллерии; в том предположении дошел я до с. Пологи, в 15-ти верстах от Белой Церкви, где ночевал, ибо на сем переходе узнал от мужиков, что вся пехота, бывшая в местечке, выступила в г. Сквиру и что там осталась одна рота для караула. Для большого удостоверения ночью посылал я верхом поручика Сухинова с тремя солдатами, но они возвратились без всякого сведения, а поутру поручик Щепилло подтвердил мне сие известие, узнанное им посланным нарочным. Не имев уже никакой цели итти на Белую Церковь, я решился поворотить на Трилесы и стараться приблизиться к Славянам, по первому моему предположению [1]). На сем переходе, между деревнями Устимовкою и Королевкою, быв встречен отрядом генерала Гейсмара, я привел роты, мною водимые, в порядок, приказал солдатам не стрелять, а итти прямо на пушки, и двинулся вперед со всеми остававшимися офицерами. Солдаты следовали нашему движению, пока попавшая мне в голову картечь не повергла меня без чувств на землю. Когда же я пришел в себя, нашел батальон совершенно расстроенным и был захвачен самими солдатами в то время, когда хотел сесть верхом, чтобы стараться собрать их. Захватившие меня солдаты привели меня и Бестужева к Мариупольскому эскадрону, куда вскоре привели и брата и остальных офицеров. На все возмущение Черниговского полка самое большое влияние, и, могу прибавить, единственное влияние, имел я. Брат, будучи во фраке и не знав почти никого не только из солдат, но даже из офицеров, не мог мне много содействовать, равно и Бестужев, будучи только подпоручиком и чужого полка. Из Черниговских же офицеров самое большое участие находил я в четырех вышеназванных мною. Прочие же все, хотя и большая часть оных последовали сначала (но не зная, что им делать) за ротами; но вскоре все разъехались, иные из Мотовиловки, другие из Полог, так что при Королевке оставался один только подпоручик Быстрицкий.

5. Из показаний 5 апреля 1826 г. [2]).

Утверждая в 29 пункте моих ответов, что возмущение Черниговского полка последовало от предшествовавших ему обстоятельств, но прежде не имел я решительного к тому намерения, я не разумел,

[1]) «17 егерский полк стоит в Белой Церкви. Брат надеялся, что он к нему пристанет, потому что в нем было два члена Южного общества — Молчанов и Александр Вадковский. Следуя на Трилесы, брат имел намерение соединиться с 8 дивизиею». (Показание М. И. Муравьева-Апостола. Дело № 397, л. 64).

[2]) Дело № 395, л. 262 об.

что обстоятельства сии родили вдруг во мне мысль о возмущении, до того никогда в голове у меня не бывшей, а хотел только выразить, что обстоятельства сии уничтожили сомнения мои и колебания. Что справедливо; ибо я до того действовал таким образом, чтобы, вследствие решительно принятого нами намерения в Лещине, начать возмущение в 1826 году, при сборе войск, что может засвидетельствовать Арт. Муравьев, который, быв у меня в Василькове в ноябре месяце прошлого года, предлагал мне начать с полком, не отлагая времени, и коего я уговаривал оставить сие намерение, доказывая ему выгоду начинания при сборе войск и летом. И потому я спрашиваю: если б я имел намерение начать возмущение до 1826 года, не воспользовался ли бы я сим Арт. Муравьева предложением? К тому же все действия мои доказывают, что я имел в виду начало возмущения в 1826 году, при сборе войск, как-то: приготовление к возмущению семеновских солдат, которое на восстание Черниговского полка не могло иметь никакого влияния, ибо в оном ни одного Семеновского солдата не находится; преданность же ко мне Черниговских солдат, особенно же моего батальона, засвидетельствованная братом Матвеем и Бестужевым, совершенно справедливо, ничего не доказывает, ибо я со времени вступления моего в полк стал оную приобретать. Показание подполковника Поджио и кн. Барятинского, кроме того, что тот и другой, не быв никогда свидетелями моих неусыпных стараний приготовить войска к начатию действий, могут, следственно, основать оное на одних слухах,—ничего также не доказывает. Приведенные Арт. Муравьевым слова мои при отъезде от него [1]), совершенно справедливо, ничего не доказывают так же, кроме наклонности моей к начатию возмущения, ибо, если б я имел твердое и решительное на то намерение, я бы, отъезжая от него, не сказал, что живого не возьмут, а сказал бы, что такого-то числа я буду в полку, такого-то я начну и ожидаю от тебя содействия, давно предложенного тобою. О приезде к нему, Арт. Муравьеву, Андреевича с предложением присоединиться к Черниговскому полку слышу в первой раз, и я уверен что Андреевич сам сознается, что не имел на сей счет поручения ни от Бестужева, ни от меня[2]). От Пестеля же ни в декабре месяце, ни прежде, ни после не получал нарочного для удержания меня от начинания действия, как показывают Давыдов и Волконский. Показание же Горбачевского, Спиридова, Тютчева, Лисовского и других о приглашении будто бы Бестужевым к ним через отставного Борисова поднять оружие в пользу начатого возмущения вовсе несправедливо, и вот тому доказательства. Когда я поехал в Житомир, Бестужев не мог уведомить сказанных членов о возмущении, на которое не было еще никакого намерения с нашей стороны. Когда же мы опять соединились в Любаре, у Арт. Муравьева, мы уже неразлучно оставались вместе, кроме поездки из Трилес в Брусилов

[1]) См. ниже показание Арт. Муравьева, стр. 29.
[2]) См. ниже показания Я. М. Андреевича 2-го, стр. 43.

в намерении, с его стороны, пробраться, буде возможно, до Славян. На счет сей поездки замечу я: 1) если бы Бестужев уведомил уже Славян не о начатом, а о намереваемом только будто бы возмущении, нужно ли было бы ему стараться пробраться к ним, с опасностью быть схваченным? К сему прибавлю, что я подтверждаю опять сделанное мною показание, что, при отъезде его в Брусилов, я взял с него обещание, что, если он встретит слишком много затруднения к достижению до Славян, он возвратится к нам, а я, с своей стороны, обещал ему ничего не предпринимать до возвращения его; 2) если бы возмущение Черниговского полка принадлежало к плану, давно нами умышляемого [1]) то не проще ли было Бестужеву ехать к Славянам от Арт. Муравьева, что от Любара мог он сделать легко и без всякой опасности, а мне возвратиться к полку одному. После же безуспешного покушения его доехать к Славянам и возвращения к нам мы, как я выше сего сказал, оставались вместе неразлучно до самого конца, и я наверное свидетельствую, что он не имел ни свидания, ни переписки с означенным Борисовым (каковое обстоятельство не могло бы укрыться ни от меня, ни от брата Матвея, ни от других, бывших с нами почти неразлучно во все продолжение возмущения). Из всего выше сказанного следует, что Бестужев до начатия возмущения не сообщал о нем к Славянам, ибо не было еще решительного на то намерения нашего; во время же начатого возмущения, как показывают Славянские члены, он не имел ни свидания, ни переписки с Борисовым, что он, Бестужев, ни мне, ни брату Матвею и никому никогда не говорил о сем Борисове ни до возмущения, ни во время оного, и потому, не опровергая показания единогласного четырех вышереченных членов, я могу утвердительно сказать, что отставной Борисов сам от себя выдумал привезенное им будто бы от Бестужева приглашение, в чем Комитет легко удостовериться может.

Из показаний М. И. Муравьева-Апостола.

1. Из показаний при штабе 1 армии в Могилеве 7 января 1826 г. [2])

1. Я приехал к брату 24 ноября 1825 г. с тем, чтобы у него пробыть до 25 декабря того же года. Бестужев, узнав о кончине матери своей, желая посетить своего отца, попросил брата моего, чтобы он постарался получить для него отпуск от корпусного командира. Я же, чтобы не расстаться с братом прежде срока, который я себе назначил у него пробыть, отправился с ним в Житомир. Мы там провели сутки. Мы воспользовались соседством братьев наших, Муравьевых, чтобы у них побывать в Троянове и Любаре. Бестужев к нам приехал, чтобы нам объявить, что приезжали в ночь 24 числа на 25 взять бумаги брата

[1]) Так в оригинале.

[2]) Дело М. И. Муравьева-Апостола, № 397, л. 6.

моего и поспешали скорее ехать назад, чтобы о сем узнать подробнее. Мы для предосторожности остановились в деревне, где квартировала 5 рота Черниговского полка. По прибытии нашем в сию деревню брат послал к Кузьмину с тем, чтобы он к нему приехал. Мы легли спать: в часу в пятом, как я могу полагать, мы услышали, что кто-то с шумом входил в комнату; я был в полном уверении, что это — г. Кузьмин, с которым я вовсе до того не был знаком. Свечку подают, и тут уже я разуверился, когда подполковник Гебель мне объявил, что я арестован и должен ехать с жандармом, не помню куда. Час времени прошло после сего, когда уже Кузьмин приехал с Щепиллою. Кузьмин ко мне подошел, — я лежал на постели за перегородкою — и, взяв меня за руку, спросил у меня, что делать? на что я ему отвечал: ехать, куда повезут. Я сделаю здесь замечание, что Кузьмин уже с давнего времени хотел отомстить подполковнику Гебелю, не знаю за какую грубость; мне брат в разговоре еще в деревне сказал, что он Кузьмина остановил в сем намерении. Тут и другие два офицера приехали — Соловьев и Сухинов. Я продолжаю рассказ. Полчаса после приезда этих господ мы вдруг услышали крик, — жандармский офицер из комнаты бежал, я сам вышел и увидел, что Щепилло и Кузьмин гонятся за подполковником Гебелем. Я Щепилло остановил за руку и просил его оставить; он мне на это отвечал вскоре: «вы его не знаете; он самый подлый человек и так обрадовался, когда жандармы к нему пришли». Однако ж я его отвел и взял его крепко за руку, я его не пустил из сеней. Шум утих, и сказали мне, что подполковник Гебель бежал. Кузьмин собрал 5 роту, мы пошли ночевать в деревню, где квартировала 2 гренадерская рота. Видя в каких обстоятельствах брат мой находится, я не хотел уже более его оставить. На другой день мы пошли в г. Васильков, где провели ночь; на другой же день часу в первом мы выступили в деревню Мотовиловку; тут мы дневали; в субботу 2 числа генваря мы пошли и имели ночлег в деревне Пологах; 3 числа нас отряд встретил на дороге, и после нескольких пушечных выстрелов нас всех забрали.

2. Из ответов на дополнительные вопросы при штабе 1 армии 9 января 1826 г. [1]).

27 декабря мы были в Любаре у Артамона Муравьева... В Любар приехал к нам Бестужев сказать, что жандармы ищут моего брата и арестовали его бумаги. Мы отправились и приехали засветло 29 в ротный двор 5 роты Черниговского полка. Сейчас после нас приехал туда полковник Гебель и объявил моему брату, что он арестован, который ему и шпагу отдал. Я лежал за перегородкой, и полковник спрашивал: кто там лежит, и когда он слыхал, что это я, говорил, что я тоже арестован; но я остался на месте и не вставал. Полковник остался в комнате и велел себе сделать чай...

[1]) Дело № 397, л. 12.

Пришли поручики Кузьмин и Щепилло и, видавши часовых около ротного двора, они спрашивали полковника, что это значит, не арестованы ли и они тоже. Полковник вышел, и в это самое время я услыхал шум и крик. Вышедши, увидел я Щепилло со штыком в руках, которым он поранил полковника, который от его бежал. Я удержал Щепилло и ему сказал, что сие стыдно, но Щепилло отвечал, что полковник мерзкий человек, который его лично обидел.

В это самое время началось возмущение, но без всякого приготовления. Доказательством еще служит то, что полк только накануне был распущен, бывши собранным для присяги, и что тогда гораздо легче было бы их употребить, нежели отыскивать по одиночке...

Нижние чины никогда не были приготовлены, и также офицеры, которые участвовали, ничего не знали о том. Мне кажется, что армия теперь в таком положении, что она готова двигаться, лишь бы только не оставаться в нынешнем положении.

Когда мы 29 декабря приближивались к Василькову, то майор Трухин приказал роте, находившейся на площади, зарядить ружья, но они этого не сделали единственно для того, что они майора терпеть не могут.

Многие офицеры упрекали моему брату, что он им прежде о том ничего не говорил, и что они лучше приготовились бы.

Что больше случилось, довольно известно, и также на сей счет запросные пункты сняты с меня в Белой Церкви. Я только уверяю, что сие возмущение не было приготовлено и что вообще ныне открытое тайное общество было так пустое, что я давно хотел от его отклоняться, потому что люди, которые в оном находились, не имели довольно духу.

3. Из первоначального допроса во дворце 17 января 1826 г. [1]).

24 ноября я приехал в Васильково к брату. 20 декабря Бестужев, узнав о кончине матери своей, просил Сергея выпросить ему от генерала Рота отпуск к отцу. Насчет сего мы с братом поехали в Житомир, где Сергей услышал от г. Рота [2]) о происшествии петербургском. На другой день, 26 числа, мы поехали в Александрийский полк к двоюродному брату, полковнику Александру Муравьеву, который обществу не принадлежит и ничего об оном не знал, и у него чрез письмо из Петербурга к Шуазейлю узнали о всем случившемся. 27 числа поехали мы к Артамону Муравьеву в Любар, где Бестужев приехал известить, что прислано нас арестовать в Васильков, что, не заставши нас дома, бумаги все забрали и поехали нас отыскивать. Тогда мы отправились в полк и остановились в крайней роте 2 батальона в деревне Трилесах. Отсюда послал Сергей к ротному командиру Кузьмину

[1]) Дело № 397, л. 2.
[2]) Л. О. Рот — командир 3 корпуса.

в Васильков, дабы узнать о всем и просить, чтобы он сам приехал о сем сказать. Бестужев же поехал к обществу Славян в 8 дивизию, дабы содействовать; но, узнав на дороге, что за ним тоже прислано, возвратился назад. Ту же ночь мы услышали большой шум и вскоре узнали, что подполковник Гебель приехал нас взять. Объявя сие, остался еще часа полтора, когда Кузьмин и Щепилло и вскоре после Соловьев и Сухинин взошли в избу. Я лежал за перегородкою, ко мне подошел Кузьмин и спрашивал, что делать? Я ему отвечал: ехать, куда повезут. Но на сие не согласясь, вышел в сени, и вскоре услышал я крик. Когда же вскочил и побежал на оный, нашел Щепилло, который со штыком стремился на Гебеля, уже раненного. Я его остановил, и тем Гебель успел убежать. Мой брат собрал 5 роту, а сам поехал во вторую, куда присоединилась и пятая. С утром мы пошли на Васильков, где пристал полк, хотя майор Трухин приказывал по нас стрелять караулу, который сего не исполнил [1]). Арестовав Трухина, брат взял знамена к себе. Всех проезжающих жандармов целую ночь 30 числа мы останавливали, а 31 в полдень, собрав шесть рот и построив карре, священник отпел молебен, прочел катехизис, и мы пошли к 1 гренадерской и 1 мушкатерской ротам, которые к нам не пристали, но ушли в дивизионную квартиру с ротными командирами Козловым и Вульфертом. 1 генваря мы имели дневку. 2 — пошли к Белой Церкви, имев намерение присоединиться к 8 дивизии, где имели мы сношения. Ночь нас застала не дойдя Белой Церкви, и мы остановились ночевать. На другой день, узнав, что в Белой Церкви есть артиллерия и 2 полка пехоты, нам неизвестных, мы пошли на деревню Трилесы, куда не дойдя, встретили артиллерию под прикрытием гусар. После первого выстрела люди наши побросали ружья, и кавалерия нас окружила и всех взяла в плен. Брат мой Ипполит проезжал чрез Васильков из Москвы в Тульчин, застал нас, выступая с полком, и к нам пристал. Он говорил, что имел от Трубецкого письмо к брату, но, узнав в Москве, что Свистунов арестован, он оное сжег, коего содержание не знал.

4. Из записки, поданной 22 января 1826 г. [2]).

Мой брат получил позволение отлучиться на несколько дней. Мы отправились 24 числа после обеда из Василькова; 25 числа поутру мы были в Житомире. Мой брат тотчас представился генералу Роту, который ему сказал, что не может дать отпуск Бестужеву. Он пригласил моего брата к себе обедать. Во время обеда мой брат в первый раз услышал о том, что происходило в Петербурге. Обещав еще прошлого лета нашим сестрам побывать у них, мы поехали 26 в Трояновку, куда при-

[1]) Майор Трухин в отсутствие Гебеля принял командование Черниговским полком.

[2]) Дело № 397, л. 28.

были к обеду у Александра Муравьева, который никогда не принадлежал к обществу и не знал даже, как я полагаю, о его существовании.

Письмо, которое Шуазейль получил из Петербурга, объяснило нам подробнее происшествие 14 декабря. После обеда мы отправились в Любар и, как мы ехали на тех же лошадях, которые привезли нас в Житомир, провели ночь в Чуд[н]ове. 27 поутру прибыли в Любар. Менее четверти часа по прибытии нашем приехал Бестужев и известил нас, что ночью с 24 на 25 декабря Гебель, сопровожденный жандармским офицером, пришел к моему брату, который взял все бумаги и книги, какие мог найти, что поехал в Житомир. Мой брат решился отправиться тотчас, чтобы отклонить от нашей двоюродной сестрицы, которая была нездорова, нечаянность нашего арестования у ней. Мы поехали по дороге Василькова в Бердичев, Павловичи и Трилесы, куда мы все трое прибыли, т.-е. Бестужев, мой брат и я. 28 числа поутру Бестужев отправился отсюда к Славянам, потому что Гебель, который его видел в Василькове, сказал ему, что не было никакого касательно его приказания. Брусилову сказал он, что его преследуют [1]), и от Брусилова он возвратился по своим следам.

По отъезде Бестужева мой брат писал Кузьмину — (так назывался офицер, командовавший 5 ротою, в квартире которой мы находились в Трислявле [2]) — приехать к нему, потому что он всегда полагал, что пришли взять его бумаги, как в 1823 году, не имев приказания его арестовать. 5 рота возвратилась в эту ночь из Василькова, где все полки были собраны, — другое доказательство, что не было преднамерения к возмущению. В отсутствии Гебеля полк командуем был некоторым майором Трухиным, с которым офицеры делали все, что хотели, как говорил мне мой брат. Следовательно, легко было бы удержать роты в Василькове под каким-нибудь предлогом и избегнуть все переходы, которые должны были делать, чтоб их собрать.

29 числа в 5 часу утра мы слышали большой шум в ближней комнате. Я подумал сначала, что это Кузьмин приехал; слышу, что велят подать огня. Это был подполковник Гебель с жандармским офицером, который пришел нам объявить, что мы арестованы. Он велел подать чаю, сделал некоторые распоряжения, которые продлились целый час. Кузьмин и Щепилло приехали в это же время. Я слышу Гебеля, сказывающего Кузьмину, почему он не прибыл с ротою. Кузьмин ему отвечал, что время праздничное. Я остался на постели позади перегородки, которая находилась в сей комнате. Кузьмин подходит ко мне, сказывает, сколь ему досадно о том, что со мною случилось, и спрашивает у меня, что делать? Я ему тотчас отвечал, — ехать куда повезут. Два офицера Соловьев и Сухинин [3]) приехали спустя несколько минут. Жандармский офицер выходит из комнаты, и за ним Гебель.

---

[1]) Очевидная описка М. Муравьева, вместо: в Брусилове узнал он...

[2]) Вместо: «в Трилесах».

[3]) Т.-е. Сухинов.

Вдруг мы слышим крики, коих не знали чему приписать. Тогда мой брат расшиб окошко и вышел в оное. Я тогда видел Кузьмина и Щепилло вооруженных и преследовавших Гебеля. Я остановил Щепилло, который хотел со всею силою броситься на Гебеля. Сии два офицера еще несколько месяцев прежде сего имели намерение отомстить Гебелю за какое-то его самовольство, против них оказанное. Тогда мой брат принял намерение возмутить полк. Тотчас отправился в деревню Ковалевку, где была вторая гренадерская рота. Я с ним сошелся в вечеру. Из Ковалевки мой брат послал нарочного к Алек. Вадковскому, чтоб он прибыл на другой день в Васильков. Мы нашли в экипаже Гебеля, который мы взяли, чемодан с вещами. Я вынул пятьдесят рублей из моего портфеля, который находился между книгами моего брата.

30 числа мы отправились с двумя ротами в Васильково. Майор Трухин впереди одной роты не имел даже присутствия духа, чтобы сделать малейшее сопротивление при нашем входе в город. Я твердо уверен, что две роты уступили [бы] малейшему препятствию. Мой брат взял полковые знамена к себе. Все офицеры пришли к нему явиться сами от себя, en faisant force protestation, потому что мой брат им объявил, что они могут остаться. Обе роты стояли в городе. Майор Трухин был арестован. Соловьев и Щепилло, которые поутру возвратились в Васильков и которых Гебель приказал арестовать, были освобождены. Александр Вадковский прибыл по приглашению моего брата и, сказав, что в главной дивизионной квартире еще ничего не знали о движениях Черниговского полка, отправился тотчас в Белую Церковь. В течение ночи задержали всех жандармов, которые проезжали чрез Васильков. Что же касается до города, то не было в оном никакого беспорядка. В эту ночь Бестужев заставил списать несколько копий своего [1]) катехизиса. По его-то внушению мой брат заставил читать оные пред полком, несмотря на мои убеждения не делать сего. 31 числа мой брат послал одного офицера (коего имени не припомню) в Киев с запискою к одному майору Крупенникову Курского полка, коего имя я в первый раз тогда слышал. Роты собрались в 12 часу на площадь. Брат мой Ипполит, который ехал из Москвы в Тульчин, к несчастию, застал нас вовсе неожиданно. Я его просил в стороне и сильно убеждал продолжать свой путь, что и брат мой Сергей может подтвердить. Но он тотчас решился и объявил нам, что он нас не оставит. Он сказал брату, что имел к нему от князя Трубецкого письмо, которое истребил, когда пришли арестовать Свистунова, с которым он жил в Москве: содержание письма сего он не читал. Я был с Ипполитом в нашей квартире, где он переменил свой костюм. Между тем временем полковой священник читал молебствие и катехизис, после чего роты пустились в поход к Мотовиловке, где квартировала 1 мушкатерская рота. Она не хотела следовать с другими ротами.

[1]) Катехизис был составлен С. И. Муравьевым-Апостолом. См. выше, стр. 4.

1 гренадерская сделала то же. Мы провели 1 генваря в Мотовиловке. 2 на рассвете мы отправились к Белой Церкви; провели ночь в деревне Пологи, которая стоит в 15 верстах от Белой Церкви. Брат мой послал Сухинина узнать, что происходит в Белой Церкви; он возвратился одним или двумя часами пред рассветом с известием, что там пушки. 3 числа утром мы переменили направление наше. Мы хотели провести ночь в Трилесах. Во время этого похода отряд кавалерии нас встретил. После нескольких выстрелов из пушек солдаты бросили оружие, не делая ни малейшего сопротивления. Мой брат Сергей, который был ранен — en face de pièces qui jouaient sur nous, reçut un coup de mitraille dans la tête [1]). Щепилло и мой брат Ипполит убиты. Нас привели в Трилесы. Там-то Кузьмин пистолетом, который всегда носил при себе и успел спрятать, se brula la cervelle [2]) в присутствии нашем. Один брат убитый, другой раненый, Кузьмин в ужасных конвульсиях умирающий, — вот как кончилось сие виновное предприятие.

5. Из ответов 29 января 1826 г. [3]).

24 декабря брат получил позволение ехать в Житомир; после обеда мы отправились. 25 поутру мы были в Житомире. — По приезде брат явился корпусному командиру, который ему сказал, что он не может дать отпуска Бестужеву-Рюмину. Генерал Рот пригласил брата обедать к себе, и за столом брат первый раз услышал о происшествии, случившемся в С.-Петербурге. 26 мы отправились рано поутру в Троянов к Александру Муравьеву. Мы приехали к обеду. Гр. Шуазейль получил письмо из Петербурга, в котором ему сообщали более подробностей о 14 декабря. Он брату дал прочесть сие письмо. После стола мы пустились в путь. В Чуд[н]ове мы провели ночь, и 27 числа декабря мы приехали в Любар к Артамону Муравьеву. Не было полчаса, что мы были у него, так что не успели еще подать нам чаю, когда Бестужев-Рюмин является и говорит нам, что в ночь 25 на 26 число подполковник Гебель с жандармским офицером приходил на квартиру брата, что они забрали все книги и бумаги и тот же час поехали в Житомир. Брат решил сейчас ехать, послал за лошадьми, и мы все трое — Бестужев-Рюмин, брат и я — отправились в Бердичев. В Бердичеве мы наняли лошадей до местечка Павловичи и деревни Трилес, где стояла 5 рота Черниговского полка. 28 декабря мы приехали поутру в деревню Трилесы. Бестужев-Рюмин в полдень поехал отсюда; он намеревался видеть Славян, чтобы им сказать, что случилось с братом, и чтобы они были готовы. Но он не успел исполнить сего: в Брусилове он узнал, что его также велено остановить. После отъезда Бестужева-Рюмина брат писал к Кузьмину в Васильков, чтобы он к нему приехал. Вечером около семи часов

[1]) ...находясь прямо против паливших в нас пушек, получил удар картечью в голову.

[2]) Застрелился.

[3]) Дело № 397, л.л. 64 об.—69.

пятая рота воротилась из Василькова, где полк был собран. Брат полагал, что не так скоро могут найти наши следы. Деревня Трилесы — в стороне на старой Киевской дороге. Мы легли спать.

В 5 или 6 часов утра 29 декабря мы слышим, что кто-то взошел с шумом в комнату, которая была подле нашей. Я подумал сначала, что это Кузьмин. Подают огня, и подполковник Гебель объявляет нам, что мы оба арестованы. Я надел платье и опять лег на постелю. Гебелю подали чаю, он делал какие-то распоряжения, между которыми прошел час. Кузьмин и Щепилло приезжают. Гебель допрашивает у Кузьмина, для чего он не пришел с ротой? Кузьмин отвечает довольно дерзко: теперь праздничное время! Кузьмин подходит ко мне, говорит мне, что он очень сожалеет об том, что с нами случилось, и вдруг спрашивает у меня: что делать?—Ехать, куда повезут, я ему отвечаю. Это был первый мой разговор с Кузьминым. Я до того время его даже не видал. Два офицера еще приезжают—Соловьев и Сухинин. Гебель им говорил, для чего они отлучились от своих рот? Я не помню, что они отвечали. Гебель выходит из комнаты, и вдруг мы слышим крик. Брат пробивает раму и вылезает из окошка. Я вижу Кузьмина и Щепилло, которые с штыками в руках гонятся за Гебелем. Я бросаюсь на Щепилло и говорю ему: «как вам не стыдно!» Он мне отвечает в исступлении: «вы не знаете этого подлеца, как он обрадовался, когда узнал, что велено вашего брата арестовать». Между тем Гебель убежал и скрылся у экономa той деревни. Тут брат взял намерение поднять полк. Он приказал Кузьмину собрать 5 роту и итти в деревню Ковалевку, где стояла 2 гренадерская рота. Кузьмин сказал, что он давно имел намерение отомстить Гебелю за какую-то грубость, им от него полученную. Брат поехал в Ковалевку. Щепилло, Сухинин и Соловьев также уехали. Тут приехал из Василькова разжалованный Башмаков, — брат его нашел в крайней бедности и пригласил его жить с ним. Он мне сказал, что Андреевич [1]) приезжал из Киева узнать, что с братом делается, что Кузьмин, Щепилло, Сухинин и Соловьев дали ему слово не выдать брата. Вскоре он отправился. Он хотел проехать до Оранского гусарского полка, в котором находились два члена Южного общества, Поздеев и Жуков. Я к брату поехал к вечеру. 5 рота прибыла в Ковалевку, где они стали по квартирам. Гебель оставил бричку свою, мы ему везли ее в Васильков. Мы в ней нашли чемодан с книгами и с бумагами, которые он взял, когда приходил к брату на квартиру. Я вынул из моего портфеля 50 руб. денег, которые я оставил в нем. Брат послал солдата с письмом в Белую Церковь к Александру Вадковскому; он ему писал, чтобы он к нему приехал на другой день в Васильков.

30 декабря поутру брат собрал 2 гренадерскую роту и 5 роту, сказал им, что пришло время, где им надо показать, что от них

[1]) Я. М. Андреевич — офицер 8 артил. бригады, член общества Соединенных Славян.

теперь зависит быть счастливыми или нет. После сих слов роты построились, и мы пошли к Василькову. В деревне Марьяновке был привал. Верст восемь от Василькова Бестужев-Рюмин приехал назад. На дороге встретился один офицер Черниговского полка Вролович (он был послан за чем-то к дивизионному командиру). Он сказал брату, что в Василькове целая рота в карауле, что майор Трухин командует полком. Не доходя до Василькова версты две, брат отрядил Сухинина с несколькими людьми, чтобы окружить квартиру Гебеля. Брат это сделал больше для осторожности и для самого Гебеля, на которого офицеры были очень злы, как можно видеть по происшествию в деревне Трилесы. — Когда обе роты показались на горе, майор Трухин велел роте, которая была в карауле, зарядить ружья, но он не умел заставить солдат исполнить свое приказание. Я уверен, что ежели бы он сделал малейшее сопротивление, обе роты разошлись.—Когда брат вступил в Васильков, он взял к себе знамена полка. Щепилло и Соловьев, которых Гебель посадил под арест, были выпущены из-под караула. Александр Вадковский приехал в Васильков. Он брату сказал, что в Белой Церкви ничего не знают о движении Черниговского полка. Он обещал приготовить 17 егерский полк и вскоре поехал в Белую Церковь. По приезде туда он был арестован.

Майор Трухин был арестован. Брат велел останавливать всех жандармов, которые будут проезжать чрез Васильков. Два жандармские офицера были остановлены, и не знаю, сколько жандармов. Офицеров брат отпустил с половины перехода к деревне Мотовиловке, а нижних чинов, когда роты пошли на Белую Церковь и, не дойдя, провели ночь в деревне Пологи. — 2 гренадерская рота и 5 мушкатерская квартировали в Василькове. Караулы были поставлены у обеих застав. Явного беспорядка не было. В сию ночь Бестужев-Рюмин велел двум полковым писарям переписать начисто катехизис, которого было сделано несколько копий. Когда отряд забрал Черниговский полк, сии копии были истреблены. — 31 декабря Кузьмин приходил к брату и сказал, что Андреевич ему говорил, что он принял майора Крупенникова, что Крупенников находился тогда со своим батальоном в Киеве. Крупенников служил в Курском полку. Брат ему писал чрез Черниговского полка офицера, которого я видал в первый раз и которого я имя не помню. В письме брат его уведомлял о возмущении Черниговского полка. В 12 часов пополудни роты были собраны, и тут брат мой меньшой Ипполит меня крайне огорчил своим неожиданным приездом. Он ехал из Москвы в Тульчин. Он решился с нами остаться, как я его ни упрашивал продолжать свой путь. Он сказал брату, верно, что он имел к нему письмо от кн. Трубецкого, но что он истребил его в Москве, когда пришли арестовать Свистунова, с которым он жил. Содержание письма он не знал; истребив его в самое скорое время, он не успел его прочесть. Я пошел с меньшим братом на квартиру, где он переоделся и отпустил почтовых лошадей. Между тем священник Черниговского полка отпел молебствие и прочел кате-

хизис по совету Бестужева-Рюмина. После сего роты пошли в поход. Я забыл сказать, что офицеры Черниговского полка накануне, когда брат Сергей вступил в Васильков, приходили к нему и объявляли, что они желают итти с ним. Брат им говорил, что он их не принуждает. В часу 7 вечера роты пришли в деревню Мотовиловку и стали по квартирам. 1 гренадерская рота была собрана в Мотовиловке, где квартировала 1 мушкатерская рота. 1 гренадерская рота не согласилась пристать к прочим ротам и большая часть 1 мушкатерской роты. Обе сии роты отправились в ту же самую ночь в Белую Церковь в дивизионную квартиру. 1 генваря была дневка в Мотовиловке. Брат, опасаясь быть атакован, к вечеру выставил часовых и караулы около деревни. Днем прибыла часть какой-то роты. Офицер, который ее привел, объявил, что он не хочет итти, на что брат не сделал никакого возражения. Этот офицер поехал в Васильков. Люди стояли по квартирам; ничего не происходило замечательного вообще этот день.— 2 генваря [1]) часу в 6 поутру роты собрались около квартиры брата и, собравшись, выступили в поход. Не дойдя верст 15 до Белой Церкви, они провели ночь в деревне Пологи. Ночью брат посылал Сухинина с четырьмя солдатами узнать, что делается в Белой Церкви и кто там стоит. Сухинин воротился час или два пред тем, что рассвело. Он сказал, что везде около местечка стоят часовые и что помнить надобно, что там егерская бригада 9 дивизии собрана. Брат оставил намерение итти на Белую Церковь и старался соединиться скорее с 8 дивизиею, и для того 3 генваря [1]) роты пошли на деревню Трилесы. На походе они встретили конный отряд. После нескольких ударов картечью солдаты, не сделавши малейшее сопротивление (не было ни одного выстрела из ружья), побросали ружья. Брат Сергей, который стал против пушки, был сильно ранен в голову картечью; брат мой меньшой Ипполит и Щепилло были убиты. Кузьмин и Быстрицкий ранены. Нас повели в Трилесы. Кузьмин умел как-то спрятать пистолет, который был при нем, и, когда брату Сергею сделался обморок от сильного кровотечения (при отряде не было лекаря, брат был перевязан только что на другой день), Кузьмин застрелился при нас. Были взяты брат Сергей, Бестужев-Рюмин, Соловьев, Быстрицкий; Сухинин скрылся, прочие офицеры, которые выступали из Василькова с ротами, до того разъехались. Во время мятежа говорили солдаты, что вся 8 дивизия восстала, гусарский полк и проч., что все сии полки требуют великого князя цесаревича, что они ему присягали, — вот главная пружина мятежа Черниговского полка.

6. Из ответов 10 апреля 1826 г. [2]).

3 января шесть рот Черниговского полка, которые были возмущены, выступя из деревни Пологи, делали привал в деревне Мотовиловке. Говорили, что эскадрон гусар разъезжает около сих

[1]) В оригинале ошибочно: «декабря».
[2]) Дело № 397, л. 107.

мест. Брат мой, Бестужев уверяли, что этот эскадрон идет к ним на помощь. Выступая из Мотовиловки, в верстах двух, конный отряд встретил нас. Брат построил этих шесть рот в взводную колонну и стал впереди колонны и пошел навстречу отряду. Тут два конных орудия были выставлены против нас. Сначала они пустили одно ядро на елевацию через колонну. Солдаты тут же остановились и стали роптать на брата. Брат сказал—вперед; но отряд, видя, что эти шесть рот все стоят выстроивши[сь], пустил картечью. Брат Сергей упал раненый в голову. Брату моему Ипполиту раздробило левую руку. Я пошел, чтобы сказать, нет ли какого-нибудь фелдьшера, чтобы перевязать их, но тут же эскадрон наехал в хвост колонны. Гусары кричали солдатам: бросайте ружья, — что они очень охотно делали; не было ни одного выстрела из ружья. Я уже нашел брата моего Сергея окруженного гусарами, и мне тут сказали, что Ипполит после был убит на другой день, когда нас отправили в Белую Церковь. Майор, который нас конвоировал, был Мариупольского полка, по моей просьбе позволил мне проститься с Ипполитом. Я его нашел: он лежал, раздетый и брошенный, в сенях малороссийской хаты.

Из показаний М. П. Бестужева-Рюмина.

1. Из показаний при штабе 1 армии в Могилеве от 7 января 1826 г. [1]).

Получив известие о кончине матери моей, просил я полковника Тизенгаузена уволить меня на несколько дней в Москву увидеться с дряхлым отцом своим, но как бывших Семеновских офицеров строго запрещено выпускать из расположения полков, куда каждый переведен, то полковник Тизенгаузен на мою просьбу согласиться не мог; а дабы доставить мне случай чрез моих знакомых исходатайствовать отпуск у корпусного командира, я получил предписание ехать в Киев для принятия следуемого в полк жалованья. Нашед, что оное уже принято квартирмейстром, донес я о сем полковому командиру, а сам поехал в Васильков посоветоваться с Муравьевым, каким образом получить позволение генерала Рота съездить к моему отцу,—быть может, принять последнее благословение. Но все мои старания были тщетны, я не мог исходатайствовать позволения исполнить священный долг человека.

Между тем жандармы приехали взять Муравьева и меня. Тогда, приведенный в отчаяние, решился присоединиться к Черниговскому полку, который ополчился для возведения на престол цесаревича Константина, коему несколько дней пред тем мы все клялись в подданстве. Доблесть его, сделавшись общей молвой, служила нам побуждением. Приготовлений к восстанию никаких не было; вот ход дела.

---

[1]) Дело М. П. Бестужева-Рюмина, № 396, л. 14.

Арестовав жандармов, приехавших за нами, подполковник Муравьев с двумя ротами пришел в Васильков, где с восклицанием был он принят всеми там находящимися войсками. Тогда принесли знамена и при них повторили присягу Константину. На другой день, отслужа молебен, Муравьев двинулся из Василькова. Число желающих следовать за ним было столь велико, что он был принужден употребить усилие, дабы устранить тех, кои не были в состоянии выдержать похода [1]). Офицеры Черниговского полка не все мне знакомы, и потому (за исключением убитых и явившихся) я могу только назвать Петина и Сухинова, из тех, кои восстали за Константина. Башмаков, ныне содержащийся под арестом, с нами вовсе не был. Первый день ночевали мы в Мотовиловке, где мы нашли 2 гренадерскую и 1 мушкатерскую роты; часть сей последней присоединилась к нам. 1 гренадерская же рота ушла в дивизионную квартиру. Другой день была дневка (по причине нового года), на третий прибыли мы в м. Пологи, где множество офицеров, в том числе и Петин, покинули нас. В четвертый день между с. Ковалевкой и с. Королевкой встретили мы конницу и артиллерию, против нас посланную. Не желая начинать междуусобной войны, Муравьев и я, находящиеся в голове колонны, — мы велели положить оружие, предпочитая жертвовать собою ужасу быть причиной смерти и всех бедствий соотечественников наших. Но командир артиллерии, не взирая на брошенное оружие и расстройство колонны, продолжал пальбу. Муравьев был ранен в голову, Щепилло убит. Желая каким бы то образом ни было спасти людей, избравших его начальником, Муравьев, хотя мог скрыться, достигши Ковалевки, предпочел сдаться, дабы хотя сим образом заставить молчать орудия. С нашей стороны ни одного выстрела не было. С Муравьевым сдались и мы; один брат Муравьева, имевший при себе пистолет, мог прекратить жизнь свою.

2. Из показаний в одворце [2]) (без даты).

В последнем декабре 25 числа я был на квартире Сергея Муравьева, когда приехали жандармы взять его и бумаги его. Он был в Житомире и потом Любаре. Я поехал его о сем уведомить. Нашел его у Артамона Муравьева, где слышал о случившемся в Петербурге. Тогда мы хотели скрыться, но потом решились упорствовать, и я поехал в Новгород-Волынск к обществу Славян. Дорогой узнав, что меня жандармы ищут, я возвратился назад и нагнал Муравьевых уже близ Василькова с двумя ротами. Тут услышал я, что Гебеля ранили, Мы пошли в Васильково, где пристали к нам все прочие роты, кроме 1 гренадерской и 1 мушкатерской. Передневав в Василькове,

[1]) «Когда Муравьев двинулся из Василькова, то все нижние чины, канцелярия, ремесленники, музыканты объявили желание итти с ним, — их-то он и удержал». (Дело № 396, л. 84).

[2]) Дело № 396, л. 4.

на другой день мы собрали полк, отслужили молебен, прочли написанный катехизис и пошли к первым ротам. Оные к нам не присоединились. Опять продневав в деревне Мотовиловке, мы пошли к Белой Церкви. Узнав, что в оной войска, к нам расположенного, нет, пошли к конной роте на Трилесы. На дороге оной встречены конною артиллериею и гусарами, и по первым выстрелам батальон положил оружие, и мы все взяты.

3. Из показаний от 28 января 1826 г. [1]).

В ночь с 25 на 26 декабря приехали жандармы арестовать Муравьева, но он был в Любаре. Я отправился разыскивать его. Мы стали советоваться, что делать. Поднять раскинутые по квартирам подготовленные нами части было делом трудным. Хотя Артамон и обещал присоединиться к нам, если мы выступим, но расстояние, которое надо было пройти для того, чтобы осуществить это соединение, было слишком велико. Полки, которые были на нашем пути, не были нашими. Эти соображения привели нас в уныние, и мы решили скрываться. Но, размыслив затем, что мы неминуемо были бы открыты, решили мы попытать счастья [2]).

Я отправился предупредить Славян, чтобы они приготовили солдат, чтобы соединиться с нами, когда мы явимся. Но, узнав, что кругом жандармы, которые ищут меня, я повернул обратно [3]).

---

[1]) Дело № 396, л.л. 6—7. Это показание, написанное М. П. Бестужевым-Рюминым по-французски, здесь приводится в переводе.

[2]) «Предварительного намерения начать возмущение в Черниговском полку не было. 14 декабря не слишком было ободрительно. Тогда даже, как узнал Муравьев о захваченьи всех бумаг и повелении его арестовать, первая представившаяся мысль была бегство. Но, обдумав, что мы, несомненно, будем найдены, Муравьев решил действовать, надеясь на вспомоществование прочих членов общества»...

«Намерением было воспользоваться предполагаемым нами негодованием войск, дабы увлечь их за собою, представляя выгоды, кои их ожидают при введении нового порядка вещей. Считали же мы особенно на содействие конной артиллерии, Ахтырского полка, 8 дивизии и 8 артиллерийской бригады»...

«Содействие же Ахтырского полка считали мы верным, ибо им командовал Артамон Муравьев, который обещал к нам присоединиться. На конную артиллерию мы питали, ибо оба командира рот принадлежали обществу; на 8 артиллерийскую бригаду и 8 дивизию, потому что там были Славяне»... (Показания М. П. Бестужева-Рюмина. Дело № 396, л.л. 51 об., 52, 84).

[3]) «Из Трилес, когда Бестужев поехал от нас, его намерение было поехать к Славянам, взять несколько человек из них и отправиться в Житомир, чтобы посягнуть на жизнь генерала Рота. Он доехал до деревни графа Олизара, который ему сказал, что жандармы весь дом его осмотрели, чтобы его найти. Бестужев у гр. Олизара переоделся и возвратился в Васильков». (Показание М. И. Муравьева-Апостола. Дело № 397, л. 109).

«В Трилесах было положено, чтобы мне с помощью Славян арестовать г. Рота, а не умертвить. Но, быть может, что в пылу разговора я и сказал, что ежели Рот станет защищаться и мы найдемся в большой опасности, то и жизни

Между тем полковник Гебель в сопровождении жандармов приехал арестовать Муравьева. Но офицеры, которые были там, давно озлобленные на Гебеля, бросились на него и нанесли ему несколько ударов штыками. Затем они поспешили схватить жандармов. На следующий день Муравьев во главе двух рот отправился в Васильков. Я присоединился к нему уже в пути. Все, кого выслали против него, стали под его команду. Мы вступили в город. Принесли знамена, Муравьев приказал освободить солдат, бывших под арестом, принести к нему полковую казну и провел ночь в составлении плана похода.

Утром 31 декабря после того, как отслужили молебен и полковой священник прочел нечто вроде катехизиса, Муравьев оставил Васильков. Мы пошли в Мотовиловку, где были собраны первая гренадерская и первая мушкатерская рота. К нам присоединилась только часть мушкатерской роты. С этого времени стало падать настроение. Солдаты утомились от переходов. Порядок, который старался установить

его не пощадим. Узнав от Олизара о ищущих меня жандармах, я переоделся и поехал назад к Муравьевым в Трилесы, но там уже их не застал, а догнал близ Василькова». (Показание М. П. Бестужева-Рюмина. Дело № 396, л. 151).

«Едва я приехал из Крыма в мою польскую деревню, как вдруг явился неизвестно откуда Бестужев, 28 или 29 декабря. Он пообедал у меня и попросил лошадей до Бердичева, куда он ехал по своим личным делам (так он говорил, по крайней мере). Не имея своих лошадей, я помог ему нанять лошадей в деревне. На следующий день утром приехал разыскивать в моем доме офицер, присланный генералом Ротом. Получив относительно Бестужева все сведения, упомянутые мною выше, офицер поехал по его следам на лошадях, которых я также нанял для него в деревне.»

«В тот же день я отправился в Радомысль, где узнал от уездного маршала, что он только что получил циркуляр, содержащий текст присяги, которую следует принести новому императору. В виду этого он уже оповестил дворянство, назначив для собрания шестидневный срок. Я не мог оставаться так долго в городе и поехал обратно домой; в дороге я остановился у одного из моих арендаторов переночевать. Кстати сказать, в провинции военные (и в особенности обер-офицеры) благодаря своей форме слишком часто позволяют себе злоупотребления, притесняют наших крестьян, берут у них лошадей и за них не платят и ни перед кем не дают ответа в этих произвольных поступках. Проезжая через мою деревню, Бестужев поступал так же. Я не успел еще одеться, как услыхал, что мой арендатор горячо спорит с каким-то военным, который забрал у крестьян свежих лошадей, чтобы ехать через мои леса в Брусилов (как он им сказал). Выйдя из комнаты, я действительно увидал Бестужева, но уже в санях, за двором. Так как это второе путешествие через мои деревни мне показалось подозрительным, тем более, что офицер генерала Рота говорил мне, что у Бестужева не было отпуска, я повернул с дороги: вместо того, чтобы ехать домой (где я не провел дня после долгого путешествия), я отправился в уездный город, до которого было всего несколько верст от деревни, где я ночевал. Там я обо всем заявил исправнику, предложив ему принять меры, чтобы задержать преступника, который не должен был быть очень далеко, произвести опрос на местах, словом, сделать все, что было его обязанностью. На следующий день я выехал в Киев.

(Показание гр. Олизара 12 февраля 1826 г.) (дается в переводе с французского). Дело № 71, л. 19).

Муравьев, вызывал ропот. Наконец, после того как мы шли 4 дня, словно погребальное шествие, на поле у Ковалевки мы встретили конную артиллерию с прикрытием в несколько эскадронов гусар. (Артиллерия была из части Сухачева, который был членов нашего общества.). Хотя у нас была возможность пробиться, Муравьев предпочел скорее пожертвовать собою, чем начать гражданскую войну. Он приказал всему отряду положить оружие. Не было сделано ни одного ружейного выстрела. Но несмотря на то, что беспрепятственно и совершенно ясно можно было различить все, что происходило в колонне, вместо парламентера нам послали ядро, и канонада продолжалась. Удар картечью поверг Муравьева. Тогда я снова приказал рассыпаться и, подняв Муравьева, пошел вместе с ним навстречу гусарам, которым мы сдались. Ипполит Муравьев, у которого были пистолеты, застрелился.

4. Из показаний 5 апреля 1826 г. [1]).

Когда картечный выстрел поверг Муравьева без чувств на землю, я приказал колонне бросить оружие (сие легко узнать от 2 гренадерской роты). Муравьев, вставши, хотел сесть на лошадь, но не мог. После того уперся на меня, и мы, не говоря ни слова, почти оба без чувств шли, не зная сами куда. Между тем колонна расстроилась, и гусары стали подъезжать к оной. Тогда некоторые солдаты Черниговского полка кинулись на нас и, вероятно, хотели тащить навстречу гусарам. Но один гусарский офицер подскакал к нам. Мы ему сдались. Первое слово уже выговорил Муравьев, окруженный гусарами, чтоб спросить об участи братьев. Ему отвечали, что один лежит мертвый, а другого ведут также в круг. С тех пор мы с Сергеем Муравьевым о Королевском деле рта не раскрывали, и посему, какое у него было намерение, мне не известно. Но я не полагаю, чтобы таковое, как он показывает, — ибо легко можно было отгадать (в чем после удостоверились), что за авангардом в резерве находится целая артиллерийская рота с сильным прикрытием, — и нам не на кого было надеяться.

Из показаний Арт. Зах. Муравьева.

1. Из показания 4 января 1826 г. при штабе 1 армии в Могилеве [2]).

27 минувшего декабря поутру, часу в 10, он [3]) приехал ко мне от брата моего командира Александрийского гусарского полка, полковника Муравьева 2, и говорил, что он, узнавши от означенного

[1]) Дело № 396, л. 145.
[2]) Дело № 20 «О возмущении в Черниговском полку», л. 36.
[3]) С. И. Муравьев-Апостол.

брата моего о моей болезни, приехал меня посетить; потом читал получаемые мною газеты и разговаривал со мною и с приехавшим вместе с ним братом его, отставным подполковником Матвеем Муравьевым-Апостолом, о происшествии, случившемся в С.-Петербурге 14 декабря. Но когда по прошествии не более часу приехал Полтавского пехотного полка подпоручик Бестужев, служивший вместе с ним, Апостолом-Муравьевым, в Семеновском полку, и объявил ему, Апостолу-Муравьеву, что во время его отсутствия забраны на квартире у него подполковником Гебелем бумаги, добавя притом, что его и не спрашивали, то при сем случае я заметил, что Сергей Муравьев-Апостол смутился и начал спешить к отъезду, прося у меня для того лошадей. Но я, опасаясь за сие какой ни есть ответственности, не дал ему оных, а нанял он таковых у евреев и отправился вместе с упомянутыми—отставным братом своим, подпоручиком Бестужевым,—как я полагаю, к своему полку; однако наверно сего не знаю по причине болезни жены моей, которая меня более занимала, нежели обстоятельства, касавшиеся Муравьева-Апостола; что же я сделал упущение против порядка службы тем, что, заметивши подозрительность сказанных Муравьевых-Апостоловых и подпоручика Бестужева-Рюмина, то сие произошло от тогдашних моих беспокойств о болезни жены моей, а более от родственных чувствований, чтобы не быть орудием несчастия своих братьев, однако никогда не имел намерения, чтобы скрывать как бытность их у меня, равно и то, чтобы не указать средства к отысканию их; почему, когда после того в 9 часу пополудни прибыл ко мне командир Черниговского пехотного полка подполковник Гебель с жандармами и спрашивал у меня об означенном Муравьеве-Апостоле, то я в то же время сказал, что он, точно, был у меня, но не знаю наверно, куда поехал; предложил ему послать за тем жидом, у коего Муравьев-Апостол нанял лошадей, что и было им сделано, и я способствовал к тому, чтобы он узнал от испугавшегося тогда еврея, куда поехал тот Муравьев, — который и объявил, что в Бердичев. И посему подполковник Гебель вместе с жандармами отправился туда и, не доезжая Бердичева, встретил везшего их ямщика, который указал, как я после слышал, квартиру, где останавливались и где наняли лошадей Муравьевы-Апостолы для продолжения их пути. Что же касается до предприятий Сергея Муравьева-Апостола, обнаруженных правительством, то я узнал о сем только 31 декабря у брата моего родного, вышеупомянутого командира Александрийского полка, к коему прибыл я по приглашению дивизионного начальника, чтоб на новый год ехать к корпусному командиру для поздравления. В заключение насчет невинности моей и непричастия ни к какому заговору могу с чистою совестию добавить, что поступки мои по службе ясно доказывали ревность мою к оной; разъездов я никаких не делал, кроме по службе, писем ни от кого не получал, относящихся к какому-либо злоумышлению, и никуда таковых не посылал.

2. Из показаний 30 января 1826 г. [1]).

24 декабря Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, из коих первый был у корпусного командира в Житомире для исходатайствования Бестужеву отпуска в Москву по причине смерти его матери, были у брата моего и заехали ко мне; в это время разговор был между нами относительно события 14 декабря в С.-Петербурге. Они мне сообщали известия, слышанные ими, а я им дал газеты и получаемые мною приказы. Вот что занимало нас до прибытия Бестужева-Рюмина, и нисколько не было тогда в помышлении у Муравьева-Апостола сделанное им возмущение в Черниговском полку; почему и не полагаю, чтоб Швейковский и Тизенгаузен разделяли бы предприятие его [2]). Бестужев вбегает в комнату и объявляет Муравьевым, что бумаги их взяты, но что ни подполковник Гебель, ни жандармские офицеры, для сего присланные, его, Сергея Муравьева, не спрашивали, на что Сергей и говорил, что это невероятно, но что быть может, ибо с им подобный случай был, что забрали его бумаги, а его не спрашивали. Тут разные подаваемы были советы; решался Муравьев остаться у меня, и если по следам его за им приедут, то отдаться в руки, убеждая брата своего Матвея и Бестужева ехать, на что мы не соглашались; и я именно сказал, что если бы я искал себя спасти, то должен бы был их арестовать, но этого не сделаю; а я же предложил им всем вместе ехать, придумать холоднокровно дорогою, что предпринять на будущее время, и стараться изведать, точно ли его бумаги взяты без приказания его взять. В эту минуту Сергей Муравьев сказал, что — это и моя мысль, но если доберусь до батальона, то живого не возьмут.— Бестужев обратился ко мне и говорит: «ты, верно, не отстанешь с полком, говоря, то, что ты говорил, и предлагая то, что ты предлагал». Тут-то я почувствовал, и не в первый раз, следствия преступных слов и вместе увидел, что говорил то, что не мог выполнить; но, дабы не остановить их, дабы не покраснеть пред ими, открыв себя, я новым преступлением сделался виновным, обещав содействие. Обстоятельства отъезда их и приезда подполковника Гебеля с жандармскими офицерами в показании моем в Могилеве справедливы. Остается мне доказать, что участвовать в возмущении не было даже в мысли моей. Пусть изведают после их отбытия все шаги мои и слова; ни одного нет, который бы не доказал истины нежелания моего принять участие. Включить должен, что Бестужев оставил мне записку, в коей пишет офицеру артиллерийскому, за Старым Константиновым с ротою расположенному, чтобы он известил всех, что бумаги схвачены, и чтобы чрез 8 дней были

[1]) Дело Арт. Зах. Муравьева, № 403, л. 17 об.

[2]) «Здесь я почитаю долгом сказать, что, приехав в Бобруйск уже после кончины государя, я уговаривал Тизенгаузена начать действия, увлекая за собой Могилевский и Смоленский полки, но что он сие предложение отвергнул, говоря, что, может быть, Константин Павлович будет лучше покойного государя». (Показание М. П. Бестужева-Рюмина. Дело В. К. Тизенгаузена, № 406, л. 69).

готовы. Я, не послав ее, истребил, имя же, к кому была адресована, забыл в смущении. На 2-й день их отъезда вбегает офицер артиллерийский, по имени Андреевич, и говорит мне уже известное, приглашая действовать, говоря, что Кременчугский полк и артиллерия готовы. Я и ему сказал, чтоб оставил меня и не губил бы, что полк не поведу я [1]). Наконец, 30 числа подполковник Арсеньев [2]) также, ко мне войдя, говорит: «при теперешних обстоятельствах не быть ли готову?» Я и ему сказал, что преступно для спасения своей кожи губить людей безвинных. И, наконец, я бы должен итти против брата родного своего.

3. Из показаний 15 апреля 1826 г. [3]).

Касательно разговоров в Любаре я за всякое слово отвечаю, ибо события того времени, к несчастию моему, свежи в моей памяти, и я уже тогда мерил слова свои, хотя поздно. Матвей Муравьев брату своему застрелиться с собою не предлагал, это ложно. Но вот как было. Когда Бестужев объявил, что бумаги взяты, то Сергей сказал: «я останусь и отдамся, а ты, брат, уходи с Бестужевым». Но Бестужев сказал, что его не спрашивали, и даже, что жандармы вернулись, чему хотя Сергей не верил, но полагал возможным, ибо подобное с им случилось, что бумаги были взяты, а его не требовали, то тогда Матвей Муравьев спросил про свой портфель, взят ли он и когда? Бестужев сказал, что, не взирая на то, что он многие бумаги называл своими, но все взяты, то тогда Матвей Муравьев вскрикнул: «проклятая привычка беречь письма, я ими многих погублю!». И добавил: «я готов, право, пулю себе в лоб пустить». Но без больших затруднений оставил и говорить про сие, услышав, что мы все ему сказали: «вот это зачем, тебя же погубили, может, ну так что же»? Вот почти все слово от слова.

Из показаний Н. Н. Семичева [4]).

Из показания 15 марта 1826 г. [5]).

Еще слышал я, когда Муравьевы-Апостолы приезжали к полковнику Муравьеву, что уже было после писания в газетах об петербургском бунте, я пришел, застал их о сем разговаривающих, то Муравьев полковник говорил: «вот я поеду и Апраксину сделаю выговор»; но кто такой Апраксин, мне неизвестно. Говорили, что не умели бунта сделать. Потом, как Бестужев приехал и сказал им, что велено взять Муравьева-Апостола, то я пошел, а они остались обедать у полковника и потом уехали. Полковник мне на другой день говорит, что он не знает, куда они уехали, и что ежели Бестужев приедет, то велел его полковому адъютанту арестовать.

---

[1]) См. ниже показания Я. М. Андреевича 2-го, стр. 43

[2]) См. ниже показание В. А. Бечаснова, стр. 44.

[3]) Дело № 403, л. 24.

[4]) Н. Н. Семичев — ротмистр Ахтырского гусарского полка.

[5]) Дело Н. Н. Семичева, № 92, л. 19.

Из показаний В. О. Сизиневского [1]).

Из показания при штабе 4 корпуса в Киеве 2 января 1826 г. [2]).

В день полкового праздника, то-есть 25 истекшего декабря, во время ужина, во втором часу ночи, при собрании множества как гражданских, так и военных чиновников у командира полка подполковника Гебеля, кто-то объявил ему, что прибыл курьер, коего Гебель приказал просить к себе, с коим неизвестно что-то говорил; и потом тотчас, взяв шинель и шапку, поехал с сим же курьером, но куда — неизвестно; отколь вскоре возвратились. Я же с полковым адъютантом бегали узнать, куда они уехали, и мы видели, что тройки лошадей стояли возле квартиры подполковника Муравьева. После того г. Гебель приказал запречь свою бричку, а жандармские офицеры тем временем у него ужинали и чай пили; и потом, запечатав какие-то бумаги, поехали все трое вместе неизвестно куда. 29 декабря вечером, в седьмом часу, деньщик мой Николай Кистерин, прибежав ко мне в квартиру майора Трухина, сказал, чтоб я шел домой, где, прийдя, я нашел полкового штаб-лекаря Никольского, который предъявил мне письмо к нему капитана Козлова, в коем Козлов уведомлял Никольского, что подполковник Гебель весь изранен, и просил меня дать ему казенных лошадей, дабы ехать к Гебелю в село Снитенку, о чем мы вместе объявили майору Трухину. На другой день я слышал, что Гебель был доставлен в полковой штаб капитаном Вульфертом; и того же дня к вечеру подполковник Муравьев прибыл туда с двумя ротами или более, неизвестно, и, потребовав меня к себе, спрашивал, все ли деньги в казенном ящике? На что я ему отвечал, что артельные деньги все, а полковые находятся у подполковника Гебеля, почему он и послал меня за оными к Гебелю. Но как Гебель был без чувств больным, то жена его отвечала мне, что полковые деньги с ящиком унесены разжалованным аудитором Каблуковым, о чем я тотчас сказал Муравьеву, и сей отвечал: «это дурно». После того на другой день штабс-капитан барон Соловьев объявил мне приказание его, Муравьева, чтобы я распорядился насчет провианта, о чем подтвердил мне и полковой квартирмейстр подпоручик Войнилович; почему, вытребовав провиант из васильковского магазейна на весь полк за генварь месяц, и оставив, по приказанию его, Муравьева, в магазейне муки 62 четверти с препорциею круп, для остающихся в г. Василькове людей, последние 300 четвертей муки и круп 28 четвертей с четвериками проданы, и деньги отданы мною ему, Муравьеву. После чего в 12 часов пополуночи, перед выступлением полка в поход, вынесены были знамена, и священник, отслужив молебен, читал какой-то катехизис, а люди

[1]) В. О. Сизиневский — казначей Черниговского полка.

[2]) Дело № 20 «О возмущении в Черниговском полку», л.л. 72, 73.

все стояли во фронте. Тут я получил приказание, чтобы скорее приготовить ящики к выступлению в поход, в каковой полк тотчас и выступил, направив путь в село Мотовиловку; а я отпросился у Муравьева остаться в Василькове, на что и получил его дозволение с тем, чтобы непременно прибыть на ночь в Мотовиловку, что выполнив, явился к нему. В Мотовиловке была дневка, и я, быв поутру у Муравьева, получил приказание послать за фельдшером Макухиным в г. Васильков с его, Муравьева, к сему фельдшеру запискою, который к нему и прибыл. Сего дня же поутру, при выступлении полка в поход, я, потребовав тройку обывательских лошадей, ехал за полком до корчмы помещика Руликовского, в 5 верстах от Мотовиловки отстоящей, а близ оной отстал от полка вместе с полковым квартирмейстром подпоручиком Войниловичем, полк же пошел далее по дороге, ведущей к селению Ковалевке.

Из показаний А. С. Войниловича [1]).

Из показания при штабе 4 корпуса в Киеве 2 января 1826 г. [2]).

1825 года декабря 25 числа в день праздника рождества христова были все офицеры у полкового командира, но Муравьева не было, и в тот же день пополуночи в два часа приехали два жандармские офицера и, отдавши подполковнику Гебелю какую-то бумагу, уехали с ним неизвестно куда. 27 числа капитан Козлов из с. Снитенки прислал к командовавшему тогда полком майору Трухину рапорт, что полковой командир привезен к нему солдатом, весь израненный, и для пользования его прислал за лекарем, который немедля туда отправился; в каковое самое время майор Трухин дал ему, Войниловичу, предписание, чтоб ехал вместе с жандармским из вышеописанных офицером Скоковым, после в Васильков возвратившимся, и осведомился, действительно ли справедливо донесение капитана Козлова; куда они прибывши, нашли, точно, полкового командира раненого; после чего он возвратился, Войнилович — к майору Трухину, а Скоков отправился с 1 гренадерскою ротою в расположение 5 мушкатерской роты для преследования Муравьевых и прочих, с ними в том преступлении участвовавших. Когда же Войнилович возвратился в Васильков с приказанием от подполковника Гебеля, что если бы из них кто оказался в городе — арестовать, в сие время узнали, что штабс-капитан барон Соловьев и поручик Щепилло в отсутствии Войниловича приехали к нему на квартиру, куда посланы были за ними конвойные, взяли и посадили на гауптвахту, а он, Войнилович, оставался в ту ночь вместе с полковым адьютантом в квартире майора Трухина, от коего на рассвете 28 числа послан он, Войни-

[1]) А. С. Войнилович — полковой квартирмейстер Черниговского полка.
[2]) Дело № 20 «О возмущении в Черниговском полку», л.л. 74—77.

лович, о происшествии сем с донесением в командующему дивизиею генерал-майору Тихановскому, коему, отдав рапорт, объявил словесно обо всем, что только видел и слышал; при чем также Войнилович известился от генерал-майора Тихановского, что 5 мушкатерская рота из своих квартир выступила в Васильков с заряженными ружьями и примкнутыми штыками. При получении же от генерал-майора Тихановского предписания майору Трухину насчет распоряжения в таком случае, имел он, Войнилович, особенно словесное приказание удвоить на всех постах караулы и взять всю предосторожность, а когда прибудет 5 рота в Васильков, то вытребовать против оной еще две ближайшие и какие понадежнее для защищения в случае нападения, также сберегать подполковника Гебеля, заготовить лошадей по почтовому тракту для генерал-майора Тихановского, который тотчас хотел выехать в Васильков. Не доезжая сего города одной версты, Войнилович настиг Муравьева с двумя ротами, 2 гренадерскою и 5 мушкатерскою, следовавшими в город. Тут остановили его, Войниловича, арестовали по приказанию Муравьева и взяли у него бумаги и пустили одного в город на почтовых лошадях, где, встретя майора Трухина, хотя объявлял ему приказание генерал-майора Тихановского, но он, будучи в замешательстве, видя, что роты с Муравьевым идут в город, оставил Войниловича без внимания, приказывал бить тревогу, собирал караулы для удержания их стремления, в каковое время он, Войнилович, ушел в дом секретаря и, находясь в оном, не видал, что на площади происходило. После, пройдя глухим переулком в свою квартиру, застал в оной караул Муравьева с таким приказанием, чтобы останавливать всех проезжающих и отбирать у них бумаги, а его, Войниловича, не выпускать из города. Чрез несколько времени позван был Войнилович к Муравьеву и получил от него приказание принять провиант на весь полк месячную пропорцию, что, по случившемуся тогда позднему времени, отложено было до другого дня.

Поутру в 7 часов пришел к нему, Войниловичу, на квартиру переведенный в Александрийский гусарский полк поручик Сухинов с заряженным пистолетом, угрожая, чтобы Войнилович не оставался, а шел с полком и не упущал бы никакого средства к выполнению предприятий Муравьева, даже требовал в том клятвы, и когда вынудил таким образом от Войниловича согласие, он, Сухинов, от него ушел. После позван был Войнилович к Муравьеву, от коего послан в магазейн для приема вместо провианта, если можно, денег, но комиссионер отозвался, что денег у него нет, а имеет провиант. И когда объявлено о сем Муравьеву, тогда он чрез Войниловича поручил полковому казначею Сизиневскому принять, который, приняв, продал и деньги доставил Муравьеву, а Войниловича отправил с предписанием в 1 гренадерскую и 1 мушкатерскую роты с двумя конвойными унтер-офицерами и приказал ему же словесно объявить солдатам, что якобы его императорское высочество цесаревич Константин Павлович никогда от царствования не отрекался, а письма о сем предмете

есть будто бы фальшивые, удостоверяя, что прислан от его высочества из Варшавы польский офицер с тем, чтобы Муравьев прибыл с полком в Варшаву. После мною узнано, что офицер сей прибыл не из Варшавы, а из С.-Петербурга — родной Муравьева брат по квартирмейстерской части. Ротным командирам, между прочим, приказал объявить, что если они не пожелают следовать, то могут оставаться; почему Войнилович, приехавши в 1 мушкатерскую роту, командуемую капитаном Вульфертом, застал оную собранную у корчмы; объявил ему означенное приказание. Вульферт требовал от Войниловича предписания, но, получив оное, от замешательства не прочел и возвратил обратно. После Войнилович поехал в 1 гренадерскую роту, чтобы оная прибыла туда же, где и 1 мушкатерская, объявил вышеписанное приказание Муравьева и командиру сей роты капитану Козлову. При отправлении Войниловича в обе те роты Муравьев говорил, что если он осмелится не выполнить данного ему приказания, то посланы будут за ним поручик Сухинов и другие по разным дорогам, которые не преминут его поймать и лишить жизни; при чем унтер-офицерам приказал, что буде бы Войнилович вздумал ехать в другое какое-либо место в сторону, а не туда, куда приказано, то б лишили его жизни, для чего они имели заряженные ружья. Находясь в столь крайних обстоятельствах, Войнилович не в состоянии был не явиться, как бы желал, к своему настоящему начальству, ниже дать какого-либо противного ротам приказания вопреки воле Муравьева. Исполнив оную и возвращаясь в Васильков, встретился с остальными шестью ротами, идущими в с. Мотовиловку, где они, расположась, имели ночлег и дневку, расставивши караулы и цепь, как для того, чтобы никто не мог отлучиться, равно как и для своей безопасности, в каковое время Муравьев приказывал Войниловичу принять 1 мушкатерскую роту, квартировавшую в Мотовиловке по ненахождению при оной командира оной капитана Вульферта; однако Войнилович, объяснив, что он — по должности квартирмейстра и что так как старшие его не командуют, отказался от сего предложения.

Генваря 2, пред выступлением полка в Бишев, собраны были в квартиру Муравьева все офицеры, коим он приказывал быть в своих местах и уговаривать солдат, что якобы его императорское высочество цесаревич Константин Павлович не отрекался от трона, а что есть в том одна интрига его императорского величества Николая Павловича, притом ободряли бы солдат, дабы не теряли духу и в случае нападения отражались. Однако он, Войнилович, сего солдатам не говорил, имея намерение при первом случае от них удалиться, а для лучшего приведения сего в действие, объявил свое желание полковому казначею Сизиневскому, который также на то согласился, и выжидали к оному удобного случая. Хотя же предположено было полку следовать до м. Бишева, но вместо того взяли направление в м. Белую Церковь, не доходя стоящей по тому тракту корчмы, называемой «Зыбкая». Узнав от полкового казначея, что деньщик его, Войниловича, проколот

штыком, сказал оному казначею, что при сем случае есть удобность удалиться, и остались под видом делания перевязки деньщику в сей корчме, нарочно медля, будто искали нужные для пособия потребности. Офицеры же некоторые, хотя требовали после ухода полка, чтобы вместе с ними к полку отправлялись, но, не дождавшись, уехали, а они, Войнилович и Сизиневский, пользуясь сим временем, на обывательских лошадях последнего воротились в Васильков, где, не нашедши никого, получа от тамошнего городничего лошадей, следовали в Киев, но, не доезжая до оного за три версты, повстречали майора Трухина, который, сочтя их за единомышленников Муравьева, арестовал обоих, возвратился с ними в Киев к г. начальнику штаба 4 пехотного корпуса. При чем Войнилович добавил, что участия он никакого с Муравьевым и другими не имел и намерения их вовсе не знает.

Из показаний Д. Грохольского. [1])

Показание 8 апреля 1826 г. Комиссии военного суда при Белой Церкви [2]).

Муравьев и сообщники его, по приходе в Васильков 30 числа с двумя ротами, взяв знамена и денежный ящик, освободили из-под караула арестантов, арестовали майора Трухина и жандармских офицеров. А 31 числа при сборе полка священник служил молебен и читал катехизис. Содействовали же в том случае, как я мог заметить, все офицеры Черниговского полка одинаково. Того же 31 числа выступили оттуда в Мотовиловку, где я хотя просился возвратиться в Васильков, но поручик Щепилло от того удержал и, для сильнейшего моего убеждения, показал письмо артиллерийского офицера, по фамилии Горбачевского, в котором, между прочим, было написано, что они людей уже не приготовляют, но удерживают; а другое письмо от солдат Пензенского пехотного полка о том, что они с нетерпением ожидают. Вместе с ним и все тут бывшие, как-то: Муравьев и Бестужев, убеждали меня остаться с ними, говоря, что мне будет хорошо, почему я и оставался с ними до самого забратия гусарами.

Из показаний И. Ракузы. [3])

Показание Комиссии военного суда при Белой Церкви. Март 1826 г. [4]).

Когда Муравьев, по прибытии из Трилес, собрал полк Черниговский, тогда говорил нижним чинам: «Мы, братцы, идем доброе дело

---

[1]) Грохольский,— штабс-капитан Полтавского полка, разжалованный в рядовые и переведенный в Черниговский полк.

[2]) Дело № 245. «Справки о разных лицах, собранные главнокомандующим 1 армии», л. 24.

[3]) Ракуза — бывший поручик Пензенского полка, разжалованный в рядовые и служивший в Черниговском полку.

[4]) Дело С. И. Муравьева-Апостола, № 395, л. 198.

делать», упоминал, что о сем уже известны многие полки не только 3, но и 4 корпусов. Когда некоторые из нижних чинов возразили: куда ж мы идем и зачем, то Муравьев и сообщники его офицеры повторяли: избавить народ из рабства, вам службу убавить, и некоторые другие обещания благодетельности, приговаривая солдатам, что все это от вас зависит, все это в ваших руках. На сие нижние чины отвечали, что ежели все полки согласны, то и они, лишь бы не было обмана. Во время сего возмущения из числа офицеров: Сухинов, Бестужев, Кузьмин, Щепилло были главными возмутителями, барон Соловьев также. 31 числа, когда в Василькове находились шесть рот, то с ними были и офицеры, кои, впрочем, особенного содействия к возмущению не оказывали; однако же и угроз и принуждения им от Муравьева, дабы непременно следовать за ротами, делано не было. Когда читали солдатам катехизис, я слышал, но содержания оного не упомню. Нижние чины едва ли могли слышать читанное. Таким же образом уговаривал Муравьев и в Мотовиловке две роты, 1 гренадерскую и 1 мушкатерскую, но сии отвечали, что без ротных командиров не пойдут. При чем просили, чтобы им доставить майора Трухина, о чем спрашивали некоторые и из прочих рот. Муравьев ответствовал, что Трухин прибудет на следующий день. Впрочем, во время похода нижние чины никаких неблагопристойностей и обид жителям не делали, за чем офицеры в особенности смотрели, предупреждая, что они идут для спасения народа.

Из показаний А. Е. Мозалевского [1]).

1. Показание 2 января 1826 г. при аресте в Киеве [2]).

Минувшего 1825 года декабря 29 числа перед вечером, когда пришли в Васильков две роты, 2 гренадерская и 5 мушкатерская, с Муравьевым-Апостолом, с коим были вместе Бестужев, Матвей Муравьев, Сухинов, Петин, Кузьмин, тотчас были освобождены барон Соловьев и Щепилло, кои были прежде посажены на гауптвахту майором Трухиным. В то же время Мозалевский поставлен был на заставу в караул с таким приказанием: чтобы никого не пропускать и брать всех под караул. В таком случае он взял двух жандармских офицеров, присланных из главной квартиры, отобрав от поручика Несмеянова тысячу сто рублей, и доставил с бумагами к Муравьеву, а у Скокова взял 10 рублей и отдал караульным; остальные же деньги и бумаги взял у него Сухинов. От Кузьмина слышал, что из Трилес Муравьев послал разжалованного Башмакова в Ахтырский и Александрийский гусарские полки. По приезде из Петербурга в Васильков свитского прапорщика Муравьева-Апостола 30 числа в 10 часов утра, чрез час

[1]) А. Е. Мозалевский — прапорщик Черниговского полка.
[2]) Дело № 20 «О возмущении в Черниговском полку», л. 65.

Муравьев-Апостол вручил Мозалевскому три катехизиса и приказал ему следовать в Киев с 4-ми солдатами, по прибытии найтить Курского пехотного полка майора Крупенникова, или Крупникова, и сказать, чтобы он следовал с батальоном в м. Брусилов; исполнивши сие в Киеве и раздавши катехизисы, ехать в Брусилов, объявивши, что он там найдет его с полком. При отправлении Муравьев-Апостол говорил Мозалевскому, что к нему пристанет Кременчугский пехотный полк, Александрийский и Ахтырский гусарские полки и что собрана для сего же 8 пехотная дивизия. Мозалевский слышал от Щепилло, что 4 пехотной корпус также будет собираться скоро и пристанет к Муравьеву. Щепилло же говорил ему, что 2 корпус также соединится с ними. Мозалевский слышал от разжалованного капитана Грохольского, что Муравьев намерен итти в Житомир. Муравьев говорил офицерам, что он надеется на соединение с гусарами и конно-артиллерийской ротой.

2. Из показания 9 января 1826 г. при штабе 1 армии [1]).

Находясь в полковом штабе в г. Василькове по болезни, прошлого 1825 года декабря 30 дня пополудни часу в четвертом, по прибытии подполковника Муравьева-Апостола в оный город Васильков со 2 гренадерскою и 5 мушкатерскою ротами, служащий в Черниговском же пехотном полку рядовым, разжалованный в сие звание из штабс-капитанов Полтавского пехотного полка, Грохольский, пришед ко мне на квартиру, просил от имени штабс-капитана барона Соловьева, поручиков — Щепилы, Кузьмина, Петина и переведенного в Александрийский гусарский полк поручика ж Сухинова, чтобы я пришел к сим офицерам; почему я и пошел к ним, кои все предложили мне следовать с ними в Брусилов, говоря, что тут собраны будут Александопольский и Кременчугский пехотные, Ахтырский и Александрийский гусарские полки, которые, равно и другие полки, бунтуются и из Брусилова пойдут в Житомир, где будто бы собрана уже и 8 пехотная дивизия. Почему когда я согласился на таковое их предложение, то в тот же вечер наряжен я с нижними чинами в караул на Богуславскую заставу с приказанием, чтобы всех проезжающих брать под арест и доносить об оных подполковнику Муравьеву-Апостолу; при каковом случае ночью и взяты были два жандармские офицеры Несмеянов и Скоков, по доставлении коих на гауптвахту отобраны от них бумаги и деньги и все оные доставлены к сказанному подполковнику Муравьеву. На другой же день поутру, в часу 12-м, по смене с караула, позван я к оному Муравьеву, который, дав мне надеть партикулярное платье и сделав наставление, чтобы я был осторожнее, вручил три катехизиса, запечатанные в конверт, но не надписанные, приказав,

[1]) Дело С. И. Муравьева-Апостола, № 395, л.л. 26—28.

чтобы по приезде в Киев по распечатании отдать их отправившимся со мною трем рядовым и одному унтер-офицеру в шинелях, у которых сам же Муравьев отпорол погоны, с тем, чтобы они роздали те катехизисы состоящим в Киеве солдатам, также дал мне письмо Курского пехотного полка к майору Крупникову и велел сказать ему, чтобы шел с батальоном в Брусилов на сборное место. По прибытии в Киев, сказанные катехизисы брошены солдатами в разных местах на тот конец, чтобы оные были сысканы находящимися там воинскими чинами; письмо ж, по неотысканию майора Крупникова, осталось у меня, и я в ту же ночь, в которую приехал в Киев, и выехал из оного; а прибывши в селение Борщиевку [1]), остановился тут в трактире кормить лошадей, где приехавшим каким-то чиновником взят вместе с бывшими при мне сказанными нижними чинами и привезен обратно в Киев к тамошнему полицмейстеру, а от него представлен в дежурство 4 пехотного корпуса. Обещаний мне при приглашении к сообществу возмутилей никто никаких не делал, а только говорили вышепоименованные офицеры, что деньги у нас будут, и нужды никакой не будем иметь. Из нижних чинов никого главнейшим сообщником возмутителей я не заметил, но все, будучи обласканы своими начальствующими возмутителями, получали от них деньги на вино, напивались допьяна, и когда рота поручика Кузьмина просилась из Василькова на ротный дво в Трилесы для забрания своих вещей, то он, Кузьмин, дав на роту 200 рублей ассигнациями, говорил: «нейдите, мы ни в чем нуждаться не будем, сходим только в Брусилов и Житомир, а потом возвратимся опять в Васильков». Таким же образом и другие ротные командиры обласкивали своих нижних чинов и давали им деньги; но знал ли кто-либо из нижних чинов настоящую цель предприятия возмутителей, о том мне неизвестно; а только слышал, по прибытии в Васильков сказанных 2 гренадерской и 5 мушкатерской рот с подполковником Муравьевым-Апостолом, когда оные роты освободили из-под ареста штабс-капитана барона Соловьева и поручика Щепилло, то первый из них, выйдя на плац-форму, говорил солдатам, чтобы не робели, что полковым командиром подполковник Гебель уже не будет, что срок службы их будет сокращен на 20 или 15 лет, при чем некоторых из них целовал. Чтобы назначено было время к начатию возмущения, о том мне неизвестно, и ни от кого не слыхал; также и причины настоящей к сему предприятию не знаю; а полагаю, что было поводом к тому предложение арестовать подполковника Муравьева. 30 ж числа декабря говорил мне поручик Кузьмин, что приезжавшие 26 декабря в Васильков к подполковнику Муравьеву два офицера — один Ахтырского гусарского полка, а другой конно-артиллерийский — говорили ему, Кузьмину, и поручику Щепилле, что бунтуются Ахтырский и Александрийский гусарские полки и какая-то артиллерийская рота. Из оных офицеров артиллериста видел и я того ж 26 числа, кото-

[1]) Т.-е. Борщаговку.

рый росту высокого, лица белого, круглого с черными усами, лет около 28. Также 30 декабря видел 17 егерского полка поручиков — Вадковского и Молчанова, кои были с Муравьевым возле гауптвахты, и при сем случае Муравьев говорил солдатам: «вот и 17 егерский полк готов и с нами же пойдет в поход». Касательно разжалованного из полковников артиллерии Башмакова, то я слышал от поручика Кузьмина, что тот Башмаков послан был еще из Трилес Муравьевым в Ахтырский и Александрийский полки. Приезжал ли кто-либо из Кременчугского и Алексопольского пехотных полков к Муравьеву, о том я не знаю и ни от кого не слыхал. Кто переписывал врученные мне вышеупомянутые катехизисы, того точно не знаю, но полагаю, что полковые писаря, коих я видел писавшими у Муравьева 31 числа поутру. Оные катехизисы вручены мне прежде, нежели прибыл из Петербурга брат подполковника Муравьева свитский прапорщик Муравьев же, который приехал того же 31 декабря тогда, когда уже собрался полк к походу, и служили молебен, при коем читан был и катехизис полковым священником. Чтобы приезжал во время возмущения в Васильков какой-либо генеральский адъютант, о том я не знаю. Офицеры же, совокупившиеся с Муравьевым в Василькове, были следующие: штабс-капитаны — Маевский и барон Соловьев; поручики — Щепилло, Кузьмин, Петин, переведенный в Александрийский гусарский полк Сухинов, полковой казначей Сизиневский; подпоручики — полковой квартирмейстр Войнилович, Быстрицкий, Рыбаковский, Кондырев; прапорщики: князь Мещерский, Апостол-Кегич и Белелюбский; отставной подполковник Муравьев и свитский прапорщик Муравьев же; да Полтавского пехотного полка подпоручик Бестужев-Рюмин и разжалованные из офицеров в рядовые Грохольский, Тарасов, Ракуза, а Башмаков, как выше изъяснено, был послан в Ахтырский и Александрийский полки; и из сих рядовых видел одетыми в офицерское платье Грохольского и Ракузу. В вечеру же 30 декабря слышал я от порутчика Сухинова, что подполковник Муравьев с ротного двора 2 гренадерской роты послал каптенармуса той же роты Какаурова в какую-то конно-артиллерийскую роту, но для чего, мне неизвестно.

Из показаний рядовых Черниговского полка.

Показание рядового Алексея Федорова 2 января 1826 г. при аресте в Киеве [1].

1825 года декабря 29 числа, как он слышал от солдат, приехал в ротный двор [2] полковой командир [3] и, остановясь в квартире ротного командира Кузьмина, поставил около квартиры Муравьева караул.

---

[1] Дело № 20 «О возмущении в Черниговском полку», л. 68.
[2] В Трилесы.
[3] Г. И. Гебель.

Скоро пришел к полковому командиру поручик Щепилло; не скидая шапки, вошел так в квартиру, но когда первый стал последнему говорить, тогда Щепилло, сбросивши с себя шапку, выхватил у часового ружье, начал полкового командира колоть, а Муравьев, пришедши, бил его прикладом; полковник однако ж вырвался и ушел. После собрана была рота и вышла в Васильков, оставив на квартирах ранцы, кивера и прочие вещи, а некоторые и из сих вещей брали с собою; все же без изъятия взяли ружья и сумы с патронами. По собрании полка в Василькове при знаменах полковой священник читал катехизис, и после заряда ружья пошли к Житомиру; а его, Федорова, и прочих трех рядовых послали с Мозалевским в Киев, куда, прибывши 31 декабря вечером, были все, кроме его, Федорова, на пивоварне, и затем поехали на Подол, где Мозалевский, оставаясь сам на повозке, посылал из них Прокофьева отыскивать майора Тамбовского или Муромского полка (фамилии коего не упомнит) для узнания об нем; посылал Прокофьева в полковую канцелярию, но, не отыскавши, заезжали в трактир, сам Федоров оставался у лошадей; после Мозалевский посылал Софронова с какими-то бумагами, и затем выехали в Борщаговку, где взяты и доставлены в Киев. На шинелях у него, Федорова, и у прочих трех рядовых эполеты обрезаны по приказанию Мозалевского для того, чтобы не узнали, какого они полка.

Показание унтер-офицера Ивана Харитонова 2 января 1826 г. при аресте в Киеве [1]).

Декабря 29 числа 1825 года приказано было собраться 5 мушкатерской роте в селении Ковалевке, где батальонный командир Муравьев и ротный Кузьмин сказывали, что рота пойдет в Васильков, куда прибывши, уговаривали они, чтоб только их слушали; говорили притом: «все будет наше». Полковой священник читал при знаменах катехизис. Полк, собравшись, зарядя ружья, вышел к Житомиру, а его, Харитонова, с Мозалевским и тремя солдатами послали в Киев. Приехавши же, Мозалевский, оставаясь сам на повозке, посылал рядового Павла Прокофьева в канцелярию Курского пехотного полка отыскивать майора того полка Крупенникова; однако оного не нашли. После, отъехавши от канцелярии, повстречали писаря Курского полка, коего Мозалевский взял с собою, и были в трактире около четверти часа, при чем Мозалевский спрашивал того писаря о майоре Крупникове и что в Киеве слышно. А когда писарь отвечал, что майора Крупенникова в полку нет, а есть поручик Крупенников, тогда, более не расспрашивая, послал рядового Софронова и велел данные ему три бумаги бросить под ворота близ большой дороги, отъехавши от трактира версты две. И после отправились в Брусилов, дабы догнать полк; но в деревне Борщаговке, от Киева в 13 верстах, взяты и доставлены

[1]) Дело № 20 «О возмущении в Черниговском полку», л. 69.

в Киев. Добавил притом, что ранцы, кивера и прочие солдатские вещи приказано Муравьевым оставить на прежних квартирах, а некоторые взяли с собою; ружья же, сумы с патронами взяты всеми без изъятия. На шинелях как у Харитонова, так и у прочих трех рядовых эполеты отрезаны по приказанию Мозалевского для того, чтобы не знали, какого они полка.

Показание рядового Акима Софронова 2 января 1826 г. при аресте в Киеве [1]).

31 декабря приказал Муравьев-Апостол ему и прочим трем солдатам, сняв амуницию, ехать с Мозалевским в Киев, а зачем, не знает. Приехавши, были на Подоле, где Мозалевский посылал Прокофьева отыскать майора Крупенникова или Крупникова, но не нашедши, возвращаясь, Мозалевский на дороге близ трактира велел данные ему какие-то три бумаги бросить, что ими исполнено; и после поехали в Борщаговку, где были взяты и доставлены в Киев. Пред выездом их из Василькова ротный командир Кузьмин уговаривал всех солдат ничего не бояться и делать, что приказано будет. После был собран полк и, зарядя ружья, пошел к Житомиру, а их послали в Киев. При собрании полка в Василькове читан был полковым священником всем катехизис при знаменах. Ранцы, кивера и прочие вещи от рот, по приказанию Муравьева, оставлены на прежних квартирах, а некоторые взяли с собою, а сумы с патронами и ружья взяты всеми без изъятия. На шинелях, как у него, Софронова, так и у прочих трех эполеты по приказанию Мозалевского обрезаны единственно для того, дабы не узнали, какого они полка.

Показание рядового Павла Прокофьева 2 января 1826 г. при аресте в Киеве [2]).

1825 года 31 декабря, по приказанию Муравьева и Кузьмина, послан он с Мозалевским и тремя солдатами в Киев к майору Курского полка Крупенникову, или Крупникову, за которым, по приезде в Киев, вечером, для отыскания послан был Мозалевским в канцелярию того полка, где ему объявили, что у них майора Крупенникова нет, а есть поручик Крупенников, о чем он сказывал Мозалевскому, который оставался на повозке с прочими около канцелярии; после чего повстречали какого-то писаря Курского полка, с коим Мозалевский ходил в трактир и был там с полчаса. Затем Мозалевский дал рядовому Софронову три записки, кои им близ трактира брошены; они же уехали в Борщаговку, где взяты и доставлены в Киев. Пред выездом дня за два ротный командир Кузьмин уговаривал всех солдат, чтоб только его слушали,

[1]) Дело № 20 «О возмущении в Черниговском полку», л. 70.
[2]) Дело № 20 «О возмущении в Черниговском полку», л. 71.

при чем читал им полковой священник катехизис. 31 декабря, собравшись, полк и, зарядя ружья, пошел к Житомиру. Сказывали при том, что с ними соединится кавалерия, 8 пехотная дивизия и пионеры в Бобруйске. Ранцы, кивера и прочие вещи, по приказанию Муравьева, остались на прежних квартирах, а некоторые взяли с собою; равно всеми без изъятия взяты ружья и сумы с патронами. На шинелях, как у него, Прокофьева, так и у прочих трех рядовых эполеты, по приказанию Мозалевского, обрезаны, дабы не узнали, какого они полка.

Из показаний В. Л. Давыдова.

Из показаний 25 февраля 1826 года [1]).

Я не имел честь объявить высочайше утвержденному Комитету о вопрошенном обстоятельстве единственно оттого, чтобы не подвергнуть человека, совершенно чуждого обществу и не знающего даже о его существовании, несчастью, им не заслуженному. Что же касается до меня, то если бы не случайно, я бы ничего и не слыхал о сем офицере. Вот каким образом сие происходило. Идучи с женой мимо дома, доктором Зинкевичем занимаемого, я взошел один к нему, чтобы поговорить о здоровье одного из детей моих. Он же, услыша, что я иду, вышел ко мне навстречу, и в полуотворенную дверь я увидел незнакомого человека, пьющего у него чай. Так как к доктору много ездит для пользования особ мне незнакомых, то я и принял сего офицера, который был в партикулярном платье, за больного. Доктор сказал мне после, что это — офицер, бежавший после рассеяния мятежников от Сергея Муравьева и который пробирается домой к Херсоню, надеясь там скрыться у родни. Я просил доктора не держать его у себя и советовать ему оставить местечко; но он мне ответил на сие, что сей офицер уже удалился. Я говорил доктору, что удивляюсь, что он надеется скрыться в семействе, еще говорил, что разве за границей может спастись, если удастся ему переправиться через оную. Но его уже не было. Я его никогда не знавал, не слыхал об нем, и тут видел издали одну секунду и случайно. Сей офицер, по словам доктора, мало что знал о точном намерении Сергея Муравьева, говорил только, что они надеялись на многие полки, пехотные и гусарские, что уже высочайше утвержденному Комитету известно, что С. Муравьев имел сношения с Петербургом и что меньшой его брат, прибывший перед возмущением, привез ему какое-то известие. Все сие рассказывал доктор с удивлением, как чело-

[1]) Дело № 244 «Справки о разных лицах», л.л. 55—56. Печатаемое здесь показание В. Л. Давыдова касается одного эпизода из истории бегства поручика И. И. Сухинова, единственного офицера Черниговского полка, пытавшегося скрыться после того, как полк был разбит. Через несколько дней Сухинов добрался до местечка Каменки, принадлежавшего В. Л. Давыдову. Доктор Зинкевич служил раньше в Черниговском полку; Сухинов надеялся, что доктор поможет ему скрыться. Выдержки из показаний самого Сухинова были напечатаны в «Рус. Архиве», 1902 г., № 6, стр. 298—301.

век, слышащий в первый раз. Из одного человеколюбия дал он рубашки и 25 рублей сему офицеру на дорогу, ибо он был истощен от голода и не имел, на что хлеба купить. Священным долгом поставляю утвердительно сказать здесь, что не только господин доктор Зинкевич ни мало не причастен никогда не был к обществу, но совершенно подобными предметами никогда не занимался и не занимается, а единственно предан одному ремеслу своему. Имя сего бежавшего офицера Сухин или Сухов; местопребывание его мне и доктору неизвестно; сказывал он только ему, что неподалеку от Херсона.

II. ПОЕЗДКА Я. М. АНДРЕЕВИЧА 2-го.

Из показаний Я. М. Андреевича 2-го.

Из показаний 13 января 1826 г. в штабе 3 корпуса [1]).

Приехал я в г. Киев на первый день или накануне праздника рождества первого дня — не помню, в четыре часа пополудни, и явясь на другой день начальнику киевского арсенала г. генерал-майору князю Абамелику. На другой день выезжал из Киева в г. Васильков, куда приехав и не застав дома Муравьева, а только трех офицеров, и, кто они были, не знаю, а потому, не имея надобности пробывать с ними, я тотчас отправился назад обратно в г. Киев и там пробывал до сего времени и никуды не отлучался, о чем могут свидетельствовать начальник киевского арсенала генерал-майор князь Абамелик и подполковник Шварценберг, у коих я нахожусь под начальством.

Из показаний А. З. Муравьева.

Из показаний 19 февраля 1826 г. [2]).

Точно и положительно имею честь уведомить Комитет, что Андреевич приезжал ко мне с запискою от Башмакова и спрашивал про Бестужева и Муравьева и приглашал действовать, говоря, что иначе пропали. Тогда возмущения Черниговского полка не было, ибо когда он из Василькова выехал, то упомянутые Бестужев и Муравьев там не находились. Бечасной у меня не был, и я его в глаза не видал [3]), может, после выезда моего 31 числа рано утром в Троянов он и приезжал, но того не знаю, ибо я уже домой не возвращался, быв того же дня вечером арестован. Я бы ни чем не мог бы оправдаться, не упомянув в показании моем столь важного обстоятельства, как приезд Бечасного.

---

[1]) Дело Я. М. Андреевича 2-го, № 437, л. 8.

[2]) Дело Я. М. Андреевича 2-го, № 437, л. 48.

[3]) Показание В. А. Бечаснова см. ниже. В. А. Бечаснов — прапорщик 8 артилл. бригады, член общества Соединенных Славян.

Из показаний Я. М. Андреевича 2-го.

Из показаний 24 февраля 1826 г. [1]).

В 26 день декабря 1825 года, сделал отлучку без позволения начальства из города Киева в город Васильков к Сергею Муравьеву, ничем иным побуждаемый, как недостатком в деньгах, которых у него надеялся занять; но, прибыв туда, не застал его дома, кроме офицеров оного полка. Лишась всякой надежды, хотел тотчас ехать обратно, но, не имея чем заплатить нанятому мною извозчику, решился просить сих офицеров, дабы они одолжили мне для уплаты оному извозчику. Они, обещав мне сие, удержали еще меня на время. Между тем рассказали, что у Муравьева жандармы забрали все бумаги и поехали искать его самого, он же сего не знает, и что они, узнав о сем, собрались к нему и ожидают его приезда. А потому, если вы любите Муравьева, то сделайте ему и нам одолжение и услугу. Вы совсем посторонний человек, поезжайте за ним вслед и объявите ему оное. Я сначала извинялся, что без спросу выехал и долго не могу ездить, а должен тотчас возвратиться обратно, но все это было тщетно. Они упрашивали меня для бога сделать сие, и я, не могши отказать усиленным их просьбам, решился. Они дали мне денег около ста рублей, наняли лошадей. Сказали, что он должен находиться в городе Житомире, и я, севши, отправился, не быв у них более получаса. Дали притом мне и подорожную для поспешности. Выезжая уже, говорил, что денег сих мало, чтобы возвратиться назад; но они мне объявили, что я могу заехать в Радомысле к полковнику Швейковскому, который никак в них не откажет И я проездом был у него и рассказал ему, что меня упросили офицеры Черниговского полка, чтобы уведомить Муравьева о том, что его хотят взять, но дали мне мало денег, уверяя, что вы не откажете; а потому и решился вас беспокоить, рассказав ему притом, что офицеры оного полка, собравши[сь] у Муравьева на квартире, и хотели итти с полком в Киев, но я им отсоветовал, и лучше, говорил, дождаться Муравьева; а потому, чтобы они в сие время не наделали каких беспорядков, мне надобно поспешить. Узнавши от него, что Сергей Муравьев должен быть в Любаре у брата, я уехал.

Прибывши же в местечко Любар к полковнику Ахтырского полка Артамону Муравьеву, объявив ему причину моего приезда и получа в ответ, что Сергей Муравьев уже о сем знает и поехал [в] полк, тут я спросил еще его, как они думают со своим полком. Он же отвечал: «поезжайте, ради бога, от меня, я своего полка не поведу, делайтесь вы там, как хотите, меня же оставьте и не губите, у меня семейство». Более же разговоров у меня с ними не было никаких, и не помню, чтобы я говорил ему об артиллерии или об готовности Кременчугского полка. И, пробыв не более четверти часа, тотчас вышел и поехал прямо в Киев, чрез Васильков.

---

[1]) Дело Я. М. Андреевича 2-го, № 437, л. 51.

Проезжая же чрез местечко, от Василькова в тридцати верстах лежащее, Фвастов и остановясь там переменить лошадей, узнал от жида, что Муравьев находится в Василькове и что там теперь уже почти нельзя проехать, ибо всех хватают, и что солдаты взбунтованы совершенно целого полка, наконец, что он хотел выйти скоро из Василькова в Белую Церковь. Узнавши уже подробно обо всем, я, переменивши лошадей, отправился прямо в Киев, беспокоясь о моей безрассудной поездке, прибыл в оный на рассвете дня и с Муравьевым нигде не виделся, а находился все в Киеве до дня моего ареста, не выезжая и не отлучаясь никуда, ожидал спокойно, что по сем со мною случиться долженствовало; занимался черчением данного плана мне от арсеналу.

Из показаний В. А. Бечаснова.

Из показаний 19 февраля 1826 г. [1]).

Будучи в местечке Бердичеве за разными покупками, где намеревался провести первый день нового 1826 года, накануне оного вечером часу в 9 услышал я, что гусары выступают, ни минуты не медля, но неизвестно куда, и в то же время по трактирам и заездным домам кого-то с фонарями искали, а потому, встревожась сим происшествием, решился я немедленно м. Бердичев оставить и ехать в ротный штаб, м. Барановку, где была также моя квартира. А как в сие местечко из Бердичева лежат две одинакового расстояния дороги, — одна чрез Чудново, другая чрез Любар, — то я и решился избрать последнюю, дабы, проехавши от Бердичева 70 верст, остановиться в Любаре кормить лошадей и между тем зайти к полковнику Артамону Муравьеву, от коего надеялся узнать причину скорого их похода, куда именно выступают, и все сие потом сообщить Горбачевскому и Борисову (Петру) [2]), дабы не упрекали в недействии, что по пустому езжу, собственно только для своих удовольствий и ничего не стараюсь узнать. На дороге между Бердичевым и Любаром ближе к сему последнему остановился я около корчмы дать на минуту лошадям отдохнуть, а сам зашел в комнату закурить трубку и там увидел двух или трех евреев, ехавших также в Любар и остановившихся около же сей корчмы, кои сказывали мне, что их недавно обогнал полковник Арсеньев, что слышна в Василькове большая тревога, что квартирующий там полк поднялся, не хочет присягать и разбойничает; говорили же все сие неясно, с опасением, как слышанное. Я, не любопытствуя знать, откуда они и кто такие, выкуривши трубку, вышел и поехал, полагая, что они должны быть любарские, что знают Арсеньева и слышали о возмущении [от] своих же приезжающих, а, может, около тех мест и сами были, но опасаются

[1]) Дело В. А. Бечаснова, № 435, л.л. 37—39.

[2]) И. И. Горбачевский, П. И. Борисов 2-й — офицеры 8 артил. бригады, члены общества Соединенных Славян.

прямо говорить, но что я узнаю подробнее от Муравьева Артамона. В исходе пятого часа по полуночи приехал я в Любар, где уже многие жители проснулись, и при въезде в заездной дом встал с повозки, увидев идущего неподалеку от себя с фонарем офицера, к коему подошедши, спрашивал его: дома ли полковник Муравьев? Он отвечал, что нет, но что часа чрез три будет, спрашивая меня, зачем мне Муравьев? Я сказал, что имею к нему надобность. Потом сей офицер, узнавши от меня мою фамилию, объявил, что он есть полковой квартирмейстр или казначей, но вернее, кажется, первой—Лыков (если в фамилии его не ошибаюсь), поручичьего чина, и приглашал меня дождаться в квартире Муравьева его приезда, где говорил также дожидается его и подполковник Арсеньев, приехавший недавно из Бердичева, но я отказался и остановился на квартире у еврея Лейбы, потребовал у хозяйки чаю. Она вошла сама и спрашивала, что значит, что гусары выступают, куда, кто я такой? Я, не объявляя ей своей фамилии, сказал, что артиллерийский офицер и имею надобность к Муравьеву; впрочем, советовал ей оставить вопросы и лишнее любопытство и после чаю пошел в квартиру полковника Муравьева узнать, где он находится, но ни Арсеньева, ни офицеров никого не застал; человек же его или деньщик сказал, что полковник в Троянове, но что в часу в 10 будет назад, что подставные лошади стоят, и я, не отвечавши на вопрос его: «как обо мне доложить, когда приедет полковник», сказал только, что сам буду, и пошел на свою квартиру, где, приказавши кормить лошадей, сам лег отдохнуть. Часу в 9 посылал я опять в квартиру Муравьева узнать, приехал ли он? Но отвечали, что скоро ожидают. Вышедши за вороты, спрашивал я также проходящего гусарского унтер-офицера, но сей также отвечал, что полковника нет, но что полк выступил. В исходе 10 часа услышал я от стоявших около ворот евреев и от хозяйки, что у полковника Муравьева печатают квартиру, почему я, опасаясь долее оставаться, велел скорее запрягать лошадей, а сам, будучи побуждаем любопытством, пошел в квартиру полковника Муравьева узнать, что там происходит, не веря слышанному от жидов, коих толпа неподалеку квартиры стояла. Я, взошедши на крыльцо, стоявшим около дверей на часах гусаром не был впущен в комнаты, и в ту же минуту вышел полковой адъютант Алексеев 2. Я, видевши его в лицо раз только в 1821 году, узнал его, но, однакоже, точно утверждать не могу, чтобы то был, но кажется не ошибаюсь; но, не будучи с ним знакомым, опасался расспрашивать о происходившем, только спросил: будет ли полковник Муравьев сегодня в Любаре? Он коротко отвечал, что не приказано никого впускать в его квартиру, и тотчас ушел, а я, возвратившись на свою квартиру, сел в повозку и поехал. По приезде моем в роту, увидевшись, кажется, на 3-й день с Горбачевским и потом с отставным Борисовым, возвращавшимся уже из Старого Константинова, на вопросы их: что слышно и где я был, не рассуждая о последствиях, отвечал, что как в Бердичеве из членов нашего общества я никого не нашел, то заезжал по дороге к Артамону Муравьеву и будто с ним виделся, но очень ко-

ротко, что будто от него слышал, что Черниговский полк поднялся, что не хочет присягать и что гусары посланы усмирять его (ибо о сем уже не только дорогой от жидов, но и в Любаре уже я слышал утром, что квартирующий в Василькове полк не приеягает и разбойничает, почему легко уже мог я судить, что Черниговский), но что гусары против Черниговского полка действовать не будут (это сказал, сообразуясь с Бестужевыми словами, что будто гусары готовы к революции и как всегда он говорил: «я еду к гусарам»).

Все сие Горбачевскому и Борисову сперва отставному потом и Петру сказано было мною (т.-е. о свидании мнимом с Муравьевым и разговоре) единственно для того, дабы не упрекали меня, что понапрасну только езжу, ни с кем не стараюся видеться и ничего не хочу узнавать и действовать. А что я действительно с Артамоном Муравьевым не виделся, кроме как только один раз под Лещиным, то не только оный сам, который раз меня видел у Сергея Муравьева-Апостола, но вышеупомянутый мною полковой квартирмейстр, бывший свидетелем моего въезда в Любар, самый хозяин любарской еврей Лейба или жена его и домашние, где я останавливался, могут свидетельствовать, в котором часу я приехал в Любар, и сии же самые, равно как и все находившиеся в штабу Ахтырского полка г.г. штаб- и обер-офицеры, жители м. Любара и дворовые люди полковника Муравьева могут показать, ночевал ли дома полковник Муравьев и был ли в Любаре в то время, в которое я там кормил лошадей, т.-е. на новый 1826 год от исхода 5 часа по полуночи до 10 часов утра нового года. До сего же времени я также у Муравьева никогда не бывал, ибо находился безотлучно при роте на следствии до 28 декабря месяца 1825 года, которого числа и выехал в Бердичев. Вечером приехал и ночевал в м. Чуднове, а 29 к вечеру приехал в Бердичев, остановясь там на квартире у штабс-ротмистра Пехотинского, с коим познакомился я по следственным делам, а вечером накануне нового года выехал из м. Бердичева в м. Любар.

III. ПОЕЗДКА А. И. БОРИСОВА I-го.

Из показаний А. И. Борисова 1-го [1]).

1. Из начального допроса 11 апреля 1826 г. [2]).

В декабре 1825 г. я получил от брата и Горбачевского письмо, в котором, уведомляя о принятии в общество Бестужева-Рюмина, имеющего большие связи и потому могущего быть полезным, советовали ехать в Киев и с ним там увидеться. Не нашед Бестужева в Киеве, я поехал в Новгород-Волынск к брату, от которого узнал, что Славянское общество присоединилось к Южному, которое очень сильно и

[1]) А. И. Борисов, отставной офицер, член общества Соединенных Славян.
[2]) Дело № 432, л.л. 2—4.

имеет целью введение в государстве республиканского правления с истреблением государя и всей императорской фамилии, и что брат мой при общем стремлении членов не мог тому воспротивиться. Услышав сие, я крайне негодовал на брата за соглашение на цель, столь противную принятым нами прежде началам. Пробыв у брата с неделю, я поехал опять в Курскую губернию чрез Житомир и Киев с намерением повидаться там с старыми товарищами и с Бестужевым. В Житомире увиделся я с Киреевым, комиссионером Ивановым, Веденяпиным 1-м и 2-м и Нащокиным [1]), от коих узнал, что общество открыто, многих берут под арест, рано или поздно дойдет и до них, и что 2 армия уже взбунтовалась. Тут по общему совещанию положили мне ехать обратно в 8 бригаду и в пехотные полки и возбудить членов общества к вооружению, с имеющимися у них в готовности частями следовать сначала на Житомир, потом Киев и, наконец, овладеть крепостью Бобруйском, в коей дожидаться подкрепления со стороны других войск. Киреев и Иванов дали мне письма, с коими я возвратился в 8 бригаду к брату и Горбачевскому, и передал им сие преднамерение. Горбачевский и брат дали мне также письма в Пензенский полк к Громницкому, коего знал я прежде. Нашед сего последнего у Лисовского, я говорил им обоим то, что положено было на совещании в Житомире, присоковупив, что, по словам сочленов наших, 7 и 9 дивизии, гусары и артиллерия 3 корпуса и несколько полков 2 армии готовы действовать и соединиться с нами. Громницкий и Лисовский [2]) обещались итти по смене с караула их рот и снабдении их патронами. Поезд же мой в Троицкой полк к капитанам Ярошевичу и Киселевичу с тем же предложением они мне отговорили, сказав, что когда они сами пойдут, то и роты сих офицеров присоединят к себе. Оттуда поехал я к Тютчеву, который сперва было согласился итти, но после сказал, что посоветуется с Спиридовым и нарочно поедет к нему. От Тютчева отправился я в с. Барановку к Горбачевскому и располагался ехать в 1 роту к брату, но Горбачевский сего не одобрил, говоря, что и без того полковник Эйлер 2-й уже подозревает меня, почему я и отправился в Житомир, где Иванов также сказал мне, что генералу Богуславскому [3]) известны мои разъезды и что я и тут угрожаюсь опасностями. Сие заставило меня поспешно ехать в Киев. Тут остановился я по случаю болезни три дня у Андреевича 2-го, в продолжение которых Андреевич был арестован, а я, как найденный у него в квартире, взят также был генералом Красовским [4]) и допрашиван. Не сознавшись же ни

[1]) И. В. Киреев, Ап. В. Веденяпин 1-й, Ал. В. Веденяпин 2-й, П. Нащокин — офицеры-артиллеристы, стоявшие в Житомире, члены общества Соединенных Славян. И. И. Иванов—провиантский чиновник, секретарь того же общества.

[2]) П. Ф. Громницкий, Н. Ф. Лисовский, А. И. Тютчев, М. М. Спиридов — офицеры Пензенского полка, расположенного в Ст. Константинове и окрестностях его, члены общества Соединенных Славян.

[3]) Ген.-м. Ал. Ан. Богуславский — начальник артиллерии 3 корпуса.

[4]) Ген. А. И. Красовский—начальник штаба 4 корпуса.

в чем, вскоре был отпущен и возвратился к отцу в Курскую губернию, у коего жил до самого арестования своего и отправления в Петербург.

2. Из ответов на вопросы от 22 апреля 1826 г. [1]).

На вопрос 10. По прибытии в Житомир, я нашел Иванова, Веденяпиных 1 и 2, Киреева и Нащокина, где с общего согласия приняли мнение Иванова о необходимости защищать свою жизнь, в чем я настоятельно требовал от них на бумаге изложения всех причин и подписки, но они отказались от сего.

Мы хотели защищать свою свободу и жизнь, но отнюдь не делать отдельного бунта. Я предполагал удалиться в Бобруйск, ежели сие удастся и ожидать, пока все недовольные к нам присоединятся.

Комитету угодно, чтобы я сказал, что желал соединиться с Муравьевым, но о возмущении его узнал я на обратной дороге, когда Муравьев был уже разбит и арестован. А я, не нашед явного расположения в товарищах к защищению себя от наказания, решился удалиться и ожидать покойно готовившейся нам участи.

Все сие я говорил для возбуждения духа мужества в товарищах и слышал от Иванова или Киреева, не упомню [2]).

Все сие положено по общему совещанию в Житомире [3]).

На вопрос 11. Письма [4]) требовал я потому что, те члены, на чье имя даны были оные, приняты без меня, равно и от Горбачевского и брата моего для сей же причины брал оные.

На вопрос 12. В Житомире писал Киреев и Иванов к Громницкому и Лисовскому, но особенных писем не давал ни к Ярошевичу, ни к Киселевичу. Громницкий и Лисовский, получа записку Киреева, возвратили мне оную по прочтении для отдачи Тютчеву.

На вопрос 13. Тютчев, точно, получил письма от Горбачевского, брата моего и записку Киреева, ту же самую, которая была на имя Громницкого.

На вопрос 14. По причине болезни, случившейся со мною в дороге, я остановился у Андреевича 2-го, где и был на 3-й день вместе

---

[1]) Дело А. И. Борисова 1-го, № 432, л.л. 12—13.

[2]) Ответ на вопрос Следств. Комитета: «Действительно ли вы Громницкому и Лисовскому говорили следующее: что общество ваше открыто правительством чрез донос полковника Габбе, что он хотел скрыться, но Андреевич поехал догонять его по фальшивой подорожной с намерением лишить его жизни, что 7 и 9 дивизии и много полков 2 армии уже соединились и будут действовать против правительства, гусары 3 корпуса с артиллериею тронулись с мест и идут форсированным маршем к тем полкам на подкрепление; 8 же артиллерийская бригада не может тронуться без подкрепления, она дожидается вас, непременно поспешите. Если умирать, то лучше с оружием в руках, нежели гнить в цепях вечно».

[3]) Решение поднять восстание.

[4]) К офицерам Пензенского полка.

с ним арестован, но чрез сутки получил свободу, возвратясь в Харьковскую губернию, не упомню которого числа, но знаю, что на 4 день по выезде из Киева к вечеру.

Из показаний Я. М. Андреевича 2-го.

Из ответов на вопросы от 19 апреля 1826 г. [1]).

Отставной подпоручик Борисов 1-й, бывши у меня по возвращении из 8 артиллерийской бригады и Пензенского пехотного полка, рассказывал мне о своей поездке. Но я, расстроенный духом и спокойствием, мало внимал его рассказам, и как могу припомнить, то, кажется, он говорил, что ездил предлагать им о действии. Но от кого был послан и с какою целью, я ничего не знаю, и о последствиях поездки своей говорил, что они с трудом на его предложение соглашались, и почти теряет надежду, чтобы они начали действия.

Из показаний П. И. Борисова 2-го.

1. Из показаний на вопросы от 13 февраля 1826 г. [2]).

Прожив 5 дней у меня, поехал он [3]) обратно в Киев через Житомир с намерением просить Бестужева о помощи насчет определения в службу, но по приезде своем в Житомир узнал от Иванова и Киреева о приказе арестовать Муравьевых и Бестужева и об опасности, всем конституционерам угрожающей. Они говорили, что одно средство избегнуть жесточайшего наказания есть умереть с оружием в руках. Это было предложение Муравьева-Апостола, переданное им Андреевичем 2-м. Мой брат, по совету их, возвратился назад 1 генваря сего года в г. Новгород-Волынский и уведомил о всем им слышанном меня и Горбачевского. Опасность всех тех, с коими соединил я мой жребий, опасность моя собственная, решили меня последовать вышеупомянутому совету Муравьева. Я видел, что Горбачевский колебался и был в нерешимости, почему я сам написал письма к Тютчеву и Громницкому, в коих изобразил грозу, сбирающуюся над главами преобразователей, напоминал им о клятве и честном слове, данном нами Бестужеву, и предлагал, возбудя в солдатах революционный дух, итти в г. Новгород-Волынский, где я думал, с помощью их легко арестовавши полковника и офицеров, которые бы не согласились на мое предложение, и овладевши лошадьми и резервом, взять артиллерию и, преклонив на свою сторону канониров, следовать к Житомиру.

[1]) Дело Я. М. Андреевича 2-го, № 437, л. 58.
[2]) Дело П. И. Борисова, № 431, л. 30.
[3]) Т.-е. А. И. Борисов 1-й.

Там предполагал я получить помощь от командира Ахтырского гусарского полка [1]), слышавши, что сей полк сбирается в штаб, и от полковника Швейковского, полагая, что он был в Алексопольском пехотном полку, которым прежде командовал.

Сделавши сей безрассудный план, вымышленный отчаянием, просил я моего брата ехать в Старый Константинов, ибо нам было невозможно отлучиться от рот, не навлекши на себя подозрения. Он оставил Новгород-Волынский 3 числа вечером. При нашем прощании я советовал ему ехать из Константинова прямо домой и стараться сохранить себя для наших родителей.

На возвратном пути мой брат виделся с Горбачевским и Бечасновым, коих уведомил, что Тютчев и Громницкий обещались последовать нашему предложению. Меня же уведомил о том запискою из-под Житомира, из коей я ясно видел, что он находился в чрезвычайном отчаянии и сильно раскаивался, что оставил дом своих родителей и поехал в Волынскую губернию.

О том же, что заставило Тютчева и Громницкого переменить свои мысли, я ничего совершенно не знаю, ибо первого видел я мельком 15 генваря, будучи уже арестованным в корпусной квартире, где не мог с ним ничего говорить. Ту записку, которую написал ко мне Иванов чрез брата и которой я не мог разобрать половины, потому что была написана весьма связно [2]),я отослал Тютчеву и содержания оной не помню.

2. Из показаний 20 апреля 1826 г. [3]).

Намереваясь возвратиться в Курскую губернию, брат мой поехал на Житомир, где был уведомлен Киреевым и Ивановым о приказе арестовать Бестужева-Рюмина и Муравьева-Апостола, об открытии правительством Южного общества и его намерений, об опасности, всем нам угрожающей, и о предложении Сергея Муравьева, будто бы переданном им Андреевичем 2-м, начать возмущение и лучше умереть, нежели подвергнуться жесточайшему наказанию, нас ожидающему. Узнав сие, он немедленно оставил Житомир в намерении известить меня о всем этом и приехал снова ко мне 1 генваря текущего года. Услышав от него все вышесказанное, я просил его ехать в Пензенский полк, ибо я сам и никто другой не могли отлучиться, не подав на себя подозрения. Мы предположили, как я прежде сказал, итти первоначально в Житомир и завладеть корпусною квартирою, потом на Киев, из Киева на Бобруйск или прямо из Житомира в Бобруйскую крепость, смотря по обстоятельствам. Я думал, что Швейковский с Алексопольским полком, которым он командовал прежде, а Артамон Муравьев

---

[1]) Т.-е. Арт. Зах. Муравьева.
[2]) Т.-е. неразборчиво.
[3]) Дело № 431, л. 46.

с Ахтырским гусарским подкрепят нас, ибо слышал, что солдаты и офицеры сих полков очень любили как того, так и другого. В помянутой крепости думал найти Тизенгаузена с его полком [1]) и укрепиться в оной или итти к Москве, ежели 5 и 4 корпуса последуют нашему примеру, поднимут оружие и сделают с нами коммуникацию и ежели вторая армия поступит таким же образом.

Я не знаю, имел ли мой брат письма от Иванова в Троицкий полк; я их у него не видал. Киреев писал ко мне так же, как и Иванов, но записка сего последнего была написана так связно и дурно, что я не мог разобрать половины оной. Я, как это видно из моих ответов, видя замешательство и нерешимость Горбачевского, написал сам к Тютчеву, Громницкому и Лисовскому. Горбачевский же по убеждению моему написал после записочку к Спиридову и, отдавая оную брату моему, сказал: «что отдашь тогда, когда Тютчев найдет сие нужным». О намерении моего брата пробраться в Троицкий полк к Ярошевичу и Киселевичу я ничего не знаю и от него о сем не слыхал. При отъезде же его я наказывал ему сказать Тютчеву, что буде они имеют средство, то дабы дали знать о сем офицерам Саратовского полка, принадлежащим к обществу, и ежели будет нужно, то дабы он, мой брат, не отказался исполнить сего нового препоручения.

На возвратном пути из С. Константинова он виделся с Горбачевским и Бечасновым и, не заезжая в Новград-Волынск, по их совету, поехал прямо на Житомир и, не доезжая сего города, пустился по проселочной дороге к Киеву, но доехал ли он до Киева, был ли в Курской губернии, я сего не знаю.

... Вооружив вверенные нам части войск, я и другие члены думали исполнить клятву, данную Бестужеву в собрании, бывшем у Андреевича 2-го. Я предполагал соединиться с Муравьевым-Апостолом и подкрепить его, ибо хотя еще не слыхал о возмущении Черниговского полка, но полагал, что Муравьев не оставит им предпринятого, зная решимость и твердость его характера.

Брат привез ко мне письма от Киреева и Иванова. Первый, уведомляя об опасности, нам угрожающей, и о том, что они видят беспрестанно провозимых чрез корпусную квартиру жандармами арестованных заговорщиков, писал, что они решаются, по примеру Муравьева, для избежания наказания умереть. Второй советовал уведомить о сем всех наших друзей, как-то — Громницкого, Тютчева, Лисовского, Бечаснова и Горбачевского. Но его записку я не мог прочесть всю, потому что худо была написана.

Я не знаю, что писал Горбачевский к Спиридову, ибо не читал его записки. Я же уведомлял в своем письме Тютчева, Громницкого и Лисовского об опасности, висящей над главами преобразователей, о приказе арестовать Бестужева и Муравьева, напоминал им данную ими клятву и честное слово и приглашал, возбудивши в солдатах революционный дух, итти в г. Новград-Волынск, а оттуда, взявши артиллерию, — в Житомир, где будем думать о дальнейших предприятиях.

[1]) Полтавским.

К сему прибавил, дабы они удерживали солдат от убийств, насилий и грабежа.

Горбачевский после свидания с моим братом говорил мне, что сначала офицеры Пензенского полка не верили словам моего брата и что он едва мог убедить их в истине своего известия, показал письма Киреева и Иванова, которые они писали ко мне, также и моими к Тютчеву и другим писанными, что они соглашались последовать совету Муравьева и моему приглашению и намерены были тотчас послать в деревни за патронами и потом, вооружив свои роты, итти в Новград-Волынск и что Лисовский не надеялся на свою роту; при отъезде же брата они поехали советоваться со Спиридовым. Что было после, я не знаю.

Из показаний И. И. Горбачевского.

Из показания 27 марта 1826 г. [1]).

Когда Борисов возвратился из Житомира в Новград-Волынск с запискою Киреева, тогда меня не было дома, и когда я пришел на квартиру, где были Борисовы, то в сенях квартиры встретились мне два или три незнакомых во фраках человека, выходящих из дверей Борисова квартиры, между которыми был один, с которым я был знаком и его знал—отставной поручик Красницкий. Я их пропустил, и когда взошел в комнату, то увидел приехавшего Борисова, который сказал, что он едет в Пензенский полк (то, что здесь происходило, то я написал в прежнем моем показании). После всего сего, когда уже уехал Борисов и когда я опять в другой раз возвратился домой, то я спросил у Петра Борисова, кто сии люди были во фраках и кто они таковы? Тогда он мне отвечал, что это были поляки, принятые в общество (не сказал, в которое,—и я не знаю) отставным поручиком Красницким, которые служат экономами в имении покойного ген.-ад. Уварова, где и Красницкий служит, и что он, Борисов, написал, письмо, к юнкеру Головинскому, который состоит в Славянском обществе и служит в 4 парочной батарейной роте 8 артиллерийской бригады, чтобы он, ежели может, бунтовал бы и возмутил бы солдат, и что он отдал сие письмо Красницкому, а Красницкий сему юнкеру перешлет через одного из сих поляков.

Из показаний П. И. Борисова 2-го.

Из показания 9 апреля 1826 г. [2]).

Причины, побудившие меня писать к Головинскому, были следующие: когда брат мой поехал в Константинов с приглашением к возмущению офицеров Пензенского полка, то я полагал, что они устоят

[1]) Дело Щеколлы, Островского, Невенгловского, Головинского, Красницкого и Катыры № 146, л. 4.

[2]) Дело № 146, л. 1 об.

в данном слове подполковнику Муравьеву-Апостолу и по первому знаку поднимут оружие для введения конституции, почему и надеялся, что они придут с вверенными им частями войск в г. Новград-Волынский, откуда, как я показал в своих ответах, намерен был следовать в г. Житомир и завладеть корпусною квартирою, из коей, смотря по обстоятельствам, итти к Киеву или в крепость Бобруйск. А как 4 парочная рота квартирует на дороге, ведущей к сему последнему месту, и я не думал, чтобы все канониры 1 батарейной роты и 2 легкой согласились на мое предложение, то предполагал заменить недостающее число солдатами 4 парочной, коих бы удалось мне склонить к возмущению, почему я написал к Головинскому, дабы он узнал дух и мысли солдат сей роты, но не писал, чтобы он их возмущал. Просил его также уведомить, какого мнения помещики Овруцкого повета. Головинский же даже не отвечал на мое письмо, а сказал словесно, что он ничего не знает и ничего из моих поручений не может исполнить. Одним словом, Головинский явно отказался принимать участие в моих действиях, цели коих он совершенно не знал; относился же я к нему потому, что знал его к себе привязанность.

К сему еще прибавлю, что я не предлагал Головинскому бунтовать 4 парочной роты, что Горбачевский показывает несправедливо, ибо возмущение помянутой роты не могло принести никакой пользы мятежникам. Солдаты, не имеющие никакого другого оружия, кроме тесаков, не могли бы противиться даже крестьянам, вооруженным дубинами, и, следовательно, таковое намерение было бы противно здравому смыслу.

Из показаний И. И. Иванова.

Из показания на вопросы 20 апреля 1826 г. [1]).

Отставной подпоручик Борисов, заехавши в Житомир ко мне в последних числах декабря месяца прошлого 1825 года, просил меня показать квартиру артиллерийских офицеров, на что я согласился, и, прибывши к ним, застали их несколько человек, где узнали, что общество открыто и многих уже берут под арест. Тогда Борисов отозвался, что всех такая же участь ожидает, а потому мне надобно отправиться обратно в Новград-Волынск и в Староконстантинов объявить о том Горбачевскому и прочим для предпринятия мер,—что подтвердили прочие офицеры, там бывшие, и еще о чем-то между собою разговаривали, на что я не обращал внимания. Затем один из них писал письмо к Борисову 2-му, и когда я, приписавший внизу на оном к нему же, хотел было прочитать, что он писал, то мне не позволил. (Да и во время лагерного сбора войск прошлого лета под Лещином и после того замечал, что от меня всегда устороняют[ся.]). После тот же самой офицер, что писал письмо, дал денег на нанятие лошадей до Новград-Волынска.

[1]) Дело И. И. Иванова, № 447, л. 31.

О возмущении Муравьева, и отдельно ли другие имели вооружиться, я в бытность Борисова тогда в Житомире не был известен.

Вышепрописанное мною совещание происходило в доме Уварова, где квартировали артиллерийские офицеры, коих фамилий не упомню.

Я особо отставному Борисову никакого письма не давал, а только приписал внизу вышепрописанного засвидетельствование мое почтение Борисову 2-му и Громницкому, последнего же просил кланяться знакомым мне Троицкого полка офицерам — Киселевичу и Ярошевичу.

После известия в квартире артиллерийских офицеров об открытии общества отставной Борисов 1-й отозвался, что ему остается только возвратиться и посоветоваться в бригаде с прочими; более разговоров не слыхал.

При проезде затем отставного Борисова чрез Житомир я вовсе его не видал и о угрожаемой ему опасности не был известен.

Из показаний И. В. Киреева.

1. Из показания, данного при начальном допросе[1]) (без даты).

...После происшествия Черниговского полка отставной Борисов приезжал к нам в Житомир, где я стоял с Веденяпиным, и, объявя, что общество открыто, приглашал действовать. Сие было невозможно, ибо мы все были разделены на большом пространстве. Тогда он поехал к брату с тем же намерением и, вскоре возвращаясь через Житомир домой, сказал, что теперь остается токмо искать спасения.

2. Из показания 11 марта 1826 г.[2]).

Отставной Борисов, едучи из Новгород-Волынска домой, имел от Горбачевского к Бестужеву письмо; но так как это было во время ареста сего последнего и вместе Муравьева, то я и отсоветовал ему ехать в Киев. Сверх того, узнав, что Муравьев принял уже решительные меры действовать, что общество открыто и что рано или поздно будем взяты и мы, положили, чтобы отставной Борисов, возвратясь в Новгород-Волынский, известил о всем происходившем. Посему я писал к Петру Борисову письмо, в котором говорил ему, что Муравьев, вероятно, будет итти на Житомир и что они хорошо бы сделали, если бы, соединясь с пензенцами, дали ему помощь. Последствия двух дней заставили меня раскаиваться в сем предложении, ибо это, в случае исполнения оного, значило бы прибавлять только число несчастных и жертв, не имея никакой цели. Рассмотревши все сие, я должен сознаться, что, может быть, причиною поездки Борисова в Старый Константинов было мое письмо.

---

[1]) Дело И. В. Киреева, № 441, л. 1 об.

[2]) Дело № 441, л. 19.

3. Из ответов на вопросы от 26 апреля 1826 г.[1]).

На вопрос 1. Хотя отставной Борисов и показал, что решительное положение действию 8 артиллерийской бригады и Пензенскому полку было сделано на совещании Нащокина, моем, комиссионера Иванова, двух братьев Веденяпиных и его собственном, но дело сие происходило иначе, именно: отставной Борисов, приехав ко мне на квартиру, застал на оной меня, братьев Веденяпиных и Нащокина, комиссионера же Иванова (сколько могу припомнить) в бытность у меня отставного Борисова я не видал, что, вероятно, подтвердят и братья Веденяпины.

Здесь отставной Борисов, узнав, что общество открыто, начал приглашать нас к соединению и вооружению, что услышав бывший тут Нащокин тотчас удалился. Таким образом остались только я, отставной Борисов и братья Веденяпины. Итак, хотя сии последние слышали помянутого Борисова и мое мнение, чтобы вооружиться и дать помощь Муравьеву, но, кажется, с сим согласны не были и отклоняли оное, говоря, что это будет бесполезно. В сие-то время я, написав к Петру Борисову письмо, в котором убеждал о вооружении, отдал при прощании для доставления к нему, отставному Борисову. Письмо, мною писанное, не было прочитано никому; а потому могли ли Веденяпины или, еще более, Нащокин и комиссионер Иванов быть участниками в побуждении 8 артиллерийской бригады и Пензенцев к вооружению, когда они совсем не знали о моем письме? Припомнив сии обстоятельства, вероятно, и отставной Борисов признает оные справедливыми или точно былыми.

Веденяпиным же я не прежде открыл о содержании письма, посланного мною к Петру Борисову, как уже по арестовании Муравьева, Бестужева и всех с ними вооружившихся, и, как мною было сказано прежде, раскаивался в своей поспешности.

В рассуждении же вооружения или готовности к оному 7 и 9 дивизии, также гусаров и артиллерии 3 корпуса я не знаю, кто мог говорить и ручаться, ибо в 7 дивизии мы не знали никого, а с прочими сими частями не имели никакого о сем предмете сообщения.

На вопрос 2. Приезд отставного Борисова и мое с ним рассуждение было у меня на квартире в доме Уварова, где квартировали также и Веденяпины 1-й и 2-й.

На вопрос 3. Андреевич 2-й, проезжая через Житомир, заезжал ко мне, говорил мне, что он везет письмо от Бестужева к Горбачевскому и, между прочим, советовал ехать в Новгород-Волынский, говоря, что скоро действия начнутся. На вопрос же мой, от кого он сие знает, говорил, что от Бестужева, прибавив, что сей последний поехал в Бобруйск и обещал с решительными известиями оттуда возвратиться

[1]) Дело И. В. Киреева, № 441, л. 22.

в самом скором времени. Посему-то сие происходило, как кажется, прежде поиска над Муравьевым и Бестужевым.

На вопрос 4. Кроме письма, писанного мною к Петру Борисову (сколько могу себе припомнить), ни к кому более я не писал. Что же касается до письма комиссионера Иванова, об оном ничего высочайше учрежденному Комитету сказать не могу; ибо как не видал его собственно сам, так и ничего не слыхал об оном от помянутого Иванова.

Из показаний Ап. В. Веденяпина 1-го.

Из показания 13 февраля 1826 г. [1]).

Прошлого года 31 декабря поутру отставной Борисов проездом чрез г. Житомир был у нас на квартире. Прежде же сего я об нем и не слыхал. Здесь я слышал, что он имел надобность ехать в Киев к Бестужеву; но как в городе известно было, что за Муравьевым послан был поиск, то он тогда же хотел отправиться обратно. Какие же поручения он имел к Бестужеву, того от него не слышал. Что же касается до того, по чьему поручению действовали Борисов и Горбачевский, того мне неизвестно...

2. Из показания 20 апреля 1826 г. [2]).

Прошлого декабря 31 дня, пришедши на квартиру, где я по приезде моем в г. Житомир остановился у брата моего, стоящего вместе с прапорщиком Киреевым, нашел там и отставного подпоручика Борисова 1-го, приехавшего к нам с комиссионером Ивановым, а также и поручика Нащокина, который, имея с нами общий стол, пришел к обеду. Нащокин и брат мой сей же час вышли в школу, Борисов же рекомендовал мне себя и вместе требовал совета, как ему поступить, говоря, что он имел надобность видеться с Бестужевым, для чего и ехал к нему в Киев. Но как здесь он услышал, что за Муравьевым отправлен поиск, то он не знает, что ему делать, на что я ему не отвечал ничего, ибо, во 1-х, замешательство присутствовавших, а 2-е, неизвестность мне его, Борисова, заставляли удалиться от всякого с ним разговора. А посему на сделанные мне вопросные пункты в добавление 14 пункта прежнего моего показания честь имею отвечать.

1-е. В половине декабря месяца подпоручик Андреевич 2-й приезжал из Киева в 8 артиллерийскую бригаду. В бытность свою у нас на квартире говорил нам, что заговор открыт (что по слухам было уже нам известным) и что Бестужев, находясь в Киеве, поехал в Бобруйск к своему полку, а хотел через два месяца быть назад. Следовательно, сие должно было быть известным и г-ну Борисову 1-му и всем членам 8 артиллерийской бригады, а посему показание его, что он

[1]) Дело Ап. В. Веденяпина 1-го, № 443, л. 15.
[2]) Дело № 443, л. 17.

узнал об открытии общества в Житомире, несправедливо, — равно как и о возмущении 2 армии. А то, чтобы, вооружив войска Пензенского полка, итти на Киев и в Бобруйск, чего я совершенно ни от кого не слыхал, а только прапорщик Киреев говорил ему, чтоб он возвратился обратно в Новград-Волынск.

2-е. О возмущении Черниговского полка мы уведомились того же дня уже в 10 часов вечера, когда было о том дано знать от господина генерал-майора Богуславского. В бытность же Борисова того действительно известно не было, а только Иванов говорил, что у него был тайно подпоручик Андреевич 2-й, который говорил ему, что будто бы он едет уведомить Муравьева о посланном за ним поиске. Объявление же Борисова о слышанном будто бы от нас вооружении войск 3 корпуса вовсе несправедливо, ибо никому из нас не было известно об участии прочих войск корпуса.

3-е. Хотя подпоручик отставной Борисов 1-й и был на нашей квартире, но совещания, как он показывает, никакого не было, ибо и он сам приезжал более для того, чтобы взять для своего проезда денег, которые и даны ему прапорщиком Киреевым.

4-е. Предложение же о вооружении Пензенского полка было сделано от него самого, Борисова, на что он просил у нас согласия, а вместе и письма к членам Пензенского полка, прибавляя к тому, что таковое решительное начало действия необходимо, ибо, конечно, мы не избежим наказания. Когда же я отклонял от того, советуя не писать ничего, отказываясь от предложения господина Борисова, тогда прапорщик Киреев написал с ним от себя записку, говоря мне, что он пишет в бригаду о своих надобностях, содержания же ее я не знаю, а равно и о письме Иванова.

Из показаний Ал. В. Веденяпина 2-го.

1. Из показания 20 апреля 1826 г. [1]).

Отставной поручик Андрей Борисов 1-й, когда мы обедали, то-есть я, Нащокин и Киреев, пришел на нашу квартиру вместе с Ивановым. (Брата в то время не было. Он был по должности у свиты его императорского величества капитана Апиха.) Так как оный Борисов 1-й нам не был знаком, то мы остались за столом, и вышел один Киреев. Что они говорили, я не знаю. По выходе из-за стола, когда взошел, он начал говорить Нащокину, что взбунтовался Муравьев и гусары, но Нащокин, не сказав ему ни слова, сделав холодный поклон, вышел, ушед на свою квартиру. А я, как был дежурным по школе, отправился за ним следом, встретясь с братом, которому и объявил, что приехал брат Борисова 2-го. Что было, какое совещание, кто первый дал совет, и даже писал ли Киреев письма, не знаю; притом я не знал, был

[1]) Дело Ал. В. Веденяпина 2-го, № 444, л. 15.

ли Борисов 1-й членом общества, ибо я его увидел тогда в 1 раз и ни от кого не слыхал. Был ли Нащокин членом, хотя более месяца вместе жили, тоже не знаю. Касательно совещания никто мне не говорил ничего, слышал, что он поехал (когда я был в классах) на наемных жидовских лошадях. На мои вопросы было отвечено, что Борисов известный человек пустой.

2. Из показания 3 мая 1826 г. [1]).

Вспомнив несколько подробнее касательно дела отставного поручика Борисова 1-го, спешу объяснить все, что мог вспомнить. Оный поручик Борисов 1-й был в Житомире и на квартире нашей (общей) два раза. В первый раз, как я показал, он, точно, застал нас за обедом в отсутствии моего брата, и по выходе из-за стола поручик Нащокин тотчас ушел на свою квартиру, не говоря ни слова с оным Борисовым 1-м. И я чрез несколько минут тоже вышел, идя в школу. Встретясь с братом, я уведомил его о приезде Борисова. Но при мне не было ни совета, ни письма Киреев не писал также, равно об оном до сих пор и не знал. Во второй же приезд он адресовался к Нащокину о Муравьеве и гусарах, и Нащокин тоже ушел, не сказав ни слова (он сказал, что гусары выступили, чтобы поддержать Муравьева). Я вышел к Нащокину, сказал ему, какую он привез новость; это было еще до обеда. Борисов у нас обедал, и я был около получаса на квартире, но и тут ничего не слыхал, кроме рассказов о разбитии Муравьева и некоторых анекдотов о нем же.

Из показаний В. А. Бечаснова.

Из показания 12 февраля 1826 г. [2]).

О вызвании Горбачевским отставного Борисова из Курской губернии и посылании его к Тютчеву, Громницкому, Лисовскому и проч. я вовсе не известен и даже от окончания маневров до наряжения меня и Горбачевского в военно-судную комиссию я очень редко с ним и виделся, но когда назад уже Борисов отставной ехал из Старого Константинова и проезжал нашу ротную штаб-квартиру, м. Барановку, то и я в то время был там, и Борисов заехал ко мне на квартиру, что было чрез несколько дней после нового года вечером. Не сказывая мне, по чьему поручению ездил, говорил только, что четыре роты Пензенского полка завтра выступят и будут в Барановке (которая на большой дороге от Константинова около 100 верст между сим городом и Новоград-Волынском) и чтобы мы тоже были готовы. Но я ему мало верил, а просил скорей уезжать, куда только ему заблагорассудится, ибо, — говорил я, — теперь обстоятельства ужасные, ты шатаешься,

[1]) Дело Ал. В. Веденяпина 2-го, № 444, л. 21.
[2]) Дело В. А. Бечаснова, № 435, л. 28—29.

тебя схватят, а чрез тебя и меня, что принял.— Потом послал за извозчиком и просил находившегося тут же Горбачевского выпроводить скорей Борисова, а сам оставил свою квартиру. Возвратясь же чрез час места, Борисова уже не застал, а Горбачевский сказывал мне, что оный поехал на Житомир, и мы никаких приуготовлений в ожидании Пензенского полка не делали, ибо речи Борисова мне даже казались смешными.

IV. В ПЕНЗЕНСКОМ ПОЛКУ.

Из показаний Н. Ф. Лисовского.

1. Из показания при начальном допросе 9 февраля 1826 г. [1]).

В последнем генваре приехал к нам в Константинов отставной Борисов, коего я никогда не видал. Он объявил, что общество открыто, и говорил: чем в цепях умирать, лучше действовать,— чего и требовал настоятельно. Чтобы от него отделаться, мы сие ему обещали, но совершенно ничего не делали.

2. Из показаний от 14 февраля 1826 г. [2]).

Ожидав своего перевода и радуясь, что скоро избавлюсь гнусного общества, как вдруг прошлого третьего генваря, в два часа ночи, к Громницкому приехал, которой, к несчастию моему, ночевал у меня, Борисов 1-й, человек, которого в первый раз вижу. Взойдя в комнату, спрашивал Громницкого и что он имеет к нему секретное дело. Тогда Громницкий вышел к нему в другую комнату, и чрез несколько минут воротились оба. Борисов начинает говорить: общество наше открыто правительством чрез донос полковника Габбе (кажется, командир 16 егерского полка), ругая притом Бестужева, что он его принял. Он хотел скрыться, но Андреевич поехал догонять его по фальшивой подорожной с намерением лишить его жизни. 9, 7 дивизии и много полков 2 армии уже соединились и будут действовать против правительства, гусары нашего корпуса своей артиллерией тронулись с места и идут форсированным маршем к тем полкам на подкрепление, а моя же артиллерийская бригада не может тронуться без подкрепления; она дожидает вас, непременно поспешите. Если умирать, то лучше с оружием в руках, нежели гнить в цепях вечно. Я имею письма в Троицкий полк, к двум ротным командирам, к поручику Ярошевичу и капитану Киселевичу. Они приняты в общество комиссионером Ивановым; соединятся с вами на дороге к Новоград-Волынску, и оттуда двинемся

[1]) Дело Н. Ф. Лисовского, № 450, л. 1 об.
[2]) Дело № 450, л. 17 об.

на Житомир, после на Киев, там присоединится к нам больше и потом в Бобруйскую крепость; завладев оною, будем дожидать главнейшего подкрепления. Мы сказали ему, что действовать не будем; но видев усиленные его требования, решились обмануть, сказав, что мы будем, но с тем, чтобы до нашего приходу они своей артиллерией ни под каким видом не трогались бы с места; также и в Троицкий полк ехать ему не позволили; взяв от его письма, сказали, что мы от себя отправим, и, когда он уехал, сожгли. И сим поступком удержали от пагубного их намерения. Из обещанного же ему, Борисову, мы ничего совершенно не исполняли.

Из показаний П. Ф. Громницкого.

Из показаний 14 февраля 1826 г. [1]).

В лагерях при Лещине, когда в собраниях была уже открыта настоящая цель общества, Лисовский и я положили впредь не действовать, не обнаруживая однако ж сего никому из сочленов, а показывая, напротив, вид совершенной приверженности. В противном случае, т. е. явное отречение могло бы навлечь на нас гибель: сами наши сообщники должны были лишить нас жизни, как изменников. Вследствие сего предположения части наши не были нами приготовлены.

3 числа прошлого генваря прибыл к нам Борисов (отставной) с уведомлением, что 9 и гусарская дивизии нашего корпуса уже выступили в поход, что 2 армия должна скоро начать действия,что он прислан с извещением к нам, дабы мы с своими частями выступили в Новоград-Волынск, где, соединившись с артиллериею, должны вместе следовать на Житомир, потом на Киев и, наконец, в Бобруйск, где ожидать дальнейших распоряжений. Чей это был план, мне неизвестно. Я возражал сначала, что нельзя действовать столь поспешно, наконец, исполнил его желание, обещав решительно действовать. Намерение Борисова ехать в Троицкий полк к Киселевичу и Ярошевичу мы отклонили тем, что он разъездами своими может навлечь подозрение, что нас откроют, и намерения наши останутся тогда без исполнения; но что наш тракт к Новоград-Волынску — чрез расположение Троицкого полка, где мы, присоединив Киселевича и Ярошевича, придем вместе с ними на назначенный пункт. Желания же его быть у Тютчева, квартировавшего верстах в 10 от города, мы отклонить не могли. Он отправился к Тютчеву и, спустя часа два, возвратился с ним, хоть мы и просили Борисова не возвращаясь от Тютчева, а прямо ехать в Новоград-Волынск. Тютчев решался выступить и приехал к нам советоваться, как бы сие удобнее исполнить. Больших усилий стоило Лисовскому и мне отсрочить выступление, обещанное Борисову в тот же день. Кончилось тем, что Борисов уехал, ожидая известия чрез нарочного верхового о приближении наших рот. Тютчеву, по отъезде Борисова,

[1]) Дело П. Ф. Громницкого, № 440, л. 15 об.

мы представили всю важность предприятия, на которое он решался, и он остался покойным. Почему Горбачевский вызвал Борисова из Курской губернии, для чего последний искал Бестужева в Киеве и других местах, это мне неизвестно. По чьему поручению действовали Горбачевский и Борисов 2-й, также не знаю; но, как говорил присланный к нам Борисов, что мы открыты, что поэтому-то начались действия, что поэтому же должны и мы действовать, что лучше нам умереть с оружием в руках, нежели пожертвовать собою, не сделав ничего,— думаю, что открытие правительством общества заставило Борисова и Горбачевского желать начатия действий. Писем в Троицкий полк ни к кому не было; но были письма от Борисова 2-го ко мне, в коих он убеждал нас начать действия, просил меня сообщить о том всем членам союза и требовал нашей решительности. Тут же была приложена записка от Иванова, в коей объявлял он, что открыл Киселевичу и Ярошевичу об обществе и принял их. До того времени я не знал о сем; но теперь поместил и их в 1 пункте моих показаний. Помянутые письма сжег я при Лисовском, но в Троицкий полк не было ни одного письма, о сем может удостоверить Борисов. Письма же, как мне принадлежащие, истребил я потому, чтобы они не могли кому-нибудь нечаянно попасться. Приглашение Борисовым 2-м было мне сделано,— в том-то и заключались письма его,— но не исполнено Лисовским и мною потому, что принято уже было нами намерение в лагере, в начале сего пункта мною описанное, а Тютчев был отклонен нами. Но, впрочем, и он не мог бы действовать, ибо часть его не была готова, как он сам после объявлял. О неготовности части Лисовского и моей мы говорили пред Спиридовым и Тютчевым, что к 1826 году мы успели бы приготовить их, но внезапный теперешний случай заставляет нас не действовать.

Из показаний П. А. Зарецкого [1]).

Из ответов на вопросы 18 мая 1826 г. при штабе 1 армии [2]).

...В последних же числах декабря месяца нечаянно приходит в мою квартиру часу в одиннадцатом ночи поручик Борисов, которого я только в первый раз жизни видел. В сие время были у меня в квартире поручики Громницкий и Лисовский, кои и оставались ночевать. Борисов, войдя в переднюю комнату, когда уже были погашены свечи, спрашивал, здесь ли поручик Громницкий? на каковой вопрос Громницкий отозвался, что здесь, и спрашивает, кто вы такой? Пришедший говорит, что поручик Борисов, и сейчас же без свечей вызвал Громницкого на двор и что-то ему говорил. Потом вошли они оба в горницу и велели зажечь свечу. Я тут увидел совсем мне незнакомого человека

[1]) П. А. Зарецкий — поручик Пензенского полка.

[2]) Дело Быстрицкого, Бельченко, Зарецкого, № 145, л. 23 об.

и не почитал его за военного, ибо он был в партикулярном платье. Когда же я спросил Громницкого, кто он таков, то он сказал, что 8 артиллерийской бригады поручик Борисов, и после Громницкий, отозвавши Лисовского в другую комнату, вместе говорили. Меня любопытство заставило узнать о тайном их переговоре, на что поручик Лисовский сказал мне в другой комнате, что этот Борисов приехал дать им знать, чтобы они командуемые ими роты выводили к действию и соединились бы вместе с 8 артиллерийскою бригадою и что тайна их уже открыта. Таковым объяснением он меня испугал, и я, сколько можно, уговаривал поручиков Громницкого и Лисовского, отзывая их по одиночке в другую комнату, чтоб они никакого зла не предпринимали, на что они втайне от Борисова мне сказали, что они никогда к тому не приступят, а скажут ему, чтобы он ехал к майору Спиридову, так как они говорили, что он старший, что они то же самое и Борисову сказали. И потом оный в скорости отправился к майору Спиридову; но поручик Лисовский вовсе мне не говорил, чтоб дать знать полковому командиру; по выезде же Борисова, я опять уговаривал Лисовского и Громницкого, в противном же случае я располагал так, что ежели они согласны будут выводить командуемые ими роты, то в то время хотел дать знать полковому командиру, но они мне говорили, что никогда этого не сделают, и майора Спиридова не послушаемся, ежели бы он и согласен был на то, и раскаивались, что они завлечены в такое общество. На другой же день поутру рано, опять приезжал поручик Борисов вместе уже с капитаном Тютчевым ко мне же в квартиру, где еще застали поручиков Громницкого и Лисовского. Капитан Тютчев хотя и говорил поручикам Лисовскому и Громницкому, чтобы выводили командуемые ими роты для соединения с 8 артиллерийскою бригадою, но они противны были его намерению и уговорили его оставить злое намерение, на что согласился капитан Тютчев, чему последовал и поручик Борисов, и вместе все раскаявшись, что они намеревались приняться на злое дело; и с тем поручик Борисов отправился к своему месту; после того в скорости слышно было о возмущении в Черниговском пехотном полку; тогда и более я слышал раскаяние их.

Из показаний Н. Ф. Лисовского.

Из показания 30 мая 1826 г. [1]).

Поручик Зарецкий показывает, что я вызывал его в другую комнату и говорил ему: это Борисов 1-й приглашает нас выводить командуемые мною и Громницким роты к действию и соединить с 8 артиллерийскою бригадой, ибо тайна общества открыта.

Таковое несправедливое показание Зарецкого доказываю тем: 1-е, что я Борисова 1-го никогда не знал, не видел и не слышал об нем; 2-е, что когда приехал он, то, войдя в первую комнату, в которой спал

[1]) Дело № 145, л. 33.

Громницкий, спрашивал: «здесь ли Громницкий?» и получил ответ, что здесь, сказал ему: «встаньте и пойдем в другое место, я имею к вам секретное дело». Чрез несколько минут воротились оба и вошли в ту комнату, где был я и Зарецкий. Тогда Борисов сказал (не так тихо, чтобы Зарецкий не слышал, бывши здесь), но говорил громко, ибо был предупрежден Громницким, что ему здесь бояться нечего, потому что я, также и Зарецкий к обществу принадлежим: «Общество открыто правительством, и чтобы избежать жестокого наказания, то лучше умереть с оружием в руках». И как Зарецкий, так и я и Громницкий расспрашивали обстоятельно сие дело у Борисова и, узнавши, ни мало не колебались в ответе, что действовать не будем. Также и то, что меня и Громницкого Зарецкий никогда не уговаривал, но ясно знал наше намерение, что мы действовать никогда не хотели и были всегда противны тому и без Зарецкого увещаний и уговоров. Но что отправили Борисова к Спиридову, это точно. Если же я говорил Зарецкому, что объявим полковому командиру о приезде Борисова, то не потому, чтобы удержать от действия кого-нибудь из нас (ибо мы не были некогда намерены), но потому, что, видевши ясно свою погибель, думал хотя несколько поддержать себя сим открытием и тем показать мое раскаяние и помешать артиллеристам и 8 бригаде, ибо, по словам Борисова, они твердо решились действовать.

Из показаний А. И. Тютчева.

1. Из показания 30 мая 1826 г. [1]).

В генваре 1826 года приехал отставной Борисов прямо в Константинов и виделся с Громницким, Лисовским и Зарецким, объявил им, что он приехал с приглашением от Горбачевского действовать и соединиться в Новоград-Волынске, и, переговорив с ними, послали его ко мне. По приезде Борисова ко мне, сказал, что Лисовский и Громницкий велели ехать к Спиридову и объявить об оном. Я знал, что Спиридов располагал выехать в Саратовский полк для окончания сдачи роты, не поехал к Спиридову, а приехал в Константинов к Зарецкому и где действительно приглашал вывесть им вверенные роты, но они уговорили меня таким образом: неужели ты не видал своего заблуждения? Тогда мы все тут раскаялись, сам сказал, я вижу, что мы должны навсегда погибнуть от нашего необдумания.

2. Из показания 9 февраля 1826 г. [2])

Сие мне не было известно, что отставной Борисов сколь и Бестужев были вызваны Горбачевским 1-м из Курска, из Киева, из других мест.

---

[1]) Дело № 145, л. 27.

[2]) Дело А. И. Тютчева, № 439, л. 17 об.

Отставной Борисов был прислан от Горбачевского ко мне, Громницкому и к Лисовскому и к Спиридову с известием об открытии общества и приглашением вооружить вверенные нам части и следовать в Новоград-Волынск и оттудова в Житомир. Я тут только познакомился с ним и где он мне дал записки Горбачевского, своего брата Борисова, Киреева и комиссионера Иванова о приглашении и убедительной просьбы действовать и лично просимы были Борисовым, чтобы начать действовать. Тут из письма Иванова узнал я, что в Троицком полку приняты были штабс-капитан Киселевич и поручик Ярошевич, и просил, чтобы им сообщить сии сведения для вместного соединения действовать. Но из нас никто не посылал означенным членам, потому что мы не принимали и не имели намерения к действованию. А Борисову было объявлено, что мы, ежели начнем действовать, то вместе с оным дадим вам знать. С этим ответом он и поехал. Благоразумие нам воспретило сие сделать.

По чьему поручению действовал Горбачевский и Борисов, сие мне неизвестно, и отставной Борисов нам не говорил.

Из показаний Н. Ф. Лисовского.

1. Из показаний между 9 и 14 февраля 1826 г.[1]).

...Когда приехал Борисов 1-й приглашать к возмущению, я решил было объявить полковому командиру, дабы его схватили, думая тем разрушить их пагубные намерения; но, верно, всевышнему богу было угодно не допустить меня до сего. Я открыл о сем поручику Зарецкому, который вооружился против сего, и, пока не уехал Борисов, он от меня не отставал. Когда уже я был арестован и привезен корпусному командиру генерал-лейтенанту Роту, я объявил ему о всех тех, кои принадлежали к обществу и не были арестованы.

2. Из показаний 29 марта 1826 г.[2]).

...Но когда приехал Борисов 1-й приглашать нас к возмущению, то я, вызвав Зарецкого, сказал ему, что так как ты увлечен в сие общество невинно и я тоже по несчастному случаю, то пойдем к полковому командиру и объявим о Борисове, пусть его схватят, и тем уничтожим пагубное их намерение, прибавив, что ты видишь теперь ясно несчастие, в которое мы попали. Но вместо ответа и согласия он сказал, чтоб я не смел об этом и думать, называв сие малодушием. Тогда я вспомнил, что Тютчев не ошибся, что он хороший малой. Сим разрушил он все мои личные надежды, в том могу и уличить его.

---

[1]) Дело Н. Ф. Лисовского, № 450, л. 5.

[2]) Дело № 145, л. 9 об.

Из показаний П. Ф. Громницкого.

Из показаний 30 мая 1826 г.[1]).

Намерение поручика Лисовского донести полковому командиру о приезде Борисова не было мне известно; говорил ли он о сем Зарецкому, также не знаю. Думаю, что Лисовский не скрыл бы от меня такого намерения, и если бы он действительно говорил Зарецкому, то, верно, от того или другого было бы сообщено и мне.

Из показаний П. Д. Мозгана [2]).

1. Из показаний 24 февраля 1826 г.[3]).

Когда же назначено было нашего полка первому батальону следовать в караул в корпусную квартиру, то велено было собраться ротам того батальона 6 числа генваря в полковую штаб-квартиру, куда прибыл и майор Спиридов, то я, узнавши о его прибытии, пришел к нему, где застал капитана Тютчева, и слышанное мною от квартирмейстра нашего полка подпоручика Щербинского, что полковой командир Ахтырского гусарского полка полковник Муравьев взят, сказал Спиридову. Потом за мною вскоре пришел Лисовский, от полкового командира, и сказал, что Черниговский полк взбунтовался и что Сергей Муравьев взят, и что гусарская дивизия пошла усмирять, почему и роптал Тютчев и говорил, что худо сделал, что открыл, и мы теперь несчастны, а Спиридов охуждал Сергея Муравьева за то, что сделал возмущение и никому о том не дал знать. После чего я попростился и уехал в деревню, где расположена была рота на ночлег, и Спиридов меня просил, чтобы известить его обо всем по прибытии в Житомир, но я ему ничего не писал и не видался более с ним.

2. Из письма ген.-ад. В. В. Левашову от 16 марта 1826 г.[4]).

...Когда же, бывши у Спиридова, узнали о возмущении, то Спиридов говорил, что он не имеет настоящей своей части, а чтобы мы были готовы, если потребуется. И я, послушав его совета, призывал к себе рядового Бородина, бывшего в Семеновском гвардейском полку, и усовещевал его, чтобы он склонял товарищей не действовать противу возмутившихся войск, спрашивая, был ли он у Муравьева, на что он отвечал, что не был, а был его товарищ Гульбин. И я сказал, что Гуль-

---

[1]) Дело № 145, л. 29.

[2]) П. Д. Мозган — подпоручик Пензенского полка, член общества Соединенных Славян.

[3]) Дело П. Д. Мозгана, № 446, л. 17 об.

[4]) Дело П. Д. Мозгана, № 446, л. 23.

бин знает, старайтесь присоединиться к ротам Тютчева, Громницкого и Лисовского; с сим его отпустил. Сие было на походе, следуя в Житомир, и более его и никого не призывал и ничего не говорил.

Из показаний рядовых Бородина и Гульбина.

(Копия с рапорта главнокомандующему 1 армией Комиссии военного суда в Белой Церкви от 29 апреля 1826 г. [1]).

Во исполнение сего [2]), доставленный в Комиссию [3]) упомянутый рядовой Бородин, а равно и Гульбин, прежде еще в Комиссию вытребованный, были допрашиваны со всею подробностию и на допросах показали: 1-е Бородин, что, действительно, по выступлении полка из Старого Константинова в г. Житомир подпоручик Мозган призывал его на первом переходе в селении Провалах к себе и, подавши стакан водки, говорил, что подполковник Муравьев, возмутивший Черниговский полк, взят. Но он,—прибавил Мозган,— погорячился, а мы еще подождем. Засим начал его склонять, чтобы он не действовал противу возмутившихся войск и уговаривал бы к тому же и прочих своих товарищей, сказывая, что роты 2 гренадерская под командою поручика Громницкого и 2 мушкатерская под командою капитана Тютчева уже на сие готовы, но о 5 мушкатерской роте, бывшей под командою поручика Лисовского, не упоминал. Потом спросил, был ли он у Муравьева, и на ответ его, что не был, а был Гульбин, велел поговорить с ним, ибо он знает, что говорил Муравьев. На другой день по выступлении из упомянутого селения Бородин сошелся с Гульбиным и на спрос его, зачем он был у Мозгана и что тот говорил, сказал только, что Мозган говорил, будто Муравьев взят или убит, и что он велел спросить у него, Гульбина, что с ним говорил Муравьев при посещении его. Гульбин, не объясняя говоренного ему Муравьевым, промолвил только: «что бог даст, то и будет, глупых речей нечего слушать». Дальнейшего разговора у них не было.

Сие последнее обстоятельство подтвердил и рядовой Гульбин. Но чтобы они рассказывали о внушениях Мозгана прочим своим товарищам и склоняли их не действовать противу возмутившихся войск, и чтобы знали кого-либо из нижних чинов упомянутых рот 2 гренадерской и 2 и 5 мушкатерских, получавших подобные же внушения от своих ротных командиров, да и в чем могли бы заключаться подобные внушения, в том допрошенные, при всей строгости и настоятельности учиненных им допросов, не сознались.

Засим Комиссия для ближайшего и скорейшего открытия, до какой степени развращена нравственность в упомянутых ротах, нахо-

---

[1]) Дело П. Д. Мозгана, № 446, л. 32.

[2]) Во исполнение предписания дежурного генерала армии г.-л. Ольдекопа от 11 апр. 1826 г.

[3]) Комиссия военного суда в Белой Церкви.

дившихся под командою Тютчева, Громницкого и Лисовского, вытребовала к себе девять человек нижних чинов из прежнего состава лейб-гвардии Семеновского полка, состоявших ныне в разных ротах Пензенского пехотного полка, и их, а равно и прежде вытребованных из сего же полка трех человек рядовых, также допрашивала со всевозможною подробностию и настоятельностию. Но при всех усилиях не могла вынудить от них сознания не только о внушениях злоумышленных офицеров, но даже и самого подозрения, могущего подать хотя малейшее понятие о сущности какого-либо заговора, в Пензенском пехотном полку существовавшего. Все допрошенные твердо устанавливают, что ни от одного офицера никаких противных службе и существующему порядку внушений не слыхали, и даже, кто бы из товарищей их был к тому подговариваем, они не заметили.

Записка Н. И. Тургенева.

Публикуемая записка — вторая по счету оправдательная [1]) записка, составленная Н. И. Тургеневым, по совету братьев для Николая I, во второй половине 1826 г. (закончена приблизительно в октябре 1826 г. [2]).

Подлинный текст ее, находившийся в архиве б. библиотеки Зимнего дворца, теперь хранится в архиве Октябрьской Революции, особ. отдел, фонд XXI—В, № 1447). Рукопись представляет собой тетрадь в дорогом мягкой кожи зеленого цвета переплете, в 91 + 14 нумеров. страниц большого почтового формата тонкой бумаги. Заглавие записки таково: «Записка о свойстве и мере моего участия в тайных обществах».

Эту записку Н. И. Тургенев сопроводил по совету братьев и особенно гр. Разумовской, приезжавшей к нему в Лондон в июне и вторично в августе 1827 г. [3]), письмом на имя Николая [4]).

Жуковский передал оправдательную записку Н. И. Тургенева Николаю вместе с собственным письмом — ходатайством за Тургенева (датировано 29 декабря 1827 г.) [5]) и письмом [6]) на французском языке гр. Генриетты Разумовской следующего содержания, которое даем здесь в переводе: «В ночь с 28-го на 29-е ноября (1827 г.)..

---

[1]) Всего записок было четыре. Историю попыток Н. И. Тургенева оправдаться и историю четырех его записок подробно излагает Е. И. Тарасов в своей работе «Декабрист Н. И. Тургенев в Александровскую эпоху. — Очерк истории либерального движения в России». Самара, 1923 г., гл. 12, стр. 399—447.

[2]) Это видно по письмам Н. И. Тургенева к братьям 1826—1827 г.г. (напеч. в «Рус. Архиве», 1895 г., № 8, стр. 467, 470).

[3]) См. об этом в письме Н. И. Тургенева в Париж к брату Александру Ивановичу и Жуковскому, напеч. в «Рус. Архиве», 1895, № 11, стр. 339.

[4]) Письмо напеч. в «Рус. Архиве», 1895, № 9, стр. 30—32. Ни автографа, ни копии этого письма при публикуемой записке нет.

[5]) Письмо Жуковского опубликовано Бартеневым в «Русском Архиве,» 1895, № 7, 519—520 по черновику с небольшими отличиями от белового текста, который в автографе сохранился в тексте с рукописью записки Н. И. Тургенева (там же, № 1447).

[6]) Текст письма гр. Разумовской (умершей 17 дек. 1827 г.) до сих пор неизвестен в печати. П. И. Бартенев выражал сомнение в его существовании («Рус. Архив» 1895, № 11, стр. 343, второе примечание), потому что письмо было недоступно и хранилось в б. библиотеке Зимнего дворца, вместе с рукописью записки Н. И. Тургенева (там же, № 1447).— Письмо Ген. Разумовской Жуковскому прислал Александр Иванович Тургенев. (См. об этом в его письме брату Ник. Ивановичу 17 дек. 1827 г.— «Рус. Архив», 1895, № 10, стр. 198).

...Единственная мысль, еще удерживающая меня здесь — это мысль о Николае [1]). Я бы хотела, чтобы и после моей смерти он имел доказательства моей дружбы к нему. Просьбы умирающего — в них не должно отказывать, — сделайте так, чтобы моя просьба дошла до государя. Клянусь именем бога, перед коим я вскоре предстану, именем бога, который отпускает нам прегрешения, если мы отпускаем их другим, клянусь, — Николай Тургенев невиновен; но я собственно хотела говорить не об этом. Другие знают также о его невиновности. Пусть голос совести подскажет государю, как должно поступать с невинным, пока невиновность его еще не доказана, я взываю к нему,— это умирающая умоляет его сжалиться над больным Николаем, которого убивает климат Англии. Пусть государь дозволит нашему другу вернуться на континент. Пусть ему будет разрешено жить здесь в полном спокойствии. Я умоляю государя сжалиться над ним, я прошу его об этом во имя его жены, его детей. Я призываю на помощь императрицу — этого доброго и чистого ангела,—душу которой вы дали мне познать. Передайте ей и через нее мои последние мольбы. Он не может не внять им; ведь они уже наполовину из другой жизни, из той жизни, в которой нам зачтутся одни лишь наши милосердные дела; там мольбы мои обратятся в благословения. Я чувствую на себе, мой друг, благотворное действие ваших прекрасных писем; они проникли мне в душу, дали свои плоды, и смерть представляется мне теперь такою, какою вы сумели представить мне ее, когда мы говорили о Сергее и о Полине. Еще несколько часов, еще немного дней, и я буду с ними. Благословляю вас и молю бога, чтобы он дал вам завершить труд ваш и чтобы результаты вашей работы оказались достойными вас. Благословляю это дитя и его отца, — молю его верить, что Николай невиновен.

Генриетта Разумовская.

На 4 й стран. — «Переслать Жуковскому после моей смерти».

Записку Тургенева Николай I отдал на просмотр и отзыв в. кн. Константину Павловичу. Автограф его отзыва на французском языке сохранился при записке. Приводим отзыв полностью в переводе.

«Я прочитал с величайшим вниманием оправдание Николая Тургенева, которое ваше величество соблаговолили дать мне в Петербурге, и имею честь возвратить оное при сем. Так как вы желали, чтоб я выразил мое мнение о его деле, то я позволю себе сказать, что там есть места очень достопримечательные и которые могут уменьшить преступления, в которых обвиняется упомянутый Тургенев, но отнюдь не оправдать его вполне. Он сам сознает это, несмотря на все, что он приводит в свое оправдание. Но наиболее достойным осуждения в нем мне кажется то, что он не явился на суд, потому что одно из двух: или он считает себя виновным, или не считает. В первом случае очень естественно, что он избегает возмездия законов; во втором — чего ему бояться, если он чувствует себя невиноватым? Его неявка на суд, по моему мнению, не оставляет сомнения в его виновности. Не могу пройти молчанием неуместность письма Жуковского, которого я даже не знаю. Повидимому, судя по его содержанию, мне кажется, что принципы, которыми он пользуется, несовместимы с порядком вещей, установившимся в нашем правительстве, и которые могут только клониться ко вреду его ученика. Что касается до г-жи Разумовской, то тут нечего сказать. Эта женщина, кажется, была в связи с Тургеневым, и страсть к нему ослепляет ее».

[1]) Н. И. Тургеневе.

Отзыв Константина Павловича имел решающее значение, и Тургенев не был помилован на этот раз (помилование состоялось позднее, в 1831 г.), хотя в этой записке Николай Иванович приносит полное раскаяние и грубо отрекается от прошлого. Он заходит так далеко в это время в своем отречении от прошлого, «что никого,— жалуется он братьям, не мог уверить в ничтожности, незначительности того, что называют тайным обществом». Не только «в угоду раздраженному правительству», как утверждает Е. И. Тарасов, пытаясь смягчить впечатление от записки, стоит здесь позорно коленопреклоненным Николай Тургенев перед царем, — он выразил здесь свое подлинное тогдашнее настроение, высказанное им без стеснения еще в письмах того времени к братьям и Жуковскому [1]).

Записка эта окончательно разрушает либеральную легенду о том, что Николай Тургенев «не предпринял для своего оправдания почти ничего» [2]).

Записку частично цитирует Е. И. Тарасов в названной работе [3]), ссылается на нее и А. Шебунин [4]). Оба они пользуются рукописью из архива бр. Тургеневых, сохраняющейся в рукописном отделении Академии Наук.

Полный текст записки [5]) появляется впервые и печатается по тому списку, который был без сомнения в руках Николая I.

Н. Бельчиков.

Для того, кто желает видеть простое изложение обвинений, показаний и ясных доказательств против меня, достаточно прочесть Таблицу. Она, в строгих пределах правосудия, представляет все, до меня касающееся.

Тот, кто желает видеть подробное изъяснение моих поступков, намерений, мнений, и притом, не имея невыгодного предубеждения, войдет в настоящее мое положение, вспомнит, что я изъясняю обстоятельства, за несколько пред сим лет случившиеся и давно забытые, тот найдет сие изъяснение, изъяснение сущности дела, в записке [6]).

ЗАПИСКА О СВОЙСТВЕ И МЕРЕ МОЕГО УЧАСТИЯ В ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВАХ.

Оглавление.

Часть первая: Историческое изложение обстоятельств, до меня касающихся.

Часть вторая: Изъяснения на заключения Верховного Уголовного Суда, относительно цели и средств, равно и других обстоятельств, до тайных обществ касающихся.

---

[1]) «Р. Архив», 1895, № 10, стр. 341

[2]) В. М. Истрин — Ж. М. Н. Просвещ. 1913, III, стр. 25—26.

[3]) См. гл. 4, 412—421.

[4]) «Н. И. Тургенев», М. 1925 г. стр. 105.

[5]) На архивной синеватой бумаги обложке дата: «Чельтенгам 27 октября, 1826 г.».

[6]) Эти два абзаца составляют как бы эпиграф к «Записке» и написаны на ервой странице рукописи.

Часть третья: Различные соображения, представляющие мое участие в тайных обществах в истинном виде.

Часть первая: О приговоре.
О предубеждении против меня.
О первом изъяснении.
О виновности моей.
Об участии в учреждении общества.
Вступление мое в общество.
Моя деятельность.
Об умысле на введение республиканского правления.
Об уничтожении общества в Москве.
О моем председательстве.
О восстановлении общества и о принятии других.
О последнем совещании.
Мои виды, мнения, разговоры и удаление от тайных сношений.
Различение эпох касательно обществ.
Различение эпох касательно показаний.
Различные показания против меня.
Часть вторая: О цели и средствах по заключению Верховного Уголовного Суда.
О цели и средствах по рапорту Следственной Комиссии.
Мое мнение о цели.
Статьи решения Суда.
Часть третья: Соображения.

Часть первая.

Историческое изложение обстоятельств, до меня касающихся.

Приговор смертный был произнесен надо мною за то, «что я был деятельным членом тайного общества, участвовал в учреждении, восстановлении, совещаниях и распространении оного принятием других, и равно участвовал в умысле ввести республиканское правление, и, удалясь за границу, по призыву правительства к оправданию не явился, чем и подтвердил сделанные на меня показания».

Как громовым ударом я был поражен сим приговором! Но я не явился к оправданию — и теперь не имею права жаловаться на строгость оного... Опомнившись от объявшего меня ужаса, первым моим чувством было некоторое утешение, что по крайней мере в окончательном приговоре о мне не упомянуто ужаснейшее из всех обвинений. Но имя стоит на ряду с замышлявшими цареубийство! Какими путями я дошел до сего положения? спрашивал я сам себя, — и не постигая того, что со мною происходит, я поддерживал себя покорностью воле провидения и надеждою, что время, рано или поздно, приведет все в ясность и каждой вине определит ее степень.

Но между тем я не могу оставаться в молчании. Сильное, непреодолимое чувство побуждает меня содействовать к обнаружению истины; голос совести заставляет меня, сознаваясь в том, в чем я действительно виновен, отстранить от себя обвинения по таким замыслам, кои мне и на мысль никогда не приходили. На мне есть вина, но не та, которую мне приписывают.

Ужасное положение, в котором я теперь нахожусь, горе, смущение души не позволят мне представить всех обстоятельств, до меня касающихся, с надлежащею правильностью и полнотою. Страшусь даже, что весьма сильное предубеждение, возникшее против меня из показаний других подсудимых и из моей неявки к суду, не позволит верить словам моим... Воля провидения да исполнится! Я не могу, я не должен обвинять себя в том, в чем я невиновен; я не могу, я не должен клеветать на себя. И то, в чем я действительно виновен, тяготит уже мою душу чрезмерно и будет тяготить до гроба. Чаша бедствий не наполнилась ли для меня уже и тем, что я поставлен в жестокую необходимость оправдываться в преступлениях, никогда в душу мою не проникавших, так что ужасаемый и обвинениями и приговором, я теряюсь в мыслях и стараюсь объяснить чего сам не постигаю, сам себя иногда спрашиваю: Не был ли я подлинно когда-либо злоумышленником? Ищу ответа и как будто сам желаю обвинить себя и покориться беде за заслуженную вину... Но нет! Свидетельство совести, воспоминания всей моей жизни мне отвечают, что злоумышленником я никогда не был — и тогда луч небесной надежды дает мне силу и бодрость оправдываться.

Но предубеждение против меня так сильно, что некоторые почитают меня главною пружиною тайных обществ; другие даже и в теперешнем моем положении — приписывают мне сочинение каких-то мне неизвестных артиклей газетных... если б [1]) настоящее мое положение, если б состояние души моей было лучше известно, то оно возродило бы обо мне мнение иного рода. Жизнь, обреченная бедствию, душа, терзаемая горестью, мысль, что я делаю несчастие [2]) не только самого себя, но и своих ближних, — все сие показало бы, что, говоря о себе, я ничего не могу говорить противного истине и внутреннему моему убеждению. Но если б я, победив неопреодолимое чувство необходимости говорить истину, стремился еще напротив искажать истину, то где хотя малейшая возможность успеха? Не ясно ли, что в теперешнем моем положении одно только полное признание может быть для меня выгодно? Но выгод или невыгод я не могу искать иначе как в истине. Не скрываю вины моей, не защищаю моих намерений, мнений, но представляю все в истинном виде. Не хочу и не могу сделать себя ни лучше, ни хуже того, чем я был; стремясь только представить себя

---

[1]) Тургенев везде писал «естьлиб» и «есть ли». Здесь даем принятое теперь написание. *Прим. ред.*

[2]) Тургенев писал всюду «нещастие» и «щастие». Здесь даем современное написание этих слов. *Прим. ред.*

тем, чем я был действительно, а не тем, чем меня делают обстоятельства и показания других.

Первое мое объяснение произвело против меня еще более негодования, усилило мнение о моей виновности, особенно потому, что я говорил о тайном обществе, как о вещи незначительной, ребяческой. Сие негодование было справедливо, и могу ли я не признать сего, когда даже и брат мой заклинает меня не представлять общества, столь ужасного, в сем виде ничтожности,— как будто и с своей стороны сомневаясь в истине слов моих?—Но и не надеясь успеха, страшась даже к мнению, что я лжец и преступник, присовокупить мнение, что я лжец и преступник закоснелый, я обязан, пред богом и пред совестию сказать, что тогдашние слова мои были истинным выражением т о г д а ш н е г о моего мнения. В то время, когда я писал первое объяснение, знал ли я все то, что знали все те, кои его читали; и в то время когда читали? Я знал, что было возмущение. Между мятежниками я видел только имя Трубецкого, которое мне было коротко известно по обществу. Между теми, коим известия приписывали тогда главнейшие злодейства, я видел только имена таких людей, кои мне совершенно были неизвестны ни по обществу, ни иначе. Я не знал даже тогда, что после различных попыток, составилось, наконец, новое общество в Петербурге. Я думал, что идея о бунте родилась между мятежниками при виде обстоятельств, казавшихся им удобными для произведения возмущения. Обстоятельство, что бунт приписывается тайному обществу, я изъяснял себе тем, что между мятежниками были и члены общества, кои при допросах показали о бытии общества. Мне казалось, что открытие сего общества естественно указало на сие общество, как на первый источник бунта; но что дальнейшими исследованиями объяснится, что бунт произошел от злодейских намерений частных лиц, членов и не членов общества, а не от самого общества. И мог ли я тогда думать иначе, никогда не подозревав, чтобы общество, которое мне было известно, или разные лица, с коими я бывал в сношениях по обществу, когда-либо направлялись к сей цели крайних преступлений, или могло когда-нибудь произвести что-нибудь похожее на то, что случилось? Мог ли я думать иначе, вспоминая о тех, с коими я наиболее был связан по обществу, и кои, кроме общего ужаса, оплакивали в бунте и личные потери? Зная коротко сих людей, я был уверен, что они ничего не знали о намерениях бунта. Не знал бы и я, если б и был в Петербурге, говорил я сам себе. Все сие ни мало не позволяло мне опасаться, что имя мое когда-либо будет смешано с именами бунтовщиков.

Но мало-по-малу известия становились полнее и подробнее. Ужасные тайны открывались признаниями самих виновных, и, наконец, рапорт Следственной Комиссии представил все адское дело во всей полноте, со всеми подробностями беспримерного разврата и бешеной кровожадности... Душа моя содрогнулась, ужасные ощущения ее терзали. Тогда я увидел, что совещания, на коих я некогда присутствовал, превратились, наконец, в настоящее скопище разбойников; я уви-

дел, что люди, с коими и я некогда говаривал, явили себя истинными злодеями, и что в то самое время, когда я с ними говорил, мысль злодейства уже таилась в их сердце развращенном! Сии страшные воспоминания довершили мое смущение. Мысль, что я был в обществе, к коему принадлежали и злодеи, заглушило во мне всякое другое чувство; я не внимал гласу совести, которая говорила мне, что злодейство никогда не проникало в мою душу: после всего, что случилось, я не верил самому себе и, не постигая того, что я видел и чувствовал, с жадностью искал объяснения и успокоения в самом описании поразивших меня ужасов, в самих признаниях злодеев, коих в эту минуту я почитал себя как будто соучастником! Но находя объяснения, я не находил успокоения, читая подробности заговоров и убийств! Я видел, что если могу отстранить себя от соучастия в злодейских замыслах, то не могу исторгнуть моего имени из среды имен злоумышленников — оно провозглашено уже вместе с их именами! Это доводило меня до отчаяния. И без соучастия в преступных намерениях и делах, одно соучастие в обществе, одно помещение моего имени между именами доказанных злодеев есть и будет самым тягостным бременем на всю мою жизнь. Смотрю с ужасом на прошедшее. Вижу теперь всю опасность существования каких бы то ни было тайных обществ, вижу, что из тайных разговоров дело могло обратиться в заговор, и от заговоров перейти к бунтам и убийствам. Вижу, что покров тайны, равно скрывая и заблуждения и преступения, сим самым подвергал их равному подозрению. Знаю и чувствую, что я не видал этого прежде, что я никогда не был ни злодеем, ни злоумышленником; но сие чувство не позволит мне никогда простить и самому себе этого теперь для меня непонятного заблуждения, которое привело меня в настоящее, горестное, безотрадное положение. И какой печальный пример подаю я собою! Неужели человек, питавший в душе своей всегда чистые, бескорыстные намерения, желавший блага для всех и зла ни для кого, должен находить гибель за свои намерения и желания?.. Но правосудие небесное не ошибается, и если я осужден на несчастие, то, конечно, заслужил его, если не в сем случае, то чем-нибудь иным.

Но сего бедствия было недостаточно и мне было суждено усугубить его и довершить несчастие неявкой к суду. Ясно теперь вижу, что сия неявка усилила строгость приговора. Ясно вижу, что я ничем столь много не повредил сам себе, как сею неявкою. Все, что я теперь представляю и доказываю, я мог бы представить и доказать с большею удобностию на очных ставках с другими и тем отстранить самые тяжкие обвинения против меня. Но я не явился, терплю за сие много, много, может быть более... Но вина сия действительна, и я не могу в ней оправдываться. По крайней мере, она может быть, однакоже, отделена от первоначальных обвинений, в которых я не могу не оправдываться, сознаваясь, впрочем, в том, в чем я действительно виновен.

Я был членом тайного общества. Вот начало всего моего бедствия. Вот в чем состоит весь вопрос, вся сущность дела, по коему я могу

подлежать ответу, и преследование коего определит мою вину, так что если вступление в сие общество преступно, то я виновен; и обратно. Я не был учредителем общества. Я не был также и восстановителем общества, хотя и был с моей стороны один поступок, по которому другие могли заключить, что я желаю восстановления общества. Наконец можно обвинять меня в принятии если не многих, то одного члена, хотя подробное изложение сего обстоятельства и покажет, что сие принятие едва ли может быть, в строгом смысле, сочтено действительным принятием и следовательно распространением общества, общества, которого я не почитал и не мог почитать преступным, и которое законом не было запрещено, как и по рапорту видно. Умысла ввести республиканское правление не имел. Откровенное изложение участия моего по тайному обществу покажет, в чем состоит вина моя. По самому свойству обвинений и для представления всего до меня касающегося сколь возможно в ясном виде, как в пользу мою, так и против меня, я должен говорить не только о поступках, но и о намерениях, и даже о мнениях моих. Равным образом должен представить действия, разговоры, мнения других. Все, что осталось в моей памяти не будет скрыто. Конечно в изложении обстоятельств, за несколько лет бывших, и о коих в течение сего времени я ни мало не думал, должна встретиться неточность, недостаточность, но сие может касаться только до подробностей. Главное и существенное будет представлено и справедливо и откровенно. Если бы я мог надеяться, что слова мои будут приняты без того предубеждения, которое я сам произвел против себя, то я мог бы излагать все сие гораздо спокойнее. Но я могу, по крайней мере, ожидать, что обстоятельства самого дела, в рапорте Следственной Комиссии изложенные, должны служить подкреплением для слов моих. Ссылаясь на сей рапорт, я покажу, какого общества я был членом, какого рода могла быть моя деятельность в сем обществе, что я мог иметь целью и какие средства я мог признавать нужными—для достижения сей цели. Прошу, желаю только внимания, хладнокровия в чтении сей записки и, если возможно, отстранение на это время существующего против меня предубеждения. В сей записке я изложу в с е и к оправданию и к обвинению. После такого прочтения записки я буду ожидать решения высшего правосудия. Судьею в собственном деле никто быть не может. Безнадежное мое положение позволяет мне, по крайней мере, быть верным изъяснителем дела.

О б у ч а с т и и в у ч р е ж д е н и и. Первое обвинение против меня состоит в том, что я участвовал в учреждении общества и основано на показании трех лиц: Трубецкого, Семенова и Матвея Муравьева.

Не находя в рапорте Следственной Комиссии никаких показаний против меня в том, что я участвовал в учреждении общества, под названием Союза Благоденствия, я должен полагать, что сие обвинение в у ч р е ж д е н и и, есть то же самое, которое состоит в в о с с т а н о в л е н и и общества. О сем восстановлении я говорю ниже.

Если же обвинение в учреждении есть отдельное и независимое от восстановления, то я должен на сие представить следующее объяснение:

По рапорту Следственной Комиссии (ст. 6) видно, что первая мысль об учреждении тайного общества родилась по возвращении войск из-за границы. Я не помню именно когда я возвратился из-за границы; но знаю, что после того как войска оставили чужие государства, я оставался с год за границей по ликвидационным делам.

Между именами тех, кои первые подали мысль к учреждению общества, кои присутствовали при первых совещаниях (стр. 7), нет моего имени. О первом тогда возникшем обществе, под названием Союза Спасения, я даже никогда не слыхал и впоследствии, и узнал в первый раз из рапорта Следственной Комиссии. На стр. 8 исчисляются имена всех тогдашних членов. На стр. 9 — имена тех, коим предлагаемо было вступить. Нигде о мне не упоминается. После сего общества и после цареубийственных замыслов в Москве, составилось, как видно на стр. 11 рапорта, общество под названием: Союза Благоденствия. В числе сочинителей устава сего общества или основателей оного о мне не упоминается.

Я не могу определить времени, когда именно я вступил в общество; но простое изложение обстоятельств моего вступления покажет, что я не был в числе учредителей общества.

По возвращении моем из-за границы в Петербург, я не был ни в каких сношениях или связях ни с одним из лиц, коих узнал впоследствии по обществу. Некоторых из них, а именно Орлова, я видал прежде во Франции. Встретясь с ним в Петербурге, он однажды начал мне говорить о высших степенях масонства и дал мне две тетради, содержащие ритуал принятия в две высшие степени. Все, что я теперь помню о сем ритуале, состоит в том, что принятие в сии степени было сопровождаемо различными мистическими обрядами; не помню даже названия Русских рыцарей, которое нахожу в рапорте Следственной Комиссии. Так как Орлов говорил мне, что одну из сих тетрадей он получил от графа Мамонова, коего я не видывал, и так как я слышал, что граф Мамонов находится в связях с старыми московскими масонами, то я полагал, что все сие происходит оттуда. При сем случае я впервые услышал, что в Петербурге есть тайное общество, когда Орлов сказал мне, что его приглашали вступить в сие общество, но что после свидания его с Александром Муравьевым он от вступления отказался. Сего Александра Муравьева я не знал ни тогда, ни после. Потому ли что мне говорил Орлов, или почему нибудь другому, не знаю; но я представлял себе тогда, что общество, о котором я слышал, состоит в масонской ложе. Помню также, что Орлов, ссылаясь на Муравьева, говорил, что в сем обществе 40 или 60 человек. После сего я продолжал видеться с Орловым. Он говорил мне, что хорошо бы основать масонскую ложу и после первых трех степеней сообщать его высшие степени. Я с ним соглашался и с своей стороны придумывал сред-

ства соединить с обязанностями высших степеней отпуск крепостных людей на волю. Эта идея освобождения крепостных людей владела мною исключительно и прежде и после. Она была целью моей жизни, она и причиною теперешнего моего несчастья. Дальнейшие объяснения более обнаружат сие обстоятельство. Вскоре после того Орлов уехал из Петербурга и все и его и мои проекты прекратились [1]).

В с т у п л е н и е в о б щ е с т в о. После сего пришел однажды ко мне Трубецкой, коего я почти совсем не знал, и без дальнейших объяснений, предложил мне вступить в общество, представляя вместе и устав оного. Это была так называемая З е л е н а я к н и г а. О второй части сего устава я никогда ничего не знал; не знал даже, существовала ли она в проекте. Сообщая мне Зеленую книгу, Трубецкой сказал, что никакой другой или второй части нет. Содержание сего устава известно по рапорту Следственной Комиссии. По прочтении, возвращая его Трубецкому, я сказал, что несмотря на обширность занятий, за кои союз берется, я не вижу ничего кроме благонамеренных желаний и не откажусь вступить. Тут Трубецкой назвал мне многих членов общества и сказал, что все число их, включая и тех, кои уже отстали, простирается до 100.

Д е я т е л ь н о с т ь м о я. Вступив в общество, я ожидал, судя по уставу, что мне сделаны будут какие-либо поручения или предписано исполнение какой-либо обязанности. Но ничего подобного не случилось. Я спрашивал, где же правление союза, где управы, о которых говорится в уставе? Ответы были неудовлетворительны. Я желал, по крайней мере, видеть членов, бывших в Петербурге, и меня начали приглашать на совещания. Принадлежал ли я тогда к коренному союзу или к коренной управе, или к какому-нибудь совету, управлявшему обществом, я и по сие время сего не знаю. На совещаниях я немедленно увидел, что общество не имело никакой деятельности. Я не мог также знать, имело ли общество какие-либо сношения вне Петербурга, ибо не видал никакого повода к сношениям — о чем было сноситься?

Предметом рассуждений на сих совещаниях была всегда сия самая недеятельность общества. Как бы дать более деятельности обществу; как лучше устроить советы, управы? Вот о чем обыкновенно рассуждали на сих совещаниях. «Но к чему все это ведет? Что надлежит делать обществу?» спрашивали члены беспрестанно один другого. Постоянным ответом других было: «Надобно распространять политические сведения, надобно умножать число членов». Я всегда соглашался с первым, и с своей стороны советовал покупать на общие деньги книги, читать,

---

[1]) Время выезда Орлова из Петербурга легко может быть определено. Общество существовало уже в бытность его в Петербурге. Но в продолжении бытности его в Петербурге, я в общество не вступал, следственно не участвовал в учреждении. Впрочем, многие другие обстоятельства, напр., учреждение вольных обществ после основания Союза Благоденствия (стр. 16 рап.), о коих я слыхал, как о существовавших до моего вступления, показывают, что я общества не учреждал, а вступил в общество учрежденное. *(Прим. автора записки.)*

учиться. Умножать число членов я не только не советовал, но часто говорил против сего, ибо скоро увидел, что для успеха в намерениях общества не было никакой нужды увеличивать числа членов; ибо посторонние, не принадлежа к обществу, не менее могли содействовать сему успеху, как и члены общества.

Обыкновенно рассуждения об обществе скоро прекращались на сих совещаниях,—ибо действительно не о чем было говорить,— и разговоры обращались к общим предметам политическим, литературным, о современных происшествиях и т. п. Говоря, между прочим, и о различных формах правления, я соглашался с другими в выгодах правлений представительных; но всегда старался убедить других, что касательно России, в настоящем ее положении, надлежит думать ни о чем ином, как об уничтожении рабства. Впоследствии я представлю более объяснений о сем предмете моих разговоров.

Я ни мало не удивлялся, что предписания устава не исполнялись, ибо видел, что большая часть членов, по недостатку сведений, не были ни мало в состоянии исполнить сих предписаний! Но видя сей недостаток, я вместе видел в них и желание добра, хотя они и не могли сами себе дать отчета в том, чего желают, и потому я сделал однажды предложение: вменить в обязанность всем членам отпустить на волю людей-дворовых немедленно, а касательно крестьян, приступать к увольнению их в свободные хлебопашцы или на других условиях. Мое предложение было всеми принято. В сие время долженствовало быть и то совещание, где я, по словам Пестеля, дал голос, что желаю в России республиканского правления. Нелепость сего показания объясню ниже.

Я присутствовал не более как на 4 или 5 таких совещаний. Ни на одном ничего никогда не слыхал такого, из чего можно бы было вывести заключение, чт общество имеет целью испровержение существующего порядка в государстве. Цель общества никогда при мне не была ни явно, ни скрыто опредлена, и сами члены всегда говорили, что нечего делать, кроме как распространять сведения и умножать число членов. Ниже я покажу, что и рапорт Следственной Комиссии не приписывает обществу столь преступной цели в сию эпоху. Но по сему рапорту видно, что и в сие время и прежде, некоторые члены имели уже преступные, цареубийственные замыслы. В сем только те ответствовать могут, кои участвовали в сих замыслах или знали об оных.

Покуда я надеялся, что могу что-либо сделать в обществе к содействию моей цели освобождения крестьян, я думал, что общество, несмотря на незначительность оного в других отношениях, может еще быть полезно. Но впоследствии я увидел, что предложение мое, охотно принятое всеми, никем не исполняется. Это охладило меня к обществу, а в некоторых членах поселило ко мне негодование. Молодость и необразованность, думал я, не мешают им отпускать людей на волю.

Тогда я начал думать о средствах другого рода к содействию моей цели. Первым из сих средств представилось мне издание журнала. Ниже я объясню, что издание журнала никем не было мне поручаемо,

что сие мое намерение ни мало не касается до общества. Составив проспект, я начал готовить некоторые статьи для печати и, наконец, созвал несколько человек, о коих я думал, что они могут содействовать изданию журнала. На сем совещании были некоторые члены общества, но были и посторонние лица. Многие изъявили желание и охоту содействовать, обещали сообщать мне статьи по разным предметам. Но все сие предприятие не имело никакого результата.

Видя со всех сторон неудачу в моих желаниях, я начал менее думать о таких средствах; а вместе с сим и об обществе, которое всегда соединялось в моих понятиях только с главною, единственною моею целью. Внимание мое обратилось на деятельность, в сем смысле, по службе и на представление покойному императору рассуждения о невыгодах крепостного состояния и о средствах отвратить сии невыгоды, о чем упомяну ниже.

Таким образом я не только мало-по-малу отставал от общества, но, наконец, почти о нем и не думал.

Вот краткое изложение, как участия моего в обществе, так и деятельности моей по оному. Вступив в общество, я сначала ожидал, что оно может содействовать к чему нибудь доброму или, по крайней мере, что я тогда почитал добром. Впоследствии я увидел, что оно ни к чему совершенно способствовать не может: ни к доброму, ни к злому. Впрочем, я никаких вредных последствий от общества тогда и не предполагал и не мог предполагать, не видев ни в уставе, ни в объявляемых мнениях членов ничего похожего на злоумышленность. Дальнейшее изложение более объяснит тогдашнее мое мнение о незначительности общества. Ниже я буду более говорить и о себе и о других; не могу теперь ничего припомнить, чтобы я мог отнести особенно к сей эпохе, кроме совещания, на котором я, по показанию Пестеля, дал голос на введение республиканского правления в России.

Об умысле республики. С большим затруднением и с каким-то недоумением приступаю к изъяснению слов: «le président sans phrases», которые показал на меня Пестель. Когда я в первый раз узнал, что на меня сделано такое показание, я не мог понять, кто сделал сие показание, что могло его к сему побудить и как он мог помнить слова, которых я сам не помнил. Я старался себе припомнить, где, когда мог бы я произнести слова сии; но усилия мои были тщетны. Я только думал, что показание может быть весьма справедливо в том, что я произнес слова сии, ибо я часто говорил неосторожно; вспомнил также, что я когда-то сказал что-то с прибавлением «без фраз». Но вместе с сим я ни мало не сомневался, что и показывающий представлял сии слова в том виде, как они произнесены быть могли, то-есть в виде шутки. Но с чем может сравняться изумление мое, когда я, наконец, увидел, из рапорта Следственной Комиссии и из записки, о мне составленной, что сии слова были показаны на меня, как ответ, изъявляющий мое мнение на введение республиканского правления в России? Неужели, думал я, истина может быть искажаема до такой неимоверной степени? Как самая

нелепость показания не удержала языка клеветника? Не постигая же самого показания, ни намерения, с каковым оно было сделано, я искал изъяснения в самом рапорте Следственной Комиссии. По всему видно, что главная цель Пестеля была в это время, на которое он ссылается, уверить свое общество во 2 армии, что петербургские члены желают республиканского правления. Имея цель сию, ему весьма было легко, видаясь с различными членами в Петербурге, заводить разговоры о различных формах правления и после разговоры сии представлять в виде совещаний и ссылаться на сии совещания для убеждения своих сочленов в собственном своем мнении о республиканском правлении. Сие намерение его явствует и из того, что он уверяет (стр. 19 рап.), что заключение коренного союза или управы определено было сообщить всем другим и что он сообщил тульчинской, между тем как Семенов, секретарь общества, показывает, что никакого определения сделано не было. Таким образом Пестель, противно истине, представляет разговоры совещаниями, говорит, что он будто по вызову блюстителя исчислял выгоды и невыгоды правлений монархического и республиканского и что, наконец, собирали голоса. Но, кроме искажения истины, в показаниях его в сем случае видно явно злобное намерение клеветать на других, что особенно доказывается показанием его, будто полковник Глинка предлагал вручить скипетр императрице, — показанием, никем не подтвержденным.

Показание Пестеля против меня двое подтвердили, а четверо не подтвердили. Что я могу сказать, с своей стороны, о сем показании, состоит в следующем:

Если вопрос состоит в том: дал ли я голос на совещании членов общества о введении республиканского правления в России? — то я не обинуясь и решительно ответствую: нет. И в подкрепление сего ответа, сверх показаний четырех членов, меня оправдывающих, я представляю следующие соображения:

1. Пестель представляет, что слова мои были произнесены на совещании. Другие говорят, что то, что Пестель называет совещанием, были обыкновенные разговоры; к чему один присовокупляет, что не было сделано никакого определения; другой, что все сие не имело никакого влияния на образ мыслей и действий членов и что не сделано никаких предписаний подведомственным управам, кроме тульчинской (т.-е. той, где был сам Пестель). Сие последнее подтверждается тремя другими. Самый рапорт (стр. 18) говорит, при изложении сего обстоятельства, что «о разных образах правления были разговоры и прения, которые иным м о г л и к а з а т ь с я правильными совещаниями». Таким образом и Следственная Комиссия не признала сих разговоров совещанием. К сему можно присовокупить, что эти разговоры могли казаться правильным совещанием тем только, кто имел свои особенные виды представлять их совещанием. Что Пестель имел сии виды, явствует из всех его в рапорте Следственной Комиссии описываемых действий, по возвращении из Петербурга в его общество.

2. О вызове блюстителя, о котором говорит Пестель, я ничего не могу сказать, как только, что никакого вызова делаемо ему быть не могло, и не знаю, кого он называет блюстителем.

3. В записке, к рапорту приложенной, сказано, по показанию Пестеля, что после долгих прений состоял вопрос: «Кого желают: монарха или президента?» Но прежде всякого ответа на такой вопрос и даже прежде постановления такого вопроса надлежало говорить или решить что-нибудь об уничтожении монархии; надлежало бы, судя по обнаруженным ныне замыслам Пестеля, вступать в рассуждения о цареубийстве! Никто, даже и сам Пестель, не показывает и даже не намекает, чтобы при мне говорено было, когда-либо в сие заседание или после оного, о чем-либо подобном. Нет! Такие рассуждения Пестель готовил для совещаний иного рода, как видно из рапорта (стр. 20) — совещаний, известных не обществу, а некоторым только членам оного — соумышленникам Пестеля.

Если же во время разговоров, или, как называет Пестель, совещания, о котором я говорю, не было даже упоминаемо ни о чем, хотя несколько похожем на то, о чем Пестель рассуждал впоследствии с двумя Муравьевыми, то откуда мог явиться повод постановить вопрос: «Кого желают: монарха или президента?». Как все решили, что хотят президента, когда никто ни прежде, ни после не говорил о монархе? Не явно ли сие соображение доказывает не только нелепость, но даже злонамеренность и клевету показания Пестеля? Но между тем на сем единственно показании основано заключение Верховного Уголовного Суда, что я участвовал в умысле ввести республиканское правление в России! Истина в том, что никогда не было, по крайней мере при мне, никакого совещания, где было бы рассуждаемо о введении республиканского правления в России; никогда я не видал и не слыхал, чтобы кто-либо вызывал Пестеля излагать его мнение; не могу даже вспомнить ничего, что он мог говорить о республиках, и никогда не было делаемо вопроса, показываемого Пестелем. Бывали разговоры общие о различных формах правления. Я не один раз мог участвовать в сих разговорах. Что ж касается до республиканского правления, то я не могу даже дать отчета и в общих моих мнениях о сем предмете, так как я могу сие сделать касательно правления представительного. О правлениях представительных я часто имел случай думать, читать, слышать. О республиках я никогда не думал и не имел повода думать, ибо ничего не читал о сем предмете; — и кто теперь в Европе занимается республиками? Если мне случилось говорить о республиках, то разговоры мои не могли быть обстоятельны, ибо и понятия мои о сем предмете были темны. Мне всегда казалось, при мысли о древних республиках, что подобные установления возможны только в теориях каких-нибудь Утопий, что гражданами в таких республиках могут быть разве ангелы, а не люди. Северная Америка ни мало не соответствует, казалось мне, сим теориям. Я думал и говаривал, что президент в Америке имеет власть не менее пространную, как и король английский. Обра-

щаясь же к приписываемым мне словам, я не иначе мог произнести их, как в ответ на другие слова, где было говорено о фразах. В рассуждениях наших часто встречалось, что один другому отвечал: «Но все это фразы». Так и я в рассуждении о республиканском правлении вообще, а не для России, мог на такое возражение отвечать: «Так чего же вы хотите: разве президента без фраз?» Иначе слова мои ни в каком случае не могут даже иметь грамматического смысла. Я не могу утвердительно сказать, в этот ли раз, о котором говорит Пестель, я произнес слова сии; но действительно помню, что я сказал однажды что-то с прибавлением: «без фраз», и сказал, кажется, в ответ на какое-то возражение, сказал более в смысле опровержения, нежели утверждения, и, наконец, помню, что и сказал это со смехом и другие приняли это также со смехом; так что все приписываемое мне преступление ограничивается только шуткою. Если б показание Пестеля было во всех частях справедливо, то ответ мой не только бы остался в собственной моей памяти, но резкостью, напомнив ужасные слова одного из убийц Лудвига XVI, остался бы и в памяти других. Наконец, если б ответ сей был голосом моим на введение республики, то, напоминая слова: «la mort sans phrases», он, естественно, означал бы, что дело шло и тут о цареубийстве. Но для такого обвинения против меня нет и тени возможности ни в обстоятельствах дела, ни даже и в показаниях Пестеля. На каком языке я произнес слова, мне приписываемые, не знаю; но не думаю, что на французском, ибо я не имел привычки говорить по-французски. И как могу я обстоятельно помнить то, что я в разговоре сказал назад тому 7 или 8 лет?

О съезде в Москве. Приступаю теперь к изложению обстоятельств о съезде в Москве и об уничтожении общества.

Петербургское общество было в совершенном упадке, когда Фон-Визин, будучи в Петербурге, начал представлять различным членам общества, что надлежит или дать новое устройство обществу, или все уничтожить; что в настоящем положении неизвестно, существует ли общество, или нет; что члены рассеяны по всему государству, не имеют никаких сношений, и никто ничего не делает. Для решения сего дела Фон-Визин предлагал, чтобы некоторые из Петербургских членов приехали в Москву, где будут члены общества из других мест. Так как я и без того собирался тогда в Москву, то объявил, что могу быть в Москве для предполагаемого совещания.

В рапорте Следственной Комиссии говорится, что я поехал в Москву по поручению от общества вместе с полковником Глинкою. По поручению или по собственному произволу я поехал в Москву, сие вины не переменяет. Но для изложения всех обстоятельств в истинном виде я должен сказать, что никто никаких поручений мне не давал, что я не был ни на одном совещании, где бы рассуждаемо было о каких-либо поручениях. Фон-Визин говорил мне, так как он говорил и другим, что надобно что-нибудь окончательно решить о обществе. Я отвечал ему, что еду в Москву и без того и буду на совещаниях. Если б я

в Москву и без того не собирался, то, конечно, единственно для совещаний по делам общества я бы туда не поехал; ибо не почитал дел сих довольно для сего важными. До отъезда моего из Петербурга я даже не знал, что Глинка едет также в Москву. Встретив его там, он мне также ни о каких поручениях не говорил, ибо и ему никаких поручений делаемо не было, и быть не могло, смотря по состоянию общества.

Теперь я вижу по рапорту (стр. 22), что в сие время во 2 армии Пестель и другие спорили о диктаторстве, о триумвиратстве и полагали быть съезду депутатов в Москве — для точнейшего определения цели и действий союза. Но в Петербурге Фон-Визин не говорил ни о каких спорах, а просто, что надобно или вновь устроить общество, или уничтожить, ибо теперешнее не существует на самом деле. О диктаторстве и т. п. я ничего никогда не слыхал ни прежде, ни в Москве, ни после.

В рапорте говорится также, что на сем съезде в Москве были делаемы различные предложения о новом устройстве общества, были несогласия, споры и что, наконец, общество было уничтожено. Двое из бывших в Москве [1]) членов (Ф.-Визин и Якушкин) показывают, что бывшие в Москве члены тогда же решились составить новое общество, и при сем Якушкин говорит, что общество тогда же составилось с новым уставом и с названием, коего он не помнит (стр. 27), Фон-Визин, напротив, что все сие окончилось одними предположениями и признанием, несколько раз повторенным, что никакая цель не оправдывает средств.

Стараясь привести себе на память все, что происходило в Москве, я не могу именно припомнить всех предположений, кои были делаемы различными членами и даже мною самим; но, не обинуясь, признаю, что действительно и после объявления об уничтожении общества члены опять начали рассуждать о предложениях, прежде сделанных, и предлагать новые проекты. Между прочим, я сам и прежде и после уничтожения делал различные предложения и проекты, кои отличались от прочих только тем, что в моих предложениях все клонилось к уничтожению рабства. Другие в предложениях своих наиболее говорили о пользе учреждения и распространения народных училищ по Ланкастерской методе, о взаимных пособиях между членами. Цели изменения государственных постановлений в сих проектах излагаемо не было, и быть не могло, ибо я не помню, чтобы когда-либо члены говорили серьезно и в виде рассуждения о сем предмете.

Что касается до правила, что цель не оправдывает средства, то я мог повторить сии слова, как простое правило нравственности. Другие могли придавать особенный смысл оному, зная, что прежде были замыслы преступные; но я о сем не мог думать, ибо замыслы сии мне были неизвестны. Часто случалось, что говорили, что надобно

[1]) Никита Муравьев не мог знать истинных причин, побудивших к объявлению об уничтожении общества, ибо он в Москве не был. Это показывает только, что он обо всем говорит, что знал и чего не знал, следуя токмо личному своему мнению о вещах и лицах. *(Прим. автора записки.)*

всеми средствами выслуживаться, достигать мест для влияния; на это отвечали, что цель не оправдывает средств, что и для хорошей цели гнусных средств употреблять не должно. Бывшие свидетели сих совещаний должны согласиться, что никто более меня не провозглашал сего правила. Другие, повторяя сие правило, имели, может быть, в виду заранее отвратить предложение каких-либо преступных средств; ибо, как я вижу теперь из рапорта Следственной Комиссии, некоторые из бывших в Москве членов знали о бывших за несколько лет до сего цареубийственных замыслах. Я, с моей стороны, и не знав и ни мало не предполагав ничего подобного, повторял сие правило, как общее правило нравственности, всегда мною руководившее. Так и для освобождения от рабства крестьян указывал я на одни законные средства, и предлагал давать отпускные, увольнять в свободные хлебопашцы и пр.

В таких разговорах состояли совещания [1]). Но все этим действительно и кончилось; ни одно из предложений о новом устройстве общества решительно принято не было. Если б, как говорит Якушкин, общество было составлено, то мудрено было бы, что он не помнит даже и названия сего общества. Я, с моей стороны, также никакого названия не помню, и все предложения, как других, так и мои собственные, впоследствии изгладились из моей памяти.

Несмотря на множество предложений, кои были делаемы, я уверен, что едва кто-либо из членов, в Москве бывших, имел какую-нибудь надежду успеха в новом устройстве общества. Все видели недействительность и бесполезность прежнего общества. К тому же с некоторого времени многие признаки показывали, что существование тайного общества известно было правительству. Это мнение усилилось в Москве уже при самом окончании всех совещаний: Орлов, отказавшийся от общества еще прежде уничтожения оного, сообщил чрез несколько времени некоторым членам известие, не знаю от кого им только что полученное и в том состоящее, что и съезд членов в Москве обратил уже внимание правительства.

О моем председательстве. Относительно показания, до меня особенно касающегося, и именно, что я был избран председателем на время съезда и показывал себя весьма умеренным, я должен объяснить, что я избран был председателем не на время съезда. Обыкновенно совещания начинались без всяких формальностей; но когда беспорядок в разговорах мешал и говорить и слушать, то члены поручали кому-нибудь из присутствующих управлять рассуждениями. В один день это поручалось одному, в другой — другому. Однажды

[1]) Вообще истина требует заметить, что на сих совещаниях я ничего не слыхал и не говорил такого, чего бы я не слыхал или не говорил в разговорах с другими лицами, к обществу не принадлежавшими; так что рассуждения посреди членов общества не представляли для меня ничего особенного или нового. Если б я что-либо, сверх показываемого, мог вспомнить, то теперь все сказал бы с полною откровенностию. *(Прим. автора записки.)*

поручили эту обязанность мне. Это было в то самое совещание, когда решено было уничтожить общество. Что касается до показываемой мною умеренности, то я должен сказать, что к неумеренности не было никакого повода. Никто не говорил ничего неумеренного [1]).

Мне неизвестно также, были ли сожжены какие-либо бумаги в Москве. Некоторые из бывших в Москве уехали вскоре после объявления об уничтожении общества; другие разъехались мало-по-малу, остававшиеся продолжали видеться и говорить об обществе и о других предметах. В то время, когда я оставил Москву, я истинно и решительно могу сказать, что ни я, ни те, коих я видел, не только не составляли никакого общества, но даже почитали невозможным составить что-либо впредь. Я, с моей стороны, не думая об обществе, продолжал, однако же, попрежнему думать о предмете, который всегда занимал меня, и не переставал говорить и советовать освобождение крестьян [2]).

О восстановлении общества. Приступаю к другому обвинению против меня относительно восстановления общества. Обвинение весьма важно; но показания на меня в сем отношении весьма неполны, противоречащи. Я могу объяснить только то, что знал и знаю о сем предмете.

Один из подсудимых (Никита Муравьев) говорит (стр. 26 рап. С. К.), что по уничтожении общества в Москве оно было, в Петербурге по крайней мере, совершенно расстроено. Другой (тит. сов. Семенов) говорит, что по возвращении из Москвы, в 1821 году, я начинал из некоторых членов уничтоженного союза составлять новое тайное общество, приглашал в оное Оболенского, полк. Нарышкина и его, Семенова, да принял полк. Митькова, Якова Толстого и Миклашевского, что вскоре потом гвардия выступила в поход и действия общества прекратились. Далее Семенов говорит, что не знает, имело ли общество устав, и прибавляет, что ни я, ни другие члены не обнаруживали при нем злодейственных намерений против императорской фамилии [3]).

---

[1]) Слов, сказанных Якушкиным Комарову, кои означались на стр. 22 рапорта Следственной Комиссии, я никогда не слыхал.

[2]) Я упоминаю здесь только о тех обстоятельствах, происшествиях, разговорах во время съезда в Москве, кои были и могли быть мне известны. Не во все продолжение сего съезда я находился в Москве. Получив отпуск только на 28 дней и пробыв несколько времени в Москве, я отправился в Симбирск и оттуда в деревню для еделания некоторых распоряжений в управлении крестьян и в их повинностях, распоряжений, согласных со всегдашним образом моих мыслей о сем предмете и лежавших в пределах возможности. Что происходило в Москве во время моего отсутствия, что другие члены между собою говорили, что предлагали, в чем соглашались,— все сие было мне и теперь остается неизвестным. С большею частью членов, коих я видел в Москве, или, справедливее сказать, со всеми, кроме Глинки, я после, по сие время, ни разу не виделся, и потому образ их мыслей, их правила, мнения и проч. были мне неизвестны. Сие изъясняет, каким образом я оставался чуждым многому, в чем теперь сии члены сознаются.

[3]) Говоря о том, чего я не обнаруживал, для чего Семенов не упоминает о том, что он слыхал от меня несколько раз относительно бесцелия, бесполезности общества? Для чего не представляет мнений моих о обществах и о членах?

Потом Никита Муравьев еще показывает, что основателями или возобновителями общества были: он сам, Оболенский и я, но что я не участвовал в принятии новых членов. Наконец, Оболенский показывает, что по возобновлении общества мне предлагали место правителя, но что я отказался.

Соображая сии показания, видно, что, с одной стороны, говорят, что я начинал составлять общество и что даже участвовал в возобновлении; следственно, желал нового общества; с другой,—что я отказывался от места правителя. Как согласить и желание мое составить общество и отказ участвовать в оном? Далее видно, с одной стороны, что я принимал членов; с другой, что не только не принимал сам, но и не участвовал в принятии новых членов. Сии показания противоречат одно другому. Какую силу противоречащие показания имеют пред законом? Но в сих показаниях справедливость смешана с несправедливостью. Я скажу все, что знаю.

Возвратясь из Москвы в Петербург, я слышал, что некоторые из членов общества были недовольны уничтожением. Я должен здесь упомянуть, что я сам не видался с большею частию членов, но известия о них сообщал мне сей самый Семенов, которого я видал почти ежедневно. Семенов часто мне говорил, что некоторые члены, в числе коих я помню имя Оболенского, о коем я слыхал всех более, негодуют на московское совещание и не признают общества уничтоженным. То же, как я после слышал от Пестеля, было и во второй армии. Семенов говорил мне, что сии члены, имея ко мне особую доверенность, приступают, чтобы я имел с ними совещание. Семенов видел и знал мою неохоту опять вступать в сношение с людьми, от коих я совершенно ничего не мог ожидать; он видел и знал мое мнение о ничтожности всех сих затей и не может, не оскорбляя истины, показывать противного сим словам моим. Но настояния его, Семенова, от имени членов мне делаемые, продолжались; и я, наконец, поехал к ним и сообщил им все, что было решено в Москве относительно уничтожения общества, равно как и то, что было предлагаемо касательно нового устройства общества. При сем совещании я, между прочими, помню Оболенского, Миклашевского и, кажется, Толстого. Не помню, но думаю, что тут был и Семенов. Они говорили, что не могут согласиться на совершенное уничтожение общества, что будут продолжать почитать общество существующим, переменив только образование оного. Предлагали мне вступить в общество или заняться новым устройством. Я отказался. После сего я не видал Миклашевского никогда, иначе как в Английском клобе, и Толстого, иначе как обедав у него раза два с лицами посторонними. Кажется, сколько помню, что о Миклашевском говорили, что он один из тех, кои желают принадлежать к новому обществу. Мои изъяснения и сообщения различных мнений и проектов в присутствии его и других представляются теперь принятием его и Толстого в общество! — Между сими мнениями и изъяснениями я, конечно, более говорил им о моем собственном, об освобождении крепостных людей, говорил, может быть,

с жаром, стараясь убедить их в необходимости освобождения. Сии мои мнения продолжали и тогда владеть мною. Можно ли сии мнения, сии изъяснения с моей стороны почесть принятием? а я кроме сего раза, ни Миклашевского, ни Толстого не видывал, иначе как посреди людей посторонних.

Семенов говорит, что не знает, — был ли устав для сего общества. Как же я мог принимать членов, по его словам, когда не было устава? И в чем могло состоять принятие? Брал ли я какие-нибудь подписки или обещания? Объявлял ли я какую-нибудь цель, средство к достижению оной? Ни Семенов и никто ничего подобного не показывает.

Далее: Семенов говорит, что я н а ч и н а л составлять общество, но не говорит, что я его составил; напротив, что вскоре действия сего общества прекратились. Тут же по рапорту Следственной Комиссии видно (стр. 26), что общество вновь составлено в исходе 1822 года. Семенов говорит, что я принимал членов в 1821 году. Куда же я принимал, когда и общество еще составлено не было? И в чем состояли действия еще не составленного общества,— действия, кои вскоре п р е к р а т и л и с ь, говорит Семенов? Что может быть слабее, ничтожнее таких показаний? Не ясно ли, что грубые противоречия доказывают их несправедливость? И могут ли они служить основанию обвинению уголовному?

Можно ли назвать участием в восстановлении общества то, что я один раз говорил сим лицам (из коих большая часть были уже членами первого общества и все желали иметь новое общество) то, что было предлагаемо, хотя и не принято в Москве. Я отвечал на их вопросы, что было делаемо в Москве, ни мало не думая скрывать ничего, даже и потому, что не приписывал никакой важности ни их вопросам, ни моим ответам, ни тому, о чем разговаривал. Относительно показываемого на меня принятия Миклашевского и Толстого я не могу сказать ничего иного, как только то, что я видел их в сем совещании. Находясь, может быть, в первый раз между людьми, рассуждающими о обществе, они могли сим самым почитать себя как будто сопричисленными обществу. Иначе я никак не могу изъяснить сего показания, что я их принял. Я, с моей стороны, так мало думал, что я их принял, что когда меня в первый раз уведомили, что двое из подсудимых показывают, что я их принял в общество, то я отвечал, что помню об одном (Митькове), который просил меня ввести его в общество, но что о других никак не могу вспомнить.

Принятие Митькова, если бы оно действительно относилось к сему времени, как показывает Семенов, было бы столь же слабым обвинением против меня, как принятие Миклашевского и Толстого; ибо сие опровергалось бы тем, что и общество в сие время еще составлено не было и что, и по словам Семенова, я начинал, но не окончил составление оного. Но нет. Не скрывая истины, я должен сказать, что я всегда сам думал, что Митьков, хотя и не по моему предложению, и даже про-

тив моих советов, и не мною введенный, но при всем том после данной мною ему Зеленой книги вступил в общество.

Гораздо прежде поездки моей в Москву, видаясь с Митьковым у одного из наших общих знакомых, он показывал мне желание вступить в общество, о коем он слыхал уже от других, и, наконец, несколько раз просил меня ввести его в сие общество. Я очень помню, что говорил ему, что он ошибается, если предполагает найти в обществе что-либо значительное, что оно ничего не делает и не может ничего делать и что я сам почти совсем уже отстал от всякого участия в обществе. Но настояния с его стороны продолжались, и я обещал дать ему для прочтения устав общества. Для сего я взял, не помню у кого, Зеленую книгу. Вскоре за сим Митьков пришел ко мне, и я дал ему оную [1]). Вот чем единственно ограничиваются действия с моей стороны в принятии Митькова: я советовал ему не вступать в общество, дал ему прочесть Зеленую книгу и после ни разу не видался с ним по обществу. Как впоследствии и с кем из членов общества Митьков сблизился,—это мне совершенно неизвестно. Он знал многих из членов и прежде, нежели я сообщил ему Зеленую книгу. Я не помню, чтобы я его с кем-либо познакомил. Я видал его впоследствии, но не по обществу; ни на одном совещании с ним не присутствовал; не помню даже, чтобы я когда-либо после говорил с ним о обществе. Я полагал, что он не принимает никакого участия в обществе, ибо я не видел и возможности делать что-нибудь по обществу. Как он попал в связи с членами вновь устроенного общества, я также ни мало не знаю. Он сам мне никогда об этом не говорил, несмотря на то, что я видал его за границею и в одно время даже жил с ним вместе. Теперь я вижу по рапорту, что он изъявлял согласие на мнения самые преступные. Он не только мне ничего в чужих краях не говорил о сих мнениях, но по всему, что я о нем знал, я ни мало не мог предполагать, чтобы он был в состоянии разделять или даже слышать хладнокровно такие мнения. Раза два я говаривал с ним об увольнении его крепостного человека, бывшего с ним за границею, и других дворовых его людей, и при сем случае оказывал даже негодование, видя, что не весьма расположен сие делать. Сколько я могу теперь судить, я уверен, что Митьков постыдился бы сообщить мне что-либо о тех замыслах, кои ему были известны, и еще менее сознаться, что и он разделял их. Мои мнения, мои желания были ему известны. Где нашел бы он довольно бесстыдства в ответ на мои мнения, что надобно отпускать людей на волю, в ответ на мои упреки, что он не отпускает своих людей, имея на то полную возможность, говорить: «Нет. Мы не хотим отпускать на волю крепостных людей, а хотим истребить...». Впрочем, я должен сказать, что и теперь я не могу приписывать какому-либо действительному намерению преступных слов, в коих Митьков сам

[1]) Это было первое его посещение. Я могу теперь припомнить, что Митьков нашел меня за работою. Я приготовлял тогда к печати мою книгу (публикованную в 1821 году) и извинялся, что не могу принять его. В этот раз или после я дал ему Зеленую книгу,—не помню.

сознался; ибо я часто замечал, что он охотно говорит о всем, о чем говорят другие, часто худо понимая предмет, о коем идет дело. Но при всем том я не постигаю, как он мог забыться до такой степени, как мог не только слушать, но соглашаться в мнениях столь безумно жестоких. Я никогда не видал в нем ничего похожего на что-либо злодейское.

Семенов показывает на меня также, что я приглашал в общество его самого, Нарышкина, Оболенского. На сие я могу только сказать, что ему, Семенову, я такого предожения не делал и делать не мог по той ясной причине, что все известия о желании восстановить общество доходили до меня посредством его, Семенова, от имени Оболенского и других. Семенов беспрестанно говорил мне, что члены, между коими я всего чаще слыхал имя Оболенского, не признают уничтожения и желают восстановления общества. Как же мог я приглашать его в общество, впрочем, и по его словам еще не составленное, как мог приглашать Оболенского, когда я беспрестанно слышал от него, что Оболенский не признает уничтожения и не желает устройства нового общества? Как приглашать, не показывая и устава?

Что касается до Нарышкина, которому я также по словам Семенова предлагал вступить в общество, скажу только, что я не помню, чтобы я с Нарышкиным когда-либо говаривал.

В первых показаниях Семенова, может быть, ошибочность — неумышленная. Во вторых — явная клевета.

Показание Никиты Муравьева, что я вместе с ним и Оболенским восстановил общество, я могу и обязан назвать совершенно несправедливым. Показания лиц, обвиняющих меня, конечно, сильны, когда они и сами себя тут же обвиняют. Но должен ли я отказаться от оправдания, когда не вижу и тени справедливости в обвинении. К тому же нахожу в рапорте Следственной Комиссии несколько таких совершенно несправедливых против меня показаний, которые могу опровергнуть несомнительными доказательствами и в числе коих одно сего же самого Никиты Муравьева, которое опровергается просто означением числа, месяца и года. Почти во всех сих показаниях я не вижу намерения клеветать; но только или легкость, с какою люди в сих случаях обыкновенно говорят об отсутствующих, или влияние собственных мнений, понятий, — влияние, вследствие коего люди часто невольно приписывают другим то, что сами думают, чего сами желают [1]).

Вспоминая все обстоятельства, которые могли дать повод к показанию Муравьева, что я вместе с ним был основателем общества, я не нахожу ни малейшей к сему причины. Напротив, все сношения мои с Муравьевым в это время показывают совершенно противное, а именно:

---

[1]) Так один, желая республики, говорит, что и я желал республики; другой, безумствуя о вывозе императорской фамилии за границу, говорит, что и я разделял сие мнение. Так и Муравьев, стараясь восстановить общество или восстановив оное, говорит, что и я участвовал в восстановлении.

Я помню, что Оболенский и другие члены, о коих мне говорил Семенов, и в это время особенно жаловались на Никиту Муравьева, и не были, сколько я мог судить, ни в каких с ним сношениях.

Далее, я очень хорошо помню, что в то же время сей самый Муравьев предлагал мне присоединиться к нему и к Лунину для составления нового общества. При сем случае он показывал мне какой-то листок литографированный, содержащий правила предполагаемого общества. Это было в его доме на Каменном острову. Я не помню о сих правилах ничего другого, как только, что их можно было показать без опасения всякому. Я отказался под различными предлогами, и единственное впечатление, которое произвело на меня сие предложение, было некоторое удивление, что Никита Муравьев думал еще об обществах, когда прежде он несколько раз говорил о бесполезности обществ. Видя мой отказ и зная, что недоброжелательствовавшие к нему другие члены бывшего общества показывали всегда, напротив того, доверенность ко мне, он мог, конечно, подумать, что я отказываюсь от его предложения потому, что думаю завести или завел другое общество с сими членами. Он мог даже сделать сие заключение из моих ответов на его предложение и особенно на настояния Лунина, которые были гораздо сильнее и которым, казалось мне, и Муравьев следовал. Но я, конечно, не отвечал ему именно, что принадлежу уже к другому обществу: я никогда никого не обманывал ни в обществе, ни в свете.

После сего как сообразить предложение Муравьева, сделанное мне, соединиться с ним для устройства нового общества, и мой ему отказ, с его же показанием, что я вместе с ним и Оболенским устроил другое общество? Как сообразить сие, когда в одно и то же время он не только не был в сношениях с Оболенским, но сей Оболенский и другие были им весьма недовольны? Как сообразить показание, что я был основателем общества, с другим показанием, что я отказался быть правителем? И все то около одного и того же времени, как видно из рапорта Следственной Комиссии (стр. 26, 27).

Далее: сличение эпох показывает совершенную неосновательность показания Муравьева, что я с ним основал общество. На стр. 26 рапорта говорится, что общество снова образовалось в исходе 1822 года и что я был одним из основателей. Основатели же, как следует из изложения, начальствовали в обществе. Но на стр. 27-й говорится, что возобновив тайное общество, начальником оного признавали одного Никиту Муравьева до 1823 года. Эти обстоятельства противоречат одно другому. Впрочем, показание Никиты Муравьева, что я с ним завел общество, теряет всякую силу противоречием с показанием, называемого им третьим основателем общества, — Оболенским, который говорит, что я в то же время отказался от предлагаемого мне какого-то места. Если б я восстановлял общество, если б я желал иметь новое общество, то как посреди хлопот и исканий о восстановлении отказываться от места, которое давало мне средства к сему восстановлению?

Я с моей стороны тем менее могу изъяснить все сие, что вижу, что в 1822 и 1823 годах (следственно еще в бытность мою в Петербурге) новое общество окончательно образовалось, между тем как я этого совершенно не знал. Когда, как Муравьев соединился с Оболенским, — это остается для меня и теперь загадкою. Я не знаю, видел ли я когда-либо Муравьева и Оболенского вместе. Как же я с н и м и мог основать общество? Я видел, или более слышал, что, с одной стороны, хлопочат об учреждении обществ Лунин и Никита Муравьев, с другой— к. Оболенский, видел, что они хлопочат не только отдельно один от другого, но даже с расположением неудовольствия от одного к другому. Теперь меня называют основателем общества с обоими из сих лиц!.. Но где не только доказательства, но даже признак справедливости показания Муравьева? Приводит ли он что-либо, из чего можно заключить, что я восстановитель общества? Говорит ли он, что я сделал или принял какое-либо предложение? Что я сделал или принял какой-либо устав, что я был на каком либо-совещании о восстановлении общества? Он говорит только, что я восстановил общество с ним. Если б я мог при следствии спросить его: как, когда я восстановил? Он не мог бы дать никакого ответа. И должен бы признать свою ошибку, свою клевету. Пусть спросят его и всех других о сем, и если хотя кто-либо приведет какое-либо действие, какое-либо изъяснение мнения или намерения с моей стороны, подтверждающее показание Муравьева, то я готов принять на себя всю тяжесть ответственности и за восстановление общества и за опровержение сего ложного показания.

Повторяю, что не могу изъяснить сего показания самому себе иначе, как тем, что показывающий приписывал отказ мой заводить с ним его общество той причине, что будто я хочу заводить другое общество. Думая, что я завожу общество с Оболенским, Никита Муравьев, соединившись впоследствии с ним, мог полагать, что соединился и со мною. Но пусть он приведет хотя что-либо оправдывающее такое предположение... Но я чувствую, что никакие объяснения с моей стороны не могут объяснить того, чего я сам не понимаю. Я могу только говорить то, что знаю, и в сем отношении к тому, что я уже сказал выше, я присовокуплю, что, отказав Лунину и Муравьеву, с одной стороны, Оболенскому и прочим—с другой, соединиться с ними, я продолжал иногда слышать, что старые члены, как-то: Оболенский и другие [1]) с ним толкуют об учреждении общества. Я не обращал на сие большого внимания. Сколько помню, они и после возобновляли мне свои предложения о вступлении в общество или об устройстве общества. Я отказывался и прежде и после. Они показывают, что «я отказался от места правителя за нездоровьем, множеством дел и худым успехом председательства в Москве». Истина в том, что я отказался от возобновления общества, от участия в сем возобновлении вообще, а не от места правителя. Не

[1]) О Муравьеве я даже и сего не слыхал, и он сам ни разу не говорил мне после о намерении восстановить общество.

знаю, какое место они мне предлагали, и тогда я этого не знал; ибо не видал ничего устроенного или решенного. Причины отказа были не только нездоровье и дела. Отказываясь, я говорил, что не вижу никакой пользы в обществах, что все это мне надоело и что ни один из членов, принявших мое предложение об освобождении крепостных людей, не исполнил оного. Сию причину я всегда упоминал при отказах своих, как потому, что такая причина была положительная; так, признаюсь, и потому, что я продолжал питать негодование на всех членов за неисполнение предложения, которое я сделал по предмету для меня самому важному. На худой успех председательства в Москве, я ссылался, говоря, отчасти шуткою, отчасти серьезно, что и затеваемое общество может ожидать от моего влияния такой же развязки, какую имело прежнее.

Кроме сих показаний, в рапорте изложенных, в записке о мне сказано, что еще называют меня восстановителем: Трубецкой, Орлов и Матвей Муравьев-Апостол.

Что касается до первого, я должен сказать, что он был за границею, когда происходили означенные переговоры о восстановлении общества, и если общество было составлено в 1822 году, то в сие время также Трубецкого не было в Петербурге. Следовательно, он не мог знать об участии, которое я мог иметь в восстановлении общества, и говорит, вероятно, по слухам. В конце 1823 года, как видно из рапорта Следственной Комиссии, Трубецкой был присоединен к начальнику общества, Муравьеву, вместе с Оболенским. Я видел Трубецкого по возвращении его из-за границы; но никогда не говорил с ним ни о чем, до общества касающемся, кроме одного, по предложениям Пестеля, о чем я излагаю ниже. Относительно Трубецкого я не замечал даже, что он желает восстановления общества.

Относительно Орлова я могу только сказать, что он, оставив Москву, прежде нежели другие разъехались оттуда, не быв после со мною ни в каких сношениях, не видав меня ни разу и не быв даже после в Петербурге, не мог знать, участвую ли я, или нет в восстановлении.

Матвей Муравьев никогда не говаривал со мною об обществах, кроме того, когда был у меня вместе с Пестелем, о чем будет изложено ниже. Он даже не принадлежал, думаю, никогда к Петербургскому обществу, следовательно, также не знает моего участия в восстановлении. Он, кажется, даже не был и в Петербурге в то время, когда мне говорили о восстановлении общества.

Итак, их показания недостаточны. Они могли полагать, по слухам, что я был восстановителем общества, или предполагать сие по личным обо мне их мнениям. Но и в этом и в другом случае они ошибались.

Вот в чем состоят мои действия относительно тайных обществ по возвращении из Москвы. Сообщив некоторым все, что было делаемо в Москве, я оставался совершенно чуждым всяким другим предприятиям прочих лиц. Продолжал иногда слышать, что некоторые не перестают хлопотать об устройстве общества, и сначала слышал, что

продолжают желать моего участия; но мало-по-малу я слышал о сем менее и менее и, наконец, совсем перестал слышать, и сам не думал ни о каких обществах, ни о каких новых предприятиях.

Последнее свидание мое с членами. В сие время, когда я уже совершенно ничего не знал, что бывшие члены делают, что затевают, приехал в Петербург Пестель. Я почти совсем не знал Пестеля, видал его только раза два прежде во время существования прежнего общества и слыхал, хотя весьма поверхностно, что он имеет особенное влияние в своем тайном обществе. Сношений между ним и бывшим петербургским обществом никаких не было. По крайней мере, я ни о каких сношениях сего рода не знал. Однажды Пестель пришел ко мне вместе с Матвеем Муравьевым, которого я также знал весьма мало, но видал несколько раз у Никиты Муравьева.

После обыкновенных разговоров Пестель начал говорить с негодованием о московском съезде, уничтожившем общество, не имев на то, как он изъяснял, никакого права; что с того времени все общество совершенно расстроилось и что особенно в Петербурге ничего не делается для поддержания или для нового основания общества. Я отвечал ему, что если в Петербурге ничего не делается, то видно, что нечего делать, ибо, по возвращении из Москвы, я видел, что многие хлопотали о новом устройстве общества; но что успеха не было, что, впрочем, не видаясь с бывшими членами общества, я не знаю, что они делают, и что даже давно уже ничего не слыхал о них. На сие Пестель говорил мне в виде какого-то упрека, что мой пример действует на других и что он вообще находит много холодности во всех членах бывшего общества. Когда же я спросил его: «Но что делаете вы сами?» он — отвечал, что у них, во 2 армии, общество расстроилось со времени московского съезда, что недеятельность в Петербурге парализует и их действия, но что, по крайней мере, там есть несколько человек, которые никогда не признавали общества уничтоженным, и т. п. «Если вы сами не могли устроить общества,—заметил я Пестелю,—то не жалуйтесь на недеятельность и на холодность петербургских членов». На сие Пестель с жаром отвечал мне: «Но вы первый подаете пример другим своим удалением. По крайней мере, теперь многие здесь, в Петербурге, думают, что у нас, во 2 армии, есть что-нибудь значительное. Но все рушится, когда узнают, что и наше общество считает не более 5 или 6 настоящих членов». Сии слова, с негодованием и как будто невольно произнесенные, остались по сию пору в моей памяти.

Далее Пестель мне говорил, что он приехал в Петербург единственно затем, чтоб ввести членов петербургских в сношения с членами его общества, что всех надлежит соединить; при чем он говорил также, что первым правилом всякого нового устройства должно быть беспрекословное повиновение членов начальникам общества. На сие я отвечал ему, что если не почему другому, то уже по сему правилу он, конечно, никогда не успеет в своих намерениях в Петербурге. Тут он начал говорить, что я много могу содействовать успеху; уговаривал

меня отложить мою поездку за границу, заняться устройством общества. На все сие отвечал, что я давно уже отстал от всего подобного, что внутренно убежден, что никакое общество ни к чему служить не может, что даже при теперешних моих занятиях по службе я и времени не имею ни о чем ином думать и что во всяком случае я скоро поеду за границу и что посему, если б я хотел, то не могу участвовать ни в каких новых устройствах или соединениях. После сего Пестель более не настаивал и начал говорить о других предметах и, между прочим, перешел к изложению какой-то теории, по которой он полагал, что земля может быть общею собственностью так, как вода и воздух. Так как Пестель не обнаруживал при сем никаких намерений, ни злых, ни добрых, то в изложении его мнений о земельной собственности я видел только действие ребяческой мечтательности, соединенной, однако же, с каким-то упорством; ибо никакие опровержения его не останавливали. Видев Пестеля прежде весьма мало, я не знал ни характера, ни способностей его. Тут я увидел в нем доказательства необыкновенного невежества. Более ни о чем говорено не было, и Пестель ушел от меня, как я мог ясно заметить, недовольный мною. Вероятно, Пестель говорит о сем свидании, показывая, что он, видевшись со мною в 1824 году, «нашел меня в республиканском образе мыслей». Я Пестеля, кроме сего раза, более в сие время не видел. Не вижу даже и малейшего повода к заключению его о моих республиканских мнениях; ибо о республиках и упоминаемо тут не было. Впрочем, видя в другом случае не только ошибочный, но даже злобный оборот, который Пестель дает словам моим, я могу утвердительно сказать, что он не преминул бы и в сем случае привести каких-нибудь слов моих, если бы к тому была какая-нибудь возможность. Наконец, в опровержение его заключения о моем республиканском образе мыслей, я могу сослаться на свидетельство Матвея Муравьева, который был у меня вместе с Пестелем и в полной мере разделял его теорию о праве собственности людей на земли.

Могло ли это свидание с Пестелем родить во мне какое-либо опасение на счет общества? Напротив того, невольное его признание, что и во 2 армии общество состоит только из 5 или 6 человек, еще более, если возможно, убедило меня в ничтожности всех затей устроить новое общество.

После сего я слышал, что Пестель многим из бывших членов говорил то же, что и мне, о новом устройстве общества и о соединении с обществом 2 армии, но что везде находил сопротивление. Когда мне говорили об этом, я также не советовал бывшим членам вступать в сношения с Пестелем как потому, что не желал этого для них самих, так и потому, что нелепые теории Пестеля поселили во мне какое-то против него предубеждение. Я говорил другим о сих теориях. Наконец, мне сказали, что Пестель требует, чтобы все принадлежавшие к петербургскому обществу собрались и дали ему решительный ответ. Трубецкой, которого я случайно встретил, сказал мне, что для сего

все собираются, и предложил мне ехать с ним на сие совещание, желая, чтобы и я, с моей стороны, содействовал отказу в предложениях Пестеля. Я поехал; но содействие мое было излишне, ибо я нашел, что никто не хотел принять сих предложений.

Вот последнее действие моего участия по делам тайных обществ. Я не знаю, было ли уже в это время устроено петербургское общество. В рапорте Следственной Комиссии говорится, что оно вновь устроено в 1822 и 1823 годах, следовательно, прежде сего совещания. Но я ничего не знал, что делали члены прежде сего совещания, а в сем совещании видел только членов бывшего общества, рассуждавших о том, надлежит ли соединиться с членами общества 2 армии. Ничто не могло во время сего совещания показать мне, что было какое-либо общество устроено в Петербурге. Напротив того, видя что члены рассуждали о первейших основаниях устройства тайного общества, как-то: о правиле повиновения, я имел все право думать, что общество не существует. Впрочем, в сем свидании или совещании я едва ли присутствовал долее $^1/_4$ или $^1/_2$ часа, ибо помню, что торопился домой [1]).

На сем совещании Пестеля не было. Я помню это и потому, что иные тут невыгодно о нем отзывались. Ни на каком другом совещании я не присутствовал [2]).

Я попал на это совещание случайно. Мне как старому члену предложили содействовать отказу на предложения Пестеля. Я в то время даже и не почитал сего совещанием, но простым свиданием всех тех, к коим Пестель обращался и требовал ответа. Я хотел повторить то пред другими, что я отвечал Пестелю.

Сие совещание ни мало не переменило моего мнения о ничтожности усилий, кои могли еще оказываться между некоторыми членами бывшего общества. С одной стороны, я видел, что Пестель, не имея успеха во 2 армии, ищет пособия в Петербурге; с другой, что петербургские члены, не соглашаясь с Пестелем, продолжают толковать о начальных основаниях общества. То же самое я слыхал и за два года. Видя, что и после двух лет толки и рассуждения остаются в одном и том же виде, я ни мало не сомневался, что и успех будет такой же и что говорящие

---

[1]) Сие совещание было на другой стороне Невы, если не ошибаюсь, в квартире Рылеева или Пущина, ввечеру, зимою, и я торопился, потому что возвращался домой пешком.

[2]) Один из подсудимых, Никита Муравьев, показывает (стр. 45), что на одном совещании, где был Пестель, был и я. Это еще более доказывает неосновательность его показаний, вообще, особенно потому, что, по его же словам, он на сем совещании сам не был. Несправедливость сего показания явствует и из того, что Пестель и Рылеев говорят, что впоследствии все согласились соединиться с обществом Пестеля. Это было или без меня, или даже после моего отъезда из Петербурга, ибо на совещании решительно отказались от предложения Пестеля. Многие подобные показания, в различных местах рапорта рассеянные, содействуют предубеждению против меня; между тем как несправедливость их может быть доказана точнейшим определением обстоятельств и числ. Неявка моя сделала для меня невозможным в самом начале опровергнуть и доказать их несправедливость.

теперь, наскучив бесплодными хлопотами, перестанут, наконец, и думать об обществе так, как перестал я и многие другие.

Если в сие время новое общество уже было решительно устроено, то может казаться невероятным, что я, находясь посреди членов тайного общества, не знал что общество существует. Я сам вижу сию невероятность. Но, говоря, что я действительно не знал о новом устройстве общества, я говорю истину и надеюсь, что дальнейшие изъяснения подкрепят слова мои. Впрочем, я излагаю м о и мнения, м о и убеждения. Счастлив буду, если они подтвердятся показаниями других. Но о п а с е н и е п р о т и в о р е ч и я не может заставить меня говорить противно истине. Представляя верный отчет в моих действиях и намерениях, иногда мне кажется, что невозможно не верить словам моим. Иногда, вспоминая приговор, надо мною произнесенный, мне кажется, что мне ни в чем не поверят. Но какое-то сильное чувство невольно влечет, принуждает меня говорить. Следую сему непреодолимому чувству. Авось, оно меня не обманет!

Сим единственным совещанием ограничиваются все мои действия касательно тайных обществ в последнее время пребывания моего в России, т.-е. в продолжение двух или трех лет. К первому обществу, известному под названием Союза Благоденствия, я действительно принадлежал. Но во второе, основанное, как видно из рапорта Следственной Комиссии, в конце 1822 года, я никогда не вступал и не знал даже, что оно действительно было основано. Все, что я знал, состояло в том, что некоторые члены прежнего общества хлопотали или желали восстановить старое или устроить новое общество; но я был уверен, что все их усилия не будут иметь никакого успеха, ибо я видел на опыте, что все тайные действия и прежде не имели никакого успеха. Имев столь мало сношений с членами бывшего общества, мудрено ли, что я не знал об окончательном устройстве нового общества? Мудрено ли, когда и сие новое общество, устроенное в конце 1822 года, начало показывать, как говорит Следственная Комиссия (стр. 52), большую против прежнего и беспокойную деятельность, особливо со времени вступления Рылеева в думу на место Трубецкого, т.-е. в конце 1824 или в 1825 году (как видно на стр. 27, 52, 54 рапорта), когда я был уже за границею?

М о и в и д ы, м н е н и я, р а з г о в о р ы. После сего я должен представить некоторые изъяснения, которые покажут, чего я желал будучи в обществе, какими побуждениями действовал, к чему стремился.

Одна главная мысль владела и направляла моими поступками во всю мою жизнь, — мысль уничтожения крепостного состояния в России. Сия цель казалась мне священною и достойною целью всей жизни. В стремлении к ней я видел все мои обязанности и иногда почитал себя каким-то миссионером в святом деле. Я почитал для себя непременным долгом всегда и везде содействовать к достижению сей цели, цели моего существования. На все обстоятельства, на все дела, на все

происшествия я смотрел с одной и той же точки зрения. Везде и во всем я искал одного. При всяком случае я спрашивал самого себя: нельзя ли из этого извлечь чего-либо для освобождения крестьян? Эта мысль, наконец, так сильно овладела мною, что все прочее казалось мне незаслуживающим внимания. Просвещение, законодательство,— одним словом, все казалось мне ничтожным в сравнении с освобождением крестьян. Эту мысль, это убеждение я всегда желал сообщить и другим членам и не членам общества. Я солгал бы, если б сказал, что никогда не любил конституций вообще. Нет, я в сем отношении мог разделять мнения других. Но в отношении к России все мои мысли, все желания были подчинены условию, в моем мнении гораздо важнейшему,—уничтожению рабства. В разговорах о предметах политических и с членами общества и с посторонними лицами я всегда представлял освобождение крестьян самою главною необходимостью. Замечая во всех сих разговорах вообще, что мнения мои не разделяются другими во всей полноте, я несколько раз говаривал: «Вы мечтаете о правах политических; но вспомните, что несколько миллионов вам подобных не имеют прав гражданских, коими вы пользуетесь. У вас никто не отнимает вашей собственности, никто не касается вашей личности (вас не продают, были настоящие слова мои), а вы сами продаете и покупаете людей, христиан, вам подобных! Дайте им то, что вы сами дать можете, и потом думайте о самих себе».—Если б я не боялся привлечь имен почтенных к делу ненавистному, то я мог сослаться на многих, кои слыхали от меня такие возражения. Часто я с негодованием говорил, что если б кто желал конституции для России, тот доказал бы только недостаток сведений, невежество или эгоизм,— и, увлекаемый своим предметом, я иногда восставал даже против всяких конституций и ссылался на конституционные государства (Англию, Америку), в коих уничтожение рабства встречало непреодолимые препятствия, и на государства самодержавные (Данию и некоторые немецкие государства, как-то Пруссию и пр.), где рабство с успехом уничтожилось волею правительства. Наконец, рассуждения других о конституциях вообще не только не встречали согласия с моей стороны, но раздражили меня, ибо мне казалось, что рассуждающие только болтают о том, чего сами не понимают, и не хотят при том, опасаясь ущерба в своей собственности, делать того, что я почитал равно священным и необходимым. В изъявлении моих мнений вообще я мог быть, и,конечно, был, часто весьма неосторожен; выражения мои могли быть неумеренны; но сущность, смысл, намерения, желания,— все сие, конечно, не простиралось за пределы того, что я теперь показываю. Горестно было бы видеть, если бы по сему изложению могли и теперь предполагать во мне те же мнения и в такой же степени, какие я имел тогда. Не говоря уже о том, что лета более практической опытности, вид нескольких десятков тысяч людей без работы и без хлеба в государстве, где нет рабства и где есть конституция, долженствовали уже изменить сии мнения,—ужас бедствия, меня постигшего, делает для

меня даже невозможным думать о чем-либо ином. Я говорю о прошедшем, стараясь вспомнить все и в пользу мою и против меня, дабы, если не в выгодном, то в настоящем виде представить и вину и возможное оправдание.

Все мои действия по обществу, все мои разговоры с членами общества направлялись, очевидно, к сей цели исключительно. Слыхал ли кто-либо от меня, что общество должно стремиться к испровержению существующего порядка? Советовал ли я кому-либо употребить средства насилия к достижению какой-либо цели? Обманывал ли я других, говоря, что в России прежде всего надлежит уничтожить рабство; что всякий новый порядок в государстве, новые права помещикам могут только утвердить, усугубить сущность крепостного состояния; что сие рабство может быть уничтожено только властию самодержавною, что помещики должны сами представлять просьбы правительству об освобождении крестьян? Наконец, желал ли я бунтов, говоря, что я почту себя счастливым, если на моем веку увижу по крайней мере твердое основание, начало к постепенному уничтожению рабства?—Посреди молодых людей пылких, неосторожных, такими ли речами мог я их подвигать к возмущению? Еслиб я желал бунтов, то мне следовало бы говорить в противном смысле. Но в сем противном смысле я не говорил, и никто ничего подобного обо мне не показывает.

Надеялся ли я когда-либо успеха в моих желаниях посредством общества?

Сначала я надеялся, что члены общества без затруднения дадут по крайней мере несколько отпускных, и видел в сем практическую пользу. Далее я надеялся, что некоторые, убедившись в необходимости и даже в выгодах отпуска на волю крестьян, представляя о сем правительству, обратят особенное внимание оного на законы о вольных хлебопашцах, столь затруднительные в исполнении; что законы сии будут изменены, заключение условий с крестьянами будет облегчено и что, таким образом, освобождение сделается более возможным для помещиков. Одним словом, я надеялся, что со временем меры, принятые для освобождения крестьян в Остзейских губерниях, будут введены и в России. Надежды мои не исполнились в сем случае. Ни одного представления не было сделано вследствие моих советов. Но перед отъездом из России я имел еще сладостное утешение составлять журнал Государственного Совета, в котором представлялось государю императору о необходимости переделать закон о вольных хлебопашцах и вообще облегчить заключение условий помещиков с крестьянами. Сие обстоятельство и тогда еще более убедило меня, что тайные действия, даже и к пользе направленные, как будто по одному качеству тайны, неразлучно сопряжены с невозможностию успеха.

Имел ли я в виду надежды каких-либо иных перемен посредством общества, как-то достижения конституций или чего-либо подобного?

Смело и перед богом говорю, что в сем отношении я даже и не заблуждался! Ибо никогда, ни на одну минуту, никакая надежда сего

рода не проникала в мою душу, при всей приверженности моей к конституциям.—И могло ли это быть иначе? Если не верить справедливости слов моих, то нельзя мне приписывать таких надежд, не предполагая такой степени невежества, какого мне приписывать нельзя. Обстоятельства позволили мне в самой молодости приобрести достаточно сведений исторических и политических для того, чтобы знать, что во всех государственных переменах польза и прочность соединены не только с постепенностью, но и со сходством перемен с существующим порядком вещей, с характером народа, с историею государства. И не ясные ли практические уроки видели все те, кои со вниманием следовали за современными происшествиями, в возмущениях гишпанцев и итальянцев, в возмущениях, кончившихся гибелью и для бунтовавших и для земли их?—Как без сумашествия мог бы я думать, что несколько молодых людей могут дать новое устройство России? Могли так думать или люди с понятиями весьма пылкими и с большим невежеством, или злодеи. Я не имел никогда ни пылкости в характере, ни такого невежества. Злодеем я также никогда не был.

М о е м н е н и е о д р у г и х. Что я могу сказать в сем отношении о других членах общества? Я видел, что многие говорили в так называемом либеральном образе мыслей; рассуждали о всех предметах политических. Надеялись ли другие достичь чего-либо посредством общества, я сего никак не могу сказать; ибо не могу ничего припомнить такого, что могло бы мне позволить думать, что кто-либо имел такие надежды. Те же, с коими я наиболее разделял мнения (как-то: Глинка, фон дер Бриген), не только никогда сей надежды не имели, но даже часто с негодованием или, просто сказать, с презрением, говорили и о мнениях и о желаниях других.

Но все сии толки, все разговоры между членами общества не могли удивлять меня, не могли казаться мне особенно значительными, в каком бы то ни было отношении, ибо я то же самое слыхал и от людей посторонних, к обществу не принадлежавших.

«И на мнения есть мода», говорит Следственная Комиссия. И мода на так называемые либеральные идеи была и в России в одно время. Да и кто в жизнь свою не имел таких мнений, кои впоследствии изменились? И я сам вижу и чувствую теперь, что мои мнения, все мои рассуждения, все мои действия, поступки не имели бы никакой особенной значительности, не подвергнули бы меня никакой ответственности, еслиб я не имел несчастия принадлежать к тайному обществу. Те же мнения, которые в открытых разговорах с людьми посторонними казались незначительными, в разговорах с членами тайного общества принимали вид какой-то значительности, могли казаться замыслами, кои только в тайне сообщать можно. И вина, и несчастие мое происходят от того, что я говорил и действовал под покровом тайны, тогда как ни слова, ни поступки мои не имели никакой нужды в сем покрове тайны. Истинно говорю, что я никогда не изъявлял по обществу таких мнений, коих я в то же время не объявлял бы и посторонним

лицам. И в чем могли бы состоять сии мнения? И членам и не членам я всегда твердил одно: рабство и безбожно и беззаконно, невыгодно и для рабов и для помещиков. Как уничтожить рабство? Представлениями правительству. Итак, ни в цели, ни в средствах, мною исповедуемых, не было ничего такого, что требовало бы тайны.

О моем удалении от тайных сношений. Ни на совещаниях, ни в частных моих разговорах с членами общества я не только ничего не слыхал о бунтах, возмущениях, но и ни в одном из членов никогда не предполагал и не имел повода предполагать каких-либо намерений к подобным преступлениям. И еслиб мне тогда кто-либо сказал, что Трубецкой будет чрез несколько лет одним из начальников бунта, то я скорее бы поверил всякой другой невозможности. Обыкновенно я видел, что самые ревностные члены, потолковав, похлопотав об обществе, мало по малу переставали заниматься обществом: иной посвящал свою деятельность исключительно службе, другие женились и сим самым, казалось мне, вступая в обязанности нового, серьезного рода, оставляли мнения молодости.

Я и сам, не находя для себя в обществе ничего занимательного, видя, что предложения, мною сделанные и всеми принятые, никем не исполняются, я начал тогда же отставать от общества. Я продолжал видеться с некоторыми из членов по частному знакомству, как-то: с Бригеном, Глинкою, Никитою Муравьевым. Все они в полной мере разделяли мое мнение о незначительности общества. В чистосердечии их в сем случае я не мог сомневаться. Но теперь вижу по рапорту Следственной Комиссии (стр. 22, показания Никиты Муравьева), что когда какой-либо член начинал оказывать холодность к обществу, то старались его уверить, «что не он один, а и все прочие переменили образ мыслей, что общество распадается на части и почти уже не существует». Именно сие я неоднократно слыхал от Никиты Муравьева! Где мог я чайти причину подозревать, что слова сии были притворны?

Съезд московский сблизил меня с различными членами общества. Возвратясь в Петербург, хотя я и не думал вступать в какое-либо новое общество, ибо почитал всякое новое общество просто невозможным, но не менее того виделся с различными членами общества, толковал о обществах. Из сих моих поступков желавшие нового общества могли заключать, что хотя я и отказываюсь участвовать в заведении нового общества, но что они во всяком случае, так сказать, на меня, считать могут. Мне сие тогда не приходило в голову, ибо я и не предполагал, что они когда либо успеют завести новое общество. Теперь я вижу, как сильно я ошибался! Я судил о себе по собственным моим мнениям, а не по тем, по коим другие судить о мне могли. Я думал, что, видя мой отказ участвовать в новом устройстве общества и видя особенно совершенное мое удаление от всяких с ними сношений, различные члены, хлопотавшие об устройстве петербургского общества, ни в каком случае не могут почитать меня своим соучастником. Не родилась ли в них сия идея о моем участии в обществе, когда они увидели

меня посреди их говорящего о предложениях Пестеля? Это вероятно. Приписывая прежние отказы мои другим моим занятиям, они могли тут подумать, что я только не могу, а не не хочу, участвовать в их обществе. Они могли думать, что я знаю все, что они до того делали, между тем как я не знал ничего совершенно, не узнал даже и быв вместе с ними; ибо я думал, что они все еще продолжают толковать попрежнему об устройстве общества. Впрочем, едва ли что и узнать я мог; ибо и Следственная Комиссия не узнала ничего особенного о сей эпохе бытия петербургского общества и говорит, что деятельность сего общества началась уже после.

Я мог бы покрайней мере перед отъездом моим заграницу объявить, что я прекращаю всякое участие во всех сношениях тайных. Но что могло меня побудить к такому поступку, когда я до того времени уже не имел никаких сношений по тайным обществам, когда я не почитал себя принадлежащим к какому-либо обществу, не знал даже, есть ли какое-нибудь общество? И к кому я адресовал бы мое объявление? К Никите Муравьеву? Но я за два года отказал ему вступить в заводимое им общество с Луниным и с того времени никогда не слыхал от него ни об успехах его общества, ни о том, что он соединился с другими, и ни разу не видал его даже вместе с сими другими. К Трубецкому? Но Трубецкой никогда не говорил мне, что общество вновь устроилось, и когда он пригласил меня ехать с ним для совещаний о предложениях Пестеля, то я видел в сем только, что Пестель требует ответа от всех прежних членов общества касательно восстановления и соединения с его обществом. К Оболенскому? Но я Оболенского не видывал с тех пор, как сообщил ему, за два или за три года, результат московского съезда. К тому же я прежде видал, что члены, даже деятельное участие принимавшие в старом обществе, отставали от него без всяких формальностей [1]). Где же мог я найти причину формально объявить мое удаление, когда я не почитал себя ни в каких тайных сношениях ни с кем?

Удаление мое от всяких сношений вообще с членами и их проектами и обществами явствует также и из того, что гораздо прежде 1824 года (если помню, в 1822) я вознамерился уже ехать за границу и представлял о сем письмо покойному государю императору. Его величество приказал мне объявить, что он весьма мною доволен, забывает прежние мои неосторожности, но желает, чтобы я оставался при занимаемой мною должности, что если, впрочем, я желаю каких-либо вознаграждений, то они будут мне доставлены. Сии слова тронули меня до глубины сердца, потому особенно, что я полагал, что государь император продолжает на меня гневаться по жалобе бывшего министра финансов. Желая сколь возможно оправдать мнение государя, я усугубил труды и старания по службе, но впоследствии должен был прибегнуть, по

[1]) О том, что один из учредителей общества, Александр Муравьев, отстав от общества, писал к другим членам письмо и уговаривал их оставить затеянное дело, я впервые узнал из рапорта Следственной Комиссии: новое доказательство, что я, находившись в обществе, знал не все.

причине расстроенного сими самыми трудами здоровья, к императору с просьбой об отпуске и получил оный с многими другими милостями. И в это самое время полагают, что я был злоумышленником, когда ничего, кроме глубокой признательности и удивления, не входило тогда в мою душу! Восхищенный не столько милостями, кои мне были оказаны, сколько тем образом, каким они мне были оказаны, и особенно незабвенными и великодушными, ангельскими словами, кои мне были при сем случае сообщены от имени всегда обожаемого мною государя — как мог бы я вынести упреки совести, если бы совесть упрекала меня в каком-либо злоумышлении?

Между другими обстоятельствами, показывающими мое удаление от всяких сношений, до обществ касающихся, я могу также привести и свидание мое с Пестелем, о коем я говорил выше. Если б я принадлежал к обществу, если б я, по словам Никиты Муравьева, был возобновителем общества, или если б я даже был в каких-либо тайных сношениях с членами общества, или если б я, по крайней мере, желал устройства тайного общества, одним словом, если б я имел какие-либо намерения, сопряженные с тайными обществами, то зачем было бы Пестелю уговаривать меня заняться устройством общества, не ездить за границу? Зачем говорить мне в виде упрека, что мое удаление от прочих, моя холодность к тайным союзам вообще имеют невыгодное действие на других, охлаждая и их в подобных предприятиях? Сам Пестель о сем не упоминает. Он как будто мог показывать только вредное и даже злобно искажать показываемое. Говорить в пользу других было для него как будто невозможно! Если б я был при допросах, я заставил бы его сознаться в сих его словах. Теперь только могу ссылаться на обстоятельства, на все мои поступки, ясно показывающие, что я не принимал никакого участия в действии других относительно нового устройства общества.

Еще одно обстоятельство, показывающее, что я не принимал в сие время участия в тайных обществах, я нахожу в рапорте Следственной Комиссии. Кроме совещания, о котором я говорю, видно на стр.42 и 43 рапорта, что были после другие совещания. На одном, говорит Пестель, он, ударив по столу, сказал: «так будет же республика!» На другом Никита Муравьев говорил против соединения общества петербургского с Южным. На сих совещаниях я не был и даже ничего не слыхал о них. Я даже не был в это время ни разу вместе с Никитою Муравьевым и с Пестелем; ибо на единственном совещании, на коем я присутствовал, не было ни того, ни другого. Вообще видно по рапорту Следственной Комиссии, что впоследствии петербургские члены приняли предложение Пестеля и даже соединились с его обществом. Я этого никогда не знал, и, напротив, на том совещании, на котором я был, никто не согласился на предложение Пестеля.

Наконец, еще одно обстоятельство представляется в рапорте, показывающее мое удаление от всех тайных сношений. Я нахожу в рапорте, что между прочими принадлежал к обществу и Корнилович.

Сего Корниловича я часто видал перед моим отъездом в своем доме. Но никогда не знал и не предполагал, что он принадлежит к какому-либо обществу. Мог ли бы я быть в сей неизвестности, если бы я был в сношениях каких-либо с обществом?

Удаление мое от всяких сношений с бывшими членами общества, неохота участвовать в каком-либо устройстве нового общества, решительные отказы, делаемые на предложения других касательно сего,— одним словом, всякое прекращение всех тайных действий были не следствием какой-либо внезапной перемены в моем образе мыслей, не следствием какой-либо идеи, устрашившей меня опасностью, с тайными обществами сопряженною, не следствием, наконец, какого-нибудь внезапного сознания, что я и другие идем по стезе преступления. Нет! Я отстал от старого общества и не принимал никакого участия в учреждении нового единственно потому, что чем более я видел и общество и членов, тем более удостоверялся в бесполезности всяких тайных действий. Теперь я сам не постигаю, как я не предвидел, что все сии тайные действия, при всей их безуспешности тогдашней, могут, наконец, произвести или по крайней мере содействовать каким-нибудь преступным событиям. Но я говорю о том, что я видел, что я думал, тогда, когда я участвовал в тайных сношениях. Я должен был видеть или предвидеть более; но сего б о л е е я и не видал и не предвидел. Сначала я думал, что люди, с коими я имел сношения, могут споспешествовать добру, или, по крайней мере, что я почитал добром. После я увидел, что содействие их ничтожно и что даже то, чего я желал, не имеет никакой нужды в покрове тайны.

Но здесь я должен и против себя заметить, что, не взирая на мое убеждение в бесполезности тайных действий, я согласился быть на совещании, которое имело предметом тайные сношения. Все, что я могу сказать к изъяснению сего поступка, состоит в том, что я не видал никакой причины не согласиться на сие. Напротив того, так как Пестель и мне лично делал предложения об устройстве нового общества и о соединении с ним, то мне казалось, что я при других должен повторить то, что я ему говорил. Я ни мало не почитал сего свидания настоящим совещанием, но видел только, что различные члены бывшего общества собрались для того, чтобы отвечать на предложения, сделанные Пестелем. Если б я мог предвидеть, что присутствием моим на сем совещании я могу дать повод другим думать, что я желаю участвовать в тайных сношениях с кем бы то ни было, или если бы я видел какую-либо значительность в сем моем присутствии, то, конечно, я не только бы не поехал на сие совещание, но не вступил бы и прежде ни в какие разговоры ни с Пестелем, ни с кем-либо другим. Но в сем случае, как и во всех других, я действовал, ни мало не думая о последствиях, и не приписывал никакой важности моим действиям. Все мое участие в тайных обществах изъясняется единственно тем, что я не видел никогда ничего значительного в сих действиях. Иначе, что могло бы помешать мне формально прекратить мои сношения с другими?

Можно также обвинять меня в том, что я, убедившись сам в бесполезности тайных действий вообще, не уговаривал и других оставить все их затеи и отказаться от всех тайных проектов. На сие я могу сказать, что те из бывших членов общества, с коими я наиболее был связан, как-то: Глинка и Бриген, в полной мере разделяли на сей счет мои мнения и сами также не принимали никакого участия в действиях, клонившихся к устройству общества. Никита Муравьев, которого я также продолжал видеть, равномерно не показывал никакой охоты к дальнейшим затеям устройства тайных обществ. Прочих членов я в последнее время пребывания моего в России не видывал, кроме совещания, бывшего по предложению Пестеля. Потому что на сем совещании я мог говорить против предложений Пестеля, другие могли видеть, что мнения мои совсем не благоприятствовали тайным действиям вообще. Если бы я подозревал какую-либо опасность в том, что я тогда видел, то, конечно, я не только бы и сам изъявил мое мнение с большею решительностью, но и им делал какие-либо увещания. Мое собственное мнение о бесполезности тайных обществ было тогда уже решительно мною принято. Я бы почел обязанностью честного человека уверить в сем и других. Но дело в том, что я не воображал, чтобы что-либо могло когда-либо произойти не только опасного, но даже значительного от всех стараний или желаний действовать под покровом тайны.

Где, спрашиваю я теперь и самого себя и других, где во все продолжение и действительного участия в обществе, и в продолжение сношений моих с различными членами бывшего общества, где мог я видеть признак тех ужасов, кои произошли впоследствии? Мысль, что различные члены старого общества или те, кои хлопотали об устройстве нового общества, могут скрывать от меня что-либо, никогда не приходила мне в голову; я, напротив, видел, что все старые члены, более или менее, разделяют мнение о бесполезности всякого рода тайных действий. Теперь я вижу по делу, что различные лица, участвовавшие в злодейских замыслах, скрывали от меня сии замыслы [1]). Не могли ли другие скрывать от меня с намерением деятельности своей в устройстве нового общества? Хотя я и вижу, что, напротив, некоторые члены почитали меня участвующим в обществе, но я должен для возможного объяснения того, что сам не постигаю, делать и сие предположение. Оно имеет некоторую вероятность, ибо те, кои занимались устройством нового общества, видели мое совершенное удаление от всяких с ними сношений и знали, что я давно уже решился ехать за границу. Сообщать мне свои планы, проекты, действия они могли почитать по крайней мере бесполезным, видя и настоящие мои занятия по службе и предстоящий отъезд мой за границу.

---

[1]) Впрочем, из всех подсудимых, признавшихся в злодейских замыслах, я могу здесь разуметь одного Никиту Муравьева, с которым я находился в постоянных связях знакомства. Прочих я либо совсем не знал, или знал весьма мало. Сей же Никита Муравьев, как видно по делу, и сам часто восставал против сих злодейских замыслов.

Таким образом, с одной стороны, ни видав в обществе ни малейшего направления к каким бы то ни было злодеяниям, не заметив в членах, ни в это время, ни после, ничего такого, почему я мог бы судить о их личной злоумышленности, с другой же, что самые пылкие из них, позволяя себе декламировать о всем, не приступали к исполнению того, что я им предлагал по обществу и советовал всегда частно и что почти все, принадлежа к обществу, не исполняли даже простой обязанности вносить деньги в кассу общества, видя, одним словом, что и все и везде ограничивается одними словами, кои меня не удивляли, ибо я то же слышал и от посторонних; видя все сие, мог ли я соединять какую-либо важность с мыслию об обществах? Мог ли я думать, что какое-либо общество в состоянии сделать что-нибудь, когда я видел, что члены нашего общества не могут или не хотят дать несколько отпускных, заплатить несколько рублей? Откуда я мог почерпнуть идею, что общества опасны, когда я видел, что наше общество бессильно и бесплодно даже и в сих отношениях? Повторяю, что разговоры, рассуждения, коих я был свидетелем, никак не могли родить во мне сей мысли; ибо я от членов общества никогда ничего не слыхал такого, чего бы я несколько раз не слыхал от посторонних лиц. Напротив, сии разговоры, являя незрелость ума, недостаток сведений, сим самым еще более убеждали меня в ничтожности своей. Теперь я вижу, что некоторые члены, на своих частных совещаниях, неизвестных прочим, говорили уже о замыслах преступных. Но сие самое доказывает, что тайна некоторых не была тайною всех.

Мое мнение о обществах тайных не могло даже быть инаково; ибо, с одной стороны, я видел, что я не мог ничего сделать к содействию моим намерениям посредством общества; с другой — я убедился, что то, чего я желал, и именно освобождение крестьян, распространение политических сведений, не только не имеет никакой нужды в пособиях тайного общества, но даже и несовместно с действиями тайными. Я это видел уже в бытность в обществе, и потому, соглашаясь с другими в пользе распространения политических сведений, я всегда говорил против другого мнения о деятельности общества, состоящего в умножении числа членов, ибо не видел никакой в сем нужды. Самое сие сопротивление мнению других о распространении общества не показывает ли уже настоящего моего мнения о бесполезности общества? В справедливости же сих слов моих я ссылаюсь на других членов старого общества и особливо на Трубецкого, от которого я наиболее слышал, что общество должно иметь главным предметом умножение числа членов.

Представив, таким образом, участие мое как в тайном обществе, так и в тайных сношениях каких бы то ни было; изъяснив мои действия, намерение и, наконец, мнение мое о тайных обществах и о членах, с коими я бывал в сношениях, я сделаю один вопрос: что сделал бы на моем месте всякой другой человек?

Если б сей другой имел в душе какие-либо преступные замыслы, то он, может быть, вступил бы в общество так, как вступил и я. Но действия его были бы иного свойства. Он, конечно, не толковал бы ни о распространении политических сведений, ни об увольнении крестьян. Наконец, он не остался бы непричастным, чуждым подобным замыслам, кои таились уже в душе других и даже были уже прежде обнаруживаемы. Он скоро открыл бы их тайну, сообщил бы им свою собственную, соединился бы ближе с злоумышленниками и направил бы свои и их деяния к их замыслам. При произведении следствия участие его, конечно, было бы обнаружено с такою же ясностью, как и участие его соумышленников. Другие, показывая на себя и на других то, что они говорили о цареубийствах, о бунтах, то, что они писали о конституциях, обнаружили бы и его участие и в сих замыслах и в сих деяниях. Если бы показания одного были не ясны, не полны, то показания другого, третьего и т. д. объясняли бы неясность, пополнили бы недостаточность.

Если б, напротив того, сей другой не имел в душе никаких преступных замыслов и притом был бы совершенно свободен от всякого влияния каких-либо особенных идей, имел бы уже довольно опытности в жизни, чтобы смотреть и на вещи и на людей с тем хладнокровием, равнодушием, которое нередко граничит с эгоизмом, скрываемым под покровом так называемого благоразумия,—то такой человек, с улыбкою жалости или презрения, отклонил бы предложение вступить в общество.

Между сими двумя крайностями есть средина. Сию же средину избирают особенно люди, чуждые всему злодейскому, но с душою, стремящеюся ко всему доброму или что они добром почитают, и по сему-то пути нередко они достигают или до состояния холодности и эгоизма, или до безнадежности, или, наконец, и до гибели своей. Счастлив тот из сих людей, кто в стремлении своем не преступил за черту мечтаний и заблуждений! Счастлив, если опомнившись, он найдет, что душа его свободна от всякого чувства, от всякого помышления преступного!

Бедствия, несчастия могут быть для него последствием необдуманности, заблуждений, но чистая совесть остается его неоцененным и неотъемлемым достоянием, а с нею и твердое упование на правосудие неба!

Такой человек, исполненный желания блага всему и всем, желаний неопределенных и в коих он сам себе не может дать отчета, и особливо владеемый какою-либо особенною мыслию, направляющею все его поступки к одной известной цели, цели для него священной, — такой человек, конечно, вступил бы в общество, устав коего обещал все доброе и не упоминал ни о чем злодейском или даже непозволительном.

Что сделал бы такой человек, убедившись, что тайные действия не способствуют исполнению его намерений и что стремление к его цели не имеет нужды в тайне и даже несовместно с тайною?

Пусть вопрос сей будет решен с теми соображениями благоволения беспристрастного и человеколюбивого, которое Екатерина II

разумела под сими словами: Justice n'est pas justice, justice est equité. С моей стороны, я думаю, что такой человек удалился бы от общества и перестал бы думать о обществе. Мог ли он почитать своею обязанностью донести о существовании общества? Я не могу определить до какой степени честный человек может сопротивляться сильному отвращению, которое он должен иметь ко всему похожему на донос. Но вместе с сим я знаю, что тот не исполнил бы обязанности человека, обязанности христианина, кто, видя руку убийцы, подъятую над главою другого, не отразил бы удара или не остерег бы угрожаемого опасностью? Но всякая мысль о доносе отстраняется, если не было даже и возможного предмета к доносу, к предостережению; если, напротив, не донесший не видал ни опасности, ни даже значительности в т о м, ч т о о н з н а л, ч т о о н в и д е л.

Что сделал я? И я вступил в общество! Но, не найдя в нем ничего, мысль, что я принадлежу к тайному обществу, не произвела на меня никакого впечатления. Я продолжал принадлежать к обществу, не потому, чтобы я хотел принадлежать к обществу, но потому, что никогда ничто не привело мне на мысль необходимости или нужды выйти формально из общества. Не могу объяснить тогдашнего моего равнодушия к обществу. Могу только сказать, что сие равнодушие не позволило мне решительно и формально прекратить всякие сношения тайные. Вижу теперь более, нежели когда-либо, и виновность и вред существования тайных обществ. Вижу и признаю вину свою собственную. Все мои действия, все мои намерения по тайным обществам делаются виновными уже потому, что я принадлежал к тайному обществу. Необдуманное стремление к одной известной цели не позволило мне тогда же убедиться в моей ошибке. Удаление от общества, уничтожение общества, прекращение всяких тайных сношений, наконец, отъезд за границу, внимание, исключительно на мою болезнь обращенное, изгладили из моей памяти и мое участие в тайных обществах и даже мысль о всяких тайных обществах. Я продолжал жить, не думая ни об обществах, ни о собственной моей виновности. Я позабыл прошедшее, жил только в настоящем; болезнь не позволяла даже мне думать ни о чем, кроме себя. Вдруг вся ужасная картина и бунтов и предшествовавших им заговоров открылась пред глазами моими! За сим я и сам был поражен приговором смерти и каторги! Опомнившись несколько от всех сих ужасных, неожиданных происшествий, я должен был искать в моей памяти всех обстоятельств моей виновности, мною самим давно уже забытых. Я изложил сии обстоятельства сколько мог ясно в ужасном положении, в которое я вдруг был поставлен. Если следовать впечатлению, которое должен произвесть рапорт Следственной Комиссии касательно меня, то, конечно, виновность моя представляется весьма важною, несмотря на то, что я за два года до бунта оставил уже Россию. В одном месте видно, что я желал учредить общество; в другом — что я с решительностью изъявлял мнение о введении республиканского правления в России. Там я председательствовал; принимал и исполнял

поручения; здесь я опять старался восстановить общество, принимал членов или даже восстановил общество. Одни говорят, что я согласился на мнение о вывозе императорской фамилии за границу, другие,— что я особенно направил мнения других к форме правления республиканского. И все сие я сам как будто подтвердил неявкою к суду.

Я откровенно представил и мое участие в тайных обществах и намерение, с коим было сопряжено сие участие. И то, в чем я действительно виновен, уже слишком много тяготит мою душу, и тяжесть сия тем для меня мучительнее, что я вдруг очутился под бременем вины, давно забытой, и обвинений новых, о которых никогда не мог и мыслить, обвинений в таких преступлениях, кои мне и в голову никогда не приходили.

В действительной моей вине я не оправдываюсь. То, что я о ней прежде не думал, есть изъяснение, а не оправдание. Но в обвинениях, кои до меня касаться не могут, я должен оправдываться. Собственная моя неявка к суду и почти трехлетнее отсутствие из России не позволяют мне представить всего с совершенною полнотою; многое неминуемо я должен был забыть. Некоторые подробности я, может быть, представляю неправильно; может быть, существуют иные подробности против меня, коих я теперь не знаю и не помню. Но главное, существенное я излагаю и в возможной полноте и откровенно. Представляю в настоящем виде и намерения и поступки мои. Могут явиться новые на меня показания: но они не усилят действительной вины моей, не переменят ее свойства; ибо никогда не может быть доказано, что я или хотел бунтов, или советовал бунтовать, или знал, что другие намерены бунтовать, или разговаривал о бунтах, или о перемене формы правления.

Основанием, нитью моих объяснений служит рапорт Следственной Комиссии. Находя в сем рапорте обвинения против меня, на показаниях различных лиц основанные, я нахожу вместе с сим, что Комиссия, беспристрастно обозревая все дело, в целом и в частях, излагает такие заключения, кои подкрепляют собственные мои изъяснения. Сие особенно замечательно в заключениях Комиссии о степенях виновности тайных обществ в различные эпохи.

Различение эпох касательно обществ.

Я представлял и в первой моей записке и ныне, что по тому, что я видел в обществе, я почитал сие общество ничтожным.

На стр. 21 рапорта Следственной Комиссии говорится, что тайное общество после 1819 года начало приходить в упадок, по крайней мере в Петербурге, и что сей упадок продолжался и в 1821 году.

Я представляю, что по возвращении моем из Москвы до отъезда моего за границу, я не замечал, чтобы общество было действительно вновь устроено. В рапорте я нахожу подтверждение сим словам моим; ибо на стр. 52 Комиссия говорит, что в петербургском обществе большая против прежнего и беспокойная деятельность явилась особливо со времени вступления Рылеева в думу на место Трубецкого; следовательно, до сего времени общество было недеятельно. Мудрено ли, что я не знал об окончательном устройстве общества, когда оно было

недеятельно? Деятельность же сия, и при том беспокойная, явилась после моего отъезда за границу, ибо, как видно на стр. 27, Трубецкой отправился в Киев в конце 1824 года, а я выехал из Петербурга в начале 1824 г., и именно 9 апреля.

На стр. 28 говорится о сношениях общества петербургского с Южным, и между прочим: «что сии общества имели одну цель: испровержение существующего порядка, и в обоих уже занимались сочинением законов для преобразования России. Для достижения же сей цели, также в обоих, думали употребить одни средства: «силу действия войск, кои надеялись склонить к возмущению». «По сему видно, (говорит Следственная Комиссия в примечании на стр. 29), что сия мысль родилась в них не прежде 1821 года и, вероятно, вследствие бывших революций в Испании, Неаполе и Пиемонте. Иные, говорит Пестель, полагали, что возмущение должно быть в Петербурге; другие, что надобно начать в армии, итти на Москву и там принудить сенат провозгласить перемену, установить новый образ правления».

Очевидно, что если в это время и в Петербурге принимали уже целью испровержение и средством бунт, то это ограничивалось только теми, кои сочиняли означенные законы или знали о сем сочинении и кои участвовали в замыслах цареубийственных или знали о сих замыслах [1]); ибо в 1821 году не было еще общества в Петербурге, которое, как видно на стр. 26 рапорта, вновь образовалось не прежде как в конце 1822 года, а начало показывать особую деятельность в конце 1824. По всему производству нет нигде ни малейшего признака, чтобы и новое петербургское общество, в качестве общества, до сего времени питало какие-либо преступные намерения. Никто не показывает, чтобы в совещаниях общества члены рассуждали, предлагали или принимали какие-либо замыслы преступные. Злодейские замыслы были обнаруживаемы некоторыми лицами во все время существования всех обществ, и даже прежде учреждения старого общества. Но сии замыслы составляли тайну некоторых лиц, а не тайну общества. Старому обществу не приписывается таковых замыслов. В новом петербургском обществе первый признак таковых злодейских намерений всего общества представляется в показании Александра Бестужева (стр. 27 рапорта), где он упоминается, что многим членам говорили, «что их дело рубиться». Но сей первый признак злодейства всего общества должен быть отнесен к тому времени, когда Рылеев вступил в думу общества, т.-е., как видно на стр. 27, к концу 1824 года. Сей Бестужев, как видно на стр. 52 рапорта, был принят Рылеевым и причислен к верхнему кругу в апреле 1825 года.

Из сих соображений следует, что новое петербургское общество направилось к преступлениям не прежде конца 1824 года, что до того

---

[1]) Я, с моей стороны, никогда не слыхивал о сих мнениях: где надлежит начать бунт, куда итти, что провозгласить. Не видывал также ни одного из проектов конституций, о коих говорят в рапорте След. Комиссии.

времени замыслы преступные принадлежали только некоторым лицам, как сие было и прежде. В сих отдельных замыслах я не только ни прежде и никогда не участвовал, но и ничего не знал об оных. Дальнейшие изъяснения покажут, что по всему делу нет ни малейшего повода полагать, чтобы я мог знать о сих замыслах. Когда же все общество разделило сии замыслы, т.-е. в 1824 году, тогда я был уже за границею.

Итак, первое общество было в упадке с 1819 года по 1821 г., т.-е. до самого уничтожения оного; ибо оно в сем году уничтожено.

Новое общество, устроенное в 1822 году, было недеятельно до конца 1824, когда оно направилось к преступлениям.

Из сего следует, что по обществу: ни по старому, к которому я принадлежал, ни по новому, если бы я к нему и принадлежал, я не участвовал в замыслах преступных. В частных замыслах я равно не участвовал.

Различение эпох касательно показаний.

Таким образом различение эпох касательно тайных обществ показывает, что ни в то время, когда я принадлежал к обществу, ни тогда, когда я был или мог быть в сношениях с членами общества, ни общество, ни сии члены не направляли ни действий, ни рассуждений своих ни к каким преступлениям, а сие самое и изъясняет и мое мнение собственное о ничтожности общества. И доподлинно. Отстраните от тайных обществ, от всех сих тайных действий все злодейское, и что останется? Что, кроме заблуждений? Что, кроме ребячества?

Сие различение эпох должно быть, для обнаружения истины, принято в некоторое соображение и касательно показания подсудимых. Сии показания и признания их о виновности обществ, о преступных намерениях и предприятиях относятся ко всему времени существования общества, а не только к тому времени, покуда я был в России. Около двух лет протекло со времени моего отъезда до происшествия бунта. В сие время различные лица имели совещания, усилили свою деятельность, могли изменить прежние свои мнения, направиться к иной цели, избрать новые средства. И действительно, деятельность и преступные замыслы общества именно обнаружились, как видно по рапорту, уже после моего отъезда за границу. Делая показания и признания, подсудимые, конечно, не разделяли времени существования общества на эпоху до 1824 и после 1824 года и говорили о обществе, естественно, в том виде, в каком оно существовало в минуту бунта, и о своих намерениях в том виде, в каком они были в сие же время. Но для меня разделение времени бытия общества на эпохи до и после 1824 г. весьма важно. Если и принять, что я шел по одному и тому же пути с другими, то нельзя не согласиться, что я не шел так далеко, как другие; нельзя не признать, что я прекратил сие странствие вначале, когда и успехи на пути были ничтожны и когда цель была не определена. Что, в таком случае, я шел по пути погибели, я этого не знал, и обстоятельства показывают, что я мог сего не знать. Эпоха выезда моего из России показывает по крайней мере, что я оставил сей путь прежде,

нежели явились признаки, кои каждого могли убедить, что и цель и стремление к цели равно преступны.

Таким образом показания и признания подсудимых, относящихся ко всему времени существования общества, не могут подвергать меня равной с ними ответственности, по крайней мере за время, в которое я уже не был в России. Если в это время члены переменили свои намерения и направились вместе с обществом к преступлениям, или если они теперь признаются в сем преступном направлении, в замыслах, в действиях преступных, то все сие до меня касаться не может.

Но как в показаниях и признаниях различных лиц отделить то, что может быть отнесено к одной эпохе, и то, что относится к другой? Это, я чувствую, весьма трудно; ибо и сами показывающие говорят о всем времени, не разделяя эпох. Нет для сего иного средства, как, обозрев все в совокупности, определить: когда общество было менее, когда более преступно. Рапорт Следственной Комиссии указывает на сии эпохи, излагая, что первое общество было всегда в упадке, а новое начало оказывать деятельность и направляться к преступлениям не прежде конца 1824 года. К тому же и по всему производству видно, что если какой-либо факт, доказывающий замыслы злодейские, представляется, то сей факт всегда относится или ко времени после 1824 года, или к иным обществам, или касается до кого-либо лично, в чем каждый по мере участия и ответствовать обязан.

Сие различение эпох особенно важно в тех показаниях, кои говорят о цели и средствах общества. Здесь наиболее справедливость требует принимать в соображение: были ли сия цель и средства приняты всем обществом, каким обществом именно, когда приняты, и не были ли и сия цель и сии средства в намерении только некоторых членов, и не были ли сии намерения приняты мало по малу перед тем временем, когда произошло возмущение? Самая важность обвинения требует также, чтобы что-либо положительное было доказано против того, кто обвиняется. Слова, мнения, заключения других не могут заменить в сем случае доказательств. Если один член общества имел в виду цель преступную и соглашался на средства преступные, то из сего еще не следует, что и другой имел ту же цель и соглашался на те же средства, если не доказано, что сей другой знал цель сию или сии средства.

Различные показания.

Представив участие мое в тайных действиях вообще, я должен теперь говорить о различных против меня показаниях, о коих не упоминается в приговоре, надо мною произнесенном.

Прежде всего я буду говорить об одном показании, о коем хотя и не упомянуто в приговоре, но которое для меня особенно важно и которое, конечно, содействовало мнению о моей виновности вообще.

Рылеев показал, что я изъявил согласие на предложение его: «не вывезти ли императора за границу?» (стр. 60). Вместе с сим он говорит, что в сие время было рассуждаемо о собрании великого Собора.

Другой (Матвей Муравьев) показывает, что сие совещание происходило в квартире полковника Митькова.

В отчет на сие показание я могу предварительно сказать, что если я видел когда-либо Рылеева по делам тайных обществ или тайных сношений, то сие в тот раз единственно, когда было отказано Пестелю в предложении его; что я ни однажды в жизни не только сам не рассуждал, но и от других не слыхивал ничего подобного на замыслы против государя императора; столь же мало я слышал о великом соборе, название, в первый раз в рапорте Следственной Комиссии мне представившееся, и, наконец, что я никогда не присутствовал на совещании у Митькова [1]).

Кроме сего, я нахожу в рапорте Следственной Комиссии неоспоримые доказательства несправедливости сего показания, столь особенно для меня тягостного.

По изложению рапорта, стр. 58, 59, 60, видно, что сие совещание происходило в то время, когда государь император не был уже в Петербурге; следовательно, после апреля 1824 года, когда я выехал из Петербурга; далее, что в сие время был уже в обществе Александр Бестужев (стр. 59), который, как видно на стр. 52-й, был принят и причислен к верхнему кругу в 1825 году, и, наконец, сам Рылеев показывает, что, приняв его предложение, «для сего ему от думы велено приготовлять кронштадтский флот и что, исполняя сие поручение, он говорил с Торсоном и проч.» (стр. 60). Сей Торсон, коего имя я в первый раз узнал из рапорта, принят в общество в 1825 году, как видно на стр. 52-й.

Но если сие столь явно ложное показание тягостно для меня по ненавистному и ничем не заслуженному свойству обвинения, то вместе с им оно необходимо должно быть для меня выгодно, представляя ясный пример, с какою неосновательностью, с какою легкостью подсудимые присовокупляют меня к собственным своим мнениям и замыслам, как будто не сомневались, что я никогда не различествовал или, по крайней мере, не мог различествовать с ними в мнениях и действиях. В сем отношении показание Никиты Муравьева особенно замечательно. Он говорит, что «знает только, что сие совещание происходило не задолго до моего отъезда заграницу, но что не в состоянии привести выражений, коими я изъявил мое условное согласие». Такое показание имеет все признаки вероятия, ибо показывающий говорит, что об одном обстоятельстве он не помнит, но о другом з н а е т. Итак, по его словам, я достоверно был на сем совещании и даже изъявил согласие, хотя и условное. Между тем сличение эпох доказывает, что я по крайней мере за год до сего совещания выехал из России! — После сего какую веру заслуживают другие показания против меня сего самого Никиты

---

[1]) Если я почему-либо могу здесь даже вспомнить имя Рылеева, то это единственно потому, что совещание по предложениям Пестеля, о котором я говорю, было, кажется, в его доме.

Муравьева? Показания, столь же несправедливые, но которых я не могу опровергнуть сличением чисел, и, лишив себя средств опровергнуть очными ставками, я могу теперь опровергать только изъявлением истины, ссылкою на обстоятельства и на самих тех, которые делали такие показания. Я нимало не предполагаю, чтобы в показаниях против меня Никиты Муравьева было какое-либо злобное намерение, которое так для меня ясно в показаниях Пестеля; вижу только, к несчастию, что он так сильно желал сделать сколь возможно полное признание, что, не жалея себя, ему и в мысль не пришло пощадить других от показаний неосновательных и несправедливых. Я не сомневаюсь, что если он увидит мои ответы, то сознает свою ошибочность и согласится в истине моих опровержений [1]).

Теперь приступаю к изложению показаний, о коих не только не упоминается в приговоре, но коим я не нахожу совершенно никакого изъяснения в рапорте Следственной Комиссии. Сии показания носят на себе печать явной несправедливости, или относясь к предметам неопределенным, или быв сделаны лицами, которых я совершенно не знаю и даже не видывал и кои меня совсем не знали. Таким образом сии люди говорили обо мне по слухам и вследствие мнения, которое сии слухи произвели в них на мой счет. Сии показания не были приняты в уважение в приговоре, обо мне произнесенном, но, конечно, содействовали сему приговору. Они содержатся в записке и суть следующие:

Трое показывали, что я был директором. Сии трое суть: Бестужев-Рюмин, Матвей Муравьев, Юшневский.

В рапорте Следственной Комиссии ничего касательно директорства не упоминается, кроме разве того обстоятельства (стр. 27), что мне предлагали место правителя и что я от оного отказался. Я объяснил сие обстоятельство выше, показав, что я отказывался вообще от всякого участия в затеваемом обществе. Я не только не был никаким директором, но и не понимаю, на чем могли основываться слухи, что я таковым был когда-либо. Из трех лиц, кои делают сие показание, двух, и именно Бестужева-Рюмина и Юшневского, я никогда не видывал, так же как и они меня. Показание третьего, Матвея Муравьева, показывает только, какую веру заслуживают другие его показания.

Один (Митьков) показал, что в 1823 году в бывшем у него, Митькова, собрании читали написанные мною и всеми одобренные правила о изыскании средств к изменению правительства и к получению конституции.

На сие я должен сказать, что я никогда не писал никаких правил не только для изменения правительства и получения конституции, но и вообще ничего о конституциях.

Я думал и писал только об освобождении крестьян, об издании журнала, о переменах в уголовном судопроизводстве. Далее я могу

[1]) В одном месте (стр. 45) Никита Муравьев говорит о моем присутствии на таком совещании, на котором, по его словам, он и сам не был.

сказать, что я никогда не присутствовал ни на каком собрании у Митькова. Впрочем, и он не говорит, чтобы я был при сем чтении. Если действительно у Митькова что-нибудь читали подобное, то, конечно, не моего сочинения. Мне Митьков никогда не говорил ни о чем подобном, и иначе до моего сведения ничего подобного не доходило. Наконец, Митьков говорит, что сии правила были одобрены всеми; но никто, кроме его, о сих правилах не упоминает. То, что я писал действительно, я показывал обыкновенно моим знакомым, представлял высшим, и одно мое рассуждение было даже доведено до сведения покойного императора. Не понимаю, к чему может относиться показание Митькова; но, видя, что никто оного не подтверждает, я должен думать, что оно основано на какой-нибудь ошибке.

Матвей Муравьев показал, что я разделил с другими преступное предложение Южного общества ввести республиканское правление с истреблением всей императорской фамилии, а между сими другими называет таких лиц, кои вовсе никогда мне известны не были. После Матвей Муравьев сам опровергнул сие показание, объявив, что «он мне сказал только, что южная управа положила введение республиканского правления, и что сказал ему Пестель, что он говорил с главами северной управы об удалении из России императорской фамилии».

С великим трудом я мог и списать сии слова с записки. Клевета явствует из самого противоречия. Но и во втором показании Муравьев клевету только уменьшил, а не отказался от нее вовсе. Страшусь и оправдываться от первого показания; но о втором я должен сказать, что никогда Матвей Муравьев не говорил мне о их намерении ввести республиканское правление.

Но если, с одной стороны, ложные показания меня губят, то да послужат они мне и в пользу, когда клеветники сами себе противоречат, сами себя опровергают. Ничто не сотрет с таких показаний печати лжи. Какое же вероятие могут иметь другие показания таких людей? Сие показание и последовавшее опровержение оного самим показателем представляет мне печальное доказательс[тво] вреда, который я причинил самому себе неявкою. Матвей Муравьев сделал ужасное показание против меня. Но случилось, что его вторично спросили о сем показании, и он его не подтвердил. Еслиб и от других лиц вторично было требовано подтвердить, объяснить их показания, то, конечно, многие из сих последних были бы уничтожены, подобно показанию Матвея Муравьева [1]).

Пестель показал, что в 1824 году, в Петербурге при свидании со мною, он нашел меня в республиканском образе мыслей и что «Бестужев-Рюмин сказывал ему, Пестелю, что Трубецкой и Бриген сообщили ему о намерении Северного общества назначить меня производителем дел в предполагавшемся верховном правлении».

[1]) Неосновательность показаний сего Муравьева явствует и в других случаях. Сама Комиссия признала одно из его показаний несправедливым и основанным на догадках (стр. 17, в примеч.).

О свидании моем с Пестелем я изъяснил выше, показав, что в это время не было ни одного слова произнесено о республиках, и я не вижу ни малейшего повода, по коему Пестель мог бы заключать о республиканских мнениях с моей стороны. Итак, он ошибался или обманывал других своим показанием. Что ж касается до второй части сего показания, то я не могу отвечать за то, что другие могли говорить о мне Бестужеву-Рюмину, а сей — Пестелю. Твердо, однако же, уверен, что Бриген никогда не говорил и не мог говорить ничего подобного Бестужеву и никому. Итак, тут несправедливость падает или на Бестужева, или на Пестеля. Впрочем, я никогда ни от кого не слыхал ни о каких предположениях о верховном правлении.

Наконец, сей же Бестужев-Рюмин на вопрос: «Кто из членов общества наиболее стремился к достижению и исполнению цели введения республики, посредством революции, советами, сочинениями и влиянием своим на других»? отвечал: «Директоры общества: Тургенев на Севере, и Пестель на Юге», присовокупив, что «общество вознамерилось ввести в Россию республиканское правление с самого начала, по предложению, сделанному Николаем Тургеневым».

Сие показание для меня, если возможно, неизъяснимее всех других. В каждом слове явная ложь, и оно меня давит своею непостижимостью, даже и после других, столько же ложных, показаний. Во всех исследованиях и допросах бывают показания ложные; но я, кажется, могу служить особенным примером между жертвами неосновательности и клеветы. Что могу сказать о показании человека, которого я не видывал, о котором не слыхивал, о показании, которое ссылается на мои советы, на мои сочинения, на мое влияние, между тем как другие, коим я мог давать советы, мог показывать сочинения, на коих мог иметь влияние, коим мог сделать предложение о республике, не говорят ни о чем подобном, хотя говорят все и правду и неправду?

Стараясь угадать причину такого показания, я должен откровенно сказать, что не вижу иной, кроме влияния Пестеля, с коим Бестужев, как видно, был в коротких сношениях. Догадка моя, может быть, несправедлива; но злобный оборот, данный Пестелем словам моим, ложное сие показание о моем мнении о республиканских правлениях, делают сию догадку позволительною. Иначе с чего Бестужев стал бы так грубо клеветать человека, вовсе ему неизвестного?

Но я обязан отвечать и на это показание. Итак, я скажу, что я никогда не стремился к достижению и исполнению цели введения республики посредством революции, не иначе, ибо никогда я не имел сей цели; что я никогда никому не давал советов в сем смысле; что я не сочинял ничего в сем смысле и не употреблял никакого для сего влияния; что я никогда не был директором и что никогда никому не предлагал ввести республиканского правления. Нет для меня возможности иначе опровергать сего показания, ибо, кроме слов показывающего, ничего против меня не представляется. Где видно мое влияние? Кому я давал

советы? Кому делал предложения? Где мои сочинения о республиканских правлениях?

Все сии показания не были приняты в уважение Следственною Комиссиею; ибо Комиссия в записке, исчислив все, как сие, так и другие показания, упоминает, что против меня остаются только два показания: Рылеева и Пестеля, о коих я говорил выше, следовательно, все прочие оставила без внимания.

Но невыгодное против меня предубеждение, сими показаниями произведенное, не менее того осталось; ибо в приговоре сказано, что я виновен в умысле ввести республиканское правление. Сие обвинение не могло основываться на остальном показании Пестеля, ибо сие показание, утверждаемое двумя, отвергалось четырьмя; Комиссия почитала опасным признать оное достаточным к обвинению; закон же таким показаниям веры не дает. Из сего, очевидно, следует, что самое тяжкое обвинение против меня имело побудительною причиною показания явно ложные, нелепые и даже Следственною Комиссиею оставленные без внимания!—Могу ли я после сего истребить в душе моей надежду, что, наконец, настанет для меня время оправдания и истины?

Часть вторая.

Изъяснения на заключения Верховного Уголовного Суда, относительно цели и средств, равно и других обстоятельств, до тайных обществ касающихся.

В решении Верховного Уголовного Суда сказано о родах преступлений, что все части обширного дела о злоумышленных обществах представляют один главный умысл; «умысл на потрясение империи, на ниспровержение коренных отечественных законов, на превращение всего государственного порядка»; что три средства, три главные рода злодеяний предполагаемы были к совершению сего умысла: 1) цареубийство, 2) бунт, 3) мятеж воинский.

Далее, о видах преступлений, что все преступления принадлежат к трем видам: 1) к знанию умысла, 2) к согласию, 3) к вызову на совершение оного.

По первому из сих трех пунктов означаются следующие постепенности:

1) Умысл на цареубийство и проч.

По второму пункту:

1) Учреждение и управление тайных обществ, имевших целью бунт; приготовление способов к бунту или назначением к тому срочного времени, или составлением планов, уставов, конституций, прокламаций, форм присяги, или возбуждением и подговором нижних воинских чинов.

2) Деятельное участие в сем умысле, когда он уже был основан другими, участие или распространение возмутительных сочинений и проч.

3) Участие в сем умысле, распространением обществ, или посредством привлечения товарищей, или принятием поручений, и проч.

4) Участие в умысле, но без согласия на меры жестокие или даже и с противоречием оным.

5) Участие в учреждении тайных обществ, впоследствии не только изменившееся, но и сопровождаемое совершенным отстранением от оных.

6) Полное знание сего умысла, хотя без всякого действия.

7) Неполное знание сего умысла, особенно же жестоких его мер, с принятием или без принятия членов.

По третьему пункту о мятеже.

Далее суд излагает, что вины подсудимых у с и л и в а ю т с я: тяжкими последствиями зловредного примера, разрушением воинского порядка, кровавыми действиями некоторого буйственного рассвирепения. Что, напротив, вины о с л а б л я ю т с я:

1) признаками расскаяния, как-то: совершенным удалением от участия в тайном обществе, изменением его видов и отступлением от жестоких его преднамерений;

2) особыми поступками некоторых подсудимых, также к смягчению относящимися;

3) скорым и чистосердечным признанием при следствии;

4) наконец, юностью лет при увлечении в злонамеренное общество.

Наконец, суд упоминает, что вины подсудимых утверждены собственным их признанием и что найдены только четыре лица, коих вины утверждаются по обстоятельствам, а не на сознании.

В числе сих четырех нахожусь я. Быв потребован явиться к суду для оправдания, я не явился. Сия моя неявка ничем достаточно оправдана быть не может. Несмотря на мою болезнь невымышленную, а действительную, не смотря на то, что управляющий министерством иностранных дел в то же время предписывал огласить меня, в случае отказа, государственным преступником; несмотря, наконец, на тогдашнее мое убеждение, что незадолго перед тем посланное мое оправдание будет достаточно для отстранения от меня всех обвинений, с злоумышленностью сопряженных, несмотря на все сие, долг мой был явиться. Я сего долга не исполнил. Признаю себя в полной мере виновным по сему обстоятельству. Но сия вина, за которую я терплю уже будучи поражен ужасным приговором, который я мог бы отстранить от себя, если б лично и в самом начале опровергнул многие и изъяснил некоторые показания, сия вина независима от вины моей, в участии в тайных обществах состоящей. В сей вине я также не оправдываюсь. Я принадлежал к тайному обществу. Но как могу я сказать, что я когда-либо питал в душе что-либо похожее на умысл: «потрясти империю, испро-

вергнуть коренные отечественные законы, превратить весь государственный порядок»? Как могу я сказать, что я для сего когда-либо, хотя на одну минуту желал: «цареубийства, бунта, мятежа воинского»? Нет! Если б жизнь моя зависела от такого поклепа на самого себя — я предпочел бы смерть; ибо собственное презрение к самому себе не позволило бы мне искать утешения в чувстве собственной невинности; я не смел бы тогда взглянуть на небо для отрады! Если же я действительно чувствовал себя виновным в каком-либо из сих преступлений, то где нашел бы я довольно духа и силы оправдываться? Внутреннее чувство, что я искажаю истину, не может дать сей силы. Если же я говорю, то это потому, что я чувствую, что говорю правду, что следую какому-то внутреннему голосу души, который сильно побуждает меня говорить и оправдываться в том, в чем я не виновен.

Обстоятельства, меня обвиняющие, сильны. Но сколько примеров история уголовного судопроизводства представляет, что осужденные по самым ясным обстоятельствам были впоследствии признаны невинными. И судьи Каласа были убеждены в его виновности, когда произносили приговор его! В моем деле приговор основан на обстоятельствах. Он не мог быть основан иначе по причине моей неявки. Но здесь одна вина не может усугубить другой, и если я виновен в неявке, то из сего еще не следует, что я виновен и в умыслах преступных.

Заключение Верховного Уголовного Суда о преступной цели и преступных средствах относится до всех тайных обществ или до всех отраслей тайного общества, и притом до всего времени существования сих обществ или отраслей общества с самого времени их основания до последовавшего бунта. Я не во всех сих обществах участвовал и не во все продолжение их существования. Приняв в совокупности все отрасли общества все умыслы, мнения, все показания, признания членов, — конечно, все сие в целости представляет какую-то огромную массу преступления. Но все ли части общества, и во все ли время, все ли члены общества были равно преступны? Относительно виновности членов — степени были распределены различно. Следовательно, не все признаны равно виновными. Различать эпохи в виновности самых обществ было не нужно; ибо виновностью членов определялось все существенное. Посему каждый ответствует за свое участие. Но все сии члены были налицо; делая признания, они могли опровергать то, что находили несправедливым. Они имели все средства к оправданию. Хотя и собственною виною, но я был лишен средств сих; и потому, делая и мое признание, я обязан ссылаться на самые эпохи существования общества. Ссылка на сии эпохи должна споспешествовать к объяснению слов моих. Надеюсь, что по внимательном рассмотрении обстоятельств, мною излагаемых, и особенно приняв в соображение ужасное положение, в котором я нахожусь, изъяснения мои найдут, наконец, веру, которой они истинно заслуживают, несмотря на обвинения, меня тяготящие.

Следственная Комиссия в рапорте своем (стр. 28) говорит, что оба общества, новое С.-петербургское и Южное, имели одну цель: испровержение существующего порядка, и в обоих уже занимались сочинением законов для преобразования России; и для достижения сей цели, также в обоих, думали употребить одни средства: силу, действие войск; и при сем Комиссия замечает, что по всему видно, что сия мысль родилась в них не прежде 1821 года [1]).

Из сего следует, что прежде сего времени общество, известное под названием Союза Благоденствия, не признавало испровержение порядка целью и возмущения — средствами. Я принадлежал только к сему первому обществу; я никогда не знал в обществе другого устава, кроме Зеленой книги. Сие общество было уничтожено, прежде нежели родилась мысль о бунте, и Комиссия приписывает сию мысль именно новому петербургскому, а не старому обществу. По уничтожении общества в Москве, я в новое никогда не вступал. Я, конечно, знал, что старые члены старались образовать новое общество, но никогда не знал, что оно действительно образовалось. Показание одного, что я сам начинал, но не кончил, составление общества, я объяснил выше; впрочем, о цели и средствах сего несоставленного общества в показании ничего не упоминается. Показание Никиты Муравьева, что я с ним основал новое общество, явно ложно, как я изъяснил выше, повторяю теперь и повторил бы при последнем издыхании жизни [2]). Показание Рылеева, что я участвовал на совещании, опровергается числами. Одним словом, никто не показывает именно, кроме меня самого, чтобы я действительно принимал какое-либо участие в новом обществе, в 1822 году

---

[1]) Новое С.-петербургское общество основано, как видно по рапорту (стр. 26), не прежде конца 1822. По сему сии слова рапорта должны относиться более к обществу Южному или лично к членам, в Петербурге бывшим.

[2]) Теперь, взглянув на рапорт Следственной Комиссии, нахожу новое противоречие в сем показании Никиты Муравьева, которого не заметил прежде. На стр. 26 рапорта говорится, что в новом петербургском обществе союз убежденных, или верхний круг, составлялся из основателей; принимали в оный и других из союза соединенных, но не иначе, как по согласию всех находящихся убежденных. Так как по словам Никиты Муравьева я был одним из основателей, то я принадлежал к союзу убежденных и давал согласие на принятие. Но тут же Муравьев говорит именно, что я не участвовал в принятии новых членов. Что же я делал в обществе? В чем участвовал? По словам Муравьева можно заключать, что если я не участвовал в принятии, то другие принимали или что-нибудь делали. Как не мог он вспомнить никакого действия с моей стороны? Может ли и теперь он вспомнить, что он по крайней мере сказал мне что-либо о восстановлении общества? По самому показанию Муравьева очевидно, что он чувствовал, что я ничего не делал, ибо именно прибавляет, что я не участвовал даже в принятии. Это подкрепляет вышеозначенное предположение мое, что Муравьев, приписав мой отказ соединиться с ним и Луниным моему намерению составить новое общество с Оболенским и другими, соединившись после с ними, думал, что соединился и со мною. Но когда пришлось ему говорить обо мне, то он, даже и под влиянием сего мнения, сказал, что я не принимал членов. Таким образом ошибочное свое предположение, что я участвовал в возобновлении общества, Муравьев сам опровергнул положительным объявлением, что я не действовал в качестве основателя.

устроенном; то-есть, чтобы я присутствовал на совещаниях, делал предложения, разделял мнения других. Все мое участие в делах тайных обществ после 1822 года состоит в совещании, на которое я попал случайно, и сие участие я показываю сам на себя, ибо обязан говорить истину и против себя и в оправдание мое. На сем совещании, как я выше изложил, было рассуждаемо о начальных основаниях обществ и о соединении с Южным. Следственно, ни о цели, ни о средствах говорено не было.

Из сего следует, что не только я сам лично никогда не признавал ни цели испровержения, ни средства возмущения, но что и общество, в котором я действительно находился, сей цели не имело. Устав сего общества известен. Я не знавал другого устава. Но и в сем обществе, еще задолго до его уничтожения, я уже не принимал никакого деятельного участия. Не видя успеха в моих предложениях, я и от сего общества отстал. Совещания в Москве опять возбудили было во мне заснувшие надежды касательно способствования к освобождению крестьян, но, к счастию, все кончилось одними словами, и ничего не было вновь устроено.

В другом месте (стр. 52) Следственная Комиссия говорит, что в петербургском обществе бóльшая против прежнего и беспокойная деятельность явилась особливо со времени вступления Рылеева в думу на место Трубецкого. Рылеев, как видно на стр. 27 рапорта, вступил в думу в конце 1824 года. Я оставил Петербург в начале 1824. Следовательно, деятельность в обществе явилась после моего отъезда за границу. Сие показывает также, что я весьма легко мог быть в совершенной неизвестности о вновь устроенном обществе; ибо оно было не деятельно, покуда я мог, находясь в Петербурге, по крайней мере что-либо узнать о новом обществе.

Но если преступная цель и преступные средства не были изложены в уставе общества, к которому я принадлежал, то сия цель и средства преступные явствуют из признания самих подсудимых. Так конечно. И если действительно члены общества признавали цель и средства преступные, даже и не написав сего в уставе, то я был бы равно виновен. Но члены общества, делая сии признания, говорили о всем времени существования всех обществ с самого начала до возмущения. Как могли изменяться и мнения и намерения их не только с того времени, когда я уже отстал от них, но даже и со времени моего отъезда за границу! И не явствует ли из рапорта Следственной Комиссии, что действительно общество петербургское направилось к преступлениям именно в течение сего времени, то-есть тогда, когда я не был уже, не только в обществе, но и в России?

К тому же признания различных подсудимых о преступности цели и средств обществ не все одинаково касаются до каждого из членов общества. По рапорту видно, что не только во все существование общества, к которому я принадлежал, но и прежде и после, некоторые члены питали и сообщали друг другу самые преступные, злодейские намерения.

О сих намерениях они говорили не в совещаниях общества, а в частных своих, прочим неизвестных, совещаниях. Те, коим намерения сии были вовсе неизвестны, не могут в оных ответствовать. Одни признаются в замыслах на цареубийство, другие в намерении бунтовать, и где и как начать бунт, иные в сочинении проектов конституций [1]). Но те, кои никогда ничего не знали о замыслах цареубийственных, о намерениях бунтовать, кои не читали их конституций, не могут в сем ответствовать. Лично на меня нет не только никаких показаний, что я когда-либо знал о намерениях цареубийственных; но никто даже не показывает на меня именно, чтобы я изъявлял какие-либо мнения, означающие мои желания ввести конституцию или каким бы то ни было образом изменить существующий государственный порядок. Все, что может в сем отношении относиться до меня в качестве члена общества, состоит в показаниях Якушкина и Фон-Визина, с одной стороны, и в показании Семенова—с другой. Но показания первых двух относятся к совещаниям в Москве, оставшимся без результата. Итак, остается показание Семенова (стр. 16), сходное с первыми, что «целью Союза было изменение государственных установлений и что для сего признавали нужным усиливать общество, распространять политические знания и стараться овладеть мнением публики».

Ниже сего я излагаю, что́ было моею целью и в обществе и в жизни. Теперь скажу только вообще, что я никогда и сам не имел целью изменения государственных постановлений (и не знал и не видал), чтобы общество, к которому я принадлежал, приняло цель сию. За частные мнения членов я отвечать не могу, тем более, что мнения весьма немногих были мне известны. Даже я редко имел случай и слышать сии мнения, и, например, показания Фон-Визина и Якушкина о изъявлении сей цели в Москве могут относиться к тому времени, когда я в Москве не был, ибо, как я упомянул выше, во время съезда московского, я съездил в Симбирск и в деревню для устройства дел.

Вот относительно цели и средств общества обвинение некоторым образом меня касаться может. К обвинению меня в желании цареубийств, бунтов, мятежей нет никакого основания во всем производстве дела. Против же сего первого обвинения, на показании хотя одного лица основанного, я обязан ответствовать и исполню сие откровенно, не обременяя совесть неправдою.

Ответ мой разделяется на две части: цель общества и цель моя собственная.

---

[1]) Один из подсудимых (Никита Муравьев) в признании своем говорит, что самое существование общества было противно нравственности (стр. 7); рассуждавшие о цареубийстве могут делать такие показания. Но какая сила могла бы меня на минуту удержать в обществе, если б, по вступлении в оное, я нашел, что оно противно нравственности? Мог ли я тогда предвидеть, какие ужасные последствия будут выведены из учреждения, которое я до того почитал ничтожным, что никакая мысль об ответственности не входила мне в голову, об ответственности как перед законами, так и перед собственною совестью?

Имело ли общество целью изменение государственных установлений?

Соображая впечатления, которые остались в моей памяти о том, что я слыхал от различных членов общества, с тем, что я ныне вижу в рапорте Следственной Комиссии, я думаю, что многие члены с каким-то удовольствием думали или, может быть, только говорили о представительных формах правления.

Надеялись ли они достижения сей цели в России, и достижения особенно посредством общества? Сего я никак не могу утвердительно сказать, ибо такой надежды я никогда ни в ком не замечал.

Я утвердительно могу сказать, ни мало не оскорбляя истины, что изменения государственных постановлений не было никогда принимаемо обществом, при мне, целью, не только письменно, но и словесно. Но полагаю теперь, что уже существование общества тайного как будто намекало на такую цель, так что вступавшие могли ожидать или предполагать цель сию. Однако ж, вступив в общество и не видя в нем сей цели, члены часто спрашивали один другого: «Но где цель общества?» На такие вопросы я не слыхивал иных ответов, как: «Старайтесь распространять политические сведения, умножать число членов» [1]). Иные часто настаивали, что целью общества должно быть, кроме сего, помогать друг другу. Ничего не могу сказать о том, какую цель и каким образом различные члены сообщали новопринимаемым членам [2]). Когда я сам вступил в общество, мне также никакой особенной цели не объявляли.

Вот все, что я знал о цели и средствах как самого общества в целости, так и различных членов общества. Ужасные подробности всех действий и намерений различных обществ и членов, которые я узнал из рапорта Следственной Комиссии, наполнили мою душу горестью и какою-то неизъяснимою, мучительною досадою.

Тут впервые узнал я то, о чем не имел даже предчувствия. С кем был я в сношениях, — спрашивал я сам себя, — и в сношениях тайных! Это ненавистное качество т а й н ы должно неминуемо распространиться на всех и на все; тайные злодейства должны заразить и тайные заблуждения. И для чего было покрывать завесою тайны м о и намерения? И, наконец, чего я искал, чего я надеялся от сих тайных сношений? Упреки позднего

[1]) Если тогда уже была принята мысль о возмущении, то для чего было бы членам беспрестанно спрашивать друг друга о цели общества? Для чего говорить о распространении политических сведений? Все сие явно противоречит с мыслью о возмущении. Истина в том, что цель при мне никогда не была положительно определена; а средств при мне не только принимаемо, но и предлагаемо не было никаких, кроме тех, о которых я говорю.

[2]) Впрочем, показания на стр. 8 и 27 рапорта Следственной Комиссии, что к сведению о цели общества приготовляли нововступающих понемногу, относятся: первое, к обществу под названием Союза Спасения, существовавшему прежде Союза Благоденствия, а второе — к новому петербургскому обществу. Ни то, ни другое до меня не касается.

благоразумия теснились в мыслях моих, и всему я находил если не оправдание, то изъяснение в несчастной моей идеи уничтожения рабства, которая точно была моею нравственною болезнию, какою-то лихорадкою, которая мучила меня беспрестанно и не позволяла мне хладнокровно видеть вещи в настоящем их виде. Это ослепление простиралось до такой степени, что хотя я и видел, что имею дело с людьми, по большей части совершенно ничтожными и по молодости и по крайней необразованности; хотя и видел, что одни меня не понимают, другие не хотят понимать, но при всем том я старался извлечь из них пользу для дела, мне священного. «Они молоды, необразованны, думал я, но они — помещики, имеют крепостных людей. Разговаривать с ними для меня скучно, но разговоры мои могут иметь последствием несколько отпускных!» Иногда мне входило в голову, что другие мои знакомые, не принадлежащие к обществу, может быть, не одобряют связей моих с обществом. Но я отвечал сам себе, что без эгоизма я не могу отказаться и от сего скучного средства действовать к цели для меня важной.

После всего может ли показаться невероятным, когда я скажу, что я лично никогда, ни в обществе, ни в жизни, не имел иной цели, кроме освобождения крепостных людей? О предметах политических вообще я сначала слушал разговоры других терпеливо, но под конец я восставал против всех так называемых либеральных мнений, видя, что говорившие только говорят и ничего не хотят сделать для отпуска своих людей. Часто доказывал я им, что в государствах конституционных уничтожение рабства гораздо труднее, нежели в государствах самодержавных [1]). Иногда, слыша критические замечания на счет правительства, я отвечал, что они хулят правительство, а сами достойны хулы всего более, ибо не хотят отказаться от прав на крепостных людей. Правительство, говорил я им, защищает крепостных людей от ваших угнетений. Пусть спросят сего самого Семенова, о показании коего я говорю; не слышал ли он от меня несколько раз всего, что я здесь излагаю. Ему, более нежели кому-либо, я говорил это, ибо через него слышал о том, что говорили другие. Ему мой образ мыслей о всех сих предметах был совершенно известен. Пусть он говорит все, что от меня слышал, пусть говорит о моих мнениях, о моих намерениях. Я ничего не желаю, кроме истины. Не хочу быть в глазах других ни лучше, ни хуже того, чем я был в самом деле. Я готов признать ответственность за все то, чем я был: прошлое не в нашей власти, но не могу ответствовать за то, чем меня делают показания других. Как, в особенности, могу я ответствовать за желание конституций, когда я всегда почитал всякую конституцию не только препятствием к уничтожению рабства, но и сильнейшим укоренением оного. Терпеть

---

[1]) Неоднократно случалось мне говорить в виде сравнения, что представительные формы правления суть десерт, а голодному нужен хлеб, разумея под оным уничтожение рабства крестьян.

за истину есть уже несчастие, но терпеть за то, против чего я сам восставал!

Я откровенно признаюсь в мнениях моих и в смысле моих действий и разговоров касательно уничтожения рабства. Признаюсь, что я жил для сей цели, признаюсь, что жертвовал всем, чем мог, для достижения сей цели,— спокойствием, выгодами и приятностями жизни и даже всем бытием моим, как последствия показали!

Если желание и стремление к сей цели было преступление, если уничтожение рабства есть испровержение государственного порядка, то я виновен. Не могу решить сам сего вопроса, как потому, что при всей чистоте моих намерений я не могу быть судьею в собственном деле, так и потому, что сия цель и стремление к ней слишком владела и управляла мною во всех поступках моих, так что я не могу хладнокровно различить, где останавливается стремление позволительное и где начинается преступное.

Все, что я могу сказать в свою пользу, есть, что мои желания, мои надежды находили иногда некоторое одобрение со стороны т о г о, который, будучи выше предрассудков прочих людей и душею и саном, назначен был, казалось мне, самим небом для избавления России от величайшего несчастия, от единственной преграды ко всем успехам образования, промышленности, богатства. Изложив однажды и невыгоды крепостного состояния в России и некоторые средства к отстранению сих невыгод, и изложив с совершенною свободою и мыслей и выражений, сие рассуждение мое было представлено покойным графом Милорадовичем государю императору. И теперь я осужден оправдываться в деле, где рука злодея прекратила жизнь человека, коему я обязан, может быть, счастливейшими минутами в жизни! Представив мое рассуждение государю императору, граф Милорадович сообщил мне, что его величество имеет несколько подобных планов, что намерен со временем избрать лучшее из всех и что при сем государь император показывал графу печать покойной императрицы Екатерины II, с изображением улья с пчелами, говоря, что это был девиз его бессмертной бабки и будет его девизом для сего дела. При сем граф Милорадович так живо осыпал меня различными ласками, что я принужден был просить его умерить его голос, ибо это происходило в Государственном Совете, и я не желал, чтобы внимание других членов Г. Совета было обращено на предмет, о котором говорил граф. Какие бы бедствия ни тяготили меня, это происшествие будет для меня вечным утешением в моем несчастии!

Изложив все то, в чем я подлежу ответственности касательно цели и средств тайного общества, быть может, строгость правосудия, объявив, что нет по делу ясных доказательств к обвинению меня в умысле испровержения государственного порядка и в средствах цареубийства, бунта, мятежа, не освободит меня от подозрения в таком умысле и в таких средствах. Но и подозрения в преступных намерениях, вовсе и всегда мне чуждых, я снести не могу. И бремя действительной вины так уже

сильно тяготит меня, что только мысль, что мои намерения были всегда чисты, несколько меня поддерживает. Вина моя в заблуждении. Причина заблуждения — одна главная идея, исключительно овладевшая всеми моими мыслями, всеми чувствами; необузданное стремление к сей идеи. Тут и вина, тут и мое несчастие. Должно ли сие несчастие быть увеличено подозрением, которого я никогда не заслужил, даже в минуты самых сильных порывов? Нет! Никогда, никогда никакой злой умысл не входил ни на минуту в мою душу, и посему я не заслужил и, надеюсь, не заслужу никакого подозрения!

Означив роды и виды преступлений, Верховный Уголовный Суд означает различные постепенности по первому, второму и третьему пункту. Так как в приговоре сего Суда обо мне не упоминается о пунктах 1-м и 3-м, то я должен говорить только о втором, т.-е. о бунте. Постепенности в сем случае суть следующие:

1. Учреждение и управление тайных обществ, имевших целью бунт, приготовление способов к бунту или назначением к тому срочного времени, или составлением планов, уставов, конституций, прокламаций, форм присяги, или возбуждением и подговором нижних чинов.

Если принимать сие изложение в строгом, буквальном смысле, т.-е. признать, что только те общества виновны, кои имели целью бунт, то сие обвинение до меня касаться не может, ибо нигде во всем производстве дела никто не показывает, чтобы то общество, к которому я принадлежал, или даже новое петербургское общество (коего почитают меня восстановителем) во все время, покуда я находился еще в России, имело целью бунт. Если же некоторые члены и старого общества и в то время, когда я принадлежал к нему, имели цель сию, то я оставался чужд их намерениям, и вообще никто не показывает, чтобы я участвовал в таких намерениях по какому бы то ни было обществу.

Впрочем, я не учреждал и не управлял никаким обществом. Если сюда же относится восстановление общества, то в сем хотя меня и обвиняют, но сии показания опровергаются обстоятельствами, числами, неопределительностью и противоречием показаний между собою. Все сие я изъяснил выше. Вина моя состоит в том, что я принадлежал к обществу тайному, но не имевшему целью бунта. Сие ясно видно из самого рапорта Следственной Комиссии. Итак, для сей моей вины нет категории в решении Верховного Уголовного Суда, и в сем отношении я повергаю и вину и участь мою правосудию и великодушию государя императора.

Равномерно по всему же производству дела нет никаких против меня показаний касательно приуготовления способов к бунту, назначения срочного времени, составления планов, уставов, конституций, прокламаций, форм присяги и подговора нижних чинов.

Здесь я должен упомянуть, что не только я сам ничего подобного не составлял, но никогда не читал, и не видал, и не слыхал о проектах

конституций, составляемых, как видно по рапорту След. Комиссии Пестелем, Муравьевым, Трубецким [1]).

2. Деятельное участие в сем умысле, когда он уже был основан другими, участие или распространение возмутительных сочинений и пр.

Никто на меня не показывает сочинения чего-либо возмутительного. Показание Митькова о том, что у него читали одобренную в семи мою записку о средствах получить конституцию, не может быть отнесено сюда, ибо Митьков не говорит, чтобы сия записка была возмутительная. Впрочем, я объяснил выше неосновательность сего никем неподтвержденного показания. Теперь же присовокупить должен, что я даже и не читывал никогда подобных сочинений.

3. Участие в сем умысле распространением обществ или посредством привлечения товарищей, или принятием поручений.

Я изъяснил, что Митьков, коего принятие в общество на меня показывается, знал об обществе прежде и не чрез меня, что я отговаривал ему вступать в общество и что все мои действия в сем отношении ограничиваются тем, что я дал ему прочесть Зеленую книгу, после чего я никогда даже и не видал Митькова по обществу. Никакой цели, никаких умыслов я Митькову не сообщал. Принятие Миклашевского и Толстого я также объяснил, но и тут не могло быть участия в умысле бунта, ибо показывающий на меня сие принятие говорит, что не знает, был ли и устав общества, в которое я сих членов, по его словам, принял. По рапорту же Следственной Комиссии видно, что в это время и общество новое еще образовано не было, а старое было разрушено.

Таким образом и здесь вина моя не подходит под категорию, судом постановленную, и участь моя и в сем случае должна зависеть единственно от воли государя императора.

Что касается до принятия поручений, то в сем случае есть два показания против меня: 1) поручение ехать в Москву и 2) поручение издавать журнал.

По поручению или по собственному вызову я поехал в Москву, это не изменяет виновность. Но результат поездки должен несколько уменьшить сию виновность, ибо самое общество было разрушено.

Издание журнала мне никто не поручал. Впрочем, если бы и было такое поручение, то оно не было исполнено, ибо журнала не было издаваемо. Показание, что издание журнала было поручено мне обществом,

---

[1]) Здесь представляется новое доказательство, как мало я был в тайных сношениях с прочими членами. Трубецкой еще при мне возвратился из чужих краев; Муравьева я довольно часто видал даже и тогда, когда уже не думал об обществах, но ни один из них никогда не сообщал мне своих проектов, хотя бы, по роду моих занятий, казалось, что мне они скорее бы должны были сообщить сии проекты, нежели прочим. Не показывает ли сие также, что сии сочинители конституций полагали, конечно, что я не разделял в сем отношении их мнений?

о коем говорится в примечании на стр. 18 рапорта Следственной Комиссии, я изъясняю тем, что показавший сие, зная, что я принадлежал к обществу, мог думать, что я действую по поручению общества. В сем показании, никем, впрочем, не подтвержденном, говорится также, что, кроме журнала, общество намеревалось действовать на общее мнение посредством песен, карикатур и хотело для сего иметь литографию за границей и тайную типографию. Я на сие могу только сказать, что я никогда не слыхал никаких предложений ни о песнях, ни о литографиях и типографиях. Журнал же я предполагал публиковать не иначе как публикуются другие журналы.

4. Участие в умысле, но без согласия на меры жестокие или даже и с противоречием оным.

Не слыхав никогда ни от кого о сем умысле, я не имел случая ни изъявлять согласия, ни противоречить. Единственное против меня показание Рылеева, что я изъявил согласие на вывоз императора за границу, Верховным Уголовным Судом не принято во внимание и теперь опровергается сличением чисел.

5. Участие в учреждении тайных обществ, впоследствии не только изменившееся, но и сопровождаемое совершенным отступлением от оных.

Я не участвовал в учреждении, но вступил уже в учрежденное общество, которое после было уничтожено. В новое общество я не вступал и, наконец, за два года до происшедшего бунта не был даже и в России и в это время ни с одним из бывших членов общества не был ни в какой переписке.

6. Полное знание сего умысла, хотя без всякого действия.

Нет ни одного показания в деле, чтобы я знал не только вполне, но даже и малейшею частию умысел бунта.

7. Неполное знание сего умысла, особенно же жестоких его мер, с принятием или без принятия членов.

Нет ни одного показания, чтобы я знал или слыхал о каких-либо жестоких мерах. Показание Рылеева опровергается числами.

Во всех сих статьях я ищу вины моей — и не нахожу нигде. Итак, действительная вина моя еще не определена.

Далее суд излагает, что вины подсудимых у с и л и в а ю т с я: тяжкими последствиями зловредного примера, разрушением воинского порядка, кровавыми действиями некоего буйственного рассвирепения. Все сие до меня касаться не может.

Что, напротив того, вины ослабляются: 1) признаками раскаяния, как-то: совершенным удалением от участия в тайном обществе, изменением его видов и отступлением от жестоких его предназначений; 2) особыми поступками некоторых подсудимых; 3) скорым и чистосердечным признанием при следствии; 4) наконец, юностью лет.

Видя из сего, что даже и вина, в умысле бунта состоящая, ослабляется совершенным удалением от участия в тайном обществе, могу ли

я не надеяться, что моя вина, в принадлежности к тайному обществу состоящая, но непричастная никакому умыслу бунта, будет также уменьшена совершенным моим удалением от тайного общества, удалением, явствующим по крайней мере из отъезда моего за границу за два года до бунта. Конечно, я сознаюсь, что не раскаяние побудило меня ехать за границу и даже что не раскаяние побудило меня оставить все тайные сношения гораздо прежде сего отъезда. Нет! первое чувство истинного, глубокого раскания родилось во мне не прежде как тогда, когда из рапорта Следственной Комиссии узнал все ужасы тайных обществ. Прежде я не только не чувствовал виновности своей, но почитал общество делом ничтожным и даже ребяческим, и заблуждение, ослепление сие, простиралось до такой степени, что, когда впервые я узнал о возмущении, я и тогда не воображал, что оно произошло или даже могло произойти от тайных обществ! Если меня будут осуждать за сие ослепление, то я ничего не имею сказать в свое оправдание, ибо это истинно и справедливо. Я никогда не воображал, чтобы то, что я знал о обществах и о членах, могло иметь когда-либо такие ужасные последствия! [1])

Часть третья.

Соображения.

В продолжение моих изъяснений я старался показать, ссылаясь на производство всего дела, в рапорте Следственной Комиссии изложенное, что оно не представляет доказательств достаточно ясных и несомненных к обвинению меня в намерениях злоумышленных, в намерениях убийств и бунтов. Не могу не надеяться, что, несмотря на горе и смущение, не позволяющих мне сделать более правильных изъяснений, несмотря на прошествие нескольких лет, изгладивших из моей

---

[1]) В подкрепление и изъяснение того, что я говорю выше о различии эпох и отраслей общества, не могу ли я — даже для собственного моего утешения — сослаться на самое пространство изложения в рапорте Следственной Комиссии о каждой из эпох и отраслей общества? Рапорт сей изложен на 88 страницах. Из сего числа только 10 (от 12 до 21) посвящены изложению о Союзе Благоденствия, к коему я принадлежал; 2 (23—24) — изложению о московских совещаниях; 3 (26—28)—о новом обществе в Петербурге, до времени моего отъезда за границу. Итак, пять шестых частей всего производства дела нимало до меня даже не может касаться или по совершенной неизвестности, или по причине отсутствия. И изложение о той эпохе, которая до меня касается, не только отличается краткостью, но и меньшею значительностью обстоятельств. В сем изложении (12—21) содержится и устав Союза Благоденствия и описания некоторых совещаний. Все ужасы и злодейства принадлежат к другими эпохам или обществу Южному, коего планы и действия вовсе были мне неизвестны и в коих никто меня не обвиняет. Сие обстоятельство, не оправдывая тайного общества ни в какую эпоху, показывает, однако же, что общество в то время, когда я к нему принадлежал или даже мог принадлежать, по самому изложению происшествий, не было так виновно, как другие или во время моего отсутствия из России.

памяти все с тайными обществами сопряжённое, и сии изъяснения будут, по крайней мере в сем отношении, успешны. Но надежда моя, сильная внутренним чувством совести, простирается далее: я ищу отстранить от себя и малейшее подозрение в таких намерениях. Но как отстранить подозрение, когда я сам признаю вину свою в принадлежности к тайному обществу? Это, конечно, трудно, но не невозможно. Это даже должно быть возможно, ибо отстранение т а к о г о подозрения будет только утверждение истины. Истина всегда м о ж е т торжествовать, хотя и не всегда торжествует. В подкрепление слов моих да позволено мне будет представить некоторые соображения, кои могут показать, что все, что я говорю о неучастии моем в злоумышленности, имеет гораздо более основательности и правдоподобия, нежели сколько можно предполагать при первом взгляде на все дело. Облегчив душу и признанием вины и отстранением обвинений не заслуженных, я тем с большею доверенностию буду излагать сии соображения, что уверен, что и для судей и для людей вообще, по самому свойству сердца человеческого, легче возвратиться к мнению выгодному о человеке, коль скоро есть сомнение в виновности и правдоподобие в невинности, нежели продолжать питать мнение невыгодное, когда обстоятельства обвинения уже изменились и когда нет тех ясных причин для осуждения, коих требуют законы человеческие и еще более закон христианский.

Как, скажут мне, посреди всех этих ужасов, изъяснение коих утомляет и душу и воображение каким-то омерзением, как случилось, что я во всех сих ужасах не только не участвовал, но и не знал о них совершенно ничего? Я был в сношениях, и в сношениях тайною покрытых, с злоумышленниками; в чем же состояли сии т а й н ы е сношения, если не в участии в сих преступных замыслах?

Вот изъяснение сей невероятности:

Прежде всего я скажу, что при всех недостатках и пороках моих я никогда не питал в душе моей ничего злодейского. Всякое злодейство, всякое гнусное дело, даже всякая несправедливость наполняли душу мою сильным негодованием. Напротив, я всегда, особливо в молодости, питал любовь или сильное доброжелательство к людям вообще; пламенно любил добро и с каким-то энтузиазмом, может быть, чрезмерным, обожал справедливость, правду. Вследствие сего, с одной стороны, я, естественно, предполагал те же чувства, в большей или меньшей степени, в людях вообще, особливо же в тех, кои говорили о пользе общей, о благе общем. Веря добродетели, я верил и людям, говорившим о добродетели. Недоверчивость к людям рождается с летами и с несчастливою опытностью. Сначала, в молодости, те только не верят людям, кои ничему не верят. С другой стороны, сии мои чувства и изъяснение оных долженствовали препятствовать и предупреждать других сообщать мне что-либо, противное оным.

В сем расположении мнений и чувств я узнаю людей, соединившихся особенною связью, дабы действовать общими силами для пользы не своей собственной, но для пользы общей [1]). Сии люди показывают мне правила [2]), по коим они действуют или желают действовать. В сих правилах я нахожу только один недостаток: слишком обширное пространство круга действий. Но, думаю я, если сотая часть их предположений исполнится, то и то хорошо. Я не видел никакой причины отказаться от предложения, мне сделанного, вступить в связь сию. Напротив, я видел для себя лично особенный повод для вступления: в уставе говорилось и об изложении правила государственного хозяйства. Сим предметом я занимался более прочих, кого я знал тогда в России, и предполагал, что мое содействие в сем отношении должно быть особенно полезно. Ни малейшая догадка, никакое подозрение злоумышленности не могло войти мне в голову. Я не находил в уставе, ни от людей, оный мне сообщивших, не слыхал ничего такого, что могло бы произвести во мне такое подозрение. Теперь я вижу, что прежде сего устава, прежде сего Союза Благоденствия, был уже другой устав, был другой союз, были даже замыслы на цареубийство, на бунты. Но участвовавшие или знавшие о сих уставах, о сих замыслах хранили их от меня в тайне. И что могло бы их побудить сделать меня участником сих тайн? Находили ли они во мне что-нибудь такое, по чему они могли бы заключить, что я одобряю такие умыслы или даже, что я хладнокровно услышу сообщение таких умыслов?.. Не знаю теперь, должен ли я благодарить судьбу за то, что она сохранила меня не только от знания и от подозрения сих замыслов. Не полезнее ли было бы для меня, еслиб я в самом начале узнал и о злодейских правилах и о злодейских замыслах? Не знаю! Душа моя чиста, и я не страшусь видеть во всем волю провидения, и, не зная, что было бы для меня полезнее, я обязан благодарить небо за сохранение меня, столь явное, и от участия, и от всякого сведения всего, что в общем деле есть злодейского, злоумышленного. Не могу даже не признать в сем сохранении явного покровительства свыше. Провидение меня сохранило! Самые злоумышленники пощадили меня от сообщения мне их преступных замыслов! Неужели мои судьи... Нет, в спасении прошедшем я вижу залог спасения будущего, признание полной моей невинности в каких бы то ни было з л ы х умыслах!

Вступив в общество, я скоро увидел, что оно ничего не делает; познакомясь покороче с некоторыми членами общества, я убедился,

[1]) Теперь первоначальные учредители сей связи говорят, что честолюбие было не чуждо их намерениям. Я не могу, может быть, освободить себя вовсе от собственных упреков в честолюбии, но могу сказать, что честолюбие никогда не было побудительною причиною моих действий. К тому же я никогда не видал и не мог видеть пищи для честолюбия иначе как в службе государственной; и так как мои планы и надежды по службе не были никогда неумеренны, то в удачах, кои мне по службе встречались, я находил даже более, нежели сколько ожидал, и сколько мог благоразумно ожидать.

[2]) Сии правила изложены в так называемой Зеленой книге.

что почти все они и не в состоянии ничего делать. Но вместе с сим я видел, что если они не могут действовать, по недостатку средств и образованности, то по крайней мере они расположены ко всему полезному, показывают большую охоту к занятиям, к учению, читают книги, желают заведения школ и т. п. Мне казалось, что если они не будут полезны для других, то найдут пользу для себя. Многие спрашивают моих советов о книгах, о предметах занятий. Я давал сии советы; но, видя, что недостаток приуготовительных сведений не позволяет им приобрести много пользы из книг, кои и понимать им будет трудно, я решился облегчить для них занятия изложением первоначальных правил политики общей. Для сего я начал переводить одну из моих тетрадей, написанную мною при слушании лекций о политике в Геттингене, лекций, с коих начинают свое ученье все посвящающие себя наукам политическим. Сим переводом я занимался несколько времени; но так как сношения мои с членами общества становились со временем реже и реже и, наконец, прекратились, то я оставил перевод, и сие намерение мое не имело никакого результата.

Между тем я присутствовал на некоторых совещаниях. Со вступления моего в общество до уничтожения оного в Москве, едва ли таких совещаний, где я был, было более пяти. Обыкновенно повод к сим совещаниям для меня состоял в том, что секретарь общества, Семенов, приходил ко мне и говорил: «Оболенский и другие члены, особенно офицеры Измайловского полка, жалуются на недеятельность общества и особенно на Никиту Муравьева. Я говорил о сем Муравьеву,—продолжал Семенов,—положено собраться в такой-то день у Муравьева». В другой раз Семенов говорил: «Положено собраться у Колошина, у Глинки». Но причина собраний всегда была одна и та же: жалобы различных членов, между коими всего чаще слыхал имя Оболенского. Вследствие сего собирались на совещания. Жаловались на худое устройство общества; но так как никто не мог придумать лучшего, то скоро разговоры об обществе прекращались и переходили к общим предметам: один сообщал газетные новости о камере депутатов во Франции, хвалил новую книгу Прадта, Констана, другой читал новые стихи Пушкина, третий смеялся над цензурою журналов и театров и пр. и пр.

В одном из сих так называемых совещаний, на которых, впрочем, никогда не было ничего решаемо, я предложил вменить всем в обязанность отпускать крепостных людей на волю. Все приняли мое предложение. Но охота, с которою оно было принято, происходила, думаю, более от того, что члены как будто рады были, что, наконец, явилось хотя одно предложение и что, наконец, состоялось хотя одно постановление: так что по крайней мере хотя одно совещание имело цель и результат. Я надеялся, что мое предложение не только будет превращено в постановление, но и исполнено. Исполнения никакого, однако же, не было, и когда впоследствии Семенов являлся ко мне с сообщениями, что члены жалуются на недеятельность общества, то я отвечал, что они

сами не исполняют собственных своих постановлений. После сего сношения мои совершенно прекратились.

Вот единственное совещание, о котором я могу привести какой-нибудь ф а к т. Все прочие не имели иного повода, кроме жалоб на недеятельность общества, и совершенно никакого результата. К сему же времени должно относиться и совещание, о котором говорит Пестель. Я помню, что видел однажды Пестеля в это время; помню, что нередко говорили о различных формах правления, вспоминаю и собственную свою шутку, при которой я сказал что-то: б е з ф р а з, в ответ, вероятно, на слова другого. Но как верить Пестелю, что было совещание о том: «какой образ правления надлежит ввести в Россию?» Откуда могло вдруг родиться такое предложение, когда во всех совещаниях до того времени говорили только о том, как устроить не Россию, а Союз Благоденствия? Может быть, о введении форм правления и особливо республиканского в России Пестель рассуждал с некоторыми членами частно, что весьма вероятно, ибо они рассуждали о цареубийстве! Одно совещание, обществу чуждое, он мог смешать с другим. Но как на совещаниях наших от устройства общества, от отпускных можно было перейти вдруг к предмету о введении республиканского правления в России? Такая чудовищная невероятность была бы достаточна для уничтожения показания Пестеля, если б оно и не было именно опровергаемо другими членами.

Здесь я должен изъяснить, что большую часть членов, коих я встречал на совещаниях, я нигде более не встречал. Вне совещаний я виделся только с весьма немногими. С одним, Никитою Муравьевым, я видался в его доме, где по воскресеньям бывал на обедах. У него видал Трубецкого и двух других Муравьевых, также Лунина. О обществе, во время таких свиданий, не говорили, как потому, что мы бывали тут не одни, так и потому, что и нечего было говорить и что и на совещаниях разговоры о обществе наводили на всех скуку и потому скоро были оставляемы. Кроме сего, я виделся, хотя и реже, еще с двумя членами: Глинкою и Бригеном. Поводом моих с ними свиданий было, конечно, не общество, но привязанность, которую я к ним имел лично. Первый вообще мало думал об обществе, быв занят размышлениями иного, высшего рода. Последний посвятил все свое время чтению книг, учению, и от него я никогда не слыхивал о обществе и о различных членах ничего, кроме насмешек и шуток, показывавших совершенное его убеждение в ничтожности общества и в истинном ребячестве большой части членов.

Многих членов я совсем не знал и слыхал о них только от Семенова. Вообще члены общества, сколько я могу судить, более знались между собою, так сказать, отдельными обществами, так что все общество разделялось на несколько отдельных отраслей. Иные жили вместе, иные были связаны приязнию. Я более всего слыхал о Оболенском и о некоторых офицерах Измайловского полка, коих и имен теперь не помню.

Приняв все сие в соображение, может ли еще казаться невероятным, странным, что я почитал общество ничтожным, ребяческим? Где признаки, по коим я мог бы находить общество опасным? Где мог я тогда заметить семена зловредные, произведшие такие ужасные последствия? Если даже некоторые члены буйностью разговоров могли уже обещать буйность действий; но таких разговоров я не слыхал ни на совещаниях, ни на частных свиданиях. Я утвердительно думаю, что надлежало бы иметь необыкновенное предвидение, дабы быть в состоянии предвидеть тогда, что случилось после. И я ли один почитал общество ребяческим? Не разделяли ли сего мнения и многие другие?

Я, с своей стороны, также не подавал повода другим сообщать мне какие-либо злые помышления. Человек, носящий в сердце злой умысел, не всякому будет сообщать его. Он не прежде откроет тайну, как когда найдет вероятность, что тайна его будет принята или выслушана по крайней мере хладнокровно. Но где была сия вероятность для злоумышленников относительно ко мне? Они видели, что я хлопочу о рабстве, об уголовном судопроизводстве, о присяжных, о банкротском уставе, о процессах; слышали от меня неоднократно, что главною целью всех должно быть уничтожение рабства, что в государствах конституционных уничтожение рабства гораздо труднее, нежели в государствах самодержавных, что состояние рабов всегда тягостнее в государствах конституционных, нежели в самодержавных; что рабство с большею удобностью уничтожается в сих последних, нежели в первых; они знали, наконец, и личную мою приверженность к покойному императору, и причину сей приверженности... с чего они могли вздумать сообщать мне умыслы о бунтах, о убийствах? С чего сообщать мне проекты своих конституций? Было ли хотя какое-либо соотношение между моим характером, мнениями, заключениями, разговорами и такими их злодейскими или безумными предположениями? Как даже мог бы я говорить то, что я говорил, еслиб знал или подозревал, что те, кому я говорю, решились уже на революцию? Еслиб я видел, что другие решились употребить средство революции, или если я сам почитал это средство нужным, еслиб я даже помышлял об этом средстве, не странно ли, не смешно ли было бы с моей стороны предлагать освобождать крепостных людей? Решившись на бунт, мог ли бы я думать о сем средстве освобождения, столь далеко отстоящего от бунта, и в столь противном направлении? Мог ли бы я говорить «давайте отпускные, представляйте правительству просьбы об отпуске крестьян на волю», людям, кои уже решились бунтовать войско?

Все сие изъясняет, почему никто мне ни о чем злоумышленном не говорил, почему я остался и посреди злоумышленников непричастным злоумышлению.

Но дабы более удостовериться в невероятности и даже в невозможности моего участия с злоумышленниками, пусть примут в соображение следующее:

Еслиб я хотел революции, бунтов и т. п., то зачем было бы мне толковать о чтении книг, о распространении сведений политических? Чем более человек совершенствуется в образовании, особенно политическом, тем более он должен удостоверяться в непрочности перемен, насилием произведенных. Еслиб я желал революции, то я говорил бы другим: угнетайте мужиков, мучьте солдат, возмущайте, раздражайте всех против правительства. Но я говорил всегда противное. Еслиб я желал революции, то зачем было бы мне, сверх дел по службе, заниматься изложением правил для улучшения уголовного судопроизводства, составлением проекта коммерческих законов? Еслиб я желал революции, то как мог бы я показывать такую деятельность по службе, как мог бы стараться, чтобы дела текли правильно и скоро? Желая революции, я долженствовал бы делать противное и неисправным течением возбуждать негодование. Еслиб, далее, я желал бы в каком бы то ни было смысле действовать посредством тайных обществ, зачем было бы мне отказывать Лунину и Муравьеву соединиться с ними, Пестелю — восстановить общество и соединить оное с Южным, Оболенскому и другим — участвовать в образовании нового общества?

Имев, напротив того, одно желание: содействовать освобождению крестьян, откуда я мог более надеяться сего: от общества или от правительства? Члены общества, как опыт доказал мне, не могли сделать в сем отношении совершенно ничего. Напротив, правительство в это время уничтожило рабство в трех губерниях: государь император в решениях дел сего рода всегда склонялся более на сторону освобождения и одобрял собственные мои представления о сем предмете. Итак, я смотрел на престол монарший, как на источник, откуда исполнение всех моих желаний произойти долженствовало. Но под конец мысли мои о сем предмете если не изменились, то весьма ослабились, ибо занятия по службе и болезнь, не позволяли предаваться моим мечтаниям; так что я, наконец, даже перестал говорить о сем предмете, особливо после слов, сообщенных мне от имени государя императора.

Я хотел революции! Я, который говорил, что если есть в России что-либо похожее на элемент революции, то сей элемент есть единственно крепостное состояние несколька миллионов. Желанием, целью моею было: отстранить сей элемент революции, — и я мог хотеть революции! Все дела мои ограничиваются советами отпускать людей на волю, и я мог знать, что даю сии советы тем, кои желают революции! И я мог давать советы, противные их намерению!

Пусть теперь войдут в тогдашнее мое положение и решат далее: мог ли я находить, наконец, какую-либо приманку в обществе, какую-либо причину поддерживать или усиливать мои связи с членами общества по обществу? Не видав злодейства, что, кроме ребячества, мог я видеть в тех, кои еще хлопотали, ажитировались в бесплодном кругу тайных действий? Те, коих я почитал более благоразумными, с коими был связан некоторою приязнию, как то: Глинка, Бриген, совершенно разде-

ляли в сем отношении мое мнение [1]). Никита Муравьев также изъявлял всегда такое же мнение о ничтожности обществ, о ребячестве членов, еще надеявшихся что-либо сделать из общества. Я никогда не сомневался в искренности сего мнения. Теперь нахожу его признание, что членам, отставшим от общества, говорили другие, что общество действительно распадается и пр. Обманывал ли он и меня такими словами? Не могу сказать утвердительно. Вижу только, что и в других случаях Муравьев скрывал от меня многое.

Таким образом, никогда не ожидав чего-либо важного, я мало-помалу начал не ожидать ничего совершенно от общества, прекратив все сношения с членами. Я тем легче мог таким образом отстать от общества, что в это время — и по рапорту Следственной Комиссии сие ясно видно — общество было в упадке, в расстройстве. Тогда приехал в Петербург Фон-Визин и говорил мне и другим, что общество ничего не делает, что надобно его или вновь устроить, или уничтожить. Эти действия и слова Фон-Визина также показывают ничтожность общества в то время. Я поехал в Москву. Общество было там уничтожено. Некоторые показывают, что сие уничтожение последовало для того, что хотели удалить многих охладевших к обществу членов.

Но никто в Москве сего намерения не изъявлял, а говорили вообще, или что общество бесполезно, что трудно или невозможно устроить новое, или что в настоящее время существование общества может быть сопряжено с опасностью, как потому, что правительство обратило внимание на тайные общества, на масонство, так и потому, что множество членов от общества отстали, и хотя ни один не доносил на общество, вероятно, чувствуя ничтожность общества, но что за будущее ручаться нельзя. Но если общество было уничтожено, если напоследок были отстранены все предложения устроить новое общество, то, конечно, главною причиною сему было: внутреннее убеждение всех бывших в Москве, что общество ни к чему служить не может.

Здесь я должен сказать, что совещания в Москве имели вид более серьозный и не походили на пустословные совещания в Петербурге, особливо под конец, когда многие уже разъехались. И если я сам когда-либо рассуждал серьозно о обществах, то это единственно в Москве. В начале некоторые как будто совестились соглашаться на уничтожение общества, но окончательным результатом совещаний было уничтожение общества и отстранение предложений к новому устройству общества.

Возвратившись в Петербург, я оставался в России около трех лет. На меня показывают, что я, по возвращении в 1821, начинал составлять общество и принимал членов. Я изъяснил, что можно разуметь под сим принятием в общество, еще не составленное.

---

[1]) Изложение сего моего убеждения в первой моей записке особенно возбудило против меня негодование. Но пусть спросят других, о коих я говорю. Не почитали ли и они, так же, как я, общества делом ничтожным, ребяческим? Я не выдумал сего мнения: оно существовало и было мне обще со многими другими.

Далее Никита Муравьев показывает, что я с ним и Оболенским учредил новое общество, а Оболенский тут же показывает, что я отказался от места правителя. Сие показание Муравьева, сколь оно не определительно, ослабляется явною несправедливостью других его показаний и противоречием. К тому же он, говоря, что я восстановил общество, ничего не приводит ни о моих действиях, ни о моем участии, ничего, что могло бы указать на мое участие в восстановлении общества. Но, не видя и тени справедливости в сем показании, я не могу изъяснить оного.

Более сих нет на меня других показаний за сие время, кроме таких, кои и судом оставлены без внимания. Никто не говорит, чтобы я каким-либо образом участвовал в обществе, чтобы я делал предложения, разделял мнения и т. п. Никто даже — кроме меня самого — не показывает, чтобы я был при каком-либо совещании.

В начале сего времени, т.-е. от 1821 до 1824 г., я слыхал, что некоторые члены толкуют о новом устройстве общества и, как изъяснил выше, сам говорил о сем однажды с Оболенским, Семеновым, Миклашевским, в другой раз с Никитою Муравьевым и Луниным, но сии разговоры не имели результата для меня и иметь не могли, ибо я тут не изъяснял желания основать общество, а, напротив, отказывал в сем и Оболенскому и Муравьеву с Луниным. После сего я ни с кем и не говаривал ни о каких обществах и почти никого не видывал из бывших членов, покуда приехал в Петербург Пестель. Все сие изъяснил выше.

Что между тем, и именно в конце 1822, общество устроилось, было мне неизвестно. И еслиб я участвовал в обществе, еслиб я основал общество, то неужели никто в течение двух лет почти — с 1822 до 1824 г. — не нашел бы чего-либо сказать о моем участии в обществе?

Где же доказательства, что я принадлежал к обществу? [1])

Я изъяснил выше, почему я не узнал, быв даже на совещании (по предложениям Пестеля бывшем), что общество устроено. Я думал, что это совещание не имеет иного предмета, как дать ответ Пестелю на его требования, ко многим из бывших членов обращенные. И сам Пестель, быв у меня, уговаривал меня: не с о е д и н и т ь у с т р о е н н о е петербургское общество с Южным, а остаться в России у с т р о и т ь новое общество и соединиться с Южным. Пестель говорил мне об устройстве общества. На совещании я слышал об устройстве общества. Откуда же я мог узнать, что общество б ы л о у ж е устроено? Еслиб я даже подозревал, что общество было уже устроено, то простое любопытство заставило бы меня спросить по крайней мере при сем случае: есть ли общество? с каким уставом? с каким устройством? кто в нем?

---

[1]) За сие время, то-есть за время от восстановления общества до выезда моего за-границу, по всему производству дела нет ни одного показания против меня в каком бы то ни было отношении. Где же мое преступление по новому обществу, когда нет не только обвинений, но и показаний? Может ли после сего иметь какое-либо вероятие голословное, ни на что не ссылающееся, показание Никиты Муравьева, что я был одним из восстановителей общества?

Но я так далек был от мысли об устроенном обществе, что даже и сделать сего вопроса не приходило мне в голову, ни при сем совещании, ни после!

В сем состоянии моих мнений я оставил Россию. Убеждение мое было: что не только я не принадлежу ни к какому обществу, но что в Петербурге и общества никакого не существует. Я даже не думал тогда, чтобы какое-либо общество существовало в России. Пестель мне говорил, что его общество состоит только из пяти или шести человек — я не мог видеть в сем общества. О других обществах, в рапорте Следственной Комиссии описываемых, я не имел никакого понятия. Слыхал прежде, что есть другие общества, но не верил слухам.

Но откуда, спрашиваю теперь сам себя, родилось общее мнение, столь для меня невыгодное? Я знаю, что и прежде в глазах многих людей я слыл каким-то буйным либералом, якобинцем. Конечно, разговоры мои могли сему способствовать: я всегда говорил все, что думал, а часто и то, о чем мало думал. Но, при всей неосторожности, одни разговоры не могли основать сего мнения, ибо я весьма мало жил в свете, мало обращался с людьми. Сие показывает мне, что я должен искать главной причины сему невыгодному мнению в моей книге. В ней я излагал смелые (и отчасти такие, коих не изложил бы теперь) мнения и о рабстве, и о разных других предметах политических. Читавшие сию книгу могли, естественно, думать, что если я публикую такие мнения, то другие мои мнения, коих я не могу публиковать, должны быть еще смелее, непозволительнее. Но истина в том, что не только я не имел ни прежде, ни после мнений более смелых или далее простиравшихся, но, напротив, впоследствии мои мнения сделались гораздо умереннее. Впрочем, я не имел и нужды скрывать никаких мнений, ибо цензура не показывала тогда никакой строгости в пропуске книг.

С другой стороны, однако же я знаю, что многие из тех, кои знали меня короче, не одобряя моих мнений, почитали меня человеком честным. И сам покойный император в самое время гнева на меня говорил, что я честный человек.

Я виновен в участии в тайных обществах. Но вина моя не в намерениях. Где доказательства, где вероятность, что я участвовал в умыслах преступных? Если я преступник неумышленный, то я оправдываться не могу. Но самое слово п р е с т у п л е н и е неразлучно сопряжено с н а м е р е н и е м п р е с т у п н ы м. Не имев никогда намерений преступных, мог ли я быть преступником?

Преступником з л о у м ы ш л е н н ы м я никогда не был; сие видно по всему делу. Нет ни одного не только доказанного, но хотя несколько правдоподобного показания, чтобы я участвовал в каких-либо злых замыслах. И даже общество, к которому я принадлежал, сих умыслов не имело. Говорят ли и те лица, кои приписывают мне основание нового общества, что я основал его с целью бунта? Говорят ли те, коих я принимал в общество, что я им сообщал цель бунта? Делает ли

меня кто-либо участником этой громады злых умыслов, в коих все и вполне признаются?

В обвинениях уголовных нельзя всего основывать на словах и на мнениях других. Надлежит, чтобы и со стороны обвиняемого были какие-либо факты, ясно доказывающие его преступление. Что доказано против меня?

1. Что я принадлежал к тайному обществу, которое имело уставом Зеленую книгу. В сей книге преступной цели не было, и вообще тайные общества тогда еще запрещены не были, следовательно, и существование сего общества, с уставом без преступной цели, не было преступлением. Один только показывает, что целью, хотя не объявленною, но сокрытою, сего общества было изменение государственного порядка; средствами же не бунт, не цареубийство, не мятеж.

2. Что я сообщил Митькову Зеленую книгу, с советом однако же не вступать в общество. Сие общество было уничтожено самими членами, и я участвовал в сем уничтожении.

Участие мое в сем устройстве нового общества никем и ничем не доказано. Показания, сделанные в сем отношении, не имеют, как я изложил выше, силы доказательства несомненного.

Если по уничтожении общества я могу быть в чем-либо обвиняем, то это в том:

3. Что я сообщил некоторым лицам, из коих некоторые не принадлежали к прежнему обществу, то, что было делано, решено, предлагаемо в Москве при уничтожении общества.

После сего может еще быть сочтено обвинением:

4. Случайное присутствие мое на совещании, на котором отказано Пестелю в его предложениях, но о котором, кроме меня самого, никто на меня не показывает, так что другие, вероятно, и не почитали сего, так как и я сам, настоящим совещанием.

Самую же вину можно в коротких словах изобразить следующим образом:

Я вступил в общество уже устроенное, но не преступное, и содействовал к его уничтожению. В устройстве новых обществ хотя не участвовал, хотя не вступал в сии общества, но знал и слыхал, что некоторые лица хлопочут об устройстве новых обществ. Никогда, однако же, не знал, не слыхал и не подозревал, что бы новое общество было устроено.

Вот истинные обвинительные пункты, вот истинная вина, кои до меня касаться могут.

Я не оправдываю себя в вине, но должен всеми силами души оправдываться от злоумышленности, никогда в сию душу не входившей, ни в виде намерения, ни в виде заблуждения.

И что доказано против меня злоумышленного по принадлежности моей к обществу? Совершенно ничего! Нет никаких доказательств, чтобы я желал бунтов, чтобы я советовал бунтовать, чтобы я когда-либо говорил о бунтах. И всего этого не только не доказано, но никто на меня сего и не показывает. И в чем состоят самые показания против

меня касательно моих намерений, моей злоумышленности? Все сие состоит в приписываемой мне Пестелем бессмысленной фразе, не подтверждаемой другими! Итак, во все продолжение пребывания моего в России злоумышленное участие мое, и участие д е я т е л ь н о е, в тайных обществах не представляет иных признаков, кроме искаженной, недоказанной, опровергаемой другими шутки.

Неужели в течение нескольких лет, еслиб я был злоумышленником, неужели самые подробные показания, самые полные признания не могли представить против меня чего-либо более? Неужели, еслиб я имел какое-либо понятие о всех ужасах и злодействах, в рапорте описываемых, мое участие в сих злодействах могло быть сокрыто?

Забыв общество, забытый — по крайней мере я так думал и имел причины думать — бывшими членами общества, я оставил Россию. Через два года после моего отъезда бунт изумляет Россию и свет — и дерзостью и безумием предприятия. При известии о бунте мне и на мысль не приходило приписывать его какому-либо обществу. Меня требуют к ответу. Я не явился. Приговор смерти и каторги произнесен надо мною. Но где истинная вина моя? В преступных замыслах или в неявке? Если неявка была причиною приговора, то виновность очевидна; и я оправдываться не могу. Если, как сказано в приговоре, что неявкою я подтвердил сделанные на меня показания, то я должен отвечать, что я не мог подтвердить того, чего я не знал. В уголовных же законах наших нигде не сказано, чтоб неявка к ответу подтверждала показания других или даже утверждала оные, и не определено казни за неявку. Самое собственное признание, по нашим законам, недостаточно к обвинению и служит токмо пояснением или подтверждением, но неполным доказательством. Как же может неявка заменить полную улику в преступлении и навлечь смерть и каторгу?

И мог ли я не только знать, но и подозревать обвинения в таких преступлениях, кои никогда и на мысль мне не приходили. Все, что я знал о себе, состояло в том, что о д и н, как меня уведомляли из Петербурга, приписывает мне фразу, о которой я говорил выше, д р у г о й показывает, что я его принял в общество.

Вот что я знал об обвинениях против меня, когда я отказал явиться к суду. Мог ли я думать, что сим отказом я подтверждаю обвинение в умысле ввести республиканское правление в России, когда я и не догадывался, что меня в сем умысле обвиняют. Я мог, конечно, опасаться, что иные показания будут неосновательны, но мог ли я предвидеть, что явятся показания явно ложные, противоречащие одно другому? Мог ли я предвидеть, что неявкою я навлеку на себя приговор смерти и каторги?.. Я не спас себя от каторги; каторга не только в Сибири, — есть каторга моральная, тяготящая судьбу изгнанника!.. Оглашенный пред отечеством и пред светом на ряду с цареубийцами и явными мятежниками, где могу я найти что-либо иное, кроме сей моральной каторги? Что в сем мире мне осталось?..

(Продолжение см. стр. 147).

Таблица, представляющая

Обвинения, в решении Верховного Уголовного Суда означенные.	Показания, по сим обвинениям в записке Комиссии изложенные.	Доказательства.
1. Принадлежность к тайному обществу.	Показания многих.	Показаниями многих и собственным признанием доказана принадлежность к обществу Союза Благоденствия, в уничтожении коего я участвовал. Принадлежность к новому петербургскому обществу ничем не доказана.
Общество имело целию бунт.	О цели и средствах общества Союза Благоденствия есть показание одного лица (Семенова): «что целью было изменение государственных постановлений, а средствами распространение политических знаний и старание овладеть мнением публики» (стр. 16 рап. След. Ком.).	Устав общества Союза Благоденствия не представляет такой цели. Нет никаких доказательств, ни даже показаний, чтобы я знал о намерениях бунта или хотел бунта, или рассуждал о бунте.
2. Участие в учреждении.	Показывают трое: Трубецкой, Семенов, Матвей Муравьев.	Нет доказательств.

обвинения и доказательства достоверные.

Изъяснения.

Таким образом я принадлежал к такому тайному обществу, которое было за 4 года до бунта уничтожено самими членами, в числе коих был и я.

Нет ни одного показания, чтобы я принимал участие в новом обществе: согласием на цель общества или на средства к достижению сей цели, предложением мнений или согласием на мнения других.

Сказав, что нет доказательств против меня в знании той цели, которую определяет Верховный Уголовный Суд, я, далее, могу сказать, что, равномерно, нет доказательств, чтобы я знал и о той цели, в которой сознается один из членов общества (Семенов). Я изъяснил мою цель в записке. Изъяснил также, что общество никогда подобной цели, то-есть какую признает Семенов, при мне не признавало. Впрочем, всякая цель с уничтожением общества неминуемо исчезла. По рапорту Следственной Комиссии видно, что мысль бунта родилась не прежде 1821 года (стр. 29), а в сем году общество было уничтожено. Нигде в рапорте Следственной Комиссии цель бунта не приписывается обществу Союза Благоденствия.

В учреждении общества Союза Благоденствия я не участвовал и не мог участвовать. Сие я изъяснил в моей записке, стр. 76. Впрочем, еслиб я и участвовал в учреждении оного, то сие мое действие отстранялось бы последовавшим уничтожением общества, в коем я участвовал.

Семенов показывает (стр. 26 рапорта С. К.), что я начинал составлять общество в 1821 году. Сие показание не может быть доказательством, что я учредил общество; ибо сие общество на самом деле не существовало, и по всему производству нигде об этом более не упоминается. Сам Семенов говорит, «что действия сего общества вскоре прекратились и что он не знает, имело ли оно устав». Итак, еслиб и было доказано, что я начинал составлять общество, то вместе с сим было бы доказано, что сие мое намерение не имело результата. Впрочем, Семенов не говорит, какого рода были сии действия, вскоре прекращенные, не говорит, чтобы они клонились к бунту, но, напротив, присовокупляет, что ни я, ни другие не обнаруживали при нем злодейственных намерений против императорской фамилии.

Трубецкой, как видно по рапорту Следственной Комиссии (стр. 27), был в 1821 году за границею. Матвей Муравьев, как видно по рапорту Следственной Комиссии, принадлежал к Южному обществу. Следовательно, показания их не могли быть основаны на личном свидетельстве, но только на слухах, каковые показания не могут составлять доказательства.

Обвинения, в решении Верховного Уголовного Суда означенные.	Показания, по сим обвинениям, в записке Комиссии изложенные.	Доказательства.
3. Участие в восстановлении общества.	Показывают четверо: Трубецкой, Орлов, Никита Муравьев, Матвей Муравьев.	Нет доказательств.
4. Участие в совещаниях.	Показания многих.	Доказано участие в совещаниях по обществу Союза Благоденствия, уничтоженному. Участие в совещаниях по новому обществу не доказано, и даже нет о сем показаний.
5. Участие в распространении общества привлечением других.	Показывают трое: Семенов, Миклашевский, Митьков.	Доказано принятие. Не доказано, что я принимал членов в новое петербургское общество.

Изъяснения.

Новое общество в Петербурге было учреждено в 1822 году (рапорт С. К., стр. 26). В сие время Трубецкой был за границею (стр. 27); следовательно, не мог знать о моем участии в восстановлении общества. Орлов также не был в Петербурге в сие время и со времени съезда в Москве, в 1821 году, доныне не видал меня, не был в сношениях со мною или в переписке. Матвей Муравьев не принадлежал к Петербургскому обществу (стр. 89). Из сего явствует, что все сии показания не были и не могли быть основаны на личном свидетельстве, но токмо на слухах, каковые показания не приемлются доказательством.

Остается показание Никиты Муравьева. Голословное показание одного лица, не основанное ни на каком действии с моей стороны, не подкрепляемое никаким действием с моей стороны и даже не ссылающееся ни на какое мое действие, также недостаточно для доказательства. Сверх сего, сие показание теряет вероятие показанием Оболенского, которого Муравьев называет третьим участником в восстановлении общества и который говорит (стр. 27), что мне предлагали место правителя, но что я отказался [1]).

Как мог я и восстановлять общество и, следовательно, желать нового общества, и отказываться участвовать в устройстве или в управлении общества? Я не только не восстановлял общества, но и не знал об окончательном оного восстановлении и оставил Россию в полном убеждении и уверенности, что не только не принадлежу ни к какому обществу, но что и нет никакого общества. Неизвестность, в которой я находился относительно того, что общество было в 1822 году устроено, представляется весьма вероятною, ибо до моего отъезда сие общество было недеятельно, как видно по заключению Следственной Комиссии, которая нашла (стр. 52 рапорта), что «в обществе петербургском явилась большая против прежнего и беспокойная деятельность особливо со времени вступления Рылеева в думу на место Трубецкого». Трубецкой оставил Петербург, как видно на стр. 27 рапорта Следственной Комиссии, в конце 1824 года. Я выехал из Петербурга в начале 1824 г.

Единственное совещание, на котором, по показанию Рылеева, я, будто бы присутствуя, изъявил согласие на вывоз императора за границу, происходило после моего отъезда за границу, как я изъяснил выше в записке моей, стр. 111. Впрочем, сие показание, не подтвержденное прочими подсудимыми, Комиссиею признано недостаточным к обвинению и Верховным Уголовным Судом отстранено. Следовательно, нет ни одного показания, чтобы я присутствовал на совещаниях нового петербургского общества.

Я сам на себя показываю, что я был на одном совещании после 1822 года, т.-е. после того, как новое общество было устроено. Но, кроме того, что я не знал об устройстве общества, сего совещания ни я, ни, вероятно, другие не почитали настоящим совещанием, как я изъяснил сие в записке.

Трое показывают, что я распространял общество принятием других. Из них двое показывают, что они приняты мною. Такое показание, конечно, должно иметь более силы, нежели мои изъяснения. Но в таком случае справедливость требует определить: в какое общество были сии лица приняты мною? Что говорит самое сие показание, пред

[1]) Основатели сего общества, как видно на стр. 26 рапорта С. К., участвовали в принятии новых членов. Н. Муравьев говорит, что я в принятии новых членов не участвовал. Что же я делал? В чем участвовал?

Обвинения, в решении Верховного Уголовного Суда означенные.	Показания, по сим обвинениям, в записке Комиссии изложенные.	Доказательства.
6. Участие в умысле ввести республиканское правление.	Пестель показал, что «в начале 1820 года, в собрании коренной думы Союза Благоденствия, в котором после долгих прений, все единогласно приняли республиканское правление, на вопрос, кого желают: монарха или президента? я отвечал: le president sans phrases»; что сие заключение коренной думы сообщено было всем подведомственным управам, и с сего времени республиканские мысли начали брать верх над монархичес-	Нет доказательств.

Изъяснения.

коим должно умолкнуть собственное мое убеждение, может быть, ошибочное? Сие показание говорит (стр. 26, рап. С. К.), что сии лица были приняты мною в то самое общество, которое я н а ч и н а л составлять, коего действия потом в с к о р е прекратились и о котором неизвестно, имело ли оно устав. Более о сем обществе нигде по производству дела не упоминается. Итак, если сие общество н а ч и н а л о с ь составляться, то оно не составилось окончательно. Следовательно если принимаемы были члены в такое общество, то принятие уничтожилось само собою вместе с обществом. Нигде не видно никаких следов существования сего общества, не видно цели, с какою оно начиналось составляться, не видно средств, коими оно предполагало действовать. В чем же состоит виновность распространения сего неизвестного общества?

Может ли сие принятие членов относиться к новому петербургскому обществу? Нет, потому что показание говорит, что сие принятие происходило в 1821 г., а новое петербургское общество составлено в исходе 1822 года (стр. 26, рап. С. К.).

Из сего ясно следует, что в новое петербургское общество я никого не принимал, и Никита Муравьев, восстановитель сего общества, ошибочно показывая, что я участвовал в восстановлении, прибавляет, однако же, что я не участвовал в принятии новых членов (стр. 26, рап. С. К.).

Могло случиться, что разговорами моими о тайных обществах я мог содействовать желанию сих лиц вступить в новое тайное общество, мог даже поселить в них мнение, что они, вследствие моих разговоров, принадлежав однажды к тайному обществу, могут по сему самому вступить в новое без особого принятия. Но как меня обвинять в сем? И могу ли, должен ли я ответствовать за изъяснения другими того, что они почитали моими мыслями? Скажу только, что после 1821 года до моего отъезда за границу я с ними никогда не говорил о обществах и никогда не знал, как, когда они вошли в сношения с членами нового общества. Не я ввел их в новое общество. Они вошли в него сами. Не я должен и ответствовать за принадлежность их к обществу, мне неизвестному.

Показание, делаемое одним и подтверждаемое двумя, но опровергаемое четырьмя, не может быть доказательством.

Другое показание (Бестужева-Рюмина), что «я стремился к достижению и исполнению цели введения республиканского правления посредством революции и пр. и что общество вознамерилось ввести в России республиканское правление с самого начала, по предложению, мною сделанному», показание, сделанное человеком, коего я ни разу в жизни не видывал, о коем никогда не слыхивал, показание, которое я должен почитать ничем иным, как отголоском показания Пестеля, сие другое показание не было принято во внимание Комиссиею, ибо, исчислив все сего рода показания против меня, Комиссия говорит:

«Следовательно, остаются только показания двух членов общества: Пестеля и Рылеева, и то по разным предметам, которых Комиссия, почитая опасным в столь важном преступлении принять достаточными к обвинению, считает справедливым предоставить сие обстоятельство рассмотрению Верховного Уголовного Суда.

Показание Рылеева (о коем я упомянул в 4 пункте: участие в совещаниях) не было принято Верховным Уголовным Судом во внимание и не относится, впрочем, к умыслу ввести республиканское правление. Но показание Пестеля, недостаточное к о б в и н е н и ю, было сочтено достаточным к о с у ж д е н и ю.

Обвинения, в решении Верховного Уголовного Суда означенные.	Показания, по сим обвинениям в записке Комиссии изложенные.	Доказательства.
	кими». Двое: Никита Муравьев [1]) и Сергей Муравьев, сие показание подтвердили;—трое: Семенов, Бриген, Колошин, не подтвердили. Четвертый: Глинка, даже бытность сего совещания отвергает.	

[1]) По рапорту Следственной Комиссии, стр. 19, видно, что Никита Муравьев не во всех частях подтверждал показание Пестеля, говоря, что сие совещание не имело никакого влияния на образ мыслей и действия членов вообще, что не было сделано предписаний управам (кроме Тульчинской) и что на многих собраниях после не говорено о республиканском правлении.

Приговор произнесен... он известен свету. Где бы я ни был, я нигде не могу быть иначе как беглецом от казни [1]). Чистая совесть еще мне осталась, но сия совесть известна только тому, кто все знает, все видит. Люди ей не верят или не хотят верить. Мог ли бы я жить хотя минуту, если б убеждение, что всеведующий знает мою душу, не поддерживало сей жизни, изнуренной страданиями и нравственными и физическими.

Все делается промыслом бога всемогущего. Его волею я терплю, не заслужив терпеть, по крайней мере за то, в чем меня обвиняют. Его волею я погибну — или восстану к новой жизни.

Чельтенгам. 18 октября 1826 [2]).

---

[1]) Таковым я был провозглашен в одной газете, которые читали сидевшие подле меня за столом в Чельтенгаме. (*Примечание автора записки.*)

[2]) Далее в оригинале приводится таблица, помещаемая здесь по техническим условиям на стр. 140 — 146.

М. Ф. Орлов и 14 декабря.

Публикуемые ниже письма и записки М. Ф. Орлова все сосредоточены вокруг одного центрального события его жизни,— все они написаны в связи с его арестом, когда он был задержан в Москве после 14 декабря и отвезен потом в Петербург. В связи с событиями 14 декабря М. Ф. Орлов оказался первым москвичом, привлеченным по этому делу распоряжением Николая: 21 декабря Орлов в Москве был взят под стражу. Собственно, он не принадлежал к числу декабристов,— он не входил ни в одно из обществ, непосредственно связанных с событиями 1825 года; но в свое время он был членом Союза Благоденствия, а еще ранее Орлов, можно сказать, был вдохновителем того умонастроения, которое легло в основание плана учреждения в России тайных обществ. Кроме того, Орлов, несомненно, был очень крупной и значительной величиной в интеллектуальном отношении. Поэтому, хотя он был вовсе в стороне во время событий 1825 года, его привлекли к ответственности, и он, действительно, мог казаться в глазах перепуганного правительства одним из руководителей движения 14 дек. 1825 г. Татищев, председатель Комитета по декабрьскому восстанию, послал такую бумагу москов. генерал-губ. Голицыну: «По воле государя императора, прошу покорнейше ваше сиятельство приказать находящегося в Москве генерал-майора Михайлу Орлова взять немедленно под арест и содержать, не допуская никого иметь с ним ни малейшего сношения. Бумаги же его отобрать так, чтобы он не имел времени к их истреблению, и прислать оные с вернейшим курьером прямо к его императорскому величеству в собственные руки» [1]).

Орлов, по его собственным словам, предполагал, что петербургские события могут отразиться и на его судьбе. Но он, разумеется, не ожидал все же, что дело получит такой серьезный оборот, поэтому первые его письма и заявления написаны в совсем ином тоне, чем он стал писать позднее, когда многое уже предстало в другом свете.

Как оценить вообще поведение Орлова, когда он находился под арестом в Москве и затем в Петербурге — во время ведения следствия? Конечно, он сообщил правительству много лишнего, чего не должен был разглашать. Но на это, собственно, специально сетовать в отношении Орлова не приходится,— почти все декабристы при следствии заявляли лишнее и подводили друг друга. Тут приходится принять во внимание другое: несомненно, в отдельных признаниях и обращениях тон у Орлова неприятный; он подчас расценивает свою роль так, будто он чувствует прямую обязанность послужить правительству и тем самым родине, — он пытается представить дело в таком свете,

---

[1]) Архив Октябр. Рев. в Москве. Особый отдел быв. Гос. Архива, I В, дело № 30, л. 62.

что хотя он и был в стороне и многого не знает, но кое-что ему известно. Он просит Николая посчитаться с его точкой зрения, которая послужит на пользу царю и отечеству. В таких строках Орлов прямо солидаризируется с Николаем: тут он как будто готов на всяческие разоблачения. На ряду с этим у Орлова было большое самомнение, себя он расценивал весьма высоко. Несомненно, он был умен и хитер. Чтобы выгородить себя, он сделал очень много; но самолюбие и уважение к самому себе не позволяло ему перейти за известные грани, и вот при первом и единственном его разговоре с самим Николаем произошел конфликт: Николай выгнал его из своего кабинета, и положение Орлова сразу ухудшилось. Сам Николай в своих записках 1831 г. так характеризует Орлова, когда тот был доставлен по прибытии в Петербург в кабинет императора: «Сам он, полагаясь на свой ум и увлеченный своим самонадеянием, полагал, что ему стоит будет сказать слово, чтоб снять с себя и тень участия в деле. Таким он явился... Он слушал меня с язвительной улыбкой, как бы насмехаясь надо мной, и отвечал, что ничего не знает, ибо никакого заговора не знал, не слышал, и потому и к нему принадлежать не мог; но что ежели б и знал про него, то над ним бы смеялся, как над глупостию» [1]).

Очевидно, Орлов при разговоре с Николаем не мог поступиться чувством собственного достоинства. Это и взбесило Николая, который любил холопство и не терпел сопротивления. С моральной точки зрения Орлов вышел победителем: от него Николай требовал назвать имена, при чем сказал, что если Орлов не желает, то он его и не принуждает к таким разоблачениям. Орлов замолчал и имен не назвал. Тогда это вывело Николая из себя, и он весь отдался своей гневной вспышке. Нервный тон, который можно заметить в строках записок Николая, где речь идет об Орлове, показывает, что впоследствии Николай чувствовал себя задетым и уязвленным. Но после разговора с Николаем сам Орлов все же пал духом и, если не сдался, то во всяком случае стремился казаться сдавшимся и всецело покорившимся воле императора. Он умолял Николая дать ему новую аудиенцию, чтобы объясниться. Николай не пожелал больше разговаривать с Орловым, и Орлову было предложено все изложить письменно. Так была составлена известная записка о тайном обществе, опубликованная в материалах Довнар-Запольского [2]).

Но этому предшествовала другая записка, тоже значительная по объему, на французском языке. Ныне она публикуется впервые. Тон ее несколько иной. Вообще Орлов шел по некоторой кривой,— от общих утверждений и сердечных признаний он постепенно переходил к все более и более детальному изложению обстоятельств дела. В первых письмах (московских) он просто хотел заверить, что он решительно не при чем. Искусно обходя молчанием, что у него после событий 14 декабря были Фон-Визин, Якушкин, Муханов и Ипполит Муравьев, он пытается дать такую картину своего времяпрепровождения в Москве, при которой, казалось, и речи быть не может о его причастности к делам тайного общества. Но Орлову не поверили в Петербурге; его помнили, как прежнего вольнодумца; кроме того, в руках правительства все же оказались кое-какие факты, которые компрометировали Орлова. И вот, увидевши, что сердечными излияниями поправить дела нельзя, Орлов переходит к иному стилю письма,— делового, в духе точного повествования и детального разоблачения. Французская записка от 29 декабря еще отзывает лирикой,— по тону она занимает промежуточное место.

---

[1]) «Красный Архив», т. VI, стр. 231.

[2]) См. Довнар-Запольский. «Мемуары декабристов», стр. 1—22.

Записка, опубликованная Довнар-Запольским, носит уже чисто деловой, официальный характер. В этом отношении Орлов шел, так сказать, со ступеньки на ступеньку.

Декабристов Орлов третирует; они для него — молодые люди, разгорячившие свое воображение и отдавшиеся, очертя голову, самому гнусному мятежу; их планы и замыслы для него — «бредни, порожденные больным воображением». Еще неприятнее те строки, когда Орлов заявляет, что он готов все разоблачить. В маленькой записке от 2 января он прямо пишет: «у меня и мысли нет щадить кого бы то ни было, даже самого себя, и я даю честное слово написать обо всем, что сохранилось в моей памяти». Облик величия и благородства Орлов пытается сохранить за собою тем, что, по его заявлению, он готов разоблачать и свою собственную деятельность и давать показания и улики против самого себя. Становясь в эффектную позу, Орлов заявляет: «вы мне приказываете рассказать, что я знаю о других. Первого я выставляю себя и не отгораживаюсь от вашего гнева».

Но свое умение писать и внушать свои мысли другим Орлов употреблял и для другой цели, и тут нужно отдать ему справедливость: разоблачения Орлова все же были общего характера, он маскировал и скрывал подчас то, что могло повредить его прежним друзьям и товарищам. Так он скрыл весь эпизод с Мухановым, и если бы не болтливость Митькова, который своими показаниями прямо подвел Муханова, то несомненно этот последний не пострадал бы так сильно. Орлов не сказал ничего; впоследствии от него затребовали объяснения. Эти объяснения сохранились в деле Муханова. Но тут Орлов только подтвердил то, что уже было известно из других показаний. Это было поставлено в вину Орлову, как явствует из сводки в докладной записке, публикуемой ныне среди новых материалов об Орлове. Итак, Орлов спасал, кого мог — особенно, поскольку он при этом сам оставался в стороне. В высшей степени доброжелательны показания Орлова по отношению к Владимиру Раевскому. Орлов старается представить дело в наиболее благоприятном для Раевского духе и прямо заявляет, что тут главная вина в пунше, которым злоупотреблял Раевский. Но, конечно, все это было у Орлова лишь — «постольку-поскольку». Доблести в поведении Орлова не оказалось. Если тот же Раевский в свое время писал из тюрьмы:

Скажите от меня Орлову,
Что я судьбу мою сурову
С терпеньем мраморным сносил,
Нигде себе не изменил,

то, с своей стороны, Орлов по совести не мог бы ответить о себе в тех же выражениях.

И главная трагедия была в том, что все же Орлову не верили. Это вполне явствует из публикуемых материалов. Спасло Орлова заступничество брата, Алексея Федоровича, которым Николай очень дорожил и который действительно выручил Николая при событиях 14 декабря. А верить — Михайлу Федоровичу не верили, поэтому и был до конца жизни установлен за ним надзор. Единственно, кто верил Орлову, это был благодушный вельможа Москвы — генерал-губернатор Д. В. Голицын. Он в своих письмах в Петербург заступался за Орлова: недаром первым долгом Орлов обратился после ареста именно к Голицыну.

В публикуемых ныне материалах, прежде всего, любопытны неизвестные ранее подробности в деле Орлова, которые дают много новых характерных черт для понимания его личности и бросают новый свет на его поведение,— в частности представляют весьма важный корректив к страницам записок Николая I. Но, кроме того, особо следует вы-

делить один отрывок, который интересен по существу тогдашних исторических событий, в смысле общей оценки декабрьского восстания. Орлов писал: «вы ищете вожаков заговора, ваше величество. Вы сомневаетесь, не вблизи ли вас находится тот человек, который организовал заговор, давал на него средства и поддерживал его. Это, государь, как раз то, относительно чего ваше величество просили меня помочь. Так вот, государь мой, взгляд на это таков: восстание носило совершенно демократический характер; это — ужасное оружие, поднятое 60 заговорщиками, и ложное знамя Константина, под которым соединилось 1000 солдат. Вот и все, если попросту это выразить». Характеристика восстания, как д е м о к р а т и ч е с к о г о, и указания на то, что дело не в личности вожаков — весьма любопытны: Орлов был человек очень значительный; он видал виды и всегда выделялся и как дипломат, и как крупный военный и общественный деятель, и как европейски образованный человек, интересовавшийся жизнью народов и наблюдавший проявления исторических сдвигов эпохи. Данная его оценка положения вещей весьма знаменательна.

Всего у нас налицо 7 неопубликованных писем Орлова: 3 письма к Голицыну [1]), 2 письма и большая записка к Николаю и письмо к генералу Левашову. Текст последних 4-х документов извлечен из подлинного дела Орлова, хранящегося ныне в Архиве Октябрьской Революции [2]). Эти документы в свое время не были опубликованы в издании Довнар-Запольского. Кроме писем Орлова, в публикуемых сейчас материалах дана выписка из журнала Комитета от 30 декабря, докладная записка с резолюцией по делу Орлова и несколько справок касательно надзора за Орловым по данным секретного отделения архива моск. ген.-губернатора. С настоящей публикацией можно считать «дело» Орлова исчерпанным, если откинуть ранний (и поэтому очень неполный) формулярный список Орлова, черновую сводку параллельных показаний и две-три незначительных справки, имеющиеся в той же папке,— все это, как мало интересный материал, мы не приводим вовсе. Все письма Орлова представлены в переводе с французского; лишь первое письмо к Николаю Орлов написал по-русски.

1. Письмо М. Ф. Орлова кн. Д. В. Голицыну.

Ваше сиятельство!

Я беру на себя смелость обратиться с письмом к его императорскому величеству. Мне было бы очень важно, если бы вы благоволили взяться препроводить его императору.

Уверенный в своей невиновности, я не допускаю мысли, чтобы я мог хоть в малейшей степени быть скомпрометированным в петербургских делах. Я смотрю на свой арест, как на меру предосторожности и как на продолжение и последствие прежних обвинений, о которых я думал, что они уже отпали в сознании правительства. Как бы то ни было, князь, мне очень существенно иметь подтверждение с вашей стороны, и, чтобы его получить, я коснусь некоторых подробностей.

---

[1]) Текст их взят в переводе с французского по копиям оригиналов, хранившихся в свое время в одном из архивов князей Голицыных, через В. Голицына.

[2]) Особый Отдел б. Гос. Архив, I В, дело № 83.

Я приехал в Москву повидаться с своим братом [1]), которого я не видел уже 8 лет, и графиней Орловой, моей благодетельницей [2]); ей я хотел представить своего сына [3]).

Я остался в Москве, потому что моя жена беременна и слабого здоровья. В связи с этими двумя обстоятельствами я не мог допустить, чтобы она предприняла столь длительное путешествие по плохим дорогам и при очень сильных холодах.

Если мое предшествовавшее поведение служило поводом для каких-нибудь подозрений относительно моих намерений, то полиция должна была следить за мной. Никто лучше вас, князь, не мог быть осведомленным относительно всего, что я делал, относительно всего, что я писал, относительно всего, что я говорил. Я задаю открыто вопрос: делал ли я, писал ли я, говорил ли я что-либо предосудительного? За все время моего пребывания в Москве я вел деловую переписку с управляющим моих имений и был занят работой, которую я пишу вот уже год; работа эта должна была быть представлена его величеству императору Александру [4]). Эта работа, из которой готова лишь одна глава, находится в числе отобранных у меня бумаг. На ряду с этим имеется много тетрадей с заметками, сделанными лично для себя и относящимися к этому сочинению. Эти тетради находятся также в распоряжении властей. Я прошу вас, уважаемый князь, ходатайствовать, чтобы эти бумаги были мне возвращены, как только в них минует надобность в Петербурге. Я этого особенно желаю, так как я почти уверен, что мой труд может быть о ч е н ь п о л е з е н для отечества. Моим словам можно верить, так как, конечно, сейчас для меня неуместно хвастовство.

Среди других изъятых бумаг имеется ряд писем, касающихся разных дел по моему имению. Они не могут показаться значительными, также и письма моей жены, несколько частных писем и несколько адресов. Совершенно очевидно, что моя переписка не обширна. Из нее также ничего нельзя извлечь. Может быть, кто-нибудь сказал бы, что я уничтожил свои бумаги. Было бы несправедливо этому поверить, ведь я не мог предвидеть того, что со мной случилось. Кроме того — это значило бы обвинять меня зараз и в большой предусмотрительности и в чрезмерной неосторожности. Как соединять эти два обвинения и предполагать, что я зараз обнаружил столько непредусмотрительности в своих поступках и такую обдуманность в желании скрыть эти поступки.

---

[1]) Повидимому, тут речь идет о Федоре Федоровиче Орлове, женатом на москвичке Наумовой.

[2]) Анна Алексеевна Орлова-Чесменская (1785—1848); Михаил был обласкан Ан. Ал-ой и в честь нее назвал Анной свою дочь, которой в это время была беременна его жена. У Анны Алексеевны Орлов и жил в Москве.

[3]) Николай; ему было тогда всего 3 года.

[4]) Об этой работе Орлов говорит в своей записке о тайном обществе, посвящая ей пункт 25. Довнар-Запольский, стр. 14.

Среди моих бумаг имеется еще несколько тетрадей прежнего времени с выписками. Я теперь уже не помню их содержания. Во всяком случае я знаю наверно одно, — что вот уже целых 4 года, как я забросил эти книги, чтобы их больше не открывать.

Остается вопрос, кого я видел, кого я посещал за время своего пребывания в Москве. Еще раз, князь, позвольте указать, что эти подробности должны быть вам известны так же хорошо, как и мне. Что касается разговоров, которые велись у меня, то достаточно высчитать, сколько времени мой брат и графиня Орлова провели здесь и видеть самое расположение моего кабинета, который представляет собой проходную комнату, чтобы быть глубочайшим образом убежденным, что я физически не мог отдаться никаким махинациям: для этого нужно и больше времени и больше удобства.

Я прибавлю еще одно, — сколь бы ничтожным ни казалось это обстоятельство на первый взгляд, оно может бросить свет на мои занятия. Накануне того дня, когда известие о вступлении на престол его величества дошло до Москвы, я участвовал в печальной похоронной процессии женщины, которая взяла меня на свое попечение при моем рождении и всегда была мне второю матерью. На другой день весь город уже знал, и только я один был в полном неведении до 4-х часов дня [1]). Все были на ногах, а я один был болен и привязан к дому. Вот, князь, ряд соображений: по существу они имеют значение только для меня, не для других, но их во всяком случае достаточно для того, чтобы доказать мою безупречность за все время моего пребывания здесь. Но, скажут, ведь были прецеденты в прошлом? Каковы же эти обстоятельства? Неясные подозрения, голословные обвинения, смутные толки о виновности, которые не были доказаны, которые, тем не менее, привели к тому, что я потерял во мнении многих людей. Я спрашиваю об уликах, — если их нет, то я невинен и являюсь лишь жертвой.

Я прошу вас, князь, написать обо мне его величеству, написать настойчиво, дать ясную картину моего времяпрепровождения здесь, о чем вы осведомлены, заявить открыто, что я невинен, потому что я уверен, что вы имеете внутреннее в том убеждение, и просить у его величества:

1. Судить меня, если есть данные.

2. Не оставлять меня под гнетом столь тяжкого обвинения, не обозначая по пунктам моей виновности.

3. Если подозрение значительно, — препроводить меня в Петербург и предать суду.

4. Если улики незначительны, — отпустить меня домой на свободу под честное слово с тем, чтобы я явился, когда меня вызовут. И вы

---

[1]) В своей записке от 4 января Орлов писал о том, как он узнал о мятеже 14 декабря следующее: «Я все это узнал за обедом у графини Орловой, где я жил». Довнар-Запольский, стр. 16.

можете быть уверены, что если я дал слово, то я без жандармов принесу свою голову на плаху.

5. Вернуть мне мои бумаги, если в них нет ничего заслуживающего порицания.

6. Наконец, если меня признают невинным, реабилитировать мою честь достаточно явственным удовлетворением, чтобы пятно, нанесенное арестом, само собою стерлось.

Князь, вы должны простить мне мою смелость, я говорю языком невинности. Я знаю самым положительным образом, что я вне всяких нападок, что ни мои поступки, ни мои письма, ни мои слова, ни мои дружеские признания, ни признания, которые сделаны мне, не являются преступными, и это не со вчерашнего или сегоднешнего дня, но с того самого времени, как я существую.

Таким образом, чтоб объяснить свой арест и изъятие своих бумаг, у меня нет других данных, как предположить, что я скомпрометирован без своего ведома, что мое имя было упомянуто. Но и в этом я не усматриваю никакой тяжкой вины. Если бы относительно меня были какие-нибудь положительные данные, меня бы отправили в Петербург, меня бы допросили, мне бы сделали очную ставку, то-есть пошли бы совсем другим путем, и я бы хотел, чтобы это произошло, как только над моей головой скопятся тяжкие улики. Я совершенно уверен, что при первой же очной ставке, при первом же допросе все эти подозрения рассеются.

Я, однако, не могу отвечать за то, что, заподозренный в либерализме в отношении правительства, при чем правительство устранило меня от должности, я мог оказаться зачисленным в группу недовольных, хотя это вовсе и не так: исходя отсюда, меня могли пристягнуть без моего ведома к проектам настолько же гнусным, как и нелепым. Но в этом не моя вина, и это не могло составить преступления. Эти пустые люди рассчитывали на всю гвардию, и рассчитывали зря. Так же обстоит дело и со мной, и, конечно, я не мог бы распространять этих бредней, порожденных больным воображением.

Я хотел, князь, написать вам это письмо без всяких прикрас, и я убежден, что, читая его, вы сможете поверить, что тут нет ни одного слова неправды.

Я вас прошу переслать его моему брату, прибавив от себя несколько слов [1]). Ему нужно быть уверенным в отношении меня, и он, может быть, предпримет несколько полезных шагов. Что до меня, князь, то я не в состоянии сегодня писать лицам, с которыми я всегда был дружен. Я боюсь, чтобы какая-нибудь фраза, вырвавшаяся вследствие моей привычки откровенных признаний, не выразила бы слишком сильно моей жгучей печали и глубокого чувства подавленности и скорби, которое я испытываю.

---

[1]) Письмо переслано не было; брат — А. Ф. Орлов.

Благоволите, князь, принять мои выражения глубокого уважения, с каковыми честь имею быть вашего сиятельства почтительным и покорнейшим слугою *Михаилом Орловым*.

22/XII [1]) 1825. Москва.

Голицын в общем верил Орлову. Сохранились две его рекомендации Николаю. В рапорте Николаю от 23 декабря 1825 года, препровождая через фельдегеря бумаги Орлова, отобранные при обыске, он, между прочим, писал так: «Я долгом поставлю донести..., что в поведении генерал-майора Орлова во все время последнего его здесь пребывания ничего мною предосудительного не замечено, и я не смел отказать ему в принятии на высочайшее вашего императорского величества имя всеподданнейшего его прошения, которое я имею счастие при сем представить» [2]). Это прошение, о котором идет речь и в начальных строках вышеприведенного письма Орлова к Голицыну, помещено ниже под № 2. Когда, далее, был отправлен в Петербург и сам Орлов, то Голицын не преминул замолвить за него словечко. 24 декабря он писал Николаю так: «Спешу донести вам через офицера, коему поручено сопровождать г.-м. Орлова в С.-Петербург, что приказание я вашего величества выполнил. Он был очень тронут милостивыми словами, написанными ему вашим величеством. Он неоднократно уверял меня, что никогда не участвовал ни в одном из гнусных заговоров, учиняемых негодяями и достойными сожаления молодыми людьми, которые допустили сбить себя с толку идеями разрушения существующего строя и столь сильно провинились против своего монарха. Что касается лично его, то он считает себя жертвой сложившегося о нем мнения. Зная его характер, можно верить правдивости его слов; а за эти три-четыре месяца, что он находится в Москве, он не дал повода ни к каким подозрениям, что я могу удостоверить, так как я распорядился установить за ним здесь наблюдение в виду того, что прежнее его поведение давало администрации право на такой надзор» [3]).

2. Письмо М. Ф. Орлова Николаю I [4]).

Всемилостивейший государь.

Декабря 21 числа в 7 часов пополудни, по повелению вашего императорского величества, я был арестован, и все мои бумаги были запечатаны.

Должен согласиться, что в нынешних неожиданных обстоятельствах, где осторожность должна быть первым правилом правительства, сия мера, сколь ни жестока для моего сердца, есть мера столь же муд-

---

[1]) Наличность этого письма опровергает указания М. О. Гершензона, будто после ареста 21 декабря в Москве Орлов был «тотчас отвезен в Петропавловскую крепость». Гершензон. «История молодой России». 1908, стр. 47.

[2]) Дело № 30, л. 63.

[3]) Красный Архив, т. V, стр. 244.

[4]) Сверху над письмом имеется пометка: «Получ. 26 декабря». Сбоку написано: «Доложить присутствию. Докл. 26 положено иметь в виду при допросах» (Дело № 83, л. 2).

рая, сколь необходимая. Я знаю, государь, что давно нахожусь в сомнительном состоянии, но знаю также, что все подозрения, павшие на меня, суть последствия обстоятельств, а не моей виновности.

Еще в 1816 году, когда приехал я из чужих краев, полагали, что я во Франции устроил связь с тамошними возмутителями. Но опыт доказал, что я не веду и не вел никакой переписки и другого друга, кроме брата моего [1]), в чужих краях не имею.

Во время командования моего 16 пехотною дивизией все мои дела, все мои переписки, все мои партикулярные и служебные бумаги оставались в руках моих обвинителей. Что ж из сего вышло? Клевета осталась клеветою, и даже [если] я лишен тогда начальства, другому не могу приписать, как только тому, что не хотели уронить заслуг человека, меня обвиняющего, но служившего более и, м о ж е т б ы т ь, лучше меня [2]).

Думали, что, отделен будучи от военной деятельности, которая много отнимала у меня времени, я опять и еще ревностнее коснусь до политических предметов, но сии 4 года я обратил на совсем другое занятие и предался изучению естественных наук; но все сие время я был не что другое, как хозяин, супруг и отец.

Полагали, что посредством масонических обществ я имею большое влияние над всеми Вольными Каменщиками. Но даже и имени моего в списках не нашли.

Думали, что моя связь с графом Мамоновым [3]) была основана на политических замыслах. Граф Мамонов сошел с ума; бумаги, книги, записки его в руках правительства, и я остался чужд от всяких нареканий.

Наконец, в Петербурге готовятся ужасные происшествия, бунт, кровопролитие, начало общего переворота. А я живу здесь в Москве, ничего не зная, ни с кем переписки не веду, редко езжу в собрания, мало к себе принимаю, занимаюсь собственными делами и воспитанием сына. Государь! Можно во многом меня упрекать, но не в трусости, ниже в подлости. Ежели я был заговорщиком, я был бы там, где заговор исполняется.

Но, государь, извините сии, может быть, слишком дерзновенные слова. Я обижен, арестован, мои бумаги запечатаны, над головой моей летает подозрение, будущность моя вся испорчена, и даже сама честь моя страдает. Позволено ли мне теперь по крайней мере надеяться, что ежели этот раз все обвинения падут в ничтожность перед престо-

---

[1]) Григорий Федорович Орлов, ум. в 1850 г.

[2]) Повидимому, имеется в виду корпусный командир Сабанеев, выступивший с обвинениями против Орлова.

[3]) Граф Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов, родив. в 1790 г.,—обер-прокурор департамента сената, — принимал участие в отечеств. войне, примыкал в Москве к «обширному кружку недовольных», мартинист, задумавший вместе с Орловым общество и увлекавшийся планами внутренних преобразований. Семевский — «Политические и общественные идеи декабристов», стр. 384, 663—668.

лом вашего императорского величества, то выйду, наконец, совершенно чистым, не только пред буквою закона, но также и пред совестью судьи?

Ежели таковой должен быть конец моего дела, то благословляю ту минуту строгости, в которую вы, государь, повелели лишить меня свободы впредь до совершенного моего оправдания.

Всемилостивейший государь!

Я не виновен ни самым делом, ни замыслом, ни ведением дела, ни перепискою — словом, ничем.

Может быть, кто-нибудь в сем горестном происшествии употребил во зло имя мое, но те, кои считали на возмущение целой гвардии твоей, могли также считать и на мое содействие. Гвардия осталась тебе верной, и я также не могу отвечать за дерзновенное посягательство на честь мою и верность моей присяги.

Судите меня, государь, но благоволите вспомнить, что день торжества для невинности есть также день торжественный и для судьи.

Вашего императорского величества всемилостивейшего государя верноподданный *Михаил Орлов*.

Сего 22 декабря 1825 года, город Москва.

Следующее письмо написано Орловым уже после разговора его с Николаем. Разговор происходил 28 декабря. В этот же день комендант Сукин писал в своем донесении: «Во исполнение высочайшего в. и. в. повеления, присланный при оном ген.-майор Орлов мною принят и посажен в доме Алексеевского равелина в арестантский покой № 12, с строжайшим наблюдением, чтобы он ни с кем никакого сношения иметь не мог» [1]). На следующий день Орлов писал Николаю:

3. Письмо М. Ф. Орлова Николаю I.

Государь. Лестные слова, которыми ваше величество удостоили меня в приписке, обращенной ко мне в письме моего брата, слова, произнесенные вами, когда я имел счастье быть принятым в вашем кабинете, главным же образом чувство моей невинности в деле, о котором идет речь, — все это взволновало мое сердце и преисполнило его надежды. Еще до того, как ваше величество ободрили меня, я был расположен к самой большой откровенности. Но мое сердце осталось холодным, благодаря присутствию третьего лица, хотя я и отношусь к нему лично с полным уважением. Я не мог говорить непринужденно и откровенно; такая откровенность была бы возможна лишь в частном разговоре с вашим величеством. Это перо, которое все время подстерегало, связывало мой язык [2]).

---

[1]) Донес. от 28 дек. 1825 года (Дело № 30, л. 64); в связи с этим следует исправить дату на стр. 246 V т. «Красного Архива». Сказано: «был заключен в крепости с 29 дек. 1825 г.», следует — «с 28-го».

[2]) Намек на ген. Левашова, который обычно снимал первые допросы с привлеченных.

Государь, я вас прошу дать мне возможность поговорить с вами с глазу на глаз. Я расскажу все, что я знаю, но я не думаю, чтобы мои признания были бы сами по себе очень существенными, так как, повторяю, я вовсе не пользовался доверием со стороны этих господ, и если у меня в голове имеются кое-какие соображения относительно всего этого дела, то я обязан этим не столько их откровенности, сколько моей собственной сообразительности. Пусть ваше величество сами в разговоре наметите те пункты, которых я должен буду держаться, и я постараюсь использовать предоставленное мне время, стремясь быть точным, насколько мне это позволит моя память. Я вручу соответствующую записку в руки вашего величества, и вы сможете прочесть в ней всю правду.

Еще одно обстоятельство сделало безрезультатной беседу, которой удостоили меня ваше величество: дело в том, что я приготовился отвечать на одно, а спросили меня о другом. Я полагал, что при обвинениях на основании ложных показаний мне придется защищать свою честь против этих обвинений и представить вашему величеству фактические и моральные доказательства своей невинности до всяких других разговоров; раз такие доказательства были бы представлены, я бы получил свободу мысли и действия, меня бы тогда не столько спрашивали обо всем этом деле, сколько советовались бы со мною. Это было для меня самым существенным пунктом, и я предполагал потом в последовательной конфиденциальной беседе осветить все это дело, поскольку оно мне было известно. В действительности обстоятельства повернулись иначе. Еще до начала разговора я оказался в достаточно счастливом положении, чтобы из ваших собственных уст услышать заявление о своей невинности. Этим доверием вашего величества я главным образом обязан вашей доброте, отчасти тем текущим показаниям, которые вы уже имели; я был полон чувства благодарности. Но когда я начал рассказ, которого ваше величество у меня не спрашивали, и когда я начал это делать с откровенностью, то мне было предложено назвать собственные имена. Тут во мне проснулся невольный ужас перед такого рода разоблачениями. Я думал, что, если вы говорите по вопросу совсем новому и для меня недоступному, а я желал остановиться на подробностях, о которых меня не спрашивали, вы могли бы простить мне мое молчание, тем более, что раз все нити в ваших руках, то объяснения сами собою явятся подкреплением и дополнением к моим речам.

Кроме того, если бы ваше величество мне решительно приказали назвать имя, я бы это сделал. Но вы мне сами предоставили выбор говорить или молчать. Это д а или н е т, произнесенное вашим величеством, позволило мне думать, что мне предоставлен выбор назвать имя или молчать, и я замолчал. Я не предполагал, что молчание вызовет гнев вашего величества и что только благодаря этому обстоятельству я, невинный до этого мгновения, приказанием, произнесенным вашими собственными устами, буду ввержен в позорную тюрьму.

Но не эта тюрьма является в данном случае для меня наиболее существенной вещью. Если бы у меня были сомнения в моей невинности, я сам бы просил, чтобы меня отвели в тюрьму, пока мое дело не станет совершенно ясным. Я еще вчера утром говорил это с полным убеждением своему брату: вы можете его спросить. Но гнев вашего величества, чувство унижения, отсутствие сношения с женщиной, которую я обожаю и которую не знаю как известить о моем несчастии [1]), все это вместе повелительно заставляет меня обратиться к вам с этой просьбой. Благоволите признать это за благо, благоволите удостоить меня частной беседой. По этой причине, государь, я осмелился дважды докучать вашему величеству через генерала Левашова.

Имею честь считать себя и быть самым искренним образом вашего величества покорным верноподданным *Михаилом Орловым*.

29 дек. 1825.

4. Записка М. Ф. Орлова для Николая I. [2]).

Во время допроса — я осмелюсь назвать его д р у ж е с т в е н н ы м,— которым ваше императорское величество осчастливили меня вчера, 28 декабря, я был преисполнен благодарности, когда услышал до всяких последующих объяснений с моей стороны, что ваше императорское величество считаете меня невинным в ужасах, происшедших в Петербурге. Ваше величество не только отвели от меня это злодейство, вы соблаговолили даже приобщить меня, так сказать, к тому благому делу, которое вы решили осуществить. Я то же глубочайшим образом почувствовал.

Но в то самое время, когда ваше величество потребовали от меня назвать одно имя, мгновенная мысль пронзила мое сознание и парализовала мой язык. Я подумал, что в ту самую минуту, когда я делался свободным от всякого подозрения, я, может быть, отягчаю участь другого. Пусть, ваше величество, вы сами решите, может ли такая мысль быть приписана недостатку доверия к вам, или она зависела от какого-нибудь другого чувства, достойного порицания. Как бы то ни было, но потом у меня возникло соображение, и я даже почувствовал, что тем, что мне нужно было сказать, я никому не повредил бы, но рассказал бы просто факт. Примите, государь мои извинения, если я хотя бы в малейшей степени мог оскорбить ваше императорское достоинство или лично вас. Я ни в какой мере не хотел этого.

Я приступаю к делу, по распоряжению вашего величества. Эта записка оправдательная, но во многих отношениях она является обвинительной, в особенности в начале. Таков я, государь, по своей при-

---

[1]) Очевидно, тут Орлов имеет в виду свою жену.

[2]) Очевидно, Николай, не допустив Орлова до свидания, потребовал от него письменного изложения.

роде. Вы мне приказываете рассказать, что я знаю о других. Первым я выставляю себя и не отгораживаюсь от вашего гнева.

Мне кажется, я первый задумал в России план тайного общества. Это было в 1814 году. Я был тогда проникнут мыслью о том значении, которое Tugend-Bund приобрел в политике. С другой стороны, я воспринял слова императора Александра, которые он сказал в Париже: внешние враги сражены на долго, будем сражаться с врагами внутренними. С такими мыслями я вернулся в Россию. Я хотел переменить свое поприще, оставить войско и заняться административной деятельностью, где, государь, как вы знаете, гнездятся наполеоны в качестве внутренних разбойников. В таком смысле я вел переписку с графом Мамоновым. Я уговаривал его участвовать в моих планах. Он мне ответил, что враг внутренний сильнее всякого внешнего врага и что он сомневается в успехе. Тем не менее мы согласились тогда относительно некоторых предположений.

Наступили события 1815 года. Основание Польского царства, бесполезность моих хлопот при царствовавшем тогда государе против этого плана, убеждение, что в Польше существует тайное общество, которое незаметно работает над ее восстановлением (общество существует и сейчас), значение, благодаря которому польский вопрос все больше выдвигался в планах государя или казался выступающим на первый план, так как это было время создания Литовского корпуса,—все эти причины, взятые вместе, внушили мне мысль связать противодействие польской системе с моими первоначальными планами. В связи с этим в 1816 и отчасти в 1817 г. вместе с Мамоновым я был занят одним делом. Но это дело осталось неосуществленным и вскоре было совершенно им оставлено из-за его путешествия и болезни, а мною — вследствие одного открытия, которое я тогда сделал. Именно, я узнал о соорганизовавшемся обществе молодых людей, большею частью гвардейских офицеров; они также были в восторге от успеха Tugend-Bund'a и работали в этом смысле. Не присоединяясь к ним, я с ними сблизился. Один Новиков вступил с ними в связь. Это была одна из организаций. Вскоре установилось доверчивое отношение, и мало по малу я узнал, в чем дело. Их устав, который я, впрочем, прочитал только несколько лет спустя, был списан с Tugend Bund'a. Все филантропические и либеральные взгляды были перенесены в форме какого-то необдуманного шаблона; его с трудом можно было прочесть и еще труднее было понять. Это было что-то тяжелое, скучное; для ума не было ничего возбуждающе-живого. То, что там заключалось, можно было найти в сотнях различных книг и в лучшем изложении и с лучшим объяснением. Молодые люди, входившие в состав этого общества, Союза Благоденствия, находились тогда исключительно под влиянием либеральных идей, в их головах еще не было ни одной революционной идеи. Сверх того, они считали себя сильными, и это убеждение вызывало в них большую активность. Я не входил тогда в состав их общества и оставил без

осуществления план того общества, которое я сам хотел организовать, потому что я думал со временем воспользоваться их организацией и направить ее соответственно моему собственному замыслу [1]).

Так я уехал, будучи назначен начальником штаба 4 корпуса, и на месте был всецело поглощен серьезными занятиями, которые заставили меня забыть всякую мысль об обществе. Я потерял из виду деятельность этих молодых людей, и ваше величество скоро увидите, что, собственно, не за чем было следить. Впрочем, с 1817 по 1820 год я познакомился с некоторыми из этих господ, между прочим, с Пестелем, который пользовался тогда всеобщим недоверием со стороны их всех. Он мне казался очень умным человеком, и он действительно таков.

В 1820 году, будучи назначен начальником 16 пехотной дивизии, я проезжал через Тульчин, где на меня обрушились Фон-Визин, Пестель и Юшневский. Все чувствовали, что они находятся на краю опасности и понапрасну подвергают себя этой опасности. Они заимствовали систему иллюминатов для обществ — иметь двум подчиненным одного вышестоящего и итти далее таким же дроблением на двое [2]). Но такая система требует, чтобы до нее доросли и неизменно ее применяли, к чему в данном случае были неспособны. Все разветвления были спутаны, и каждый член был известен всем другим членам. После приблизительно трехлетней работы их оказалось около 80 человек. Они были рассеяны по всему пространству империи, без связи и без цели, поднимая без толку крик и съезжаясь после длинных перерывов по два, по три человека, чтобы перемолвиться несколькими фразами. Таково было положение вещей в провинции, и я имею тысячу оснований предполагать, что не иначе обстояло дело и в столице. Говорят, наиболее возбужденными были умы во время пребывания двора в Москве, и причиною этого возбуждения был арест одного из самых ревностных членов — Александра Муравьева. Его дело было принято к сердцу со всею преданностью сословного духа в казарме. Этот Александр Муравьев первый покинул общество. Тут я отдаю ему полную справедливость. Он отдался религии, и с тех пор я более ничего не слышал о нем. Таким образом, когда я прибыл в Тульчин, меня стали увещевать, что если я знаю все их тайны, то не великодушно мне самому оставаться вне опасности. Я поддался этому доводу. Происходило все это в 1820 году в июле или августе месяце. Во все последующие месяцы я ничего не слышал. У меня было два офицера, которые входили в общество: Раевский (майор, арестант в Тирасполе) и Охотников. Последний умер. Это был храбрый и превосходный молодой человек (ибо, государь, можно быть благородным человеком и принадлежать к тайному обществу). У Раевского много умственных достоинств и душевной теплоты. К несчастью, от одного стакана пунша

[1]) На полях другой рукой написано карандашом: «каков этот замысел?».

[2]) Орлов поясняет данную систему особым схематическим изображением на полях в той записке, которая напечатана Довнар-Запольским, но без воспроизведения рисунка.

он становится совершенно несдержанным и делает много глупостей. Все глупости, которые он говорил или делал,— все это под влиянием вина. Я пользовался этими двумя офицерами, главным образом, чтобы знать о положении низшего сословия у отдельных командиров дивизии, и они значительно помогли мне уменьшить число злоупотреблений. Вместе с другими они ревностно заботились о благосостоянии солдат. Многие их возненавидели.

В 1821 г. я отправился в Москву для устройства своих дел и ради своей женитьбы, которая уже почти что была решена. Там я застал собравшимися Фон-Визина, Тургенева, Бурцева, Охотникова, Граббе и Фон-Визина брата. Там мы принялись за дело, чтобы выяснить, на что собственно мы способны. С самого начала я увидел, что все идет вкривь. Насколько я помню, при подсчете числа членов мы никогда не доходили до 100. Тут я решил разойтись навсегда, и я заявил об этом публично. Спор со мною ни к чему не привел. Мое решение было твердо, и я при нем и остался. Немного времени спустя я узнал уже в Киеве, что общество распалось, — об этом сообщил мне Бурцев.

Мне думается, что Бурцев больше уже не возвращался в общество при его возобновлении, равно и оба Фон-Визина.

Прошел 1821 г., и ничего не было слышно. Я женился и вернулся в дивизию. Но этот год в известном отношении оказался для меня очень несчастливым. Я не знаю, верно ли это, но мне кажется, что власти некоторое время подозревали, не причастен ли я делу Ипсиланти. Факт тот, что я услышал об этом уже после восстания. Мои злоключения, которые лишили меня последнего доверия властей, отняли у меня дивизию; об эту пору общество «Союз Благоденствия» совершенно распалось, и в 1821 и 22 г. я о нем ничего не слышал. Вот почему все дело Раевского не имеет ни малейшей связи с тайными обществами. Он действовал вполне самостоятельно и никого не компрометировал. Я должен здесь сделать одно признание, чтобы засвидетельствовать истину,— я находился тогда под бременем совершенно несправедливых обвинений, и бог мне свидетель, что за все время своего командования и в 4 корпусе и в 16 дивизии я не привлек ни одного последователя и не принял ни одного члена, вращаясь только в обществе, с которым я был связан лишь моими обязанностями; и вот в эту пору столь тяжких испытаний для меня я не мог защищаться со всей энергией, так как я боялся раскрыть обстоятельства, которые, правда, были ликвидированы, но разоблачение которых могло бы иметь тяжкие последствия для многих. Вот, государь, новая улика против меня.

Такова правда, и вся правда, относительно этого первого общества «Союза Благоденствия» или Зеленой книги, это совершенно то же самое. Название Зеленой Книги сделалось нарицательным для обозначения общества. Между молодыми людьми, которые его составляли, было много немецких идеологов, и я не видел ни одного французского якобинца. Я знаю, что можно представить это дело в совсем другом

свете. Единственно серьезная мысль заключалась в присоединении членов по двое, с возглавлением начальника, — это было гарантией для возрождения общества. Но эта мысль была как раз откинута с самого начала. Те, которые расценивали эту мысль теоретически, никогда не смогут действительно ее понять. Выраженная на бумаге, она получает другой смысл: смысл же ее таков, как я воспроизвел ее вам, ваше величество.

Я перехожу теперь ко второму обществу, и, поверите ли, ваше величество, я ведь не знаю, как оно называется, и думаю, что у него вовсе нет названия. Вот в этом и заключается главная трудность моего положения. Это несомненно наиболее интересная сторона дела, и менее всего могу я здесь дать подробности. Не примите, государь, эту фразу за желание скрыть правду в этом деле. Я вам даю честное слово, что я скажу все, что я знаю, и ничего не утаю от вашего величества.

Прежде, чем входить в существо дела, позвольте мне присоединить один вопрос, который касается лично меня. Являюсь ли я сам членом нового общества, или нет? Вы ответили в мою пользу на этот вопрос, государь. Нет, я не член общества, и вот доказательство этому [1]).

1. Кого принял я в качестве члена? Никого.

2. Кем я был принят? Никем.

3. Какая работа была на меня возложена? Никакая.

4. Чем доказано, что я нахожусь в обществе? Доносами людей, которые наперерыв заявляли это, может быть, потому, что я действительно был членом, а может быть, для того, чтобы вызвать к себе доверие, может быть, из желания меня скомпрометировать? Заметьте, государь, обычная тактика всех тайных обществ заключается в том, чтобы предполагать существование воображаемых или невидимых начальников.

5. Наконец, государь, мое положение в общественных кругах вело к тому, чтобы заставить их поверить, будто рано или поздно, но в конце концов я стану их, и чтобы они меня причислили, без моего согласия, к числу своих. Путь либеральных идей очень скользок для большинства людей. Встречая противодействие и отпор, оказывают этому сопротивление, начинают действовать убеждениями, кончают — желанием употребить силу. Сначала разговор идет о том, чтобы потихоньку внушать власти либеральные идеи, а кончают тем, что верят, будто можно и должно навязывать власти известные условия. Я по собственному опыту знаю кое-что из этой области, и хотя я никогда не доходил до преступления, но я пережил тут много ошибок. Эти господа верили, увлекаясь своими фантазиями, что, может быть, я иду вместе с ними или скоро буду с ними. С другой стороны, они видели, что я в немилости, и считали, что я принадлежу к числу недовольных. Они думали, что я нетерпеливо сдерживаю свою досаду и что я демонстративно выйду из того спокойного положения, которое я начинал

[1]) На полях: «знал ли он об его существовании?»

любить все больше и больше. Единственно таким способом я могу объяснить это ожесточение, с каким они, как говорят, заявили, что я нахожусь в числе их членов.

Я возвращаюсь к прерванному рассказу. Кажется, к концу 1822 или в 1823 г. до меня дошел неясный слух [1]), что 7 или 10 членов прежнего общества поклялись не расходиться. Так ли это? Не знаю. Но что несомненно, это то, что тогда мне были сделаны предложения войти в общество через человека, который к нему еще не принадлежал. Это был Сергей Муравьев. Он обещался войти в общество, если бы я сам вступил туда. После этого я получил еще предложение со стороны Пестеля, но, так как я всегда отказывался, они наметили иной путь.

Они сорганизовались в два самостоятельных общества, одно — в Петербурге, при чем начальниками его, думается, были Никита Муравьев и Трубецкой; другое — в Тульчине под руководством Пестеля и Юшневского, — так по крайней мере я думаю, но уверенности у меня нет. Потом они снеслись со мной через Пестеля или другого (я теперь точно не помню) и предложили мне быть общим начальником [2]). После того, как я отклонил это предложение, связи наши почти вовсе порвались, и если я еще пользовался доверием, весьма незначительным, то скорее по болтливости людей, а не потому, что я заслуживал это доверие.

Я должен сказать, что Юшневский никогда не говорил со мною о новом обществе ни с какой точки зрения: в этом отношении он меня оставил совершенно в покое.

Впрочем, тогда не трудно было узнать членов общества. Их утопии сильно развились и оказали большое влияние на то, что они говорили. Но я мало жил с ними, да и род моих занятий был совсем другой, поэтому эти известия доходили до меня редко. Меня начинали все больше и больше сторониться, рассчитывая на мое любопытство в том, чего они не могли достичь другими путями. Именно как раз в это время начали злословить, будто я совершенно опустился. Говорили, что я нахожусь под влиянием своей жены и зятя [3]), их заклятого врага, составлявшего единственное препятствие к соединению с ними. Они много писали, казались поглощенными делами, проявляли большой энтузиазм к труду Дестюде Траси о Монтескье и исповедывали идеи американского федерализма. Словом, по этому указанию ваше величество найдете в захваченных бумагах много следов их взглядов в эту эпоху. Вот что, во всяком случае, я смог уловить из нескольких разговоров, которые я вел с ними очень изредка в продолжение 1823 г.

В 1824 г. мне казалось, что все обстоит очень спокойно в продолжение всего времени, пока Эртель [4]) был в Киеве. Тогда офицерам было запрещено покидать свои полки.

---

[1]) На полях: «Через кого?».

[2]) На полях: «Почему он не предупредил?».

[3]) А. Н. Раевского.

[4]) Федор Федоров. Эртель (1768—1825) — генерал-лейт., военный полицмейстер.

В 1825 г. приехал Трубецкой. Должен сказать, государь, что он был очень осторожен со мной, я даже был удивлен. В это время весь Киев бегал к новым приехавшим начальникам, я же проводил часть своего времени в деревне и видался с очень немногими.

Что касается либеральной или даже политической переписки, то я думаю, государь, мне нет нужды вас уверять, что такой корреспонденции я за последнее время не вел вовсе. Также никто из этих господ никогда мне не показывал ни одного документа, принадлежащего обществу, ничего, о чем бы я мог говорить, как о прочтенном своими собственными глазами. Кроме того, кажется, в это время все значительные события общества происходили в Петербурге [1]), там вербовались новые лица, о которых я никогда и не слышал. Теперь мы подошли к самым решительным событиям.

Когда я приехал в Москву, из членов общества я виделся прежде всего с Никитой Муравьевым. Он как-то зашел ко мне; разговор у нас был короткий и мало последовательный [2]). Нужно добавить, государь, что с тех пор, как я живу на белом свете, я его видел всего каких-нибудь три-четыре раза. Моя жена перебила беседу, разговор стал общим, и Муравьев ушел. Он был после этого у меня только в Михайлов день, 8 ноября, и с тех пор я его больше не видал [3]).

После смерти его величества последовало принесение присяги великому князю Константину. Все происходило в величайшем порядке. Но потом пошел по Москве зловещий слух о разделении. Говорили, будто царское завещание устанавливало полное отделение Польши и русско-польских провинций, а также и Курляндии, и что эта уступка утверждена Священным Союзом. Это был благоприятный момент для недовольных и бунтовщиков, чтобы выступить или, во всяком случае, чтобы попытаться поднять голову. Некоторые истинно русские люди, государь, пришли в уныние от этой вести, и я с ними, пока мы совершенно не разуверились. Я совершенно убежден, что такого неспокойного элемента, который обнаружился здесь, в Москве очень мало.

Долгое время все было спокойно, и я ни о чем не слышал, как вдруг в зале, где собралось дворянство для выборов, разнеслась весть, что ваше величество вступили на престол и что одновременно произошел мятеж и бунт в войсках, во время которого был убит Милорадович. К вечеру весь город говорил об этих событиях. Вот тогда-то Фон-Визин в первый раз за пять лет своего неотлучного пребывания в деревне [4]) пришел ко мне и показал письмо, адресованное не знаю кому, без подписи, помеченное, если меня не обманывает память, 12-м. Я думаю, что это письмо от Пущина. Это письмо, которое я тут же сжег собственной рукой, представляет собою любопытный документ; оно дает ключ

---

[1]) На полях: «Откуда он это знает и через кого?».

[2]) На полях: «О нем, может быть, он нам расскажет?».

[3]) «Мне кажется, что я тут ошибаюсь, и мне здесь нужно будет представить некоторые пояснения. Я над этим еще подумаю». *(Прим. Орлова).*

[4]) «Он приехал на выборы». *(Прим. Орлова).*

к пониманию того, что произошло. Я шаг за шагом прослежу его содержание, насколько мне позволит память. Письмо написано по-русски.

1. «В тот момент, когда вы получите эти строки,— гласит письмо,— все будет решено». Следовательно, решение было принято за несколько дней, решение рискованное, но они были совершенно уверены в успехе.

2. «Мы работаем ежедневно с Трубецким, и мы все все время вместе». Вот, следовательно, как сочинялись все документы, которые должны были быть захвачены.

3. «Нас здесь 60 членов». Это, государь, совершенно точно, я как будто сейчас вижу это число перед глазами. Сначала их было всего 60; остальные были набраны потом.

4. «Мы уверены приблизительно в 1000 солдатах». Вот еще вполне точные их средства.

5. «Случай очень удобный; если мы не будем действовать, мы заслужим имя подлецов; прощайте, оплакивайте нас» и т. д.

Вот как эти молодые люди разгорячили себе воображение и после двухлетней болтовни, очертя голову, отдались мятежу, самому гнусному, и предприятию, самому сомнительному в смысле успеха, без средств и надежды, исключительно из-за стыдливого чувства остаться в бездействии после упорной работы, направленной к тому, чтобы все поднять с собой.

6. Можно ли поверить, государь, чтобы в этом письме, в котором автор, казалось, перечисляет все средства и все основания, почему заговорщикам следует действовать, можно ли поверить, чтобы автор, обозначив все средства, которые были в их распоряжении, не назвал тех могущественных лиц, которые тайно служили им опорой? Ибо я хорошо понял, на чем вы настаивали, ваше величество, при моем допросе. Вы ищете вожаков заговора, ваше величество, вы сомневаетесь, не вблизи ли вас находится тот человек, который организовал заговор, который давал на него средства и который его поддерживал. Это, государь, как раз то, относительно чего ваше величество просили меня помочь. Так вот, государь, мой взгляд на это таков — восстание носило совершенно демократический характер; это: ужасное оружие, поднятое 60 заговорщиками, и ложное знамя Константина, под которым соединилось 1000 солдат. Вот и все, если попросту это выразить. К этому присоединились тяжелые события, всеобщий ужас и замешательство в ожидании грядущего. Или я ошибаюсь, или в этом и лежит вся истина. Вот, государь, что бы я вам сказал без обозначения имен в тот момент, когда ваш гнев предписал мне молчание. Это самая сильная сторона и самое убедительное из того, что я знаю в этом злосчастном и ужасном деле.

Но скажут: ведь письмо сожжено, кто может подтвердить правильность этого рассказа?

1. Фон-Визин, если только он не растеряется и не будет думать, что это новая улика против него. От него нужно знать все, действуя мягко.

2. Сам Пущин, который находится в вашем распоряжении.

3. Наконец, я сам, государь, прежде всего со своим честным словом и затем с указанием тех компрометирующих меня вещей, которые находились в этом письме, почему я его и сжег. Там было сказано: «покажи это письмо Михаилу Орлову». Так как я уверен в своем деле, я не боюсь слишком большой откровенности; я смею верить, что эта откровенность не будет вполне неугодной вашему императорскому величеству, впрочем, ведь таким образом я только сдержал слово, данное в начале этой записки.

Наконец, государь, мне остается лишь сказать о письме Трубецкого. Мне никогда не передавали этого письма. Оно было поручено Ипполиту Муравьеву, которого я знал еще ребенком; в первый и последний раз он был у меня 19 или 20. Он должен был притти снова и взять письмо у моей жены. Но он больше не приходил. Возможно, что это письмо было отправлено почтой. В нем не было ничего такого, чего нельзя было бы написать. Совершенно нелепо было Трубецкому писать мне 13, чтобы я приехал помогать 14, и за этот акт безумия я не являюсь ответственным.

Ко всему этому мне остается присоединить только одно слово. Если ваше величество хотите иметь сведения о каких-нибудь лицах, благоволите назвать тех, коих характеристику вы желаете от меня получить. Я обещаю сделать это с такою же откровенностью, с какою я написал эту записку. Государь, может быть, я знаю меньше, чем вы думаете, но тех, кого я знаю, я знаю хорошо.

Генерал-майор *Михаил Орлов* [1]).

Военный советник *Боровков*.

29 декабря 1825 года, Санкт-Петербург.

5. Выписка из журнала Комитета 30 декабря 1825 года.

Комитет по выслушании показаний генерал-майора Орлова, находя, что в оных не видно чистосердечия и что объяснения его неудовлетворительны и запутаны собственными противоречиями, его обвиняющими, положил испросить соизволения его императорского величества, дабы запрещены были всяческие сношения с ген.-майором Орловым.

На докладной о сем записке 30 декабря государь император изволил собственноручно написать следующее:

«К р о м е с б р а т о м е г о А л е к с е е м» [2]).

---

[1]) Текст этой записки, до сих пор непечатавшейся, был отчасти использован в исследовании Семевского «Политические и обществ. идеи декабристов». Стр. 380—381 и 397—398.

[2]) С Алексеем Фед. брат постоянно виделся. Даже на другой день после бурных нападок Николая состоялось свидание М. Орлова с Алексеем в комнате

Так как докладная записка была признана неудовлетворительной, то текст ее был возвращен Орлову; на полях были поставлены вопросы, по которым Орлов должен был дать объяснения. Вопросы эти приведены выше. Орлов приступил к составлению новой записки, а старую вернул. Следующее письмо направлено, повидимому, к Левашову, — к нему обычно обращался Орлов, — и указывает на данное обстоятельство.

6. Письмо Левашову [1]).

Имею честь вернуть вам, дорогой генерал, записку, многие пункты которой требовали объяснения. Я постараюсь все это включить в новую записку, которую я сейчас составляю.

Будьте уверены, генерал, что я так же хорошо, как и вы, чувствую, насколько важно для нашего монарха, для отечества и, в частности, для меня самого, чтобы монарх был уверен и убежден в том, что зло действительно искоренено. Я сделаю все, что можно сделать в этом отношении, но я не могу итти дальше моих средств, которые, к сожалению, ограничены.

У меня и мысли нет щадить кого бы то ни было, даже самого себя, и я даю честное слово написать обо всем, что сохранилось в моей памяти.

Примите, генерал, выражения моей нежной и давней приязни.

Михаил Орлов.

2 января 1825 года.
10 часов утра.

В результате новых требований Комитета Орлов и написал свою пространную записку на русском языке, которая уже опубликована Довнар-Запольским. Текст этой русской записки следует иметь в виду при чтении вышеприведенной французской записки от 29 дек.,—она восполняет и подтверждает изложенные в этой последней данные. Все дальнейшие дополнительные показания приведены Довнар-Запольским, так что тут остается отослать читателя к стр. 22—26 его книги.

Все дело Орлова завершилось докладной запиской, составленной Боровковым. На этой записке и была положена резолюция. Текст этой записки подводит итог всему делу Орлова, и мы помещаем его целиком.

7. Записка Боровкова о генерал-майоре Орлове.

Орлов по примеру Трубецкого намеревался учредить тайное общество для сопротивления лихоимству и другим беспорядкам. Между тем, как он занимался составлением устава, Александр Муравьев

коменданта Сукина (д. № 30, л. 65). 30 дек. Сукин доносил, что согласно высочайшего повеления Орлов из равелина переведен на плац-адъютанскую квартиру в крепости у Петровских ворот (л. 66а); мы видим, что и содержался Орлов хорошо, не как рядовой арестованный.

[1]) Сверху надписано: «принять к сведению в ожидании от Орлова новых показаний».

в 1817 году объявил ему, что подобное общество уже существует, и приглашал его вступить в оное; однако он тогда на сие не согласился.

Во время пребывания его в Киеве начальником штаба 4 корпуса он более, нежели когда-нибудь, был привержен свободным мыслям, особенно потому, что речь покойного государя на первом сейме польском возбудила в нем и рвение и упование. Сей дух свободомыслия, управляющий всей его перепискою и всеми его речами, поддерживал доверие общества, которому он, хотя еще и не принадлежал, но уже знал о действии в оном и переменах.

В 1820 году в проезд Орлова через Тульчин, в июле или августе, Фон-Визин, Пестель и Юшневский убедили его вступить в Союз Благоденствия, говоря, что, зная все их тайны и имена многих, невеликодушно не разделять их опасности. По вступлении в оное особенного поручения или занятия никакого не получил и во все времена способствовал к принятию только одного члена Василия Давыдова [1]). В 1821 г. Орлов находился на совещании о преобразовании общества; там совершенно от всего отказался, объявя, что более членом быть не хочет. Вскоре он отправился в Киев, куда приехал Бурцев, а потом Охотников и сообщили ему, что общество разрушилось.

Общество возродилось в 1823 году; Орлову предлагали к оному присоединиться; но как все настояния остались безуспешны, то ему и не открыто никаких тайн. Встречи его с членами сделались редки, и то публичные, а, наконец, мало по малу и совсем прекратились.

Весь 1824 год Орлов был избавлен от их преследования; но в начале 1825 года Бестужев-Рюмин сказал: «Я сейчас виделся с некоторыми поляками и открыл с ними сношения». Орлов, прервав речь его, отвечал: «Вы сделали вздор и разрушили последнюю нить нашего знакомства. Вы не русские — прощайте!» [2])

Наконец, Орлов излагает причины, по коим он не донес о существовании тайного общества. 1-е. Он полагал, что правительству должно быть о сем известно. 2-е. Тайны он их не знал, не предполагал,чтобы они готовились к действию, и был уверен, что при жизни покойного императора они ничего предпринять не могли. 3-е. С другой стороны, думал, что чад переворотных их мыслей также рассеется, как филантропические порывы первого общества. 4-е. В 1823 году, когда государь осматривал 2 армию, он просил через начальника штаба позволения представиться государю, и ежели бы удостоился благосклонного приема его императорского величества, то не вытерпел бы известить его о существовании тайного общества. Но, к несчастию, на приезд его соизволения не последовало. 5-е. После сего ему оставалось только молчать, особенно чувствуя отвращение от доносов и опасаясь, чтобы поступка сего не отнесли к личным выгодам.

---

[1]) Об этом Орлов умолчал в своей французской записке; признал он это лишь 4 января. Довнар-Запольский, стр. 7.

[2]) Это выявил Орлов тоже лишь в своей русской записке, в пункте 22-м. Довнар-Запольский, стр. 11.

Приехавши в Москву около сентября 1825 года, Орлов вел жизнь уединенную, занимался сочинением, которое намерен был представить правительству и которое докажет, что правила его далеки от всякого мятежнического покушения. В октябре посетил его Никита Муравьев, который сообщил ему о намерении Якубовича посягнуть на жизнь покойного императора [1]). 17 декабря приезжал к нему вечером Михаил Фон-Визин и привозил письмо Пущина от 12 декабря, которое велено показать Орлову и которое он тотчас сжег. Оно содержало извещение о том, что предпринимают, а не приглашение к содействию. 19 или 20 поутру вдруг явился к Орлову Ипполит Муравьев и сказал, что он привозил письмо от Трубецкого, который приглашал его в С.-Петербург; но письмо Муравьевым разорвано и сожжено. Орлов заключает, что письма сии или писаны наобум, то-есть — приедет — хорошо, а не приедет — и без него обойдется, или с намерением отомстить ему за то, что он в течение 4-х лет совершенно от них удалился.

Признание Орлова подтверждается показаниями, о нем сделанными. Трубецкой же насчет письма его к Орлову говорит, что решился вызывать его в С.-Петербург в том предположении, что образ мыслей его, столь гласный прежде, не изменился, почему, хотя он теперь ни во что не вмешивается и от всех обществ отстал, однако в случае надобности на него надеяться можно.

Против показания Якушкина, что штабс-капитан Муханов говорил в Москве у ген.-майора Орлова после происшествия 14 декабря, что взятых под арест возмутителей ничто не спасет, кроме смерти государя, и что он знает человека, который готов убить его, при чем Орлов подрал его, Муханова, за ухо [2]), Орлов отвечал, что Муханов

---

[1]) Этот факт Орлов усиленно маскировал. Во франц. записке он не без хитрости поместил в примечании туманную оговорку к соответствующему месту: «мне кажется, что я ошибаюсь, и мне здесь нужно будет представить некоторые пояснения». В русской записке то же сказано прикровенно (ср. пункт 26-й); и только когда вопрос был поставлен напрямик и в упор, Орлов ответил 10 января: «точно, вспомнил, что капитан Муравьев говорил мне о намерении к о г о т о покуситься на жизнь блаженной памяти государя императора»; и далее: «теперь, когда злодейское сие намерение кажется по показанию капитана Муравьева совершенно доказанным, я должен сознаться, что не прощаю себе мою недоверчивость к его словам» (Довнар-Запольский, стр. 22—23). И вечером в тот же день Орлов, в дополнение к бумаге, пытается как-нибудь выгородить себя, хотя и сам замечает, что объяснение отзывает чем-то неправдоподобным. «Все обстоятельства, кои я описал в моей бумаге, совершенно справедливы, начиная с того, что и как мне говорил капитан Муравьев, и кончая с того, что сия часть нашего разговора совершенно изгладилась из памяти моей до получения повеления Комитета. Как это ни странно, но это истинно» (ibid., стр. 24).

[2]) Насчет того, что Орлов п о д р а л М у х а н о в а з а у х о, имеются указания повсюду (см. все дело Муханова, № 356); эта формулировка была спасительна для Орлова, — этим О. как бы выражал свой протест и осуждение словам Муханова. На самом деле было и другое, что могло совсем иначе осветить умонастроение Орлова — он чмокнул Муханова в лоб. Якушкин сообщает в своих записках: «Услышав этот вызов, М. Орлов взял его (Муханова) за ухо и поцеловал за такое намерение в лоб... Мне показалась одна возможность спасти Муханова:

19 или 20 декабря действительно заезжал к нему и был в большом отчаянии и, так сказать, исступлении. Он, точно, сказал, что все те, которые взяты, погибнут, но прибавил ли что другое, не помнит. Орлов же, прервав речь Муханова, сказав ему: полно, братец, врать, чему быть, того не миновать, и в ту же минуту вышел из комнаты по вызову его человека. Что касается до слов Муханова, будто он знает человека, готового посягнуть на жизнь императора, то сего совершенно не слыхал. Муханов также не сознался, чтобы говорил сие; а Якушкин пояснил, наконец, что Муханов в словах был весьма невоздержан.

8. Справка из доклада аудиториатского департамента о бывшем командире 16 пехотной дивизии генерал-майоре Орлове 1.

Аудиториатский департамент находит виновным генерал-майора Орлова 1 в том, что он, не удостоверясь поведением майора Раевского, поручил ему в управление юнкерскую школу, потом, заметив в нем пылкие выражения и услышав о поступках Раевского во время командования им в полку ротою, не удалил его от юнкеров и, не приступя к секретному о том исследованию, оставил его по прежнему начальником школы, при коей находясь, он до самого ареста внушал юнкерам вредные правила; сверх того, он, Орлов, приказами по дивизии объявлял покровительство свое нижним чинам противу частных начальников их, велел читать сии приказы в ротах, чем ослаблена не только власть тех начальников, но и дисциплина. А как по сему же поводу произошли все неустройства в 16 дивизии и даже сделан нижними чинами Камчатского пехотного полка весьма нетерпимый буйственный поступок, коим Орлов при инспекторском смотре осмелился объявить прощение, не имея на сие право, то аудиториатский департамент полагает: отставя его, Орлова, от службы, впредь никуда не определять и не позволять ему выезжать из того места, где изберет жительство.

Содержится в крепости с 28 декабря.

На подлинной докладной записке означена следующая высочайшая резолюция, за подписанием барона Дибича: «Продержав еще месяц под арестом, и в первом приказе отставить от службы с тем, чтобы впредь никуды не определять. По окончании же срока ареста, отправить в деревню, где и жить безвыездно; местному начальству иметь за ним бдительный тайный надзор».

После освобождения из крепости Орлов прибыл в Москву и счел нужным отправить Голицыну следующую записку:

«Ваше сиятельство!

Честь имею препроводить вам письмо, которое я осмелился написать его величеству. Его величество удостоило меня изъявлением стольких благодеяний за все

описать мое свидание с ним у Орлова и Митькова, не показывая, разумеется, что Орлов целовал его» (стр. 103); спасти Муханова уже нельзя было, но это умолчание Якушкина оказалось спасительным для Орлова, относительно которого власти думали, что он о с у ж д а л намерение убить царя, тогда как на самом деле он о д о б р я л его своим поцелуем Муханова» (ср. также стр. 76 записок Якушкина).

время моего заключения, что я не смог отказаться от выражения всей моей признательности. Мое письмо открыто для прочтения; и ваше сиятельство, ознакомившись с ним, увидит, что оно содержит лишь то, что я имею право изложить его величеству.

Благоволите, князь, принести к подножию трона проявления моей живой признательности и принять выражения моего глубокого уважения, с каковым я имею честь, князь, быть почтительным и покорным слугой вашего сиятельства *Михаилом Орловым*.

26 июня 1826 г. Москва.

При чтении этих строк уже невольно припоминается характеристика более позднего времени, данная Орлову Герценом. Характеристика эта жестокая и, может быть, даже не вполне справедливая, но в ней есть своя доля правды. Это подтверждается как раз текстом наших писем. Герцен так писал об Орлове: «Стереть прошедшее и явиться кающейся Магдалиной», — говорил один голос; «не сходить с величественного пьедестала, который дан ему прошедшим интересом, и оставаться окруженным ореолом оппозиционности»,—говорил другой голос. От этого Орлов делал непрерывные ошибки, вовсе без нужды и без пользы громогласно иной раз унижался и приобретал один стыд. Ибо те, перед которыми он это делал, не доверяли ему, а те, которые были свидетелями, теряли уважение» [1]).

И действительно,— власти перестали доверять Орлову; в последнем публикуемом письме своем к Голицыну Орлов говорит о своем отъезде из Москвы в Калужскую губернию и о том, что «по смыслу полученных распоряжений... нет нужды фельдъегерю сопровождать меня за пределами столицы». Между тем его не только сопровождали, но Калужский губернатор должен был тщательно следить за поведением Орлова на месте согласно вышеприведенной резолюции.

9. Письмо кн. Д. В. Голицыну.

Ваше сиятельство!

Здоровье моей жены достаточно окрепло [2]), и я могу покинуть Москву; в связи с этим я полагаю, что если бы я остался более продолжительное время здесь, я до некоторой степени злоупотребил бы милостями его величества. Поэтому я решил выехать завтра, 20 июля. Я прошу ваше сиятельство благоволить дать распоряжения о необходимых мерах в этом деле:

1. О выдаче мне подорожной от Москвы до Мосальска, — последнего города в окрестностях моих владений, куда я предполагаю водвориться [3])

2. Выяснить, до какого пункта и кто будет сопровождать меня в моем путешествии. Мне кажется, что по смыслу полученных распоряжений относительно меня нет нужды сопровождать меня за пределами столицы.

3. Я полагаю, что было бы целесообразным дать распоряжение, чтобы в газете не упоминалось о моем отъезде так же, как это не было

---

[1]) Сочинения Герцена, т. VI, стр. 5.

[2]) После рождения дочери Анны.

[3]) В имение Милятино Калужской губернии.

сделано при моем приезде. Во всяком случае я желал бы, чтобы это было так, поскольку это возможно.

Впрочем, я вполне вверяюсь всем решениям вашего сиятельства, которые вы примете в этом деле; я вперед убежден, что ни одно ваше распоряжение не будет направлено к отягчению того мучительного положения, в котором я нахожусь.

Имею честь пребывать с самым глубоким уважением, князь, вашим почтительным и покорным слугою *Михаилом Орловым*.

28 июля 1826 г. Москва.

За Орловым был установлен тайный надзор. Он продолжался и значительно позднее, когда Орлову уже был разрешен въезд и проживание в Москве. В делах секретного отделения московск. ген.-губернатора имеется «дело о надзоре за отставным генерал майором-Орловым» [1]).

13 мая 1831 года Бенкендорф уведомил московского губернатора Голицына, что Орлов удостоился получить дозволение жить в Москве. Хотя о продолжении надзора в бумаге не было речи и в своем уведомлении обер-полицеймейстеру Голицын ничего не говорил о надзоре, будучи сам благодушно настроен по отношению к Орлову, тем не менее исправляющий должность обер-полицеймейстера полковник Муханов решил, что «как в предписании... сказано, что над ним (Орловым) был учрежден надзор в месте прежнего его жительства, то я счел нужным предписать г. полицеймейстеру 1 отделения иметь за ним секретное наблюдение». И по бумагам секретного отделения можно проследить, как сначала Орлов жил в доме своей тетки Анны Ал. Орловой-Чесменской, как он затем выезжал в Новгород, в Мосальск, в свою вотчину Якимовское Тульской губ. и т. д. Орлов умер в 1842 году, а еще за 1841 год имеется бумага о том, что «Орлов имеет намерение в течение сего лета отправиться в Ревель, к находящейся там супруге его...» Так, несмотря на все старания, до конца жизни, этот прежний либерал и вольнодумец не снял с себя печати недоверия и клейма правительственного надзора.

Сообщил *П. Попов*.

---

[1]) № 18 за 1831 год; хранится в Архиве Революции XIX и XX в. в Москве.

«Практические начала политической экономии» П. И. Пестеля.

Работа Пестеля «Практические начала политической экономии», трактующая вопросы экономической политики, появляется в печати впервые. В огромной литературе о декабристах, в том числе и в трудах В. И. Семевского, об этой работе Пестеля ни разу не упоминается. Это обстоятельство в значительной степени объясняется местонахождением рукописи: «Практические начала политической экономии» вшиты в «дело» [1]), в котором собраны преимущественно военные записки Пестеля, не привлекавшие, несмотря на свой исключительный интерес, до сих пор внимание историков, в том числе и военных. Но, кроме того, и внешний вид рукописи легко может ввести в заблуждение исследователя. В отличие от всего остального литературного наследия Пестеля, в особенности «Русской Правды», публикуемая ниже работа написана довольно четким, каллиграфическим почерком, почти без помарок. Лишь последние 18 страниц, представляющие собой первоначальные черновые наброски, испещрены помарками и исправлениями. Рукопись к тому же написана на французском языке, в то время как подавляющее большинство бумаг Пестеля написано на русском языке [2]). Эти чисто внешние обстоятельства, должно быть, и послужили причиной того, что указанная работа Пестеля оставалась незамеченной. Необычный, в сравнении с другими бумагами Пестеля, вид рукописи первоначально ввел в заблуждение и лиц, изучающих историю декабристов в самое последнее время, у которых возникло предположение, что «Практические начала политической экономии» являются конспектом прочитанной Пестелем какой-нибудь книжки по политической экономии.

Этой аберрации первоначально поддался и автор этих строк. Лишь внимательное чтение документа обнаружило, что перед нами подлинная оригинальная и притом наиболее ранняя работа Пестеля.

Написана она не раньше 1819 года. Основанием для такого утверждения служат достаточно убедительные данные. Сличая эту работу Пестеля с экономической и политической литературой того времени, легко заметить, что она написана под впечатлением и даже под влиянием известного труда Сисмонди «Nouveaux principes d'écono-

[1]) А. О. Р. «Госархив» I В, дело № 473: «Черновые записки П. И. Пестеля по делам военного управления, по командованию полком, по командировке в Бессарабию и некоторые выписки из книг».

[2]) В настоящем издании дается перевод французского текста в виду того, что последний имеет быть в точности воспроизведен в издании Центрархива: «Русская Правда» П. И. Пестеля.

mie politique». Сисмонди настолько сильно овладел вниманием Пестеля, что в публикуемом документе очень часто можно встретить пересказ мыслей из «Nouveaux principes». [1]).

Правда, Пестель далеко не рабски подражал своему литературному источнику, и в целом концепция его трактата значительно отличается от концепции Сисмонди. Но все же и в терминологии и в последовательности изложения все время чувствуется влияние швейцарского экономиста, мелкобуржуазная критика капитализма которого сильно пришлась по вкусу первого идеолога мелкой буржуазии в России. Имя Сисмонди упоминает и сам Пестель в своих «Практических началах политической экономии», в главе «Цены земледельческих продуктов», называя его там Simonde («Но как утверждает Симонд, Франция потеряла много своих производительных капиталов») [2]). Полное начертание фамилии Сисмонди — Simonde de Sismondi, но Пестель для краткости называет лишь первую половину фамилии — Simonde, — как мы, например, часто говорим Туган, — вместо Туган-Барановский, Муравьев — вместо Муравьев-Апостол и т. п. Что в указанной главе трактата Пестеля речь идет именно о Сисмонди, видно из того, что в 5 книге II тома «Nouveaux principes d'économie politique» Сисмонди, действительно, свою мысль о пагубном влиянии чрезмерного выпуска бумажных денег иллюстрирует примером из истории Франции. Вышла же в свет упомянутая работа Сисмонди только в 1819 г., в Париже. Следова-

[1]) Вот два примера:

С и с м о н д и. Т. I, кн. 3-я, гл. II, стр. 161—162 (изд. 1819 г., Париж).

Торговля или промышленность страны не могут считаться процветающими лишь потому, что небольшое число купцов нажило огромные состояния; наоборот, их необычайные прибыли почти всегда свидетельствуют против о б щ е г о благосостояния страны.

On ne regarde point comme prosperans le commerce ou les manufactures d'un pays, parce qu'un petit nombre de négocians y ont élevé d'immenses fortunes,—au contraire, leurs profits extraordinaires témoignent presque toujours contre la propriété générale du pays.

П е с т е л ь, ч. 1-я, гл. I, отд. I, стр. 194.

Но большие проценты, малое число капиталистов, имеющих большие доходы, служат всегда показателем национальной бедности.

Mais de gros intérêts, un petit nombre de capitalistes, de grands profits, qu'ils font, est toujours un signe de la pauvreté nationale.

С и с м о н д и. Т. I, кн. 3-я, гл. X, стр. 243.

Для воспроизведения земельного богатства, в общем, достаточно, чтобы владение землей перешло в руки человека искусного, который сумел бы ею управлять, тогда как она остается собственностью богача, который не питает ни того интереса, ни той склонности к работе и думает лишь о наслаждениях. Между тем национальный интерес часто требует, чтобы собственность перешла в руки того лица, которое использует ее лучше.

Il suffit en général, pour la reproduction de la richesse territoriale, que l'usage de la terre soit transmis à l'homme industrieux qui peut la faire valoir, tandis que la propriété demeure á l'homme riche, qui n'a plus ni le même intérêt, ni la même aptitude au travail et qui ne songe qu'à juir. Cependant l'intérêt natinal demande souvent aussi que la propriété elle-même passe en des mains qui en feront un meilleur usage.

П е с т е л ь, ч. 1-я. гл. I. отд. I, стр. 192.

Наконец, крупный землевладелец редко обладает знаниями, необходимыми для улучшения своих земель. Он обычно находится или на военной службе, или на гражданской, или же проводит жизнь в увеселениях.

Enfin le grand propriétaire possède rarement les connaissances nécéssaires pour l'ameliération de ses ters. Il sert dans le militaire ou dans le civil, ou bien il s'amuse.

[2]) См. текст стр. 211.

тельно, мы имеем полное основание утверждать, что трактат «Практические начала политической экономии» написан не раньше 1819 г.

Нам остается еще установить, в какой именно год в периоде между 1819—1825 г.г. написан этот трактат. Хотя для абсолютно точного ответа на этот вопрос мы не располагаем такими же объективными данными, как в первом случае, но, при сопоставлении «Практических начал политической экономии» с другими работами Пестеля, мы в состоянии удовлетворительно разрешить интересующую нас задачу. К числу наиболее ранних произведений Пестеля, кроме «Практических начал», относятся две его большие незаконченные работы: «Записки о государственном правлении» и «Краткое умозрительное обозрение государственного правления», сшитые вместе с черновиками «Русской Правды» [1]). Обе эти записки написаны не позже 1820 года, о чем свидетельствуют следующие данные. На обложке «Краткого умозрительного обозрения государственного правления» указан год, когда написана эта работа — «1820» — и автор ее — «сочинение молодого гусара». «Молодой гусар» — не кто иной, как Пестель, который в 1820 г., как видно из его послужного списка [2]), служил в Мариупольском гусарском полку. Следовательно, указанной на обложке «Краткого умозрительного обозрения» датой можно вполне руководствоваться. В свою очередь «Записка о государственном правлении» написана в том же 1820 г. или на несколько месяцев раньше, в чем легко убедиться при сличении ее с «Кратким умозрительным обозрением» [3]), так как последняя работа дополняет и развивает содержание «Записки о государственном правлении». И вот, сопоставляя публикуемую нами работу Пестеля с двумя только что названными его рукописями, легко можно установить, что «Практические начала политической экономии» написаны раньше. Это видно из того, что ряд мыслей Пестеля, изложенных им в «Практических началах» в самых общих чертах, в «Записке о госуд. правлении» и в «Кратком умозрительном обозрении» развиты более обстоятельно и притом в форме уже определенных политико-юридических положений. Так, например, мысль о том, что правительство обязано установить бдительный надзор за качеством промышленных товаров, в «Практических началах» Пестелем изложены еще, так сказать, в «академических» тонах, без указания соответствующего правительственного органа, который должен был выполнять эту обязанность. В «Записке о государственном правлении» эти же мысли изложены уже, как обязанность определенного органа реформированного государственного аппарата — «государственного приказа благочиния», — задача которого «состоит в учреждении безопасности для правительства, представляющего целые гражданские общества» и «... в учреждении оной (безопасности.—*С. М.*) для народа или для частных лиц» [4]). Одной из основных обязанностей этого «приказа» является «надзор за всеми промышленниками, дабы они условия, с частными людьми делаемые, в полной мере держали и свои работы своевременно и в условленной представляли доброте, равно как и разбирательства по сим предметам. Для сего весьма полезно, чтобы каждый промышленник обязан был держать условную книгу или запись, в которую записывались бы все условия, делаемые между им и частными людьми, и по которой несогласия между ими могли быть разбираемы и решаемы. Сии книги должны быть

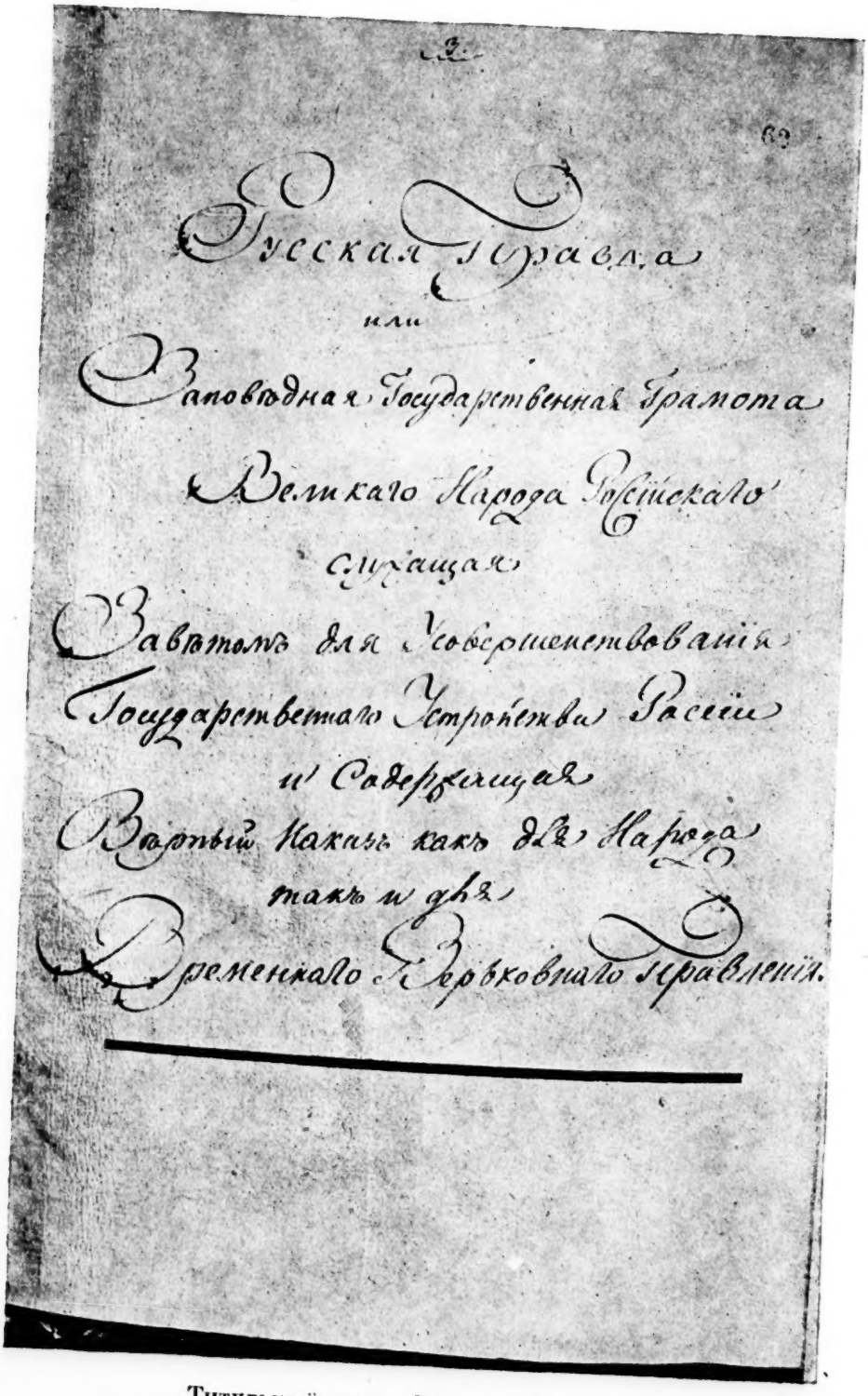
---

[1]) Арх. Окт. Рев. «Госархив». I В. дело № 10, л.л. 145—197 и 198—229.

[2]) А. О. Р. «Госархив». I В, дело № 394, л. 112 об.

[3]) Подробное обоснование этого положения читатель найдет в предисловии к новому изданию «Русской Правды», выпускаемому Центрархивом.

[4]) Дело № 10, л.л. 159 об.



Русская Правда
или
Заповѣдная Государственная Грамота
Великаго Народа Россійскаго
служащая
Завѣтомъ для Усовершенствованія
Государственнаго Устроенія Россіи
и содержащая
Вѣрныя Начала какъ для Народа
такъ и для
Временнаго Верховнаго Правленія.

Титульный лист „Русской Правды."
(Архив Окт. Революции. Особ. Отд. Фонд XXI, д. № 10, л. 62).
(В уменьш. виде).

скреплены чиновниками благочиния, а посему я назвал сие действие нотариатом. — Я думаю, что сии условные записи ограждали бы частных лиц от обмана промышленников и заставляли бы сих последних представлять хороший товар, действуя в сем отношении гораздо успешнее, нежели гильдии и цехи...» [1]).

В «Практических началах» Пестель, желая добиться максимума гарантии в доброкачественности промышленных изделий, договорился в конце концов до необходимости учредить явно архаический средневековый институт цеховых корпораций [2]). В «Записке о государственном правлении» этот проект уже оставлен. Другой пример. В первой главе «Практических начал» Пестель, отстаивая принцип буржуазного землевладения, подвергает довольно резкой критике институт «фамильной», земельной собственности [3]), когда старший в роде является лишь представителем всей семьи, и поэтому он не может свою землю ни продать, ни разделить [4]). Это же положение в «Кратком умозрительном обозрении государственного устройства» изложено опять-таки в виде определенной юридической нормы: «Всякое различие между родовом и благоприобретенном имении [5]), следовательно, должно быть уничтожено тем более, что право собственности основано быть должно на истинной неприкосновенности сего права, а отнюдь не на побочном движении [5]) об образе, коим вещь в собственность поступает, если только сей образ есть законный» [6]). В отличие от «Практических начал» в цитируемом тексте принцип буржуазного землевладения провозглашен без каких бы то ни было экономических доводов. Эти два примера указывают, что «Практические начала политической экономии» написаны несколько раньше «Записки о государственном правлении» и «Краткого умозрительного обозрения государственного правления», т.-е. не позже 1820 г. Таким образом мы видим, что публикуемая работа написана Пестелем в 1819—20 г.г.

Судя по плану, помещенному на последней странице рукописи, Пестель в эти годы задумал большой труд, и, очевидно, «Практические начала» являются к нему как бы подготовительной работой, которая осталась незаконченной. Но и в таком виде «Практические начала» являются для изучения идеологии Пестеля чрезвычайно ценным материалом, ибо этот трактат, являясь одной из самых ранних работ Пестеля, и притом еще посвященной исключительно вопросам экономической политики, дает нам возможность ознакомиться с наиболее ранней фазой его идеологии, и притом у ее первоначальных экономических истоков. В этом смысле точное установление времени написания «Практических начал политической экономии» имеет не только историко-библиографическое значение, но крайне важно для понимания эволюции идеологии Пестеля, ибо в этом документе по целому ряду центральных узловых вопросов Пестель придерживался взглядов, резко отличных от изложенных в «Русской Правде» в ее последних двух редакциях. В этом отношении особенно сильно и резко отличаются его точки зрения на крестьянский вопрос.

---

[1]) Дело № 10, л. 159 об.

[2]) См. текст, стр. 234—235.

[3]) Особенно резкой критике этот тип землевладения подвергся в «Русской Правде», где Пестель уже определенно именует его общепринятым термином «майорат».

[4]) См. текст, стр. 190.

[5]) Так в оригинале.

[6]) Дело № 10, л. 212.

В отличие от «Русской Правды», в которой крестьянский вопрос разрешается чрезвычайно радикально — на революционное правительство возложена обязанность освободить крестьян («рабство должно быть решительно уничтожено») и с землей («каждый россиянин будет посредством сего постановления обладателем земли»)—в «Практических началах политической экономии» Пестель хотя и признает необходимым уничтожение крепостного права, но он предлагает освободить крестьян с крайне медлительной постепенностью, а главное—без земли. «Раб предварительно должен пройти несколько промежуточных этапов, прежде чем достигнет положения свободного фермера. Эти различные этапы таковы: 1) Из раба, который может быть продан без земли, он становится рабом, который может быть продан только с землей. 2) Потом он становится земледельцем, который может покинуть свою землю с разрешения установленных властей. 3) Наконец, он становится — свободным работником. 4) После этого он приобретает небольшую земельную собственность и становится половником. 5) Наконец, он выходит из этого класса в класс свободных фермеров, приобретших более значительную собственность и капитал. На каждой новой ступени он получает новые права, и с каждым разом увеличиваются его имущество и просвещение. Декретированная свобода не сразу увеличивает народное богатство и не сразу распространяет просвещение... Закон же, который гласит об этом, может оказаться бесполезным и опасным. Гораздо лучше итти медленным, но верным шагом, освобождая крестьян постепенно. Начните с закона о том, что крестьянин не может быть продан без земли» [1]).

Как же объяснить такую менее чем умеренную программу, под которой расписались бы не только наиболее правые из декабристов, но и большое число помещиков, стоявших далеко вправо от них? Ключ к ответу на этот вопрос мы найдем лишь после того, как выясним, что собой представлял Пестель в 1819—20 г.г.

Прежде всего следует отметить, что в эти годы Пестель еще не был тем революционером-якобинцем, каким он выступает перед нами в 1822—25 г.г. В 1819—20 г.г. он являлся членом единой, но пестрой по своему составу организации Союза Благоденствия, объединявшей людей крайне разнородных как по своему классовому, так и политическому облику. Впоследствии Пестель дал Союзу Благоденствия весьма нелестную характеристику: «Все члены Союза Благоденствия согласны были в намерении содействовать к введению в России нового порядка вещей и в том, что сие иначе произведено быть не могло, как через количественное усиление членов общества и распространение Союза Благоденствия по елико возможным большим местам; но по всем предметам и статьям не было общей мысли и единства в намерениях и видах. Сие разногласие относится преимущественно до средств, коими произвести перемены в России, и до порядка вещей и образа правления, коим бы заменить существование правительства... Часто одни и те же члены мнения свои переменяли или пополняли... Да и вообще едва ли найдется кто-либо из нас, который с самого начала все одно мнение бы имел» [2]).

Какого же «мнения» придерживался сам Пестель в эти годы?

В «Практических началах» Пестель придерживается еще монархических взглядов. Это видно из того, что он, отстаивая неприкосновенность частной собственности, считает вполне законной конфискацию земельной собственности у лиц, совершивших «пре-

---

[1]) См. текст, стр. 195.

[2]) Архив Окт. Рев. Госархив I В, дело № 394, л. 5 об.

ступление в оскорблении его величества» [1]). Правда, мы располагаем рядом бесспорных свидетельств, в том числе и самого Пестеля, о том, что уже в 1820 г. он на совещании у Глинки энергично и настойчиво высказался за республиканский образ правления. Как же связать эти два противоречивых факта? Дело в том, что Пестель и в более поздние годы, оставаясь принципиально республиканцем, все же готов был согласиться на установление в России конституционной монархии. Так, напр., в многочисленных черновых набросках подготовляемой им «Русской Правды» мы встречаем отрывки, написанные и в монархическом и в республиканском духе. В монархическом духе написана и «Записка о государственном правлении». Такая двойственность отчасти была вызвана чисто тактическими соображениями. Опасаясь откола правого монархически настроенного крыла Союза Благоденствия, Пестель готов был пойти ему на уступки. Но было бы явной ошибкой считать монархизм Пестеля в эти годы только тактическим маневром, ибо, судя по его отношению к другим политическим вопросам, видно, что он в эти годы склонялся к умеренной программе и тактике. Особенно ярко это видно из того, как он разрешает в трактате вопрос о политическом равенстве. Основным лейтмотивом республиканизма Пестеля в то время, когда писалась «Русская Правда», являлось политическое равенство. «Все российские граждане должны одинаковым образом пользоваться всеми правами частными, гражданскими и политическими и пользоваться оными в целом пространстве всего государства» [2]).

В «Практических началах» мы встречаем совсем другую точку зрения — «... политические учреждения должны ограничивать естественную свободу, не говоря уже о равенстве, *которое является заблуждением* как в физическом отношении, так и в нравственном, *и еще больше в политическом*»... [3]). Очевидно, если монархизм Пестеля еще можно было объяснить одними тактическими соображениями, то таким же образом объяснить его выпад против политического равенства никак нельзя. Слишком это диссонирует всему характеру политического облика Пестеля — автора «Русской Правды». Очевидно, что занимающий нас документ отражает этап в развитии идеологии Пестеля, когда он еще окончательно не был ни демократом, ни республиканцем, ни революционером,—этап, о котором он сам говорит в одном из своих показаний... «и начали во мне рождаться почти совокупно как и конституционные, так и революционные мысли. Конституционные были совершенно монархические, а революционные очень слабы и темны» [4]).

Но какое же тогда значение имеет публикуемый трактат для изучения идеологии Пестеля? Чем Пестель именно в этом трактате отличается от остальных членов Союза Благоденствия? Ответ на этот вопрос мы найдем в общей концепции трактата. Центральной проблемой, которую Пестель надеется разрешить в «Практических началах политической экономии», является развитие производительных сил страны, при чем развитие в определенном направлении — в буржуазном, капиталистическом. «Принцип свободы здесь (в сельском хозяйстве—*С. М.*), как и вообще в политической экономии, является основным. Необходимо даровать землевладельцам, фермерам и рабочим свободу, вытекающую в их наиболее полной неприкосновенности. Необходимо стараться увеличить разделение труда, для чего потребуется затрата капитала, а поэтому

[1]) См. текст, стр. 189.
[2]) Дело № 10, л. 248.
[3]) См. текст, стр. 236. (Курсив мой. *С. М.*)
[4]) Дело № 394, л 109 об.

необходимо облегчить свободный оборот капитала. Когда правительство достигнет этих трех целей, тогда оно действительно сделает для земледелия все, что имеется в его власти» [1]). Таким образом основными условиями для развития производительных сил в сельском хозяйстве Пестель считал предоставление максимума буржуазной свободы как землевладельцам (и постоянным и временным держателям), так и непосредственным производителям. «В результате всего вышесказанного мы видим, что неприкосновенность личности и частной собственности являются основными принципами политической экономии» [2]). Но в конкретной русской действительности эти начала не могли быть реализованы, поскольку оставались нетронутыми два архаичных антибуржуазных института — сословно-привилегированное землевладение и крепостное право.

Первый институт Пестель подверг резкой критике. Монопольная исключительность сословного землевладения приводит к тому, что такой земельный собственник не является организатором производства, непосредственно хозяйствующим субъектом, а «он обычно находится или на военной службе, или на гражданской, или же проводит жизнь в увеселениях», благодаря чему он «редко обладает знаниями, необходимыми для улучшения своих земель», но в то же время такого рода земельная собственность имеет тенденцию к беспрерывному укрепнению, и земля, в конце концов, юридически закрепляется за строго ограниченным кругом лиц, что служит препятствием для проникновения капитала в сельское хозяйство. В результате — крупный земельный собственник, не обладая необходимым капиталом, вынужден вести крупное сельское хозяйство, но архаичное, пользуясь трудом крепостных («рабов»), что еще больше задерживает развитие производительных сил в сельском хозяйстве. В отличие от Сисмонди, Пестель в трактате вовсе не является противником крупного сельского хозяйства. Наоборот, мелкое, парцелярное крестьянское хозяйство осуждается им так же резко, как и крупное крепостное. К последнему он относится отрицательно лишь потому, что оно является результатом не экономической эволюции, а «фамильной», сословной монополией, которая в конечном счете не только задерживает развитие производительных сил, но еще «может стать опасным для правительства».

Какой же вывод намечает Пестель? Ни конфискации, ни даже принудительного отчуждения за выкуп, как это встречается в многочисленных вариантах «Русской Правды» автор «Практических начал», вопреки ожиданиям, не рекомендует. И не рекомендует отнюдь не оттого, что в эти годы он субъективно является глашатаем интересов помещичьего дворянского землевладения, как это может показаться с первого взгляда. Наоборот, в «Практических началах политической экономии» в 3 отделе, в главе «Помощь, оказываемая правительством землевладельцам», Пестель очень далек от защиты классовых интересов дворянского землевладения. В указанной главе он, не употребляя термин «дворянство», быть может, из тактических соображений, фактически подвергает уничтожающей критике всю систему правительственных поощрений дворянского землевладения, как-то: «денежные ссуды из банка», «система кредита и ипотеки» и «покупка земель разорившихся землевладельцев», систему, которая махровым цветом процветала при помещичьей «матушке» Екатерине II, широко практиковалась при Александре I и достигла своего апогея (в дореформенной России) при Николае I.

---

[3]) См. текст, стр. 189.

[4]) См. текст, стр. 195.

Отсутствие в «Практических началах» плана принудительного отчуждения земли у крупных сословно-привилегированных собственников объясняется другими причинами. Дело в том, что Пестель в эти годы еще не сознавал, в пользу кого бы он мог предложить столь радикальную операцию, одно заявление о которой отпугнуло бы от него не только правое крыло, но и подавляющее большинство членов Союза Благоденствия. «Раздел земли (а не полное отчуждение—*С. М.*) даже как гипотеза встречает сильную оппозицию» [1],—писал уже несколько лет спустя Матв. Муравьев-Апостол своему брату С. И., характеризуя господствующие настроения в Северном обществе, которое и по своему составу, идеологии и тактике было значительно радикальнее Союза Благоденствия.

Ну, а в пользу крестьян?—скажет читатель. Но как раз в крестьянстве, в том современном Пестелю крепостном придавленном крестьянстве, он тогда—в 1819 - 20г. г.— не видел реальной общественной силы, которая способна была бы более рационально, экономически более прогрессивно эксплоатировать землю. «Еще хуже, отдать землю крестьянам. Здесь речь идет не о количестве рабочих рук, а о капитале и просвещении, а крестьяне не имеют ни того, ни другого». [2] А между тем основной задачей «Практических начал» является указание такой системы землепользования и производства, которая содействовала бы поднятию сельского хозяйства.

«Оказание помощи (правительством) земледелию»,—читаем в указанном 3 отделе «Практических начал»,—«означает не что иное как способствование увеличению производства земледельческих продуктов». [3] А поскольку это пожелание осуществимо лишь в условиях буржуазного землевладения и хозяйства, то апологии последнего и посвящен трактат Пестеля.

Но что является наиболее важным и характерным в «Практических началах» — это тот факт, что Пестель апологизирует не буржуазное сельское хозяйство вообще, а его высшую в капиталистических условиях форму — капиталистическое фермерство, которое по своему производственному эффекту превосходит и крупное помещичье хозяйство, и мелкое крестьянское.

«Землевладельцы бывают крупные и мелкие, последние могут сами обрабатывать землю, и большею частью они вынуждены прибегать к этому вследствие недостатка у них капитала, необходимого для содержания значительного числа рабочих. Крупные же владельцы, обладая большим капиталом, содержат много рабочих, надзор за которыми очень утомителен. Для большего удобства они возлагают заботы по надзору на комиссаров, а мало по малу поручают им и всю обработку земли, за что эти последние в свою очередь платят землевладельцам ренту и приобретают звание фермеров.

Фермеры живут, таким образом, на земле крупных помещиков, которым они выплачивают ренту и землю которых они обрабатывают на собственный капитал и по своему усмотрению. Фермеры являются капиталистами земледельческого класса.

Вычтя из валового дохода все издержки, фермеры делят чистую прибыль на три части, из которых одну отдают землевладельцу в качестве ренты, вторую — правительству в виде налога, а третью оставляют себе как про-

[1] М. И. Муравьев-Апостол, «Воспоминания и письма», изд. «Былое», 1922, стр. 81.

[2] См. текст, стр. 198.

[3] См. текст, стр. 214.

цент на капитал. Мелкий землевладелец является одновременно и своим же собственным фермером, поэтому в его доход входят и рента и процент на капитал.

Первое положение вещей гораздо благоприятней для земледелия, чем второе. В первом случае возникает крупное сельское хозяйство, которое дает большую чистую прибыль и достаточную ренту. В последнем случае мы имеем мелкое сельское хозяйство, дающее небольшую чистую прибыль и ничтожную ренту. Оно дает мало дохода правительству и порождает только обременительное для государства население. Система фермерства встречается только в странах, где среди земледельцев образовался класс капиталистов, как, например, в Англии, Голландии, Ломбардии и в некоторых провинциях Дании и Германии. Во всех же других государствах Европы землевладелец вынужден быть в то же время и своим же собственным фермером, и обработка его земли производится или половниками, или земледельцами, прикрепленными к земле, или же рабами». [1])

Но капиталист-фермер мог образоваться лишь среди крестьянства. Это признает и Пестель — «наконец, он («раб»—*С. М.*) выходит из этого класса (полусвободных половников—*С. М.*) в класс свободных фермеров, приобретших более значительную собственность и капитал» [2]). Следовательно, только освобождение крестьян способно создать условия, необходимые для вызревания прогрессивной формы производства в сельском хозяйстве. И это признает Пестель: «Целью правительства,—читаем мы в той же главе трактата,—должно быть последовательное освобождение класса земледельцев для того, чтобы между ними могли образоваться капиталисты, которые бы получили возможность стать фермерами» [3]). Но как раз тут Пестель ставит своего читателя в недоуменное положение.

Если капиталистическое фермерство является наиболее прогрессивным типом производства, то почему же тогда он растягивает освобождение крестьян на такой мучительно долгий срок? Допустим, что он избегает рекомендовать освобождение крестьян с землей — единственно реальное условие для возникновения капиталистического крестьянского хозяйства — из тактических соображений, опасаясь за судьбу Союза Благоденствия. Но почему же он растягивает срок и проектируемого им безземельного освобождения крестьян, как это явствует из приведенной нами на стр. 178 цитаты? Или, быть может, эта цитата заключает в себе общее положение, не относящееся конкретно к России? Но, во-первых, весь трактат (точнее—фрагменты трактата) написан в чисто «академических» тонах, без указания страны, в которой Пестель хотел бы видеть осуществление развиваемых им положений. А, во-вторых, в той же главе и в том же отделе «Практических начал» мы вновь встречаем этот план, развиваемый применительно к России. Это видно из того, что в этом абзаце все примеры приведены из российской действительности. Вот этот план: «Начните с закона о том, что крестьянин не может быть продан без земли. Затем предоставьте ему право оставить землю после того, как установленные власти признают, что он ничего не должен хозяину, на земле которого он жил, и пусть перемена его местожительства приурочивается всегда к известному времени

---

[1]) См. текст, стр. 191 — 192.
[2]) См. текст, стр. 195.
[3]) См. текст, стр. 192.

года. Таково было положение русских крестьян до Петра Великого и украинских— до Екатерины II. Разрешите затем землевладельцам отпускать крестьян на волю, если они найдут это нужным, и на условиях, какие они сами сочтут приемлемыми. Так делается в настоящее время в России [1]). Наконец, необходимо заняться уставом о земледелии, где были бы точно определены обязанности крестьянина по отношению к землевладельцу и по отношению к государству. Комиссия по делам Лифляндии занимается чем-то в этом роде. При таких предварительных законах можно надеяться, что наступит день, когда можно будет объявить освобождение крестьян» [2]). Такая медлительность со стороны Пестеля особенно непонятна, если принять во внимание его личное признание в том, что, в отличие от всех остальных отрицательных явлений современной ему российской действительности, «рабство крестьян всегда сильно на меня действовало» [3]). С другой стороны, против более быстрого освобождения крестьян не возражало бы и большинство членов Союза Благоденствия. Задуманный Якушкиным план освобождения крестьян служит лучшим доказательством. А Якушкин не являлся исключением. В изданных Академией Наук бумагах Н. И. Тургенева можно встретить детально разработанные планы освобождения крестьян, рассчитанные на неизмеримо более короткий срок.

Но дело в том, что помещичье большинство Союза Благоденствия разрешало крестьянский вопрос, а особенно освобождение крестьян, исходя из интересов своего, помещичьего, производства. Они добивались освобождения крестьян, точнее—освобождения земли от крестьян, желая эксплоатировать эту землю наивыгоднейшим образом, дабы использовать благоприятную хозяйственную конъюнктуру — высокие хлебные цены. С этой целью они старались провести эту операцию (безземельное освобождение крестьян) как можно скорей.

Но Пестелю незачем было торопиться, ибо ему был чужд такой чисто помещичий подход к крестьянскому вопросу. И не только потому, что он сам не был помещиком. Этот чисто отрицательный момент сам по себе не играл существенной роли. Решающее значение имел другой факт. Это то, что Пестель представлял собой новый для России 20-х г.г. прошлого века социальный тип, у которого были порваны все связи с каким бы то ни было производством, тип мелкобуржуазного интеллигента, юридически еще считавшегося членом господствующего класса, но который фактически общим ходом экономического развития — внедрением в старый хозяйственный режим новых капиталистических отношений—уже был выброшен из сферы производственных отношений. Но почему же тогда, спросит недоумевающий читатель, он уделил в своей работе так много внимания проблеме развития производительных сил в сельском хозяйстве, а, в частности, экономической несостоятельности крепостного хозяйства, или, выражаясь его языком, «работы рабов»?

И проблема развития производительных сил и крепостное право как институт, препятствующий этому развитию, интересуют Пестеля прежде всего как потребителя, и притом потребителя мелкобуржуазного, который только что столк-

[1]) Очевидно, Пестель ссылается на закон 1803 г. о так называемых «вольных хлебопашцах». Но только он не совсем точно его толкует, ибо по этому закону помещики как раз «были лишены права освобождать своих крестьян на условиях, какие они сами сочтут приемлемыми», т.-е. без земли.

[2]) См. текст, стр. 195—196.

[3]) АОР. Госархив. Дело № 394, л. 109 об.

нулся лицом к лицу с дотоле неведомой ему стихией капиталистического распределения—рынком. Сквозь призму интересов такого мелкобуржуазного потребителя он разрешал все вопросы экономической политики, и общие и частные. Так, напр., одна из глав трактата специально посвящена критике увлечения правительства правом эмиссии. Что же больше всего смущает и возмущает Пестеля? «Вздорожание денег будет препятствовать спросу и потреблению. Человек, получавший 1.000 руб. жалованья звонкой монетой, не будет иметь возможности делать те же затраты, когда он получает жалованье бумажными деньгами, которые стоят всего 500 рублей. Он может потреблять только половину того, что потреблял раньше. Он будет лишен возможности попрежнему питаться, одеваться и пользоваться таким же, как раньше, помещением; а так как производство зависит от потребления, то земледелие и фабричная промышленность будут производить только половину того, что они производили раньше. С уменьшением производства национальное богатство ежедневно терпит убытки, несмотря на высокую номинальную цену этой никуда негодной бумаги» [1]). В этой цитате каждая фраза — стон испуганного мелкобуржуазного потребителя, для которого жалованье является единственным источником существования и который глубоко убежден, что как только он перестанет «попрежнему питаться и одеваться», то рухнет вся хозяйственная система, а за ней и весь общественный режим. «Не будь ассигнаций, не было бы французской революции», [2]) пророчески возвещает Пестель. Не менее характерно для идеологии Пестеля, что он считает основной причиной расширения производства. «Увеличение производства является результатом исключительно экономии», и потому «действительная помощь, которую правительство [3]) может оказать земледелию, заключается в том, чтобы приучить все три земледельческие класса к экономии и внушить им желание делать сбережения» [4]). Таким образом личная экономия—основное требование пуритан, английских мелких буржуа на заре развития английского капитализма—стало экономической максимой и для первого идеолога русской мелкой буржуазии в годы возникновения промышленного капитализма в России.

Но наиболее рельефно чисто потребительская концепция «Практических начал политической экономии» выявилась во второй части трактата, в первой ее главе, где Пестель определяет разницу между крупной капиталистической промышленностью, фабрично-заводской и мелкой, докапиталистической, ремесленной. «Итак, фабрики суть такого рода предприятия, где: 1) обрабатывают сырье, 2) для общих нужд, 3) в большом количестве и 4) продукт производства которых сохраняется долго. Ремесленные предприятия суть такие, где: 1) обрабатывают продукты фабричного производства, 2) для индивидуальных нужд, 3) в деталях, и продукты производства которых 4) предназначаются для непосредственного потребления» [5]). В глазах Пестеля фабрика и завод отличаются от ремесленной мастерской не лишением пролетаризованного производителя средств производства, не концентрацией последних, не углублением классового антагонизма между собственниками средств производства и непосредственными производителями, а лишь нуждами потребителя. «Сырье обрабатывается для потребления его всеми вообще людьми или по крайней мере большим

[1]) См. текст, стр. 211.
[2]) См. текст, стр. 211.
[3]) См. прим. на стр. 214.
[4]) См. текст, стр. 214.
[5]) См. текст, стр. 221.

числом людей, например, мука, сукно, шелк, или уже обработанные предметы изготовляются для потребностей одного человека, согласно его личным нуждам, его росту вкусам... В первом случае мы имеем работу фабричную, а во втором — работу ремесленную, напр., суконная фабрика и ремесло портного, кожевенный завод и сапожник» [1]

И к анализу капиталистического хозяйства в целом и свойственных капитализму противоречий Пестель так же подходит, как потребитель.

В отличие от Сисмонди, его внимание устремлено не на защиту мелкобуржуазного производителя от экспроприаторских тенденций капиталистического производства, а на защиту мелкобуржуазного внепроизводственного потребителя от стихии капиталистического рынка. Мелкий буржуа, только-только вытолкнутый из спокойного логовища почти натурально хозяйственного уклада мелкопоместного дворянского «ойкоса» и вынужденный поэтому, при строго ограниченном бюджете, покупать все на рынке,— Пестель полон самым элементарным страхом — как бы его не обманули, не надули. И, что характерней всего, его не столько смущает надувательство в цене, сколько в качестве товара. Укоренившаяся веками привычка удовлетворять свои потребности большей частью продуктами своего домашнего производства или, в крайнем случае, простым товарным обменом, заставляет его относиться с крайним недоверием и подозрением к анонимному товару капиталистического производства. Он так сильно объят этим страхом, что в целях ограждения себя от эксплоататорских поползновений промышленной буржуазии, у которой «жадность к наживе безгранична» [2]), настойчиво рекомендует целую систему правительственного контроля и регламентации как производства, так и распределения. Для этой цели, по его мнению, правительством должна быть учреждена специальная «фабричная коллегия», которая обязана «сохранять ценность изделий и их цену путем запрещения плохой выработки их, а для этого коллегия должна получать от каждой фабрики пробы», а, «в целях сохранения народного доверия, необходимо иметь на рынке инспекторов для того, чтобы они не допускали продажи плохих товаров, и для того, чтобы они занимались сортировкой товаров. Все эти меры вдвойне необходимы в той стране, где фабрики и заводы находятся еще в зачаточном состоянии» [3]), т.-е. в первую очередь в России.

И хотя рекомендуемые им мероприятия противоречат провозглашенному им же, в первой части трактата, принципу экономического либерализма, он все-таки настойчиво требует осуществления их, вплоть до учреждения цехов. А что касается провозглашенной им полной экономической свободы как в производстве, так и в распределении, то последняя в интересах мелкобуржуазного потребителя должна быть сжата. «Промышленность, плохо налаженная, приводит к самым дурным последствиям во всех государствах, *и философские рассуждения о природе собственности и прав человека совсем неуместны, когда речь идет об открытии в государстве фабрик*» [4]). И на ряду с такими преувеличенными заботами об интересах мелкобуржуазного потребителя мы в «Практических началах политической экономии» сталкиваемся с полным почти равнодушием к интересам мелкобуржуазных производителей. Наоборот, во всех случаях, когда борьба между мелкими производителями и крупным капиталистическим производством может повредить интересам потребителя, Пестель без колебаний

[1]) См. текст, стр. 220.
[2]) См. текст, стр. 234.
[3]) См. текст, стр. 231, 234.
[4]) См. текст, стр. 234. (Курсив мой. *С. М.*).

жертвует первыми. Вот один из многочисленных примеров. Опасаясь ухудшения «качества» товара вследствие ненормальной конкуренции, он считает, что «мелкую работу следует предоставить крестьянам и мещанам, но необходимо запретить подражать работе больших, так как, делая свою работу плохо, они подорвут дверие к хорошим фабрикам, в особенности со стороны иностранцев, удорожает сырой материал, развратят рабочих и (вот что главное! *С. М.*) *вынудят большие фабрики работать так же плохо, как и они сами, или же заставят точно так же регламентировать и их* (крестьян- *С. М.*) *работу*» [1]). Какая пропасть лежит между этой формулой и «Русской Правдой», которая резко осуждает «распределение народа по отраслям промышленности», ибо «таковое распределение частных лиц породило бы скоро новый род отдельных сословий, которые бы имели основанием своего бытия богатство. Таковые сословия суть самые безрассудные и зловредные, потому что они самые бесчеловечные, что они умножают до чрезвычайности число бедных и нищих» [2])...

В тех же случаях, когда Пестель в «Практических началах» касается вопросов быта мелкого производителя, он также не в силах преодолеть своей потребительской ограниченности, ибо в подобных случаях его тревожит не пролетаризация такого мелкого производителя, а пауперизация последнего, которая лишит производство квалифицированного производителя. И только [3]).

Вот эта потребительская ограниченность мелкого буржуа, лишенного всяких производственных связей и взирающего на развитие капиталистических отношений сквозь призму потребления, а не производства, определила позицию Пестеля в крестьянском вопросе в те годы, когда он писал свой трактат. Его апология капиталистического фермерского хозяйства продиктована не его вниманием к нуждам крестьянства, а его общим отношением к капиталистическому хозяйству.

В отличие от Сисмонди, который во имя спасения мелкого производителя отрицал прогрессивное значение капитализма и призывал в своих «Nouveaux principes d'économie politique» общество свернуть с «ложного пути» капиталистического развития, Пестель, наоборот, в своем трактате приветствует капитализм, ибо в капиталистическом обществе перед ним—мелкобуржуазным интеллигентом—открывалось неограниченное поле деятельности.

«Фабрики открывают новый источник богатств, не зависящих от земельной собственности, источник богатств, который делает художника гражданином всех стран и распространяет дух независимости и свободы. Земледелие, напротив, утверждает самый точный принцип собственности и неравенства и покровительствует рабству. Свободные искусства: живопись, скульптура, архитектура—много выигрывают от прогресса фабрик, для которых они работают. Химия, механика, ботаника, физика находят здесь объект, достойный своих изысканий, и даже философские науки суть изыскания о природе народного богатства, которое возрастает на их глазах. Наконец, благосостояние, распространяемое фабрикантами среди всех классов населения, непременно порождает покровителей искусств и наук. Италия при Медичи, Голландия в счастливые дни свободы, Франция при Кольбере, Англия в настоящее время свидетельствуют, что эпоха процветания фабрик была также и временем прогресса искусств и наук вообще» [4]).

---

[1]) См. текст, стр. 233. (Курсив мой. *С. М.*)

[2]) Дело № 10, л. л. 245—246.

[3]) См. текст, стр. 237, начиная со слов: «Наконец, не безразлично и то, разоряется ли какой-нибудь рабочий...».

[4]) См. текст, стр. 228.

Но, приветствуя капитализм, он опасается, как бы разрушительные тенденции капиталистического развития не оказались сильнее созидательных. Чтобы предупредить эту опасность, Пестель разработал целую систему планирования капиталистической промышленности, развитие которой должно соответствовать интересам внутреннего рынка, рынка потребителей, а главное, не итти по пути неурегулированного грюндерства.

«Невежество предпринимателей очень велико. Им безусловно нужно показать, как нужно работать, нужно их познакомить с лучшими инструментами, нужно заставить их выписать и призвать лучших мастеров. Жадность к наживе безгранична. Едва лишь одна фабрика начинает преуспевать, как десять других появляются по соседству и разоряют ее. *Все вновь открытые фабрики работают плохо, а плохая работа губит хорошую.* (Опять «качество»! *С. М.*) *Правительство должно в это вмешаться и обозначить места, где разрешается открывать новые фабрики. Одним словом, правительство должно руководить вновь нарождающимися фабриками, как отец руководит своими детьми*» [1]).

А одним из наиболее реальных и самым важным фактором, который в действительности может обеспечить органическое, лишенное корыстного предпринимательского ажиотажа, развитие капитализма, служит, по мнению Пестеля, высокий уровень сельского хозяйства. «Фабрики являются уделом только богатых стран потому, что требуют больших средств. Желание учреждать их насильно в бедных странах,—означало бы привлекать к ним капиталы, которые с большей пользой могут быть употреблены в сельском хозяйстве... Совершенно неверным является общераспространенное мнение что в Англии земледелием пренебрегают в пользу фабрик... Английские фабрики возникли и развиваются на усовершенствованном английском земледелии» [2]). И когда Пестель пропагандирует капиталистическое фермерство как наиболее прогрессивную форму производства в сельском хозяйстве, он этим преследует определенную цель: чтобы на основе высоко-развитого сельского хозяйства развитие капитализма шло бы в уровень с потребностями внутреннего рынка без грюндерского ажиотажа, который дезорганизует рынок и отдает потребителя во власть капиталистов. Далеко не случайным является и тот факт, что свою мысль Пестель обосновывает примером из истории Англии. Англия в начале XIX века отличалась от стран европейского континента не только диапазоном своего капиталистического развития, но и характером структуры своего капиталистического хозяйства. С эмиграцией английского торгового капитала в колонии, в которых он создавал питательную базу для промышленного капитала метрополии, последний внутри страны (Англии) принял совсем иной характер, чем промышленный капитализм в Австрии, Пруссии, России и даже во Франции. Английский капитализм к 20-г.г. прошлого века почти [3]) органически сросся с внутренним рынком, ибо благодаря своей более высокой технической организации он удовлетворял не только интересы потребителя («цена» и «качество»), но и пролетаризованных мелких производителей и мелкобуржуазной интеллигенции, втягивая их в сферу своего хозяйства, — одних в производство в качестве рабочих фабрик и заводов, а других в аппарат управления. Английский капитализм, употребляя термин тов. Ленина, был типом «демократического» капитализма. «Есть капитализм и капитализм. Есть черносотенно-октябристский капитализм и народнический (реалистический, демократический, «активности» полный) капитализм. Чем больше мы будем обличать перед рабочим капитализм за «жадность»

[1]) См. текст, стр. 234. (Курсив мой. *С. М*).

[2]) Окончательно в конце 40-х г.г.

[3]) См. текст, стр. 229.

и «жестокость», тем труднее держаться капитализму первого сорта, тем обязательнее переход его в капитализм второго сорта» [1]). Вот о таком «демократическом» капитализме, в отличие от капитализма, развивающегося в 20-х г.г. XIX века в России, и мечтал Пестель; вот почему и система английского сельского хозяйства — капиталистическое фермерство — играет такую крупную роль в его концепции.

В этом смысле концепция «Практических начал политической экономии» по выраженным в ней тенденциям является безусловно прогрессивным фактом в истории русской общественной мысли. Трактат Пестеля отражал объективный экономический процесс, сущность которого заключалась в том, что в 20 г.г. XIX века завязывался основной узел противоречий российской экономики, в которой перекрещивались и боролись между собой противоречивые тенденции капитализма «демократического» и «черносотенно-октябристского». [2]) Но это было отражение искривленное, искривленное потребительской ограниченностью идеологии Пестеля, которая мешала ему осознать самый главный факт: что в России «демократический» капитализм мог бы развиться лишь с освобождения крестьянства от гнета торгового капитала, который хозяйничал внутри страны, в русской деревне, как английский торговый капитал—в Индии. Освободить же крестьянство от хищнической эксплоатации торгового капитала — это означало освободить крестьянство от эксплоатации сословно-привилегированного дворянского землевладения, а в первую очередь крупного, для чего прежде всего требовалось немедленное освобождение крестьян и экспроприация дворянской земельной собственности. Но этому как раз раз и мешала его чисто потребительская ограниченность, которая лишала его возможности осознать всю совокупность интересов мелкой буржуазии, подавляющее большинство которой в России составляла не горсточка интеллигентов из деклассированных мелкопоместных дворян, а многомиллионное крестьянство. Эта ограниченность привела к тому, что хотя Пестель субъективно и относился резко отрицательно к крупному дворянскому землевладению, но объективно его экономическая политика лила воду именно на мельницу крупных земельных собственников, ибо капиталистическое фермерство при неприкосновенности дворянского землевладения, могло развиться лишь на землях знати, о чем наиболее дальновидный представитель последней, гр. М. С. Воронцов, мечтал еще в 20 г.г. прошлого века.

Но вскоре и Пестель понял, в какой заколдованный круг приводят его «Практические начала политической экономии». Через несколько лет, после мучительных и долгих поисков (свидетельством чему служат черновые наброски «Русской Правды»), он нашел, наконец, форму разрешения крестьянского вопроса в виде немедленного освобождения крестьян с землей и полной ликвидации дворянской земельной собственности. К этому он пришел не под впечатлением прочитанной новой книжки (наоборот, в «Русской Правде» влияние Сисмонди чувствуется более сильно, чем в «Практических началах политической экономии»), а в результате объективных фактов. Распад Союза Благоденствия, борьба Северного общества с Южным, внутри-фракционная борьба в последнем—постепенно помогли ему более четко осознать свои социальные интересы,—интересы мелкобуржуазного интеллигента, которые побуждали его подготовить себе «на другой день после революции» опору в среде основных кадров русской мелкой буржуазии—в среде многомиллионного крестьянского населения. *С. Мильман.*

[1]) «Письма В. И. Ленина к М. Горькому», 1924 г. стр. 42.

[2]) Подробнее об этом см. в подготовляемой к печати работе автора этих строк «П. И. Пестель».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Земледелие.

Принцип свободы здесь, как и вообще в политической экономии, является основным. Необходимо даровать землевладельцам, фермерам и рабочим свободу, вытекающую из их наиболее полной неприкосновенности. Необходимо стараться увеличить разделение труда, для чего потребуется затрата капитала, а поэтому необходимо облегчить свободный оборот капитала.

Когда правительство достигнет этих трех целей, тогда оно действительно сделает для земледелия все, что имеется в его власти.

Из вышесказанного видно, что трактат о практических началах политической экономии, в части, касающейся земледелия, обязательно должен подразделяться на три главы, из которых в п е р в о й трактуется вопрос о трех производительных классах, занятых в земледелии, в о в т о р о й — об увеличении производительных сил и в т р е т ь е й — об обороте капитала.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О т р е х п р о и з в о д и т е л ь н ы х к л а с с а х.

Земледельческие работы прикрепляют земледельца к земле, но, поскольку у него не будет полной уверенности в том, что его не прогонят с занимаемого участка, у него нехватит решимости успешно заниматься обработкой земли. Поэтому неприкосновенность земельной собственности является основой всего того, что правительство может сделать для земледелия. Земля есть или частная собственность, или собственность правительства.

О т д е л п е р в ы й.

Ч а с т н а я з е м е л ь н а я с о б с т в е н н о с т ь.

З е м л е в л а д е л ь ц ы.

Землевладельцам правительство должно даровать самую широкую гарантию: 1) по отношению к правительству, 2) по отношению к согражданам.

1) П о о т н о ш е н и ю к п р а в и т е л ь с т в у. Землевладелец может быть лишен земельной собственности не иначе, как совершив преступление в оскорблении его величества или же вследствие пресечения его рода, но ни в коем случае за какие-либо другие политические преступления, тем менее за обычные гражданские правонарушения. Преступлением оскорбления величества является покушение на государя или его представителя. Но даже в этом

случае необходимо, чтобы специально назначенный суд рассмотрел это преступление согласно существующим и общеизвестным в стране законам. В случае же пресечения рода необходимо, чтобы последний его представитель умер, не оставив завещания.

2) По отношению к согражданам. Гражданский кодекс должен ясно и точно установить правила приобретения, потери, продажи или покупки земельной собственности, а также и наследования и составления завещания. Исключительно лишь согласно этим точно установленным и общеизвестным законам, в соответствии с правом и приговором установленных властей, должны подлежать обсуждению все дела о земельной собственности, но ни коим образом не в силу чьего-либо случайного решения или частного мнения.

Существуют два различных принципа, по которым гражданский закон может определить все нормы, касающиеся земельной собственности. Последнюю рассматривают или как фамильную собственность, тогда старший в роде является лишь представителем всей семьи, и он самовольно не может ни продать, ни разделить это земельное владение, или же земля считается полной собственностью лица, владеющего ею в настоящее время, и тогда оно имеет неограниченное право распоряжаться ею.

Первый принцип порождает права первородства в наследовании, не распространяясь на лиц женской линии. Римляне не знали этих прав, ибо таковые возникли только в средние века. Этот принцип благоприятствует крупным землевладельцам, увеличивает их могущество и неизбежно влечет за собой рабство, как опору этого могущества, которое может стать опасным для правительства. Этот же принцип обычно служит причиной длительных процессов о праве наследования между целыми семьями, у которых отношения родства не очевидны; поэтому он подрывает доверие к частной недвижимой собственности, заставляет отказаться от мысли о возможности распоряжаться своею собственностью по своему усмотрению и препятствует свободному обращению земель. Опыт показал, что даже в Англии хуже всего обработаны земли, которые веками принадлежали одной и той же семье, тогда как наиболее усовершенствованная обработка земли наблюдалась в поместьях, переходивших время от времени от одного владельца к другому.

Второй принцип предоставляет наибольшую полноту прав земельной собственности лицу, являющемуся владельцем ее в настоящее время [1]). Юридически не существует никакой разницы между недвижимой и движимой собственностью, ибо как та, так и другая могут быть одинаково отчуждены и приобретены. Но первая представляет своим владельцам в настоящее время бóльшие политические права, ибо она не может так же легко переноситься из одной страны в другую, как движимая собственность, поэтому они, владельцы не-

[1]) В оригинале: «Possesseur actuel».

движимой собственности, более связаны с благом того государства, в котором они живут [1]).

Политические права касаются главным образом прав голосования и представительства в политических делах, достижения некоторых должностей, и, наконец, они доставляют их обладателям наибольшее доверие со стороны правительства. Редким исключением из этого правила являются небольшие государства, где фабрики и торговля являются главным занятием населения.

Фермеры крупные и мелкие.

Землевладельцы бывают крупные и мелкие; последние могут сами обрабатывать землю, и большею частью они вынуждены прибегать к этому вследствие недостатка у них капитала, необходимого для содержания значительного числа рабочих. Крупные же владельцы, обладая большим капиталом, содержат много рабочих, надзор за которыми очень утомителен. Для большего удобства они возлагают заботы по надзору на комиссаров, а мало по малу поручают им и всю обработку земли, за что эти последние в свою очередь платят землевладельцам ренту и приобретают звание фермеров.

Фермеры живут, таким образом, на земле крупных помещиков, которым они выплачивают ренту и землю которых они обрабатывают на собственный капитал и по своему усмотрению. Фермеры являются капиталистами земледельческого класса.

Вычтя из валового дохода все издержки, фермеры делят чистую прибыль на три части, из которых одну отдают землевладельцу в качестве ренты, вторую — правительству в виде налога, а третью оставляют себе как процент на капитал. Мелкий землевладелец является одновременно и своим же собственным фермером, поэтому в его доход входят и рента и процент на капитал.

Первое положение вещей гораздо благоприятней для земледелия, чем второе. В первом случае возникает крупное сельское хозяйство, которое дает большую чистую прибыль и достаточную ренту. В последнем случае мы имеем мелкое сельское хозяйство, дающее небольшую чистую прибыль и ничтожную ренту. Оно дает мало дохода правительству и порождает только обременительное для государства население. Система фермерства встречается только в странах, где среди земледельцев образовался класс капиталистов, как, например, в Англии, Голландии, Ломбардии и в некоторых провинциях Дании и Германии. Во всех же других государствах Европы землевладелец вынужден быть в то же время и своим же собственным фермером, и обработка его земли

[1]) В оригинале: «Les premiers donnent seulement aux possesseurs actuels des droits politiques plus grands puisque ne peuvent se porter aussi facilement d'un pays dans un autre; ils doivent être plus attachés au bien de l'Etat, où ils vivent».

производится или п о л о в н и к а м и, или з е м л е д е л ь ц а м и, прикрепленными к земле, или же р а б а м и.

Целью правительства должно быть последовательное освобождение класса земледельцев для того, чтобы между ними могли образоваться капиталисты, которые получили бы возможность стать фермерами.

Всюду, где землевладелец является своим собственным фермером, капитал, помещенный в земледелие, является лишь суммой капиталов, вложенных в земледелие одним только классом собственников, но когда в стране имеются фермеры, то тогда они своими затратами значительно увеличивают общее количество капиталов, вложенных в сельское хозяйство.

Наконец, крупный землевладелец редко обладает знаниями, необходимыми для улучшения своих земель. Он обычно находится или на военной службе, или на гражданской, или же проводит жизнь в увеселениях. Фермер же всегда остается на своем участке и должен специально заниматься изучением науки о земледелии. Таким образом применение земледельческой системы, которая вводит фермерство, увеличивает земледельческий капитал и сумму знаний о земледелии.

В Англии рента составляет почти треть чистого дохода, но эта треть больше, чем вся сумма чистого дохода, получаемая крупными земельными собственниками с земель, эксплоатируемых ими самими; во Франции, наоборот, вследствие того, что там вовсе не имеется фермеров, такая же земельная площадь приносит гораздо меньше дохода: в отношении 100 к 168.

Самое трудное — это установить обязанности крестьянина по отношению к землевладельцу. Но все эти трудности — эти барщины, десятины, денежные уплаты—кончаются, когда имеются фермеры. Землевладелец знает только своего фермера, с которым он заключил контракт на ренту, а дело найма рабочих касается уже самого фермера.

Правительство может оказать поддержку системе фермерства — 1) даруя постепенно свободу рабам; 2) предоставляя полную обеспеченность контракту, заключенному между фермером и землевладельцем, 3) покровительствуя контрактам, заключенным на долгий срок, запрещая сдачи земли в аренду меньше, чем на 10—12 лет. Опыт показал, что арендование земли на 10 лет и долее больше всего способствовало улучшению земли. Если срок аренды короток, то фермер не рискнет производить улучшения, которые требуют срока от 4 до 6 лет, ибо он не уверен в том, что, сделав улучшения, он сможет удержать за собой землю, хотя бы даже и не по прежней цене. В таких случаях он, рискуя ошибиться в своих расчетах, не будет располагать необходимым временем, чтобы возместить свои убытки каким-нибудь другим лучше рассчитанным предприятием. Он тогда постарается извлечь из земли какую только возможно будет выгоду за короткий срок пользования ею, и поэтому, вместо улучшения ее за свой счет, он лишь истощит ее.

Р а б о ч и е.

В каком случае увеличится валовой доход в земледелии: при обработке ли земли рабами, или же при возделывании ее свободными рабочими? При каких условиях будут собственник и фермер иметь наибольший общественный доход? Таковы возникающие перед нами политические вопросы, не говоря уже о правах человека.

Земледельцы составляют самый многочисленный класс. Их богатство, их благосостояние составляет большую часть национального богатства. Богатство небольшой кучки частных лиц может быть чрезмерным среди общественной нищеты. Такое государство с трудом может выдержать несколько лет войны.

Наконец, наибольшая сумма общественных доходов всегда поступает от самого многочисленного класса, т.-е. от класса земледельцев. Последние дадут гораздо больше, если будут служить добровольно. Благосостояние рабочих зависит от их жалованья и неприкосновенности сбережений, сделанных ими из этого жалования. Раб не имеет определенного жалования, соразмерного с его работой, и никакой гарантии своим сбережениям, поэтому не встречается зажиточных рабов. Наконец, рабство препятствует свободной деятельности и проявлению способностей, так как оно принуждает каждого применить свой труд и таланты только к работе, заданной хозяином. Откуда же мануфактуры, художества, ремесла и торговля приобретут рабочих, если земледельцы, самый многочисленный класс среди всех граждан, будут рабами?

Остается еще узнать, в каком случае увеличится доход помещика или фермера: тогда ли, когда он будет пользоваться трудом рабов, или же когда будет применять труд свободных рабочих. Соглашаясь с тем, что рабство приносит хозяину большой доход, необходимо, однако, признать, что этот принудительный доход, накопляющийся среди постоянно многочисленного [1]) класса, повлечет за собой как неизбежное следствие общественную нищету. Один богатый человек придется на тысячу нищих. К тому же страна будет плохо обработана, ибо раб нисколько не заинтересован в том, чтобы хорошо выполнять свою работу. Вот почему сахар и кофе, получаемые из Кохинхины, добываемые трудом свободных людей, на $^2/_3$ дешевле, чем те же продукты, идущие из Ямайки и из С.-Доминго, где они добываются рабами, хотя их производительный капитал уже восстановлен [2])... и сахар составляет чистый доход.

В стране рабов проценты на капитал всегда велики, так как число капиталистов незначительно и вследствие того, что, благодаря рабскому труду, можно много заработать на этот капитал.

---

[1]) В оригинале: «nombreuse», очевидно, описка.

[2]) В оригинале далее следует неразборчивое слово.

Но большие проценты и малое число капиталистов, имеющих большие доходы, служат всегда показателем национальной бедности. Совсем противоположное происходит в богатой стране.

Свободный рабочий получает жалованье, соответствующее спросу, он делает некоторые сбережения, у него образуется небольшой капитал, что и побуждает его хорошо работать, а эти капиталы образуют значительную сумму, которая и является национальным богатством.

Никогда промышленность и торговля не будут процветать в той стране, где рабочими будут или иностранцы, или рабы.

Рабство опасно для страны, которая сообщается со странами свободными и просвещенными.

Богатство хозяев становится даже опасным, ибо совершенно немыслимо, чтобы рабам была какая-нибудь польза от этого богатства, а как только они смогут приобрести какую-либо собственность, то необходимо будет их очень остерегаться. Война с рабами у римлян, недавний пример С.-Доминго и ряд других примеров новейшей истории подтверждают, что это не вымышленная опасность.

Нравственная сила государства заключается в характере его граждан. В опасных случаях она определяет характер нации, $^2/_3$ населения которой суть рабы. А разве рабский дух самого многочисленного класса не сообщится незаметно и свободным классам. С подчиненными будут обращаться, как с рабами, начиная с первой должности в государстве и кончая последней. Законы, даже суровые и своевольные, должны быть всегда сообразованы с национальным характером. Управление страной устанавливается согласно законам, следовательно, правосудие и полиция будут носить деспотический характер. Нельзя составить свод законов б о л е е л и б е р а л ь н ы м для нации, $^2/_3$ населения которой являются рабы.

Часто говорят, что раб работает так же хорошо, как и свободный, но с меньшими издержками. Правда, жалованье раба почти ничтожно или очень мало, и, следовательно, доход капиталиста, очень велик, но уже было сказано, что небольшое количество крупных капиталистов свидетельствует об общественной нищете; земля обрабатывается плохо, и владелец, который не находит фермера, получает, вместо ренты, только проценты на свой капитал. С т ю а р т, Т ю р г о и С м и т доказали, что труд рабов гораздо менее продуктивен, чем труд свободных рабочих. С э й поощряет работу, выполняемую рабами, но это может относиться только к плантациям сахара и кофе на островах [1]), но не к земледелию в Европе. Да и следует ли еще раз повторять вышесказанное, подтверждаемое примером Кохинхины.

Существуют еще другие возражения: указывают на то, что владелец понесет убытки при освобождении рабов, ибо освобожденные убегут. Все эти трудности устраняются в том случае, когда в стране имеются фермеры. Владелец получает ренту от фермера, а тот всегда

---

[1]) Речь идет об островах Вест-Индии. *Ред.*

найдет за свои деньги рабочие руки в государстве, в котором имеются свободные рабочие.

В результате всего вышесказанного мы видим, что неприкосновенность личности и приобретенной собственности является основным принципом политической экономии. Там, где гражданский закон утверждает наибольшую неприкосновенность личности и имущества, можно с уверенностью ожидать увеличения народного богатства. Англия обязана своим величием исключительно законам, обеспечивающим эту неприкосновенность, а вовсе не своей политической системе, и еще менее меркантильным правилам торговли.

Что касается землевладельцев, то гражданский закон легко может дать им такую гарантию, тогда как в отношении класса рабочих, из которого должны когда-либо выйти фермеры, представляется значительно больше затруднений. Необходимо начать с устранения наибольшего из них, а именно — затруднения в свободном обращении физических и моральных сил, а также и капиталов. Уничтожение рабства не может быть делом одного дня. Не законы освобождают, но индустрия, капитал и просвещение, которые распространяются очень медленно. Освобожденный раб начнет злоупотреблять своей свободой или будет несчастен, или, наконец, будет искать себе другого хозяина. Необходимо, чтобы он имел средства к жизни и мог вести независимое существование.

Разница между рабом и свободным фермером велика. Трудно уничтожить ее одним росчерком пера. Раб предварительно должен пройти несколько промежуточных этапов, прежде чем достигнет положения свободного фермера. Эти различные этапы таковы:

1) Из раба, который может быть продан без земли, он становится рабом, который может быть продан только с землей.

2) Потом он становится земледельцем, который может покинуть свою землю с разрешения установленных властей.

3) Наконец, он становится — свободным работником.

4) После этого он приобретает небольшую земельную собственность и становится половником.

5) Наконец, он выходит из этого класса в класс свободных фермеров, приобретших более значительную собственность и капитал.

На каждой новой ступени он получает новые права, и с каждым разом увеличиваются его имущество и просвещение. Декретированная свобода не сразу увеличивает народное богатство и не сразу распространяет просвещение, необходимое для реального освобождения. Закон же, который гласит об этом, может оказаться бесполезным и опасным. Гораздо лучше итти медленным, но верным шагом, освобождая крестьян постепенно. Начните с закона о том, что крестьянин не может быть продан без земли.

Затем предоставьте ему право оставить землю после того, как установленные власти признают, что он ничего не должен хозяину, на земле которого он жил, и пусть перемена его местожительства при-

урочивается всегда к известному времени года. Таково было положение русских крестьян до Петра Великого и украинских — до Екатерины II. Разрешите затем землевладельцам отпускать крестьян на волю, если они найдут это нужным, и на условиях, какие они сами сочтут приемлемыми. Так делается в настоящее время в России. Наконец, необходимо заняться уставом о земледелии, где были бы точно определены обязанности крестьянина по отношению к землевладельцу и по отношению к государству. Комиссия по делам Лифляндии занимается чем-то в этом роде. При таких предварительных законах можно надеяться, что наступит день, когда можно будет объявить освобождение крестьян.

Отдел второй.

Государственные земельные владения.

Этими владениями являются: 1) имения, 2) все земли, не принадлежащие частным собственникам, как пахотные, так и не пахотные.

Об имениях [1]).

Первый вопрос состоит в том: нужно ли сохранять или увеличивать государственные имения.

1) Свободное обращение постоянного капитала настолько же необходимо для прогресса в земледелии, как и свободное обращение переменного капитала.

Опыт показал, что, если первый остается в течение многих веков в одних и тех же руках, то земли будут плохо обработаны и во всяком случае хуже, чем когда владельцы их время от времени меняются. Причина этого явления следующая: владелец решает продать землю или потому, что он расточителен, или потому, что ничего не понимает в земледелии, или вследствие того, что ему не везет в его предприятиях, или же наконец по той причине, что ему больше нравится вложить свой капитал в другую отрасль промышленности.

Если он волен продать свое имение, то обработка земли от этого выигрывает во всех случаях, ибо тот, который ее покупает, имеет капитал, необходимый на покупку и первые затраты. Он покупает эту землю потому, что имеет на то желание и надеется получить от этого выгоду; у него есть познания, необходимые для того, чтобы заниматься обработкой земли, и он владеет всеми необходимыми средствами для успешного ведения сельского хозяйства, так что в таких случаях земля только выигрывает от смены владельца. Но если первый владелец не имеет права продать землю, так как закон это запрещает ему, то земля, к которой он привязан против своей воли, страдает во всех отношениях. Следовательно, если правительство является таким владельцем, который не имеет права продавать свою землю,

[1]) В оригинале: «Des domaines».

то его владения будут обрабатываться хуже, чем земли тех собственников, которые, в случае их неумения успешно вести хозяйство, сменяются другими, более способными.

2) Мелкое хозяйство мало содействует прогрессу земледелия, ибо оно дает малый доход, при котором невозможно производить значительные улучшения. В крупном же хозяйстве обычно наблюдается большой прогресс в земледелии, так как значительный капитал приносит достаточный доход для того, чтобы можно было предпринять улучшения. Но в крупном хозяйстве встречаются и некоторые отклонения от такого положения вещей. Когда скупают слишком много земли для увеличения производительного капитала, часть этих земель останется невозделанной, или же если вся земля будет возделываться, то хозяйство будет очень посредственным. Правительство обычно находится в таком положении, так как оно владеет большим излишком земли в сравнении с тем производительным капиталом, который оно может вложить в него.

3) Улучшения в земледелии возможно производить только за счет некоторых сбережений, сделанных из чистой прибыли. Фермер тратит в течение некоторого времени почти весь свой доход на улучшения в надежде получить больший через несколько лет. Правительство не может вести таких расчетов. В управлении имениями оно преследует чисто финансовые цели; оно стремится исключительно к увеличению ежегодного дохода. Расходы не позволяют ему делать большие сбережения из чистой прибыли, поэтому правительство не в состоянии предпринимать крупных улучшений.

4) Расходы по управлению имениями всегда очень велики, так как необходимо содержать министра или коллегию, канцелярии и большое число чиновников. На содержание всех этих людей идет значительная часть чистой прибыли. Кроме того, всегда неисчислимы и неизбежны совершаемые злоупотребления там, где имеется огромный штат служащих.

5) Правительство покровительствует производительным классам, но само оно не является производительным элементом, ибо оно не есть ни земледелец, ни фабрикант, ни торговец. Предположим, что оно с успехом будет выполнять все эти функции, что, однако, весьма сомнительно, тогда успех этот, по мере своего роста, вызвал бы обеднение производительного класса, а если успех будет почти ничтожным или весьма посредственным, то и тогда у производительного класса будет мало работы. В таких случаях правительство мешает частным лицам работать с большим успехом, оно отнимает у них все средства к этому, оно портит им рынок.

6) Если бы государственные имения принадлежали частным лицам, то правительство могло бы применить такую финансовую систему, при которой путем известного распределения налогов на землевладельцев оно извлекало бы такой же доход с меньшими затруднениями, так как ему нужно было бы только увеличить налоги, не заботясь об упра-

влении означенными землями. Государственные имения, таким образом, составляют бремя правительства и зло нации.

Что же делать? Отдать земли землевладельцам означало бы исчерпать один из источников общественного дохода; во всяком случае, необходимо раньше узнать, имеется ли у землевладельцев капитал, необходимый для того, чтобы управлять этими землями. Эта благодетельная сама по себе перемена должна быть, однако, проведена с большой осторожностью. Следует давать земли только тем лицам, у которых имеется наличный капитал, и в то же время необходимо ввести финансовую систему, сообразную с убытком, падающим на общественную казну с передачей этих земель. Проведение всех этих мер возможно, но всегда очень затруднительно, а часто, в силу местных условий, дело это становится и вовсе невыполнимым.

Еще хуже — отдать землю крестьянам. Здесь речь идет не о количестве рабочих рук, но о капитале и просвещении, а крестьяне не имеют ни того, ни другого.

Лучше всего было бы продать эти земли. Покупатель доказывает на деле, что он покупает именно то, о чем идет речь, и что он имеет необходимый для ведения хозяйства капитал. Возможно, что это средство, хорошее само по себе, на практике будет мало применимо, ибо нехватит капиталов на покупку таких больших земель. Землевладельцы не являются самым богатым классом государства, а купцы и крупные фабриканты не вмешиваются в земледелие. Из всех этих соображений вытекает, что высшим законом, коим должно руководствоваться правительство в отношении своих имений, является следующий: не увеличивать их новыми покупками. Последние лишают граждан средств производства и вовлекают правительство в непроизводительные траты.

Если основа могущества правительства не зиждется на больших размерах его имений, то мало по малу, в силу известных обстоятельств, оно может продать свои земли, может передать их тем лицам, которые докажут, что они имеют достаточно средств на производство улучшений в земледелии. Но следует сделать одно замечание. Если имение, которое государство дарит кому-нибудь, раньше никому не принадлежало, то в этом акте дарения нет ничего дурного; но если государство само купило эту землю, то оно поступает нехорошо, если оно делает подарок одному лицу за счет всей нации, так как оно раньше сделало эту покупку на общественные деньги; такие земли никогда не должны дариться, а должны всегда продаваться, для того, чтобы общественная казна была всегда восполнена.

При современном состоянии национального богатства у большинства европейских наций правительство при всех своих наилучших намерениях сохранит всегда слишком много имений в виду недостатка частного капитала. Волей неволей правительство должно управлять своими имениями, а чтобы уменьшить это зло, нужно вести управление насколько возможно лучше, т.-е. по крайней мере

согласно принципам, указанным в этом отделе по отношению к фермерам и рабочим, ибо государство является здесь землевладельцем. Его доход удвоится, ибо в качестве собственника оно получит ренту, а как правительство — налог.

Земли невозделанные.

Невозделанные земли бывают двух родов: пахотные и бесплодные.

1. Земли невозделанные, но пахотные. Такие земли находятся или в странах мало населенных, или же в странах, жители которых являются главным образом охотниками, рыболовами или кочевниками.

Одним из средств заселить малонаселенные земли служит колонизация. Колонии:

1) Или являются следствием слишком большой населенности государства; тогда эмиграция происходит добровольно, и такие колонии, состоящие из переселенцев, бывают вполне независимы от метрополии. Таковы были колонии греческие и частью римские.

2) Или они организуются специальными государственными мероприятиями с целью закрепить за собою завоеванную страну. В последнем случае колонии зависят от метрополии, и эмиграция, добровольная или принудительная, совершается всегда по распоряжению правительства. Таковы были военные колонии римлян.

3) Или же колонии создаются из туземцев и находятся под непосредственным управлением государства. Государство разрешает эмиграцию, но оно устанавливает род промышленности, который должен быть развит в новой стране, согласно меркантильным принципам. Таковы были английские колонии в Америке.

4) Или правительство ссылает в эти местности преступников и принимает беглецов, подобно Ромулу, англичанам в Батанибее и русским в Сибири.

Первый способ колонизации — наилучший, лишь бы только правительство не принуждало жителей к эмиграции и предоставило бы им время для приискания нового местожительства и оказало бы им необходимую помощь в благополучном переселении, чтобы не причинять убытка их производительному капиталу.

Отличие колоний, находящихся в европейских странах, образующих непрерывное пространство, состоит в том, что здесь колонисты не будут независимы, как у греков, но будут всегда, как обитающие внутри границ государства, находиться в зависимости от правительства. Следовало бы проводить следующие принципы:

1) Правительство не побуждает, не одобряет и не препятствует эмиграции. 2) Каждый свободный человек получает навсегда участок невозделанной пахотной земли в соответствии со своим наличным производительным капиталом, которым он владеет, при условии,

что он может потерять свою новую собственность, если он не возделает ее в срок, установленный законом. 3) Выбор невозделанной земли должен быть вполне свободным. 4) Преступники-беглецы не могут быть членами новой колонии. По такому принципу были возделаны земли свободных государств северной Германии.

Второй способ колонизации менее совершенен.

Старики — военные с трудом становятся хорошими земледельцами, ибо старые привычки меняются не легко. Однако пограничные земли допускают такой род колонизации, и они служат охраной внешних границ государства.

Третий способ колонизации вовсе несовершенен.

Правительство никогда не должно предписывать колонистам выбор рода промышленности. Этот несправедливый и неполитичный способ никогда не должен применяться на континенте.

Четвертый способ иногда бывает удачен, как, напр., в Риме, но обыкновенно он дурен. Никогда благодетель [1]) не сделается хорошим отцом семейства и ревностным земледельцем. Для него домашний очаг есть наказание, принудить его к этому может лишь приговор суда с точным обозначением работы. Преступников посылают большей частью на работы в шахты. Но если копи дают ренту, процент на капитал и заработную плату рабочим, то они прибыльны, и свободные рабочие будут работать лучше, чем преступники. Если же они не приносят дохода, то они не прибыльны, и нет смысла их разрабатывать, а тогда работа преступников окажется слишком незначительной поддержкой.

Отсюда следует, что колонизация из туземцев должна производиться первым или вторым способами. Колонизация иностранцами будет слишком дорого обходиться, если она будет совершаться на счет правительства. Нигде еще в таком случае доход не покрывал расход. Но если она происходит без затрат государства, то в известных условиях она может быть полезна. От новых колонистов спрашивается или достаточный для производства капитал, или, по крайней мере, знания, необходимые для применения капитала, если государство может вложить свой собственный в это дело капитал и если род их труда окажется очень полезным для правительства.

Одним словом, население является следствием хорошего управления. Население бывает всегда пропорционально средствам пропитания; средства же пропитания соответствуют производительности труда; производительный труд равен сумме производительных капиталов. Облегчить способы увеличения этих средств, — вот все, что правительство может сделать для увеличения населения. Что касается местностей, населенных кочевниками или охотниками, то нужно отличать климатические области, т.-е. такие, которые пригодны только для охоты или для скотоводства, от стран, в которых земледелие

[1]) В оригинале, очевидно, описка: «bienfaiteur» вместо: «malfaiteur».

возможно, но не распространено, вследствие нелюбви охотников и кочевников к этому роду промышленности. Разумеется, правительство должно озаботиться постепенным введением земледелия в местностях второго рода. Старинные законодатели с успехом умели объединять охотников и кочевников в селения и приучали их к земледелию. Они придавали своим установлениям религиозный характер. Нужно начать с закрепления собственности, потом постепенно уничтожить кочевую жизнь, поощрять земледельческое хозяйство, оказывая некоторую помощь и выгоду, но не относиться к кочевникам и охотникам с самого начала, как к народу земледельческому. Местные особенности этих народов и их верования укажут надлежащие способы управления. Для них потребуется особого рода управление, более упрощенное.

2. Земли невозделанные и бесплодные.

Бесплодность бывает абсолютная и относительная. Последняя проистекает от того, что требует первоначальных поземельных затрат, слишком больших для вложенного в земледелие капитала. К этому классу земель принадлежат большие леса, болота, местности, затопленные наводнением. Абсолютно бесплодны скалы и пески. В действительности имеется мало местностей абсолютно бесплодных, а может быть, и вовсе не существует таких, в которых не могли бы возникнуть промышленность и найти себе применение капиталы, как то подтверждают примеры Китая, Савенн и многих местностей в Голландии. Что должно делать правительство в таких случаях?

1) Леса некогда покрывали всю земную поверхность. По мере того, как вводилась обработка земли в какой-либо местности, леса превращались в пашни, и это уничтожение лесов продолжается до тех пор, пока лес не приносит ту же ренту, тот же капитал, ту же заработную плату для рабочих, как и хлебное поле, занимающее такую же площадь. Тогда начинается научное лесоводство на земле, пригодной для земледелия, так как в климате, который не способствует земледелию, леса будут сохранены для того, чтобы они принесли хоть какой-нибудь доход. На землях, пригодных для обработки, нет смысла приостанавливать уничтожение лесов, поскольку увеличивающийся спрос требует новых полей. Уничтожение лесов служит доказательством расширения рынка для продуктов земледелия, т.-е. указывает на то, что число потребителей увеличилось, а это является несомненным доказательством увеличения населения, промышленности и капитала. Но необходимо сделать одно замечание. Большие леса дают еще материал, необходимый для охраны государства, для флота, артиллерии, крепостей. Правительство должно пожертвовать частным интересом ради интереса общественной безопасности и запретить вырубку лесов, необходимых для снабжения армии лесом. Кроме того, урон леса бывает гораздо больше при непроизводительном его использовании, нежели в результате расширения площади земледелия. Правительство должно приостановить такое бесполезное уничтожение лесов. Наконец, для

восстановления уничтоженных лесов необходимы целые века. Встречаются даже такие местности и такой климат, где это совершенно невозможно; в таких случаях правительство должно принять меры к тому, чтобы запретить уничтожать ту часть леса, которую оно считает необходимой для удовлетворения нужд страны. В таких случаях правительство не должно дожидаться, когда лес будет приносить такой же доход, как и хлебное поле, а должно предупредить наступление этого срока установлением правил лесничества.

2) Болота, озера, местности, затопленные наводнением, не должны осушаться за счет правительства, если они не представляют опасности для здоровья жителей. Только в последнем случае правительство должно позаботиться об этом. При других же обстоятельствах их осушка составляет предмет частной предприимчивости.

3) Повреждения, причиняемые реками, подлежат ведению правительства всякий раз, когда опасность угрожает собственности частных лиц, которые сами не в силах остановить такое разрушение.

4) Пески, пустоши, каменистые земли, меловые залежи, скалы вовсе не касаются правительства, исключая тех случаев, когда они мешают внутренней коммуникации. Правда, можно доставить землю и провести воду до вершины скал, но все это составляет предмет промышленности частных лиц. Последние займутся этим тогда, когда останется мало земли, поддающейся более легкой разработке, когда у них найдется необходимый для этого капитал и когда они будут в этом более заинтересованы. Мы в Европе еще очень далеки от этого, так как нигде еще не привлечены для обработки все пахотные земли. Такие примеры наблюдаются только в Китае.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Увеличение производительных сил.

Можно увеличить производительность производственного труда: 1) разделением его, 2) применением машин, 3) увеличением числа рабочих.

Участие правительства в улучшении состояния трех производительных классов, о которых мы говорили в первой главе, должно быть почти всецело отрицательным. Оно должно лишь удалять препятствия, непреодолимые частными лицами, и гарантировать последним полную безопасность. Участие правительства в увеличении производительных сил, о которых мы говорим в настоящий момент, может быть: 1) или отрицательным, 2) или положительным.

Отдел первый.

Отрицательные мероприятия.

Разделение труда является результатом накопления капитала. В бедной стране крестьянин является и земледельцем и фабрикантом. Правительство не может ничего сделать, кроме того, что сказано в первой главе. Свобода и неприкосновенность личности и имущества будут способствовать увеличению капитала, и, следовательно, разделение труда будет сответствовать размерам рынка.

Точно так же и применение машин зависит от капитала, необходимого для их первоначальной установки, и от цены, которой оплачивается труд рабочих в данной местности. Если эта цена будет ниже суммы, требуемой для установки и содержания машин, то желание их ввести будет безрассудно. Это уже дело частного лица заняться соответствующей калькуляцией. Сэй отмечает, что большинство машин, употребляемых на английских фабриках, было изобретено во Франции, где они, однако, не получили распространения, — факт очень естественный. Англия богаче Франции, и поэтому она могла ввести употребление этих машин. Что за фантазия вводить их в России! Наконец, число рабочих зависит от количества населения, величина последнего зависит от количества средств питания, а эта величина — от размера производительного капитала. Правительство не может сделать ничего другого, как только обеспечить неприкосновенность и свободу, и в таком случае население будет всегда пропорционально средствам питания и капиталу. По словам Смита, в горных местностях Шотландии часто случается, что женщина производит на свет двадцать человек детей, из которых только двое остаются в живых, остальные же умирают от недостатка средств существования. Вообще у низших классов населения большей частью встречаются многодетные семьи. Но следовало бы желать лишь того, чтобы в каждой семье осталось только трое детей: — один ребенок — для замещения мужа, другой — чтоб заменить жену, и третий — для роста населения. Но это нигде не наблюдается. Нигде в Европе население не удвоилось за 20 лет, каким оно должно было бы быть в соответствии с рождаемостью. Прирост населения задерживается в особенности упадком земледелия и ускоряется благосостоянием жителей. Установлено, что число жителей в Европе удваивается только в течение 500 лет, что служит наилучшим доказательством медленного возрастания национального богатства. В Соединенных Штатах Америки количество населения удвоилось за 25 лет вследствие того, что там имелась годная для разработки огромная площадь земли, которая еще не была разделена между земледельцами. В Европе вся земля уже разделена. Мы заканчиваем статью замечанием по поводу земледелия.

Земледельческие работы настолько просты, что они не допускают разделения труда и применения машин в таких же размерах, как на

фабриках. Поэтому земледельцы своей численностью превосходят фабрикантов. Проекты по улучшению земледельческих машин должны быть обсуждаемы частными лицами, но не правительством.

Отдел второй.

Положительные мероприятия.

Положительные мероприятия ограничиваются распространением просвещения и расширением рынка.

1. Обычно земледелец знает очень хорошо свое ремесло. Однако привычка, точнее предрассудок, работать по способу, употреблявшемуся еще его предками, — а последние пользовались им еще в то время, когда их капитал был не велик и рынок не был так обширен, — иногда задерживают прогресс земледелия даже тогда, когда увеличившийся капитал и расширившийся рынок могли бы допустить некоторые улучшения. К тому же простой крестьянин не знает каких-либо способов улучшения, еслибы даже он и пожелал их предпринять. На него большое влияние оказывает пример. Если в государстве имеются фермеры, то можно надеяться, что крестьяне воспользуются их познаниями, если же их нет, то желательно было бы, чтобы элементарные сведения о земледелии преподавались в центральных школах и чтобы духовные лица имели участок земли, на котором они могли бы эти знания применять.

2. Рынок должен быть также расширен насколько возможно. Тут правительство может оказать много добра, — сохраняя мир с соседями, заключая торговые договоры, предоставляющие неприкосновенность торговцам, уничтожая преграды и пошлины внутри страны и увеличивая количество больших проезжих дорог, а также водные пути сообщения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Оборот капитала.

Производственный капитал употребляется или в производстве, или в торговле, как внешней, так и внутренней.

Отдел первый.

Производство.

Производственный капитал, вложенный в земледелие, будет употреблен на производство или таких продуктов, которые дают доход во всякое время, или же таких, которые приносят его в известное время и в известном месте. К первому классу принадлежит зерновой хлеб, ко второму—фабричное сырье.

Продукты, которые постоянно дают доход, конечно, гораздо выгодней тех, которые дают его только в известное время. Производство

продуктов первой группы будет всегда предпочитаться и будет служить средством установления доходности всех других продуктов земледелия, т.-е. на последние не будет обращаться внимание до тех пор, пока они не начнут приносит доход такой же, как и зерновой хлеб.

1. Культура зернового хлеба имеет ту особенность, что ни люди, ни животные не могут обойтись без хлеба. Следовательно, на известное количество зернового хлеба можно приобрести столько рабочих рук, сколько работников можно будет прокормить этим зерном. Но земля производит гораздо больше зерна, чем требуется на прокормление рабочих и на уплату процентов на производственный капитал. Этот излишек и составляет ренту. Земля, которая настолько бедна, что не дает этой ренты, будет заброшена, а если и будет обрабатываться, то только в силу необходимости, и в таком случае хозяин должен быть своим собственным фермером. Следовательно, культура хлеба дает доход трех родов и становится поэтому самой выгодной для частных лиц и государства. Размеры этих трех родов дохода зависят от плодородия почвы. Они могут быть настолько велики, что достаточно будет даже примитивной обработки или же улучшения, требуемого для почвы средней плодородности. Величина дохода зависит от размеров капитала, а также и от просвещения. Капиталы, занятые в промышленности и торговле, подвержены многочисленным политическим революциям, тогда как если они вложены в земледелие, то они, так сказать, зарыты в землю, и страна всегда будет богата, хотя бы от политической революции или перемены в ходе торговли и погибли ее промышленность и торговля. В средние века существовало много очень богатых торговых городов, которые, после открытия морского пути в Индию лишились торговли и обеднели, но города, употребившие излишек своего капитала на улучшение окружающих земель, сохранили остаток своего былого величия. Англия может потерять свою торговлю и промышленность, но миллионы, которыми она утучнила свою землю средней плодородности, всегда у нее сохранятся, Англия всегда будет богатой страной. Доход, который дает земледелие, зависит от более или менее благоприятного местоположения земельного участка. Города снабжают рынок более обширный, нежели деревни, и поэтому земля, расположенная вблизи большого города, ценится гораздо дороже, чем находящаяся в глуши. Можно улучшить местоположение участка земли водным и сухопутным сообщением. Тогда земли, отдаленные от рынка, вновь приобретают ценность, уничтоженную монополией земель, находящихся вблизи рынка, не причиняя в то же время последним существенного вреда, ибо культура полей имеет ту особенность, что прогресс в земледелии одной страны не подрывает развития земледелия в другой. С увеличением производства возрастает и спрос, так как, чем больше средств питания, тем больше увеличивается население.

2. Что касается лугов, доставляющих большую часть пищи домашним животным, то следует заметить, что они дают доход

гораздо позже, чем хлебные поля. Подобно тому как цена зернового хлеба устанавливает степень усовершенствования способов обработки земли, так и цена мяса служит показателем ухода за лугами. Если цены на мясо низки, то нечего и думать об улучшении лугов, так как капитал, если он имеется налицо, вкладывается в более доходные хлебные поля. Если мясо стоит в одинаковой цене с зерном, то все-таки нельзя еще заниматься улучшением лугов, так как хлебное поле производит большее количество средств питания, чем луга той же площади. Но когда цена мяса стоит значительно выше цены хлеба, то в этом случае можно заняться улучшением лугов. Нужно также, чтобы цена на мясо стояла выше цены на хлеб еще и потому, что хлебное поле приносит доход ежегодно, тогда как луга дают его только через 4 или 5 лет, — в этом возрасте домашние животные становятся предметом торговли. Отсюда следует, что если цена на мясо только в 4 или 6 раз выше цены на хлеб, то эти цены будут равны. Когда пуд ржи будет стоить 1 рубль, а пуд мяса 5 рублей, то нечего ждать улучшения лугов, ибо цены на мясо и хлеб в таком случае одинаковы. Но когда мясо будет стоить 7 или 8 рублей, то можно надеяться, что капиталы будут употреблены для улучшения лугов. Если повышение цены на мясо не является следствием политических обстоятельств или состояния торговли, то оно, несомненно, указывает на прогресс в земледелии. Доход, получаемый от хлебных полей, определяет обработку лугов, а то и другое вместе — состояние всех остальных земледельческих культур, т.-е. это означает, что не будут заниматься возделыванием последних, покуда они не будут приносить доход, равный доходу извлекаемому эксплоатацией полей и лугов.

3. Главные предметы земледелия, которые не дают постоянного дохода: 1) рис, 2) картофель, 3) садоводство и фруктовые деревья, 4) виноградники, 5) оливки, 6) сахарный тростник и кофе, 7) крупы и горох. Ни одна из этих культур не способствует благосостоянию государства, поэтому правительство и не вмешивается в их возделывание. Такое вмешательство бесполезно даже в тех случаях, когда эти продукты дают доход одинаковый или больший, чем хлебные поля и луга, потому что тогда земледельцы и фермеры могут возделывать их сами; но зато это вредно тогда, когда эти продукты не будут приносить доход. Тогда поощрение, оказываемое правительством этим земледельческим культурам, за счет зернового хлеба и лугов, привлекло бы к производству, не приносящему дохода, капиталы, вложенные в доходное дело. Только выращивание картофеля заслуживает поддержки правительства, ибо он составляет продукт питания, часто возмещающий недостаток хлеба.

4. Есть еще ряд земледельческих культур, которые не являются предметами питания, но идут на фабрики для выработки одежды, а также для оборудования жилищ и изготовления предметов роскоши, и которые дают иногда доход. Они очень многочисленны, и всем им свойственна одна черта—не всегда приносить

доход. Главные предметы этого рода относятся или к царству животных, или к растительному, или к минеральному.

Принцип, которому должно следовать правительство, всегда один и тот же. Всякий продукт земледелия, который дает заработную плату рабочим, процент на капитал и ренту землевладельцу, безусловно будет возделываться и без вмешательства правительства; если он не дает этих трех родов дохода, то он не будет возделываться, а если все-таки будет возделываться, то станет общественным несчастьем и принесет ущерб национальному богатству. Поэтому правительство должно остерегаться оказывать покровительство производству такой культуры за исключением лишь тех случаев, когда это требуется безопасностью государства.

Не следует отдаваться мечтам о будущем, когда дело идет о настоящем. Никогда не может возникнуть вопрос о том, какова будет когда-нибудь выработка какого-либо предмета. Сущность вопроса заключается в том, что может дать этот предмет в данное время при современном положении капиталов и рынка. Кто может учесть все события будущего? И если это даже окажется возможным, то пусть эти расчеты будут произведены частным лицом, а не правительством.

Вот кое-какие примеры: земельная рента в Англии составляет одну треть общей прибыли, рента с угольных копей—одну десятую, рента корниваллийской оловянной руды — одну шестую, рента золотых россыпей в Мексике — одну двадцатую.

Смит выразился очень удачно: самые богатые копи драгоценных металлов и драгоценных камней прибавляют очень мало ценностей к мировому богатству. Ценность драгоценных металлов и драгоценных камней зависит всецело от их редкости.

Как только они появляются в изобили, ценность их падает. Напротив, ценность ржи и других предметов, идущих на питание, одежду и жилище, абсолютна, т.-е. эти предметы ценны во всякое время и повсюду, так как везде имеются люди, которых нужно питать и одевать; она не так относительна, как ценность драгоценных металлов, как ценность продуктов недр земли. Землевладелец всегда может располагать трудом других людей, а земля наименее плодородная [1]) ничего не теряет от соседства с самой плодородной землей, как это случается с рудниками. Наоборот, земля менее плодородная от этого только выигрывает, так как обилие продуктов, производимых плодородной землей, давая средства к существованию многочисленного населения, сделает более плодородной и землю средней плодородности вследствие применения труда и капитала. Наконец, все, что увеличивает плодородие почвы или хлебного поля, оказывает благодетельное влияние на производство других земледельческих продуктов, а также на луга, скотоводство и даже на копи, давая возможность большему

[1]) В оригинале: «а земля наименее плодородная» надписано над зачеркнутыми словами: «á nourrir et á habiller» — «кормить и одевать».

числу рабочих заняться этими промыслами и увеличивая вообще число потребителей, которым понадобится большое количество продуктов копей, лугов и т. п.

В изобилии продуктов первой необходимости не только заключается большая часть мирового богатства, но благодаря этому изобилию и другие богатства приобретают ценность. Когда человек сыт и одет, то у него найдется время подумать о своих удобствах, т.-е. о том, как лучше питаться, одеться и устроить свое жилище.

Капиталы естественно распределяются в соответствии с прогрессом культуры, ибо как только какая-либо отрасль индустрии перестает приносить обычные проценты, то это служит показателем того, что при современном состоянии рынка в эту отрасль вложено слишком много капиталов. Тогда капиталисты вынимают оттуда излишек своих капиталов и помещают их в другие отрасли, приносящие больше дохода. Правительство никогда не должно руководить употреблением капиталов посредством монополий, приказаний или запрещений. Это всегда приносит только вред, так как до этого существовали капиталы, которые приносили известные ренту и проценты, а подобные меры принуждают употреблять эти суммы на другие предметы, которые без монополии не дали бы ни ренты, ни процентов. Даруя монополии, правительство дает ее владельцу привилегию над обществом, которое должно платить дороже за предметы его производства, для того чтобы тот мог получить и свою ренту и проценты на капитал, которых в противном случае он не получил бы. Если правительство вынуждено, кроме того, помогать новому учреждению из своих денег, то оно не должно брать эти деньги из общественных сумм, так как последняя предназначена для охраны общественной безопасности и на преодоление тех трудностей, которые превосходят силы частных лиц. Но говорят, что нам нужно такое-то производство.

Только на случай общественной безопасности правительство имеет право приносить такие жертвы, но при этом необходимо знать, не существуют ли какие-либо другие средства к побуждению частных лиц заняться производством, в котором имеется нужда. Во всех других случаях установить такое производство будет легко, как только появится на него необходимый спрос, и тогда это будет сделано без помощи правительства; если же учреждение его будет затруднительно, то в таком случае вредно будет принуждать к этому кого бы то ни было, потому что тогда придется изъять производительный капитал из предприятий, уже существующих и в которых имеется потребность, и поместить этот капитал в такое предприятие, на которое не существует спроса.

Если же, наконец, трудность заключается в том, что необходимое сырье составляет редкость, то от этого предприятия нужно вовсе отказаться и заняться другим, для которого имеется достаточно материала. Изобилие последнего хватит, чтобы обменять его на те предметы, для производства которых нехватает материала. Башмачник шьет только

башмаки и предоставляет [1]) другим ремесленникам вырабатывать необходимые ему предметы. Он поступает так даже в том случае, если бы он мог сделать сам эти предметы, но он уверен, что сможет всегда получить их из излишка других ремесленников, в обмен на излишек изготовленных им башмаков.

Лен, конопля и овечья шерсть стали в Европе необходимыми предметами. Рынок их велик, поэтому и производство их увеличится без помощи правительства.

В шелке нет такой настоятельной нужды. Принуждать к производству шелка, в то время как другие отрасли промышленности, как напр., рыбная ловля, скотоводство, хлебопашество, приносят больший или же более верный и менее отдаленный доход, — совершенно противоречит нашим убеждениям.

Такому же правилу необходимо следовать в отношении марены и других материалов, полезных для фабрик. Одна возможность заниматься такого рода культурой в известной местности еще не является достаточной для того, чтобы ее поощрять деньгами или привилегиями. Даже добыча драгоценных металлов не требует поощрения со стороны правительства. Этим занимаются без приказаний и без привилегий, как только будет достаточно капитала, чтобы иметь возможность вложить его в эти работы, и при том лишь с того момента, как эти работы начнут давать ренту и проценты на капитал.

Отдел второй.

О ценах на земледельческие продукты.

Изменения цен на продовольствие часто сбивает с толку политиков и становится предметом общественного недовольства. Эти изменения бывают или естественные, или случайные. Естественные изменения цен могут быть вызваны: 1) богатством копей, доставляющих благородные металлы, 2) излишком бумажных денег, 3) увеличением потребления, т.-е. ростом национального богатства. В первых двух случаях все вообще товары дорожают. В последнем— дорожают только некоторые товары.

Когда в стране имеется мало денег и много товару, то цены, естественно, падают, т.-е. можно уделять меньше денег на известное количество товаров. Такой случай имел место в Европе до открытия богатых рудников Потози. Цены на все товары стояли в четыре раза ниже, чем после открытия этих рудников. Одно и то же количество зернового хлеба, какое после открытия рудников покупалось за 6—8 унций, до открытия стоило всего 2 унции. Рудники увеличили количество денег в 10 раз, но спрос не мог увеличиться с такой же быстротой, он возрос только в 2 или $2^1/_2$ раза, поэтому ценность денег падает в 4 раза, т.-е. за все товары платят в 4 раза дороже. В 1650—1750 г.г. рудники

[1]) Следует зачеркнутое и не поддающееся прочтению слово.

не доставляли столько металла, а спрос увеличился, поэтому цена денег немного поднялась, и, под влиянием вновь установившихся цен, стали платить за товары немного дешевле.

Если законы нации запрещают вывоз денег и если последние поступают в обращение ежегодно в большом количестве, как, напр., в Испании, то деньги потеряют свою цену, все товары сильно вздорожают, и национальное богатство от этого ничего не выиграет. Но зато тогда обнаружится недостаток иностранных товаров, разовьется контрабанда, благодаря которой деньги все-таки уйдут из страны, несмотря на все запрещения.

Бумажные деньги производят то же действие с той только разницей, что они не могут уйти из государства, как металлические деньги. Если злоупотреблять таким способом увеличения количества денег, то их номинальная цена будет огромна, в то время как реальная стоимость их не увеличится. Бумажные деньги никогда не должны равняться сумме металлических денег, находящихся в обращении, так как последние должны быть строго пропорциональны сумме товаров, пущенных в оборот. Предположим, что какое-либо государство нуждается в 100 миллионах рублей для оборота, тогда как денег нельзя прибавить ни на один миллион, потому что этот миллион будет уже лишним и должен уйти из страны, если ему не найдется применения. В чем же заключается польза от бумажных денег? Когда недостаток капиталов препятствует прогрессу земледелия и фабрик, то известная сумма бумажных денег может сообщить больше силы национальной промышленности. Она даст возможность государству употребить известную сумму денег на необходимые предприятия, не нанося вреда национальной промышленности. Но когда число бумажных денег увеличится настолько, что национальная промышленность не сможет их поглотить, то тогда звонкая монета уйдет из страны, потому что бумажных денег будет слишком много, а их излишек все равно останется внутри страны. Если выпуск бумажных денег будет продолжаться и дальше, то они совсем потеряют ценность, ибо они лишь замещают реальную стоимость денег: купец всегда расценит их по цене, получаемой им от цивилизованных наций. 100 миллионов бумажных денег будут стоить только 50 миллионов металлическими деньгами. Если выпуск бумажных денег будет продолжаться, то кончится тем, что ценность их сведется к стоимости одной бумаги, а эта ценность настолько мала, что почти равна нулю.

Таким образом произошло падение ассигнаций во Франции. Национальное банкротство является неизбежным следствием этого мероприятия. Богатые люди, которые обменяли свои металлические деньги на бумажные, обеднеют. Государство получает огромные суммы в виде бумажных денег, но все эти суммы в действительности имеют очень незначительную ценность. Цены на предметы продовольствия будут огромны. Цена фабричных изделий, которая обусловливается величиной заработной платы, зависящей, в свою очередь, от продоволь-

ственных цен, будет чрезмерна, хотя их действительная ценность, как и национальное богатство, от этого не увеличится. Больше того, нация начнет разоряться и притом не только в результате всеобщего банкротства, которое все и вся взбудоражит, но уже задолго до этого, вследствие недостатка звонкой монеты, вызванной переполнением рынка бумажными деньгами.

Вздорожание денег будет препятствовать спросу и потреблению. Человек, получавший 1.000 руб. жалованья звонкой монетой, не будет иметь возможности делать те же затраты, когда он получает жалованье бумажными деньгами, которые стоят всего 500 руб. Он может потреблять только половину того, что потреблял раньше. Он будет лишен возможности попрежнему питаться, одеваться и пользоваться таким же, как раньше, помещением; а так как производство зависит от потребления, то земледелие и фабричная промышленность будут производить только половину того, что они производили раньше. С уменьшением производства национальное богатство ежедневно терпит убытки, несмотря на высокую номинальную цену этой никуда негодной бумаги.

Хотя это несчастие, которое является неизбежным результатом злоупотреблений правительства, стремящегося увеличить свои средства выпуском бумажных денег, не остается безизвестным, но все-таки большинство государств из-за этого разорилось.

Отчего это происходит? Из-за непосильных правительству предприятий. Напр., хотят осуществить какой-нибудь проект, но не могут вследствие недостатка денег; и долгое время его выполнение будет невозможно, ибо ничто не возрастает так медленно, как капитал. А между тем хотят возводить строения, прорывать каналы, учреждать школы, содержать армию, и все это в гораздо большем размере, чем то позволяет денежный фонд. В таких случаях у правительства нет другого исхода, как увеличить выпуск бумажных денег. Действие последних чудесно на одно лишь мгновение, а разрушительные последствия неизбежны. Не будь ассигнаций, не было бы французской революции, без бумажных денег Австрия не могла бы собрать полмиллиона солдат. Но как утверждает Симонд [1]), Франция потеряла много своих производственных капиталов, ее благосостояние поколебалось, несмотря на победы, на контрибуции и на большой порядок, который последовал за террором. Австрия совершенно разорена; и не потеря провинций разоряет ее, но огромная сумма в два миллиарда флоринов бумажных денег, которую ей нужно выплатить или сократить тем или иным способом, чтобы предупредить общее банкротство, разоряющее это некогда столь богатое государство.

Наконец, мы заметим, что государство мало культурное, но которое обладает большими еще не использованными ресурсами, в особенности большим количеством пахотной земли, может употреблять бумажных денег значительно больше, чем культурное государство, не подвергаясь

[1]) В оригинале: Simonde.

опасности разорения. А если малокультурное государство и по своей территории больше, то оно и бумажных денег поглотит больше. Все это истинно, и опыт показал, что, когда учредили банки в Шотландии, то земледелие и фабрики изумительно процветали, но так как эта страна не особенно велика, то прогресс индустрии остановился, как только бумажные деньги произвели свое целебное действие. А когда начали увеличивать выпуск этих денег, то дурное действие их дало себя знать, и многие люди разорились при этом. Когда императрица Екатерина II выпустила первые 100 миллионов банковых билетов, то земледелие всюду приобрело новые силы, при чем стоимость банковых билетов не понизилась по сравнению с металлическими деньгами. Начали даже платить за обмен денег на билеты, так как последние более удобны, но в виду того, что бумажные деньги обесцениваются с давних пор, а теперь все более и более, то это показывает, что их слишком много. Дурные последствия их избытка дали бы себя еще сильнее почувствовать, если бы Россия не имела двух больших преимуществ: не была бы страной мало культурной и не имела бы много провинций к и тому же не занимала бы такой огромной территории.

В этом случае цены поднимаются вследствие роста потребления. Когда едят больше мяса и употребляют хлеба больше, чем страна может производить, как то произошло в Голландии, то мясо и рожь должны вздорожать. Но таких стран, в которых бы действительно обрабатывались все пахотные земли, мало, так что этот случай в Голландии является почти единственным. Во всех других странах должно происходить совершенно обратное, потому что с увеличением спроса, тотчас увеличивается и производство. Смит говорит даже, что если производство увеличится, то цены непременно понизятся.

Если существует дороговизна, несмотря на возрастающее производство, то это происходит от случайных обстоятельств.

Предметы продовольствия бывают двоякого рода: количество одного увеличивается независимо от производства, как, напр., рыба и дичь. Тогда их цена может подняться очень высоко по мере увеличения потребления их, а это служит показателем прогресса культуры. Наоборот, количество предметов продовольствия второго рода может быть увеличено человеческим трудом. Здесь на первом месте стоит зерновой хлеб, а на втором — домашние животные. Зерно, естественно, не может подняться в цене выше, чем то необходимо на уплату ренты, процентов на капитал и заработной платы рабочим. Если оно упадет ниже этой цены, то производство этого продукта будет страдать; если же цена, в силу случайных причин, поднимется немного выше, то это также заставит страдать производство, ибо тогда потребление понизится до последней крайности. Но среднее повышение цен благоприятствует земледелию, потому что оно побуждает землевладельцев расширять и усовершенствовать обработку земли. Скотоводство подвергается большим случайностям, и поэтому цена на мясо должна всегда стоять выше цены на рожь. Наконец, есть много предметов первой необходи-

мости, цены которых сильно зависят от случайных обстоятельств [1]). Различные ступени культуры у той или иной нации принуждают повышать цены на один предмет и понижать на другой. Например, мясо не занимает такого большого места на рынке, как шерсть, кожа, говяжье сало, предметы, которые могут перевозиться на далекое расстояние без порчи, следовательно, в стране, где земля плохо обрабатывается, мясо будет стоить очень дешево, тогда как шерсть, кожа и сало будут иметь больше цены, так как они требуются в другие культурные страны. Быков будут убивать из-за шкуры, а мясо оставят сгнивать или же из него извлекут весь жир, а остальное выбросят. Если же страна станет более населенной и более культурной, то цена на мясо поднимется гораздо больше, чем на шерсть и сало, так как мясо найдет более обширный рынок сбыта, тогда как другие предметы имеют уже его с давних пор. Правительственные распоряжения, имеющие целью вызвать понижение цен на шерсть и на кожу, напр., запрещением их вывоза, производят различное действие в стране культурной и некультурной. В первом случае землевладелец и фермер повышают цены на мясо, чтобы покрыть свои убытки, из-за отсутствия сбыта шерсти и кожи, и тогда они ничего не теряют; в стране же мало культурной мясо не имеет почти никакой ценности, и поэтому они несут большие убытки.

Что касается минералов, то развитие этой отрасли промышленности непосредственно зависит от естественного обилия минералов и различных несчастных случаев в рудниках, но главным образом оно зависит от общего состояния земледелия и промышленности, которые дают стране возможность покупать металлы и таким путем уплачивать ренту, процент на капитал и заработную плату рабочим, так как в противном случае невозможна была бы эксплоатация рудников.

Отсюда следует, что по ценам, высоким или низким, нельзя выводить заключение о культурности или дикости страны, так как уровень цен зависит от большего или меньшего количества денег в стране. Если цены на все товары повышаются или понижаются во всех странах, то ничего другого о них нельзя заключить, как только то, что копи их более или менее богаты. Но зато по отношению цены одного товара к цене другого, в один и тот же период, можно с большей уверенностью заключить о степени культурности и национального богатства данной страны.

Отдел третий.

О помощи, оказываемой государством земледелию.

Эта помощь может быть оказана:

1) Землевладельцам.

2) Фермерам и рабочим.

[1]) В оригинале следует зачеркнутое слово: «la graisse» — «жир».

а) Поддержка в несчастных случаях.
б) Награда за экспорт.

Помощь, оказываемая землевладельцам.

Оказание помощи земледелию означает не что иное как способствование увеличению производства земледельческих продуктов. Увеличение производства является результатом исключительно экономии. Земледельческий продукт должен оплатить ренту, проценты на капитал и заработную плату рабочим. Если все эти три класса расходов поглощают весь доход, то земледелие находится в положении стационарном, если же на них тратится больше этой суммы, то земледелие регрессирует, но если на них затрачивается не весь доход и если при этом путем сбережений накопляется капитал, который снова помещается в земледелие, то последнее будет прогрессировать. Единственное средство, которое может способствовать процветанию земледелия, — это побуждать все три земледельческие класса, делать сбережения, которые снова вкладывались бы в земледельческие работы. Это не значит обуздывать роскошь и желать свести ее только к удовлетворению насущнейших потребностей. Роскошь имеет свои достоинства, ибо она питает фабричное производство и торговлю. Но тут дело идет лишь о том, чтобы три земледельческих класса не растрачивали все свои доходы или чтобы их траты не превышали суммы, необходимой для восстановления производственного капитала, постоянного и переменного. Если же расходы трех земледельческих классов будут равны всей чистой прибыли или же превышать ее, то нет такой силы в мире, которая могла бы вызвать процветание земледелия или остановить его упадок.

Торговцы и фабриканты истолковали в свою пользу тот принцип, что потребление регулирует производство. Принцип этот верен, но нельзя им злоупотреблять. Для того, чтобы земледелие прогрессировало, необходимо, чтобы доход не потреблялся полностью. Земледельцы неминуемо разоряются вследствие ложного применения этого меркантильного принципа.

Действительная помощь, которую земледелие [1]) может оказать земледелию, заключается в том, чтобы приучить все три земледельческие класса к экономии и внушить им желание делать сбережения. Как же может оно этого достигнуть? Своим примером, а в особенности, своим законодательством и организацией своей администрации.

Пример государства имеет огромное влияние. Если государь любит чрезмерную роскошь, то он заставляет этим своих придворных, желающих ему угодить, подражать ему, и они благодаря этому разоряются. Разорившиеся крупные собственники всеми способами стараются раздобыть денег у капиталистов. Проценты повышаются, и фермер не может найти за обычный процент капитала, какой ему необхо-

[1]) В оригинале, повидимому, описка — «земледелие» — вместо «правительство».

дим для первых затрат в его работе. Земледелие страдает от этого. С другой стороны, вельможи стараются извлечь из своих фермеров как можно больше денег, а если они являются своими собственными фермерами, то — из своих крестьян, которых в силу необходимости они притесняют. Фермеры и крестьяне стараются возместить свои убытки, повышая цены на съестные припасы. Таким образом общество вынуждено оплачивать расходы государя. Общество доводит свои расходы мало-по-малу до самого необходимого по причине дороговизны цен, потребление уменьшается насколько возможно, и производство от этого неизбежно страдает, а земледелие регрессирует.

Существует еще и другой род расточительности правительства, имеющий место, когда, вопреки бережливости государя, расходы на общественные работы, постройки, университеты, картинные галлереи, коллекции мрамора, на содержание армии и штата гражданских служащих превосходят сумму государственных доходов, и тогда возникает необходимость в увеличении налогов и выпуске бумажных денег. Как то, так и другое разоряет земледелие.

Третий способ расточать общественный доход — это плохая финансовая система, при которой вся тяжесть налогов падает на улучшение земледелия, причем эти налоги зиждятся на том, что класс фермеров выбивается из последних сил для того, чтобы возместить ссуженные им государству средства, а между тем сбор налогов поручается большому числу чиновников, которые дорого обходятся государству и из которых каждый старается обогатиться и т. п.

Итак, правительство может внушить земледельческому классу желание делать сбережения:

1) подавая пример своим экономным образом жизни.

2) подавая такой же пример в общественных предприятиях.

3) учреждая хорошую финансовую систему.

Но еще больших результатов оно может достигнуть посредством своего законодательства. Нравственность нации зависит не от проповедей, но от духа порядка, правосудия и справедливости, который должен царить в законодательстве и в организации администрации. Если вы сделаете земледельцев рабами, то вы отнимете у них охоту делать сбережения, потому что рабы не имеют собственности. Таким образом вы скопляете богатство в руках землевладельцев, которые являются потребителями, склонными к расточительности. Деньги скоро перейдут из их рук к купцам и фабрикантам [1]), которые будут давать их землевладельцам же взаймы под большие проценты, и земледелие будет от этого только страдать. Это общее правило: где земледелец — раб, там землевладелец расточителен. А расточительность разоряет земледелие, которое может прогрессировать только при наличии сбережений. Если вы покровительствуете классу фабрикантов и купцов,

---

[1]) В оригинале следует несколько зачеркнутых слов, не поддающихся прочтению.

принося им в жертву земледелие, то их стремление к неумеренной наживе, свойственное их классу, в виду того, что они сильно рискуют, — а это совершенно незнакомо помещикам, так как их доход более верный, — сообщается всей нации. Благородные чувства, возвышенность характера, патриотизм будут встречаться все реже. Купец и фабрикант не имеют отечества, только земледелец имеет его. Заработать насколько возможно больше, при случае обмануть, — вот какие чувства станут всеобщими. Только богатый человек сумеет стать талантливым человеком, а народ огрубеет и станет скупым.

Но если вы будете уважать права каждого класса граждан, если вы будете оказывать им покровительство без всякого предпочтения, если вы обеспечите им неприкосновенность, возможно более широкую, то задатки добродетели, имеющиеся в сердцах всех людей, разовьются, и ваша нация будет нравственна.

Но так как гораздо легче дать некоторую сумму денег или же отдать какие-либо приказы в пользу одного класса, чем следовать указанным принципам, то придумали другие способы оказывать помощь земледелию. Этими способами являются:

1. Денежные ссуды из банка.
2. Система кредита или ипотеки.
3. Покупка земель разорившихся землевладельцев.

1. Банковые ссуды. Общее правило таково, что сумма банковых билетов не должна превосходить суммы золота или серебра, которую они заменяют. Следовательно, если сумма, требующаяся для оборота, составляет 100 миллионов, то она должна всегда оставаться таковой, в виде или чеканной монеты, или бумажных денег, или же в виде чеканной монеты и бумажных денег, взятых вместе. Поскольку это правило будет соблюдаться, постольку бумажные деньги будут равняться стоимости чеканной монеты. Предположим, что землевладельцам на их нужды требуется 50 миллионов, и банк ссужает им в помощь 50 миллионов бумажными деньгами. Каковы будут последствия этой ссуды? Землевладельцы, получив эти 50 миллионов, не спрячут их в сундук, а пустят их в оборот, на уплату долгов, на свои расходы, а на улучшение своих земель употребят только меньшую часть всей суммы. Итак, в обороте имеется 150 миллионов. Для нужд обращения это слишком много. Предположим, что улучшение земель поглотило 10 миллионов, все-таки остается лишних 40 миллионов. Эти 40 миллионов не могут уйти из государства, потому что они имеют форму бумажных денег, а, следовательно, для восстановления равновесия из страны уйдут 40 миллионов металлических руб. Наконец, бумаги опять вернутся в банк, для обмена на металлические деньги, но у банка не будет таких денег, так как их никогда и не было в стране, ибо банк выпустил бумажных денег на сумму в 50 миллионов, не имея капитала для их реализации.

В прежнее время банку требовалось не более 20 миллионов для ежедневного размена, в настоящее же время для тех 40 миллионов,

которые не имеют обеспечения, потребуется на много больше звонкой монеты. Результатом выпуска необеспеченных металлом бумажных денег является обесценение последних, по мере трудности их размена, благодаря чему общество и чувствует, что эти деньги не имеют обеспечения. Английский банк совершил однажды ошибку, выпустив слишком много банковых билетов, и не смог их оплатить; шотландские банки окончательно пришли в упадок; учетная касса во Франции разорилась. Итак, банк, который захочет оказать помощь землевладельцам, выдавая им бумажные деньги вместо металлических будет разорен всякий раз, как будет принужден оплачивать банковые билеты звонкой монетой, как это полагается: металлические деньги уйдут из страны, и последняя будет разорена.

Как же восстановить кредит бумажных денег и предупредить крах банка? Не иначе как путем извлечения и уничтожения 40 миллионов бумажных денег, не имеющих никакого обеспечения. Но как их изъять? Правда, землевладельцы должны эту сумму банку, но ведь они не имеют никакой возможности выплатить эти деньги. Часть взятых денег была употреблена ими на уплату долгов и на ряд других расходов, а для того, чтобы уплатить эту сумму банку, землевладельцы должны обратиться к помощи капиталистов, т.-е. они снова задолжают, да еще более прежнего. Другая часть этих 50 миллионов пошла на улучшение земли, но ее нельзя будет извлечь тотчас же из возведенных построек, из выполненных предприятий, ибо постоянный капитал, вложенный в земледелие, выплачивается очень медленно. Следовательно, землевладельцы могут уплатить банку, не иначе как продав свои земли.

Таким образом доказано, что помощь, оказываемая землевладельцам ссудой бумажных денег, не является реальною помощью, а лишь ускоряет их разорение. Если им и можно помочь, то исключительно ссудой звонкой монеты.

2. Для того, чтобы найти необходимые деньги, было организовано общество из всех землевладельцев, взаимно ответственных за свои долги и дающих в долг друг другу свои фонды под земельные закладные. Такова система ипотек или кредита, но эта система не создает новых капиталов; эта система дает возможность некредитоспособным землевладельцам получать ссуды за поручательством лиц, пользующихся кредитом. Эти последние предоставляют им свой кредит под закладные их земель. Поэтому необходимо, чтобы большинство землевладельцев пользовалось кредитом, так как если все они имеют долги, то их общество ни в чем им не поможет. Остается узнать, захотят ли лица, пользующиеся кредитом, ссужать его некредитоспособным лицам, так как, беря на себя ответственность за последних, они рискуют своим собственным кредитом. Но предположим, что таковое общество будет иметь место, как, например, это было в Силезии, в 1770 г. Каковы будут последствия, если разоренные помещики, получив деньги, будут продолжать расточать их, как, по всей вероят-

ности, поступает большинство разорившихся по своей вине? Деньги, полученные из кредитного фонда, ни в чем им не помогут. Они кончат тем, что окончательно потеряют свои имения, так как кредитный фонд должен будет продать их для восполнения своей наличности. Но если только землевладельцы не расточительны, если они разорились случайно, то ипотечная система может оказать им большую помощь. Итак, действие этой меры всецело зависит от обстоятельств.

3. Третий способ — самый печальный. Государство покупает часть имений у разорившегося землевладельца для того, чтобы он оказался в состоянии выплатить свои долги и сохранить остальную землю. Правда, что в руках расточителя земле бывает мало пользы, но и в руках правительства она тоже мало выиграет, как мы это уже доказывали в статье о государственных имениях. Чем больше у государства таких владений, тем больший капитал требуется ему для их улучшения. К тому же земли, купленные у расточителей, суть разоренные земли. У государства нет ни денег, ни людей, ни средств для надзора, необходимых для выполнения обязанностей хорошего фермера; лучше было бы, если бы государство вовсе не покупало этих земель, а приказало бы продать часть их для уплаты кредиторам. Если же никто не пожелает их купить, то не останется сделать ничего другого как только раздать их кредиторам, которые обычно являются капиталистами, так как весьма вероятно, что некоторые из них вложат в землю свои капиталы и постараются извлечь из этой операции как можно больше пользы.

Помощь, оказываемая фермерам и земледельцам.

Эта помощь бывает двоякого рода: во-первых, помощь в случае пожара, наводнения, эпидемии среди скота или же в случае другого какого-либо общественного бедствия, во-вторых, награды за вывоз продуктов и их производство.

1. Помощь в несчастных случаях может быть оказана землевладельцам, фермерам и земледельцам. Если последние будут рабами, то правительство должно обязать их хозяев выполнить свой долг по отношению к ним и помочь им. Если земледельцы будут людьми свободными, то правительство должно учредить:

1) Для всех этих классов хорошую сельскую полицию, чтобы предупреждать и быстро ликвидировать эти несчастия.

2) Денежный фонд, посевный, сырых материалов, как, напр., строевой лес и т. д. Фридрих Великий учредил такой фонд для Пруссии. Свободные граждане работают на своих хозяев; необходимо, чтобы и хозяева делали то же самое.

2. Награды могут выдаваться за вывоз, в особенности зернового хлеба, или за производство.

Примером может служить Англия, которая уплачивала вознаграждения с 1688 г. по 1770 г. почти без перерыва. Благоприятное дей-

ствие этого принципа завербовало ей многих сторонников, но все-таки против него существуют возражения. Награды оплачиваются правительством. Где же оно берет для этого деньги? Из общественных сумм; следовательно, эти вознаграждения оплачиваются населением. Берут деньги одних, чтобы дать их другим. Награды эти поддерживают цену ржи гораздо выше той, какая была бы без этого. Следовательно, общество оплачивает и награду и повышение цены на зерновой хлеб. Но выигрывает ли от того земледелец? Его выигрыш — только кажущийся, так как он сам вынужден платить дороже за все другие товары, на которые цена повышается соразмерно с ценою хлеба.

Награды за производство гораздо ценнее, ибо получает их земледелец, а не купец. Запрещение вывоза сырья приносит мало пользы земледелию. Благодаря своему большому объему, вывоз сырых материалов всегда незначителен сравнительно с общим потреблением.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Фабрики.

Все то, что правительство может сделать для прогресса фабрик, искусств и ремесл, должно согласоваться с их природой. Поэтому мы упомянем:

1) О природе фабрик, искусств и ремесл.

2) О мерах, которые правительство может предпринять для ускорения их прогресса.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Природа фабрик.

Эта глава подразделяется на шесть следующих отделов: 1) общие идеи, 2) о капитале, помещенном в фабрики, 3) цены, 4) усовершенствование фабрик, 5) влияние фабрик, 6) размышления о государствах земледельческих и промышленных.

Отдел первый.

Общие идеи.

Сырые продукты, получаемые от земледелия, в своем первоначальном виде мало пригодны для человеческого потребления. Это сырье необходимо предварительно подвергнуть переработке, что и составляет предмет деятельности фабрик, искусств и ремесл, или же промышленности в узком смысле. В более обширном смысле понятие промышленности охватывает также и земледелие и торговлю.

Нет ни одной нецивилизованной нации или дикого народа, которые не занимались бы подобного рода промышленным трудом, потому что все они принуждены сырой материал подвергнуть хорошей или плохой промышленной переработке. Таким образом фабрики, искус-

ства и ремесла берут свое начало одновременно с охотой, рыбной ловлей и земледелием, а не являются более поздним результатом этих занятий.

Прежде всего должны были возникнуть самые необходимые фабрики, способные сделать сырой материал пригодным для удовлетворения наших естественных нужд. Работа этих первых фабрик и груба и несовершенна. Но по мере того как нарождаются и увеличиваются искусственные потребности [1]), работа фабрик становится все более законченной и совершенной. Следовательно, фабрики грубые и несовершенные должны предшествовать во всех странах фабрикам более совершенным. Фабрики этой последней категории появляются в тех странах, где встречается сырой материал лучшего качества и в большем количестве. История говорит нам, что они происходят из Индии, Китая, Персии и Малой Азии. Оттуда они перешли в Италию, Фландрию, Голландию, Францию, Германию и Англию.

Над сырьем производится двоякого рода работа: 1) сырье обрабатывается для потребления его всеми вообще людьми или, по крайней мере, большим числом людей, напр.: мука, сукно, шелк, 2) или уже обработанные предметы изготовляются для потребностей одного человека, согласно его личным нуждам, его росту, его вкусам.

Легко заметить, что работа первого рода допускает организацию крупных предприятий и делает их часто необходимыми, тогда как второй род работы не допускает, или, по крайней мере, не обязательно требует больших предприятий. В первом случае имеем работу фабричную, во втором—работу ремесленную, напр.: суконная фабрика и ремесло портного, кожевенный завод и сапожник. Среди этих ремесл и фабрик некоторые требуют большого искусства, напр.: часовое мастерство, ювелирное, и называются — искусством. Поэтому и говорят: фабрики, искусства и ремесла.

Многие ремесла могут приближаться по своей природе к фабрикам, если мастер [2]) заставляет своих рабочих выделывать большое количество предметов известного рода, которыми он предполагает, имея их в большом количестве, удовлетворить нужды многих индивидуумов. Так, напр., имеются магазины башмачные, сапожные, мебельные и магазины платья. Собственно говоря, это все ремесла, но по своему характеру приближающиеся к фабрикам, работающим для большого числа людей или для всех людей вообще. Есть также и фабрики, приближающиеся по своей природе к ремеслу, т.-е. такие, которые работают для индивидуальных нужд, но с таким разнообразием, что можно предположить, что огромное число людей найдет там для себя что-либо подходящее, напр.: оружейные заводы, фарфоровые, стеклянные, часовые фабрики, кружевные, обойные. Эти предприятия бывают сходны с фабриками благодаря своим размерам, необходимым

[1]) В оригинале: «factices».
[2]) В оригинале: «maître ouvrier».

для установки машин, разделению труда и величине требуемого ими капитала, а с ремеслами они имеют сходство в разнообразии продуктов производства, которые они делают пригодными для удовлетворения всякого рода индивидуальных нужд.

Есть еще известный род индустриальных работ, предназначающихся для всех людей, но это производство носит другой характер, т. к. продукт его не может храниться долго; такова, напр., работа мясника, булочника, повара, кондитера. Мы причисляем этот труд к классу ремесл по той причине, что особенности производства не допускают больших размеров предприятий, а также и потому, что индивидуальные потребности людей, их богатство и вкус являются здесь особенно решающими.

Итак, фабрики суть такого рода предприятия, где:

1) обрабатывают сырье,
2) для общих нужд,
3) в большом количестве, и
4) продукт производства которых сохраняется долго.

Ремесленные предприятия суть такие, где:

1) обрабатывают продукты фабричного производства,
2) для индивидуальных нужд,
3) в деталях, — и продукты производства которых
4) предназначаются для непосредственного потребления.

Ремесла предшествуют фабрикам.

Прежде всего владелец сырья должен подготовить его для своего личного потребления, потом опыт учит его, что, посвящая себя определенному роду труда, он приобретет более навыка, будет вырабатывать продукт лучшего качества и в большем количестве; тогда он начинает работать и для других, которые платят ему из своего излишка. Таким образом он становится рабочим, его занятие составляет ремесло, и его труд не требует большого капитала.

Наконец, опыт показывает, что изготовление большого числа предметов для потребления их многими людьми стоит вообще дешевле и что они могут быть изготовлены в большом количестве и еще лучшего качества в одно и то же время и при одной и той же затрате сил, если их вырабатывать в большом предприятии; для этого требуется большой капитал, являющийся плодом сбережений. Тогда возникают фабрики.

В виду того, что вкусы, способности, величина капитала, легкость добывания сырья, свойства спроса решают род ремесла, то каждый может устроить себе фабрику согласно своим желаниям и возможностям. Отсюда следует, что наибольшая свобода должна быть основным принципом в деле естественного учреждения фабрик частными лицами.

Предметы, изготовляемые для всех людей вообще или для большого числа людей, бывают разнообразны: одни требуют грубой работы и применения большой силы, другие нуждаются в более изящной работе, сделанной с большим талантом и искусством. Учреждения первого рода назвали заводами-fabriques, от латинского слова «faber» —

рабочий, работающий топором и молотом, а другого рода — фабриками-manufactures, от латинского слова «manus» — рука. Поэтому и говорят: «fabrique de fer» — железоделательный завод и «manufacture de soie» — шелковая фабрика. Но так как оба эти рода работы требуются во многих предприятиях, то оба термина спутались в разговорной речи. Во всяком случае лучше называть заводом учреждение, где выполняется тяжелая и грубая работа, а фабрикой — учреждение, где выполняется более изящная работа. Для обозначения смешанных работ следует применяться к особенностям языка, напр., суконные фабрики французами именуются «manufactures de drap», а русскими — «fabrique de drap».

Можно подразделить фабрики на большие и малые, или рассеянные.

Большие фабрики предназначаются для производства, требующего объединения многих сил и большого капитала, напр.: рудники, железоделательные заводы, стеклянные заводы.

Для того, чтобы они имели успех, требуется: 1) чтобы их производство возможно меньше подвергалось изменениям моды 2) или же, чтобы их доход был настолько велик, что мог бы покрывать все убытки, которые влекут за собой эти изменения, 3) их местоположение должно быть выбрано с большим вниманием для того, чтобы облегчить доставку сырого материала и транспортирования готовых продуктов производства.

Рассеянные фабрики — суть такие, которые не требуют непременно этих преимуществ, которые каждый может свободно завести у себя дома, для которых всюду можно найти сырой материал и которые не требуют большого числа рабочих, напр., мануфактура простого холста и полотна, мануфактура хлопчато-бумажная, недорогого шелка, грубого сукна и т. п.

Как большие фабрики, так и малые имеют свои выгоды и недостатки. Экономисты покровительствуют малым, а меркантилисты — большим.

Экономисты приводят следующие доводы:

1) Большие фабрики требуют большого капитала, большого числа рабочих и сложных машин. Все эти расходы должны повысить цену товара, а между тем крупная фабрика не может продавать его по более дорогой цене, чем маленькая, которая не несет этих расходов.

О т в е т. Это верно, но зато разделение труда и машины на большой фабрике настолько увеличивают продукцию, что этим вдвойне покрываются все издержки.

2) Благодаря беззаботности доверенных, инспекторов и их помощников, на больших фабриках теряется много мелких предметов. Общая стоимость всех пропадающих мелких вещей, на которые не обращают внимания, в конце концов, становится довольно значительной. На мелких фабриках ничто не пропадает.

О т в е т: 1) Увеличение продукции оплачивает все это. 2) Существует громадная разница между государственными учреждениями

и учреждениями частных лиц. В первых теряется гораздо больше, чем во вторых.

3) В больших учреждениях устанавливается механический порядок, военный деспотизм, совершенно противоречащий свободному духу, который должен царить на фабриках. Для больших предприятий требуются рабы, а свободные рабочие всегда постараются найти себе маленькие фабрики.

О т в е т. Там, где число предметов велико, там непременно нужен точный порядок, но рабство и военный деспотизм не обязательны. Правда, в маленьких предприятиях больше свободы, но зато большие фабрики имеют и свои преимущества для рабочего, ибо на них труд оплачивается лучше и более точно. Крупный предприниматель, сколько угодно, может платить рабочему, в котором он безусловно нуждается, и рабочий может быть более спокоен за свое существование.

4) Крупный предприниматель часто терпит большие убытки в своих крупных спекуляциях, а мелкий никогда не бывает в таком положении.

О т в е т. Отчасти это верно, но барыши там тоже больше, и к тому же первому требуется больше ума.

5) Крупный предприниматель часто бывает вынужден продавать по любой цене, лишь бы добыть деньги; у мелкого не бывает таких настоятельных нужд.

О т в е т. Такие случаи имеют место, когда капитал недостаточен или когда он рассеивается на слишком крупные предприятия, но как то, так и другое является лишь несчастной случайностью, но отнюдь не присуще большим фабрикам.

6) Крупный предприниматель должен закупать сырой материал оптом. В таком количестве материал можно найти только у перепродавца, следовательно, он должен покупать дороже. Мелкий же предприниматель покупает в розницу из первых рук.

О т в е т. Во-первых, крупному предпринимателю вовсе нет необходимости покупать оптом, ибо он может иметь доверенных, которые покупали бы в розницу; если же он не хочет обременять себя такими заботами, то он хотя и переплачивает перепродавцу, но не много, т. к. покупает оптом. Увеличение продукции вознаграждает все его издержки.

7) Наибольшее благо от фабрик заключается в том, что большое число жителей применяют свои силы, время и капиталы продуктивным образом. Рассеянные фабрики способствуют большему распространению индустрии и увеличивают число капиталистов. Крупные фабрики суть, так сказать, академии промышленного труда.

О т в е т. Все это верно, но из этого следует лишь то, что крестьянам, мещанам и мелким собственникам нужно предоставить всю ту производственную работу, которую они действительно в состоянии выполнить. Однако из этого нисколько не следует, что им можно разрешить работу, которая может быть хорошо выполнена только на боль-

ших фабриках. Нужно им строго запретить такой род работы, так как они не в состоянии выполнить ее хорошо, а тем самым они наносят ущерб национальному кредиту, удорожают сырье [1]), развращают рабочих, продают свои изделия по низкой цене и вызывают крах крупных предпринимателей изобилием плохих товаров. Большинство таких фабричных изделий должно изготовляться только на предприятиях определенной величины.

Некоторые авторы-экономисты назвали земледелие первой, древнейшей и величайшей из фабрик, но такой способ выражения не вполне точен, так как отличительной чертой фабрик является обработка сырья, тогда как отличительная черта земледелия это — его производство.

Отдел второй.

О капитале, помещенном в фабрики, искусства и ремесла.

Фабрики и заводы в собственном смысле или крупные предприятия требуют капитала, достаточного:

1) на покупку сырья,

2) на покупку и содержание инструментов, машин и построек,

3) на содержание и заработную плату рабочим,

4) на сохранение изготовленных предметов до того момента, когда они начнут приносить доход [2]).

Поэтому предприниматель фабрики должен быть капиталистом. Что касается знаний, необходимых для изготовления предметов его производства, то ему достаточно иметь общее о них понятие, но от него вовсе не требуется умения самому их изготовлять.

Искусства и ремесла требуют капитала:

1) на покупку инструментов и на приобретение подходящего для них помещения,

2) на содержание и заработную плату рабочим,

3) на небольшие издержки, которые необходимо иногда сделать для окончательной обработки уже изготовленных предметов, напр., таких, как нитки, вар и пр.

Вовсе не требуется, чтобы такого рода предприниматель обладал капиталом, необходимым на покупку уже готовых предметов, которые он только подвергает отделке для чьих-либо личных нужд. Тот, кто делает заказ, должен снабдить его этими изделиями. Еще менее требуется ему капитал для хранения этих предметов. Но зато такой предприниматель должен знать свое ремесло во всех его деталях и уметь выполнять его самостоятельно. Поэтому-то его и называют мастером [3]). Он может начать

---

[1]) В оригинале, повидимому, описка: «les premières untiers», вместо: «les premières matières».

[2]) В оригинале: «jusqu'à la rente».

[3]) В оригинале: «maître ouvrier».

свою работу с очень маленьким капиталом, но он не может начать ее, если не знает ее [1]) детально.

Собственно говоря, ему нужно возместить себе затраченный капитал и получить:

1) обычные проценты на затраченный капитал,

2) вознаграждение за применение своих способностей. Обычные проценты он мог бы получить при всякой другой затрате капитала, но отнюдь не вознаграждение. И то и другое составляет чистый доход от фабрики или от ремесла. Естественное продолжение деятельности предприятия зависит от этого чистого дохода.

Чистая прибыль получается от лучшего качества или от большего количества выработанных предметов, или от того и другого вместе. Во всех этих случаях национальное богатство выигрывает от такого промышленного труда. Чистая прибыль может быть получена также вследствие случайных причин в виде запрещений, привилегий, помощи со стороны правительства, войн, торговых договоров. Тогда предприниматель выигрывает от этого за счет национального богатства, т. к. общество теряет столько, сколько он выигрывает. Экономисты отрицали, что промышленный труд приносит чистую прибыль, которая увеличивает национальное богатство, говоря, что фабрики, искусства и ремесла отдают только то, что ими извлечено из продуктов земледельческого производства. Но:

1) предприниматель отдает больше и платит лишь частью своего производительного труда за то, что он извлек из этих продуктов;

2) экономисты смешали работу природы в земледелии, которая есть истинное созидание, с человеческим трудом; последний остается одним и тем же в применении как к земледелию, так и к фабрикам и ремеслам;

3) наконец, силы природы также принимают участие и в работе на фабриках: напр., воздух, вода, огонь, низшие качества сырья. Следовательно, нет никаких причин отрицать, что доход от фабрик является действительным увеличением национального богатства.

Согласно теории Адама Смита—народное богатство есть сумма всех продуктов, являющихся результатом производительного труда, т.-е. все сырье и все фабричные изделия. Деньги как металл составляют только часть его, но как средство оборота они не продуктивны. Это народное богатство есть капитал, находящийся в народе, и он подразделяется на постоянный капитал, оборотный капитал и потребительский капитал. Два первых суть производительные капиталы, а последний, как и деньги, не производителен. Первые два называются так потому, что дают ренту землевладельцам, проценты капиталистам и заработную плату рабочим. По этой теории, капитал, вложенный в фабрики, есть или постоянный капитал, или оборотный, но как тот, так и другой производительны, ибо они дают доход, или чистую прибыль. Лео-

[1]) В оригинале дальше следует зачеркнутое слово: «monde».

польд Пирни в своем труде о народном богатстве Пруссии дает другое подразделение капитала. Он делит его на мертвый и живой. Первый непроизводителен, второй — производителен. Первый не дает никакого чистого дохода, второй дает его. Живой капитал заключается в обработанной земле и в продуктах, предназначенных для внешней торговли. Мертвый капитал заключается в капитале, затраченном на внутреннюю торговлю, фабрики, искусства и ремесла, работающие на внутренний рынок страны, во всех вообще строениях и в инструментах, наконец, даже в самих людях. Хотя мертвый капитал и дает доход, все же это не есть чистый доход, который действительно увеличивает народное богатство, это только оборотный доход, получаемый от чистого земледельческого дохода и от внешней торговли, а также и от фабрик, работающих на внешний рынок [1]). Эта система занимает среднее место между системами экономистов и Адама Смита.

Но было бы ошибочно отрицать чистый доход оборотного капитала, так как: 1) при его отсутствии земледелие давало бы очень мало дохода или вовсе ничего не давало бы, а если он производителен для земледелия, почему же не быть ему таковым и для фабрик, которые работают для самой страны, для внутренней торговли? Одно только увеличение производства не увеличивает народного богатства и не дает дохода. Без оборота — оно действительно является только мертвым капиталом. Если же именно оборот является той причиной, благодаря которой оно приносит доход, то как же отрицать доход, получаемый от [2]) оборота? 2) в капитале, скопившемся от земледелия, всегда заключаются части, получаемые от работы фабрик, и поэтому этот капитал был бы производителен для земледелия, но не для фабрик; 3) точно так же, как земледелие дает доход при затрате труда и капитала, дает его и оборотный капитал.

Отдел третий.

Цены.

То, что предприниматель фабрик и мастер получают взамен своего труда, называется ценой. Цены падают: 1) с увеличением производительности, возрастающей с увеличением числа рабочих, 2) при усовершенствовании инструментов и машин, 3) при разделении труда. Во всех этих отношениях фабрики допускают неограниченное возрастание производства. Земледелие ограничивается степенью плодородия почвы и особенностями земледельческого труда, который не допускает применения стольких машин и такого большого разделения труда. Этим и объясняется, что увеличение спроса по-разному влияет на уровень цен продуктов земледелия и изделий фабрик и ремесел. Чем больше

---

[1]) В оригинале: «pour l'étranger».

[2]) В оригинале следуют несколько зачеркнутых и неподдающихся прочтению слов.

возрастает спрос на первые, тем более цены на них повышаются, так как их производство не может следовать за ростом спроса, тогда как, чем более увеличивается спрос на фабричные изделия, тем более усовершенствуется их производство, тем более их цена понижается. Значит, по мере того, как увеличивается народное богатство: 1) земельная рента возрастет, 2) доход с фабрик понизится так же, как и 3) проценты на капиталы, количество которых увеличилось. В результате получится, что, поскольку оборот капиталов будет более свободным, доход с фабрик выравнится и будет умеренным.

Откуда происходят чрезвычайно высокие цены на фабричные изделия? 1) От особенностей почвы страны, которая поставляет исключительно известный род сырья, специально требуемый, или же еще от исключительных [1]) способностей мастера или фабриканта, с которыми никто не может соперничать, 2) от случайных причин, привилегий, монополии, политических обстоятельств.

Отдел четвертый.

Усовершенствование фабрик.

Усовершенствование фабрик, искусств и ремесл заключается: 1) в том, чтобы их хватало для внутреннего потребления, 2) в том, чтобы они могли выдержать иностранную конкуренцию.

Первая ступень усовершенствования будет достигнута тогда, когда производство фабрик будет соразмерно с существующими потребностями рынка страны. Нужды эти колеблются в соответствии с климатом, народным богатством и степенью культурности жителей.

Вторая ступень будет достигнута тогда, когда фабричные изделия будут удовлетворять современным требованиям рынка многих стран, Они приобретут превосходство и даже естественную монополию на этих рынках, если удастся транспортировать товары в наибольшем количестве, лучшего качества и по наиболее низкой цене. Такое явление бывает результатом разделения труда, введения машин и забот по улучшению сырья. В этом заключается исключительная монополия Англии на всех рынках цивилизованного мира.

Отдел пятый.

Влияние фабрик.

Чем больше в стране имеется фабрик, искусств и ремесл разного рода, тем больше имеется средств удовлетворить естественные и искусственные нужды жителей.

Чем больше увеличивается число фабрик, тем больше они потребляют сырья и рабочих. Тогда и цены на продукты земледелия непременно повысятся. Но наука земледелия будет также прогрессировать, потому что фабрики привлекают большое число рабочих из деревни,

[1]) В оригинале: «supérieur».

а с другой стороны, увеличивают свой спрос на сырье и тем самым они принуждают меньшее число рабочих, остающихся в деревне, поставлять большее количество сырого материала. Это в свою очередь вынуждает земледельцев задуматься над способами удовлетворения такого большого спроса при наличии меньшего числа рабочих рук, а это как раз и способствует улучшению земледелия. Сырой материал очень объемист. Его требуется огромное количество для производства какой-либо значительной ценности. Фабрики, наоборот, поставляют такие же ценности в гораздо меньшем объеме, поэтому транспорт бесконечно выигрывает на последних. Сырье же настолько разнообразно, что может всюду найти себе рынок. Фабрики разнообразят его до бесконечности и находят ему рынок там, где оно никогда не смогло бы его найти в своем естественном виде. Благодаря этому товарооборот оживляется, и торговля от этого много выигрывает.

Влияние фабрик на наши удовольствия весьма чувствительно. Они увеличивают наши искусственные потребности до бесконечности и тем самым втягивают в оборот богатства крупных землевладельцев, которые тратили бы их в противном случае на прокормление большого числа бездельников, как это случалось в средние века.

Капитал, пущенный в оборот, приносит доход, становится производительным и увеличивает народное богатство.

Фабрики открывают новый источник богатств, не зависящих от земельной собственности, источник богатств, который делает художника гражданином всех стран и распространяет дух независимости и свободы. Земледелие, напротив, утверждает самый точный принцип собственности и неравенства и покровительствует рабству. Свободные искусства: живопись, скульптура, архитектура — много выигрывают от прогресса фабрик, для которых они работают. Химия, механика, ботаника, физика находят здесь объект, достойный своих изысканий, и даже философские науки суть изыскания о природе народного богатства, которое возрастает на их глазах. Наконец, благосостояние, распространяемое фабрикантами среди всех [1]) классов населения, непременно порождает покровителей искусств и наук. Италия при Медичи, Голландия в счастливые дни свободы, Франция при Кольбере, Англия в настоящее время свидетельствуют, что эпоха процветания фабрик была также и временем прогресса искусств и наук вообще.

Отдел шестой.

Размышления о земледельческих и промышленных государствах.

Промышленным государством называют государство, в котором огромное число жителей занимается фабричным производством, напр.: в Англии 5 миллионов из 15 миллионов жителей, а в Голландии еще

[1]) В оригинале дальше следует густо зачеркнутое слово, неподдающееся прочтению.

больше. Вообще трудно решить вопрос, чем полезнее заниматься — развивать ли преимущественно земледелие, или же фабричную промышленность.

1) В предметах первой необходимости, в особенности хлебе, крайне нуждаются все люди. Эти предметы требуются в таком большом количестве, которое невозможно получить из-за границы по той же цене, что в своей собственной стране с плодородных земель. Следовательно, земледелие представляет собой основное занятие главным образом в странах бедных, которые не могут дать в обмен ничего, кроме сырья.

2) Фабрики являются уделом только богатых стран, потому что требуют больших средств. Желание учреждать их насильно в бедных странах — означало бы привлекать к ним капиталы, которые с большей пользой могут быть употреблены в сельском хозяйстве. К тому же бедные страны мало населены. Класс фабричных рабочих очень плодовит, а поэтому общая сумма их заработной платы очень велика, так что на уплату ее уйдет большая часть дохода с фабрик и несмотря на это нельзя будет найти рабочих.

Учреждение фабрик в таких странах принесло бы больше убытку, чем барыша, поэтому здесь следует больше заниматься земледелием. Закон политической экономии указывает, что нужно заниматься тем родом труда, который обходится дешевле, то есть, который создает наибольшие ценности при наименьших затратах. Если бесплодие почвы требует столь большого капитала, что можно было бы получать зерновой хлеб из плодородных местностей по более дешевой цене, то в этом случае предпочтительнее заниматься фабричным производством, так как в торговле дело идет лишь о меновых ценностях и безразлично, будут ли они заключаться в сырых материалах или в фабричных изделиях, как напр.: в Голландии, Швейцарии и других горных местностях, в Богемии и Силезии.

3) Промышленные государства, имеющие почву средней плодородности, обладают всегда превосходным земледелием, напр. Англия, Ломбардия и даже Голландия. Английские фабрики обязаны своим возникновением и дальнейшим блестящим развитием земледелию. Адам Смит оценивает английское земледельческое производство в 80 миллионов фунтов стерлингов: фабричное и коммерческое в 30, а навигационное в 10. Английские фабрики зиждятся [1]) на усовершенствованном английском земледелии.

4) Хотя все зависит от обстоятельства, однако нужно признаться, что государство земледельческое всегда более независимо, нежели государство чисто промышленное. Политические обстоятельства могут изменить торговый курс и повлечь за собой крах фабрик, капиталы которых не так легко могут перемещаться в другие отрасли. Новые

[1]) В оригинале дальше следует зачеркнутое неразборчивое слово.

рынки не так легко обретаются. Голландия, которая жила торговлей, фабриками и рыбной ловлей, понесла большие потери с прекращением ее морской торговли.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Правительственные мероприятия.

Меркантильная система требует, для достижения цели, следующего: 1) Учреждения коллегии, уставов и инспекторов, одним словом, специальной полиции для надзора за фабричными работами. 2) Учреждения корпораций и цехов для искусств и ремесел. 3) Оказания положительной помощи в виде привилегий и наград, денежных пособий. 4) Заключения выгодных торговых договоров и выработки тарифов в пользу местных фабрик.

Система экономистов отвергает все эти способы покровительства фабрикам, искусствам и ремеслам и провозглашает тот принцип, что частный интерес является единственным и главным двигателем индустрии и что поэтому правительству остается только предоставить ему наибольшую свободу действия, устраняя все те затруднения, которые он не сможет преодолеть, а в первую очередь, уничтожив меры, рекомендуемые меркантилистами.

Система Адама Смита высказывается тоже против этих мер и почти во всем согласуется с системой экономистов. В этом отношении с означенными системами происходит то же, что и со многими другими. Все современные авторы по политическим наукам вполне согласны между собой в вопросе о дурном действии мер, предпринятых в соответствии с меркантильной системой, и стремление защитить их даже при некоторых их видоизменениях было бы непростительной ошибкой. Но правительства действуют всегда более или менее согласно принципам меркантильной системы, провозглашая в то же время во всех своих актах принципы других систем. А так как в Европе всегда существуют эти мероприятия и учреждения, то необходимо знать их свойства, а также их дурное и хорошее действие.

Отдел первый.

Меркантильная система.

Организация особой полиции для фабрик и заводов требует учреждения фабричной коллегии, обстоятельно составленных уставов, инспекторов и доверенных лиц для наблюдения за их выполнением.

Меркантилисты утверждают, что необходимо учреждение специального суда для разбора дел, касающихся фабрик, ибо другие суды не обладают знаниями, необходимыми для разбора такого рода дел. Этот суд должен служить противовесом по отношению к другим гражданским судам, с которыми фабриканты могут иметь дела. Ходатайство

такой коллегии имеет большее значение, нежели иск частного лица, особенно в том случае, когда предприниматель имеет дело с конкурентом. Медлительность, царящая в работе коллегии, предохраняет предпринимателя от слишком поспешных приговоров. Для фабрик не годится быстрота, они прогрессируют медленно, следовательно, и меры, принимаемые по отношению к ним, должны соответствовать их характеру. Без такой коллегии предприниматель смешается с толпой граждан, которые рискуют меньшим, и окажется в зависимости от провинциальных судов. Апелляции в высшие инстанции для него еще более опасны, ибо какая у него может быть уверенность в том, что его делом действительно займутся в учреждении, куда поступают самые разнообразные дела со всех концов государства? Может ли он предположить, что у этих верховных судей найдутся знания и добрая воля, необходимые для того, чтобы вникнуть во все подробности его дела? Между тем всеми этими качествами обладают члены фабричной коллегии. В случае требования, предъявляемого предпринимателям правительством, кто же займется раскладкой, если не будет коллегии? Может быть, секретарь министра, который никогда не видел ни одной фабрики? А если дело идет об оказании помощи, то у кого ее просить? Она будет распределена в результате личного расположения, а не точного знания всех фабричных нужд. Если дело идет о жалобах предпринимателей на рабочих или наоборот, то у кого в обычных судах найдутся знания, необходимые для разбирательства таких щекотливых и важных дел? Если будет существовать какой-либо фабричный устав, то кто будет наблюдать за его выполнением? Одним словом, фабрики, затрачивая большие капиталы и выполняя специальные работы, настоятельно требуют учреждения коллегии, которая могла бы защищать их интересы и была бы детально знакома с их работой. Кроме того, фабричная коллегия обязана: 1) увеличить фабрики и заводы, изделия которых служат предметом внешней торговли и сырье для которых находится в самой стране: 2) сохранять ценность изделий и их цену путем запрещения плохой выработки их. А для этого коллегия должна получать от каждой фабрики:

1) Пробы товара, осведомляться о капитале и доходе фабрик, чтобы иметь возможность судить о том, какая фабрика процветает и какая приходит в упадок. Кроме того, коллегия должна следить за учреждением фабрик и заводов, дабы новые фабрики и заводы, перегрузив определенную отрасль промышленности, не разорили бы старых.

2) Затем нужны, продолжают меркантилисты, уставы и инспектора. Фабричная работа заключается в обработке сырья, требующей широкого разделения труда в производстве. Искусства и ремесла, напротив, требуют такой работы, которую может в точности выполнить один рабочий. Следовательно, не только трудно, но и вредно для прогресса фабрик стремиться к уменьшению их размеров, так как для успешности работ они требуют определенной величины. Вот несколько

примеров. Намеревались сократить размеры полотняных фабрик; а, между тем, они по роду своей работы требуют еще больших размеров, так как волокна, необходимые для изготовления фламандского полотна, равендука [1]) и коломянки встречаются лишь в малом количестве, да и то не всюду и не во всякое время; таким образом для этого производства не имеется необходимого, большого количества сырья. Крестьяне хотя и обрабатывают волокна всех родов, но в малом количестве. Между тем для полотна надо иметь самый большой выбор ниток, еще больший, чем для шерстяных материй, т. к. одни и те же нитки пригодны не для всякого рода полотна.

Такой ассортимент волокон, без которого нельзя выткать хорошего полотна, требует знаний и большого количества ниток, которых у крестьян не имеется.

Подходящие нитки должны быть выбелены, а для этого требуются печи, котлы, чаны, поташ, пространное помещение для развешивания полотен и здания, которые могли бы отапливаться. Но все это слишком дорого для одного или двух ремесленных цехов.

Легкие полотна требуют еще больших приспособлений. Крестьянину совершенно невозможно браться за это дело, а поэтому ему остается только вырабатывать грубую холстинку, что в настоящее время он и делает. Все же остальные полотняные изделия должны изготовляться на больших фабриках. Шелковые фабрики требуют еще бо́льших издержек. Хороший шелк слишком дорог для маленьких предприятий, которые вырабатывают плохие шелковые ткани с огромной быстротой и продают плохой товар по низкой цене и тем самым отбивают кредит у хороших фабрик. А между тем, шелковые материи требуют самого большого надзора, так как на них-то и легче всего обмануть покупателя, ибо часто вырабатывают шелковые материи весьма различного качества, но которые внешне совершенно сходны между собой. Возьмем для примера самую простую шелковую материю—тафту. Во Франции ее вырабатывают шириной в $^3/_4$ аршина. Если убавить ширину на полвершка, то можно много выгодать на всем количестве материи, а между тем это трудно заметить. Да и как можно различить, был ли гребень о 800 зубьях, как он и должен быть, или в 600. Как узнать, хорошо ли был проварен шелк. Шелковая материя, плохо проваренная, кажется даже прочнее, и только при употреблении можно заметить, что тафта скоро теряет свой блеск. Еще легче обмануть на гродетуре [2]), на бархате и т. д. Окраска шелковых материй открывает еще больше возможности для обмана. К такого рода надувательствам нельзя относиться безразлично, потому что плохие шелковые материи продаются по низкой цене и отнимают рынки у хороших тканей. Кроме того, такие плохие фабрики удорожают сырье и лишь развращают рабочих.

---

[1]) Грубый сорт полотна. *Ред.*

[2]) Род материи. *Ред.*

Отсюда следует, что шелковые фабрики должны оставаться большими предприятиями и иметь строгий надзор для того, чтобы они могли преуспевать и поставлять хорошие шелковые материи. Знаменитые лионские шелковые производства были подчинены самому подробному уставу. Там было введено самое строгое разделение труда, и каждая отрасль производства имела свой устав и своих инспекторов. Согласно этим правилам, купец делал заказ и был уверен в том, что он увидит его выполненным согласно уговору. При этом купец сам поставлял сырье. Такая точность и наличие устава доставили лионскому шелку превосходство, хотя тех же самых рабочих можно было бы найти и в другом месте, и таким же способом вырабатывается и итальянский шелк. Противоположный пример представляют голландские сукна. Известно, что Голландия первая открыла суконные фабрики и что она поставляла сукна во Францию. Но так как в Голландии каждый мог их вырабатывать, как хотел, то скоро эти суконные фабрики лишились доверия. Наоборот, во Франции суконные фабрики со времени Людовика XIV умножились, и так как им были даны уставы и инспектора, то вскоре они стали настолько знамениты, что овладели всей торговлей с Левантом. Английские суконные фабрики также работают по уставу. Другой пример: в виду того, что в первой половине XVIII века появился большой спрос на кипорную материю [1]), то в России число фабрик, вырабатывающих эту материю, настолько возросло, и их работа настолько ухудшилась, что они друг друга разорили, а к 1760 г. и вовсе исчезли. Поэтому правительство, будучи не в состоянии найти для армии эту ткань, вынуждено было привлечь к ее производству существовавшие в России суконные фабрики, которые совершенно не занимаются выработкой кипорной материи. Еще один пример — рудники в России. В то время когда они были подчинены уставу и посещались государственными инспекторами, число этих рудников сильно возросло, и они процветали. Но как только были отменены уставы, большинство их пришло в упадок за недостатком надзора. Одним словом, хотя фабрики и заводы различны между собой, хотя один класс будет настоятельно требовать больших предприятий, а другой будет требовать обратного, однако всем промышленными предприятиям присуще одна черта: перепроизводство плохих товаров неминуемо разоряет их, и, чтобы избежать этого [2]) несчастья, существует единственный способ: устав и надзор. Мелкую работу следует предоставить крестьянам и мещанам, но необходимо запретить им подражать работе больших фабрик, так как, делая такую работу плохо, они подорвут доверие к хорошим фабрикам, в особенности со стороны иностранцев, удорожат сырой материал, развратят рабочих и вынудят большие фабрики работать так же плохо, как и они сами, и в конце концов вынудят правительство точно регламентировать свою работу. Крупные предприятия должны подчиняться уставу

---

[1]) В оригинале: «crois».

[2]) В оригинале далее следует зачеркнутое слово: «moyen» — «средство»

и инспекции, и нужно запретить вырабатывать все на одной и той же фабрике, но необходимо, чтобы на фабриках было введено разделение труда. Даже заготовка сырья требует правительственного надзора. Если же в стране не имеется достаточно капитала или знаний, то правительство обязано сделать первые издержки: открыть магазины, белильни, красильни и т. д.

Наконец, в целях сохранения народного доверия, необходимо иметь на рынках инспекторов для того, чтобы они не допускали продажи плохих товаров, и для того, чтобы они занимались сортировкой товаров. Все эти меры вдвойне необходимы в той стране, где фабрики и заводы находятся еще в зачаточном состоянии. Невежество предпринимателей очень велико. Им безусловно нужно показать, как нужно работать, нужно их познакомить с лучшими инструментами, нужно заставить их выписать и призвать лучших мастеров. Жадность к наживе безгранична. Едва лишь одна фабрика начинает преуспевать, как десять других появляются по соседству и разоряют ее. Все вновь открытые фабрики работают плохо, а плохая работа губит хорошую. Правительство должно в это вмешаться и обозначить места, где разрешается открывать новые фабрики. Одним словом, правительство должно руководить вновь нарождающимися фабриками, как отец руководит своими детьми. Недостаточно быть трудолюбивым, нужно еще знать, как им стать для блага государства. Промышленность, плохо налаженная, приводит к самым дурным последствиям во всех государствах, и философские рассуждения о природе собственности и прав человека совсем неуместны, когда речь идет об открытии в государстве фабрик.

Искусства и ремесла имеют с фабриками общего то, что плохая работа по дешевой цене подрывает хорошую, которая, конечно, стоит дороже. Правительство должно предупредить это злоупотребление введением корпораций и цехов. Цех является такого рода институтом, в котором весь класс рабочих делится на три разряда: учеников, подмастерьев и мастеров.

Необходимо пробыть известное число лет в первом разряде, чтобы иметь возможность при соблюдении определенных формальностей вступить во второй, и этим приобрести известные права. А для вступления в третий разряд требуется доказать свои знания и внести известную сумму в пользу цеха. Сословие мастеров образует корпорацию, которая имеет своих старейшин и председателя, наблюдающих за безопасностью и благосостоянием своей организации. Число мастеров в одном городе может быть или неопределенно, или точно установлено правительством. При таком устройстве можно быть уверенным, что работа [1] ремесленников будет всегда доброкачественна; в противном случае старшина разрешит спор между ремесленником и заказчиком. Среди них создастся дух соревнования, который будет им препятствовать

[1] В оригинале следует густо зачеркнутое слово.

плохо выполнять работу. Они будут зажиточны, потому что число ремесленников будет естественным образом соответствовать спросу общества. Хорошее качество работы создаст им хорошую репутацию и, естественно, расширит их рынок. Наконец, водворится полный порядок в классе подмастерьев и учеников. Люди, занимающие такое положение, обыкновенно необразованны, своими капризами производят беспорядок и разоряют своих хозяев-мастеров. Хороший устав корпорации предупреждает такие злоупотребления, препятствует людям, плохо знающим свое ремесло, портить рынок другим; а тем, кто хорошо работает, но которые предъявляют чрезмерные требования, такой устав воспрещает покидать своих хозяев когда бы им ни вздумалось и причинять последним разные неприятности.

Опыт показал, что все города, где существуют такие корпорации и цехи, сделали большие успехи в усовершенствовании работы, почему и увеличилось их богатство, и, напротив, там, где этих учреждений не имеется, рынок перегружен плохими изделиями, и даже хороший рабочий должен работать плохо, чтобы заработать на хлеб. А так как вообще весь этот класс рабочих плохо воспитан, то, конечно, их требования преувеличены; жадность наживы доводит их до того, что они присваивают себе права, которые становятся в тягость обществу и даже разоряют другие корпорации. Поэтому опасно поручать им самим составлять устав,— это должно быть делом правительства, которому надлежит при этом руководствоваться следующими принципами: 1) выборы старшин должны происходить под его, правительства, наблюдением. 2) декреты старшин приобретают для корпорации силу закона лишь с того момента, как они одобрены правительством.

Взаимоотношения между этими тремя классами должны быть установлены правительством так, чтобы устранить при приеме в класс мастеров излишние трудности и затраты, установить срок пребывания в первом классе для того, чтобы не подвергать учеников напрасной потере времени и не делать их рабами хозяев, установить отношения одной корпорации к другой так, чтобы ни одна из них не могла пользоваться особым расположением правительства, сделать возможным учреждение новой корпорации. Всякий раз, как правительство сочтет полезным введение нового рода работы, оно должно облегчить подмастерьям и мастерам переход из одной корпорации в другую, сходную с ней; такое же право должно быть предоставлено подмастерьям и мастерам тогда, когда этого потребуют их личные интересы. Правительство должно следить за тем, чтобы всегда имелось достаточно мастеров-хозяев, в противном случае недостаточное их число создаст им монополию по отношению к обществу. Правительство должно также предоставить мастеру наибольшую свободу придавать своей работе такую форму, которую он найдет наиболее соответственной потребностям своего рынка. Правительство ни в коей мере не должно вмешиваться в назначение мастером цен на свою работу. Большинство городов, поручая корпорациям составление устава, тем самым обременило их законами

бесполезными, притеснительными и даже смешными. Среди них образовался сословный дух, вредный и часто опасный, сильнейший эгоизм; одним словом, все эти злоупотребления совершенно извратили само по себе хорошее и даже необходимое учреждение [1]). Но вся ошибка заключается в том, что правительство не позаботилось о корпорациях и цехах. Итак, необходимо устранить все, что есть вредного и лишнего в этих уставах, но не уничтожать самые учреждения.

Благодаря злоупотреблениям, которые вкрались в корпорации и цехи, последние снискали себе ненависть общества. Особенно экономисты, поборники свободы и равенства, утверждавшие, что целью хороших политических учреждений должно быть наивозможное облегчение производительного труда всех членов общества, уверяли, что корпорации и цехи находятся в полном противоречии с этим принципом. Но ответ на эти слова они произнесли сами: «облегчить производительный труд, насколько возможно», т.-е. согласно свойствам работы. Но производительный труд не облегчается перегруженностью рынка плохим товаром и вследствие этого таким понижением цен, что хорошая работа не может быть реализована по своей настоящей цене; развращением мастеров свободой, не подчиняющейся никаким правилам и разоряющей хозяев; предоставлением ученикам выбора учиться или не учиться. Именно этим и затрудняется производительность труда, несмотря на повсеместное провозглашение свободы и равенства. Этим самым причинили зло в такой же мере корпорациям и цехам, как и прочим политическим учреждениям. И подобно тому, как все другие политические учреждения должны ограничить естественную свободу, не говоря уже о равенстве, которое является заблуждением как в физическом отношении, так и в нравственном и еще больше в политическом, точно так же и уставы корпораций должны ограничивать свободу, которая вредит производительному труду. Подразумевается ли под производительным трудом какой бы то ни было труд? Неужели думают, что одна масса выполненных работ или возрастание их числа увеличивает народное богатство? А разве качество работы не имеет никакого значения? Жестоко ошибаются: плохая работа в основе суживает рынок, делая его доступным классу бедных и мало образованных покупателей, хорошая же работа расширяет рынок для всех классов и даже для всех частей света. Поэтому слова: «облегчить насколько возможно производительный труд» означают: «облегчить доброкачественную производительную работу», и единственным способом достичь этого служит учреждение корпораций и цехов.

Но, говорят друзья свободы, хорошая работа и без того узнается и найдет себе рынок, а плохая работа разорит того, кто ее сделал; однако это возражение не подтверждается опытом. Класс бедных или предпочитающих низкие цены людей всегда настолько велик, что и

[1]) В оригинале эта фраза читается так: Il s'est formé parmi eux un ésprit de corps nuisible et souvent dangereux, une institution bonne en elle-même et necessaire».

плохая работа найдет себе рынок. Хорошая работа становится еще труднее, потому что ее рынок, и без того небольшой благодаря своей высокой цене, еще более суживается под влиянием плохой работы. Наконец, не безразлично и то, разорится ли какой-нибудь рабочий, или нет. Хороший работник [1]), видя благосостояние, в каком живет его хозяин, устраивается, с его ведома, вблизи него. Прежде всего он женится и начинает по возможности подражать образу жизни своего прежнего хозяина. Но так как он не располагает ни связями, ни доверием публики, которое нужно прежде всего приобресть и заслужить, то он в начале не находит работы. Однако необходимо жить, следовательно, нужно приобресть работу, поэтому он насколько возможно начинает понижать цены. Тем самым он вынуждает и своего прежнего хозяина поступать так же. Наконец, когда этот способ исчерпан, и он не может более понижать цены, то он начинает исполнять свою работу хуже. Таким образом возникает плохая работа, разрушающая все ремесла. Если же несмотря на все это, он не сможет себя содержать, то с горя он станет вести дурной образ жизни, начнет пить, чтобы забыться, и он сам и его семья будут разорены. Ремесло потеряло навсегда хорошего работника, ибо разорившийся мастер, обремененный семьей, почти никогда не может снова вернуться в класс рабочих.

Отдел третий.

Торговля.

Статья первая.

История торговли.

§ 1.

Работа и обмен служат источниками народного богатства. В начале обмен производился без придачи [2]), но так как этот способ обмена заключает в себе бесконечное множество неудобств, то наиболее культурные нации выбрали золото и серебро мерой всех ценностей, после чего обмен, облегченный употреблением денег, становится торговлей.

§ 2.

Предметом торговли является все, что служит для удовлетворения наших нужд, естественных или искусственных. Эти последние называются роскошью. Торговля бывает или внутренняя, или внешняя—последняя производится на суше или на море. Торговля морская предполагает мореплавание и называется торговлей мировой.

---

[1]) В оригинале следует зачеркнутое слово: «maître».

[2]) В оригинале: «par troc».

§ 3.

Южная Азия, будучи самой богатой и самой культурной страной, была также и колыбелью фабрик, а вследствие этого и торговли. Все нации других континентов вели долгое время самую крупную торговлю продуктами ее богатых стран.

§ 4.

Финикияне, изобретатели мореплавания, установили мировую торговлю. Тир и Сидон сделались складочным местом товаров Востока и Запада. Карфаген, колония Тира, вел первые торговые войны.

§ 5.

У греков единственный город—Коринф—вел обширную торговлю. Фокеяне после изгнания их из своей страны основали Марсель и вновь сделались рыболовами, купцами и мореплавателями.

§ 6.

Александр Великий уничтожил торговлю Тира и создал торговлю Египта, построив Александрию, которая сделалась центром торговли между Индией и Западом. Птоломеи последовали его примеру и закрепили успех своей морской торговли.

§ 7.

Рим, став после падения Карфагена владыкой мира, пренебрегал торговлей, но все же оказывал ей много добра, предоставив ей полную свободу и возможно большую безопасность, объединив лучшие части Азии, Африки и Европы.

§ 8.

Византия, став столицей Римской империи, явилась самым значительным складом товаров в торговле между Азией и Европой; в ней скопились огромные богатства, которые поддерживали ее против варваров в течение 1000 лет.

§ 9.

Падение Римской империи уничтожило мировую торговлю и причинило огромные убытки внутренней торговле, которая была почти совсем уничтожена феодальным правлением, властью пап и разбоем мелких военных государств.

§ 10.

Крестовые походы восстановили мировую торговлю, так как крестоносцы предпочитали морской путь сухопутному, ибо последний представлял неопреодолимые трудности.

§ 11.

Города Италии способствовали расцвету возрождающейся торговли. Венеция сделалась чрезвычайно богатой и могущественной благодаря своим владениям в Пелопонесе и Архипелаге. Генуя получает выгоды от Венеции, помогая грекам снова овладеть Константинополем, Флоренция увидела расцвет своих фабрик.

§ 12.

Брюгге сделался большим складом товаров в торговле Италии с другими частями Европы и оставался таковым до открытия пути в Индию мимо мыса Доброй Надежды.

§ 13.

В виду того, что великие бароны беспокоили торговлю своим разбоем, 80 городов, известных под именем Ганзейских, для большей безопасности в XIII веке объединились и отдали себя под покровительство Тевтонского ордена. Города эти были разделены на четыре класса, из которых каждый управлялся главным городом. Этими городами были: Любек, Кельн, Брауншвейг и Данциг. Раз в 10 лет происходило общее собрание. Зависть германских князей их торговле, а еще более их взаимные раздоры разрушили в XVI веке союз этих ганзейских городов, которые в течение еще нескольких лет находили для себя некоторую поддержку в торговле сельдями.

§ 14.

Евреи держали в своих руках внутреннюю торговлю. Часто гонимые, часто вновь призываемые, они старались вознаградить себя неумеренным барышом за ту малую долю безопасности, какой они обладали [1]). Желая скрыть свои богатства от алчности христиан, они в XII веке в Ломбардии изобрели векселя.

§ 15.

Бодуэн Младший, граф фландрский, даровал в X веке вольности фабрикам, которые благодаря этому стали процветать; его приемники отобрали в XIV веке эти льготы, и фабрики перешли в Брабант, а оттуда в Голландию и в Англию.

[1]) В оригинале следуют зачеркнутые слова: «pour leur commerce» — «для их торговли.»

§ 16.

В XV веке Бартоломей Диасс, а затем и Васко де Гама открыли путь в Индию мимо мыса Доброй Надежды. Христофор Колумб открыл Америку для короля Кастильского, а Альварец—Бразилию для короля португальского. Испанцы и португальцы стали пренебрегать фабриками и торговлей и занялись золотоискательством, благодаря чему они и обеднели.

§ 17.

В начале XVI века Франция открыла Новую Землю и соседние берега, но внутренние религиозные смуты, вызвавшие столь большую эмиграцию, помешали [1]) ей извлечь выгоду из этих открытий. Кардинал Ришелье учредил американскую компанию, а Кольбер довел французскую колониальную торговлю до высшей степени совершенства.

§ 18.

Эмиграция французов в XVI веке, войны испанцев, которыми сумели воспользоваться г о л л а н д ц ы, захватившие в свои руки рыбную ловлю, и упадок тевтонской Ганзы, способствовали подъему торговли Н и д е р л а н д о в, которая распространилась на Балтийское море. Торговля пряностями из Индии бесконечно обогатила Нидерланды. В 1621 г. Вест-Индская компания захватила Каракао, о-в св. Евстахия и часть Бразилии. Голландцы овладели Цейлоном, основали предприятие на мысе Доброй Надежды, но были изгнаны из Африки и Бразилии.

§ 19.

А н г л и я обогатилась благодаря своим шерстяным фабрикам, торговля товарами которых [2]) расширила ее мореплавание... [3]) государство против Испании учредила Ост-Индскую компанию в 1599 г., при Елизавете. Кроме того, она в 1594 г. открыла Виргинию, оспаривала Ямайку у испанцев с 1590 г., а в конце XVIII века основала крупные предприятия в Америке, которая была богата рыбной ловлей, пахотной землей и строевым лесом [4]). Ее богатства и торговля обеспечивают за ней монополию, которую никто не может оспаривать.

---

[1]) В оригинале это слово написано над зачеркнутыми: «les empêchaient» — «помешали им».

[2]) В оригинале дальше следует зачеркнутое слово: «fit» — «сделала».

[3]) В оригинале дальше следует неразборчивое слово.

[4]) В оригинале дальше следует несколько слов, из которых поддаются прочтению только часть: «et le voisinage de possessions» — «близость владений».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Просвещение.

Отдел первый.

Основные взгляды.

§ 1.

Мы подразумеваем под словом просвещение, образование ума и сердца, развитие наших нравственных и физических способностей. Образование бывает и практическое и теоретическое, и это последнее подразделяется на несколько отраслей. Нация может быть очень передовой в одной отрасли культуры и отсталой в другой — все зависит от духа законодательства. Кроме того, следует различать культурность различных классов граждан.

§ 2.

Культурность человека есть следствие его воспитания, в особенности — физического, которое имеет большое влияние на воспитание нравственное. Физическое воспитание способствует развитию климатических народов [1]). Великими средствами морального воспитания у земледельческих народов служат религия, законодательство и науки. Два первых создают нравственность народа, вторые — его просвещение.

§ 3.

Религия служит основным способом морального развития, и для правительства не безразлично, какая религия является господствующей, так как различные религии не одинаково влияют на интелектуальные развитие населения. Законодательство оказывает большое влияние на общее развитие населения, ибо граждане, обязанные подчиняться законам, естественным образом воспринимают и их характер, а также и потому, что законы гражданские и уголовные, отчасти направляя поведение индивидуумов, могут внедрить в них принципы морали и добродетели.

§ 4.

Воспитание как физическое, так и моральное лежит на обязанности родителей, но так как последним в этом деле могут встретиться неопредолимые трудности, то правительство должно принять активное участие в нем, основывая для этой цели особые дома и учреждения. Отрицательными средствами, которые правительство может применить для ускорения прогресса просвещения,

[1]) Так в оригинале.

являются общественные... [1]), полиция по борьбе со всяким оглашением пороков, цензура и отличия, даруемые за заслуги [2]).

5.

Нации, обитающие в местностях, похожих одна на другую, религия и законодательства которых сходны между собой, находятся на одной и той же ступени культуры и имеют одни те же нравы, один и тот же национальный характер.

Отдел второй.

Франция.

§ 6.

Отличительный характер французского языка составляют его большая чистота и пригодность для жизненных сношений. Язык этот беден, лишен силы и достоинства. Революция, способствовав зарождению великих мыслей и воззбудив воображение, породила бесконечно много новых слов.

§ 7.

Французская литература при Людовике XIV достигла высшего блеска. Этот век дал величайших авторов, которые навсегда обессмертили Францию и поставили ее вне всякого соперничества в области словесности. Что же касается наук глубоких и философских, то в них французы не особенно отличились. Французские богословы были мало просвещенна, и терпимость утратилась давным-давно. Французские юристы составляют один из наиболее уважаемых и образованных классов. Медицина, в особенности хирургия, была хорошо разработана.

§ 8.

Воспитание детей высших классов было поручено иезуитам; но для класса неимущих не хватало школ. Однако живой интерес, который люди этого класса проявляют ко всему, что доступно их изучению, доставляет им поверхностные знания о многих вещах, что походит на действительную культурность. География находилась в большом пренебрежении; но революция распространила много политических знаний и уравняла культурность различных классов.

§ 9.

Во Франции имеется много учебных заведений. Раньше имелись 21 университет и 39 академий. В настоящее время закон определяет 4 ступени обучения: 1) начальные школы, 2) средние школы, 3) лицеи

[1]) В оригинале дальше следует неразборчивое слово.

[2]) В оригинале: «Les moyens négatifs que le gouvernement peut employer pour accélerer les progrès des lumieres sont les... publics, la police contre toute publicite de vice, la censure et les marques de distinction accordées au mérite».

и 4) специальные школы. Два первых вида содержатся за счет коммун, а два последних — за счет народной казны.

Национальный Институт заменил академии. Имеется много литературных обществ, между прочим, Статистическое общество. Можно отметить еще: Бюро по измерению долготы [1]), Музей и большую Национальную Библиотеку. Французский колледж и... [2]) служат подготовительными заведениями. Политехническая школа в Париже занимается исключительно математическими, географическими и физическими науками. Здесь, во Франции почти все рассчитано для военной службы — как образование, так и образ жизни.

§ 10.

Что касается искусства, то французы имели великих мастеров в живописи, архитектуре, механике и т. д.

Отдел третий.

Англия.

§ 11.

Господствующая религия в Англии епископальная, высшая и англиканская [3]), в Шотландии — пресвитерианская. Религия считается оплотом государства и исключительно дает права гражданства. Другие секты там терпимы, но не принимаются во внимание. В былые времена они даже были очень угнетаемы.

§ 12.

Что касается науки, то Англия имеет знаменитых авторов во всех ее отраслях, особенно в политических науках.

Учебные заведения [4]) организованы очень плохо, в особенности старинные университеты Оксфорда и Кэнтэрбери.

Население предпочитает получить образование частным образом и содержит [5]) низшие школы. Народные школы также плохо поставлены. В Ирландии народное образование [6]) плохо организовано. Лучшее учебное заведение находится в Эдинбурге, где преподаются все науки. Британский музей, Академия наук, большие библиотеки и значительное число литературных обществ всех родов свидетельствуют о большом уважении к наукам.

---

[1]) В оригинале: Bureau de Longitudes.

[2]) В оригинале дальше следует неразборчивое слово.

[3]) Так в оригинале.

[4]) В оригинале слова: «Учебные заведения» надписаны над зачеркнутым словом: «puisque».

[5]) В оригинале дальше следует зачеркнутые слова: «pour la plupart» — «большей частью.»

[6]) В оригинале дальше следует зачеркнутое слово: «aussi».

§ 13.

Что касается и с к у с с т в, то Англия обладает богатейшими коллекциями, которые рассеяны по загородным домам. Гравюра является родом искусства, в котором англичане особенно отличились, в других же искусствах они вовсе не имеют крупных мастеров.

§ 14.

Никакой народ не способствовал настолько расцвету искусств и ремесел, как англичане, а введенные ими усовершенствования в фабричном деле служат показателем большого прогресса в области национального богатства.

§ 15.

Главными чертами английского характера являются гордость, благородство, хладнокровие и щедрость. Их... [1]) и их странные обычаи делают их мало приятными людьми для общества, хотя они способны на задушевную дружбу. Их игры и развлечения носят жестокий и кровожадный характер.

Отдел четвертый.

Австрия.

§ 16.

Ц е н з у р а здесь очень строга, однако правительство ничуть не противится развитию просвещения, но, напротив, оно охотно принимает во внимание все полезные советы.

§ 17.

И с к у с с т в а, в особенности музыка, достигли высшей степени совершенства. В Вене имеются академии искусств и богатые коллекции картин.

§ 18.

Система образования разработана до мельчайших деталей, и все в ней точно указано. К занятию должностей допускаются лишь студенты [2]), имеющие диплом университета, в котором они обучались, удостоверяющий о том, что они прошли полный курс. Последний начинается с нормальной школы, затем идут гимназии 2-го и 1-го разряда, затем лицеи и, наконец, университеты в Вене, в Праге, Лемберге и Инсбруке. Имеются также промышленные институты, несколько экономических обществ и большое число академий по всем предметам. Каждый полк имеет свою школу, рассчитанную на 40 человек детей. Паписты и экс-иезуиты пользуются большим влиянием.

---

[1]) В оригинале далее следует неразборчивое слово.

[2]) В оригинале следует густо зачеркнутое слово, не поддающееся прочтению.

Отдел пятый.

Пруссия.

§ 19.

Существует мало государств, в которых просвещение было бы так распространено. Учебные заведения хорошо организованы и хорошо управляются. Студенты университета содержатся на свой собственный счет, и профессора очень усердны.

§ 20.

Книжная торговля очень способствовала народному образованию. «Литературная Газета» в Галле не имеет себе равных. Цензура очень мало ограничивала свободу писателей. Берлинская библиотека — одна из самых замечательных. Высшая школьная коллегия управляется министром.

Отдел шестой.

Германия.

§ 21.

В отношении просвещения Германия делится на северную и южную. Первая была гораздо культурнее, потому что [1]) лютеранство ввело туда свободу, которой католицизм не выносил. Эта страна была, несомненно, самой культурной в Европе, и на Южной Германии благоприятно отразилась близость университетов, учрежденных в северной области.

§ 22.

В Германии существовали два метода преподавания: старый и новый. Первый метод стремился главным образом внушить любовь к труду и воспитать людей, которые могли бы заняться исследованием всех предметов. Второй же предлагал научить всему играя и причинил этим много зла, так как истину нельзя познать играя, а необходимо уметь работать, чтобы с успехом выполнять свои обязанности на административных должностях.

§ 23.

Науки в университете были распределены между четырьмя факультетами: 1) философским, 2) богословским, 3) медицинским и 4) юридическим. Профессора получали скромное жалованье и читали, кроме того, частные курсы. Такой метод заключал в себе много хорошего, ибо предоставлял студентам большую свободу выбора в их занятиях.

[1]) В оригинале дальше следует зачеркнутые слова: «Y regnoit plus de liberté».

§ 24.

Занятия в университете перенесли две революции: метафизическую и политическую: первая произошла под действием философии Канта и привила вкус к новым системам и новой терминологии; вторая явилась результатом французской революции и вызвала большие споры о политических науках, в особенности в вопросах публичного права.

§ 25.

Французская революция оказала большое влияние на нравы, которые сильно изменились и стали более социальными [1]).

Даже ученые, живущие очень замкнуто, начали перенимать образ жизни французских ученых.

Отдел седьмой.

Швейцария.

§ 26.

Религия часто возбуждала вражду между католическими и реформатским кантонами. Народное образование организовано лучше в последних, нежели в первых. Единственным университетом являлся Базельский, но он пришел в упадок; напротив, гимназия в Берне прославилась. Имеется много хороших библиотек и литературных обществ.

§ 27.

В реформатских кантонах искусства достигли большого прогресса. Немецкий язык преобладает в северной части, французский язык — в южной, а итальянский — в Альпах. Швейцарцы народ простой, любезный и образованный; они более всех прочих сохранили добрые нравы прежних времен.

Отдел восьмой.

Голландия.

§ 28.

Господствующей религией была реформатская, при чем священники пользовались большим влиянием, однако ни одна страна не была столь терпима, так что все секты пользовались правом публичного культа.

---

[1]) В оригинале в начале фразы стоит зачеркнутое слово: «cet».

§ 29.

Народное образование было организовано очень хорошо. Для простого народа имелись превосходные школы, прекрасные гимназии, особенно амстердамская, которая носила имя Атенея по справедливости, знаменитые университеты и очень богатые и полезные институты. В особенности Лейден обладал большими библиотеками и богатыми музеями. Книжная торговля достигла здесь высшей степени совершенства благодаря свободе печати.

§ 30.

Искусства развивались главным образом во Фландрии, и Фламандская школа славится в живописи. Гравюра там была доведена до высшей степени совершенства.

§ 31.

Голландцы имеют изумительную склонность к экономии и ко всему тому, что касается торговли. Они славятся своей чистотой. Жители Нидерландов придерживаются больше французского тона, и женщины пользуются дома большой свободой.

Отдел девятый.

Дания.

§ 32.

Учебные заведения организованы очень хорошо. Имеются хорошие школы, гимназии, университеты и прекрасные литературные учреждения. Королевская библиотека считается одной из лучших в Европе. Имеется много превосходных специальных школ.

§ 33.

Господствующая религия лютеранская, и при этом соблюдается наибольшая терпимость по отношению ко всем другим вероисповеданиям. Законодательство очень хорошее. Дух правительства очень умеренный. Датчане вообще патриоты, мужественный и искусный народ.

Отдел десятый.

Швеция.

§ 34.

Господствующая религия — лютеранская с епископальной формой, к другим вероисповеданиям стали терпимо относиться только с 1781 года.

Народ — горд и отважен, но дворянство всегда возбуждало недовольство.

§ 35.

Учебные заведения поставлены очень плохо. Университеты организованы по-старому и не отвечают культуре нашего века. Однако имеется много ученых обществ, между прочим статистическое, т.-е. контора... [1]).

Отдел одиннадцатый.

Испания.

§ 36.

Только класс богатых людей был культурен, но зато прочие [2]) классы были очень отсталыми, и народное образоване в университетах так же, как и организация академий, были еще средневековыми.

§ 37.

Господствующей религией, и единственно терпимой, являлась католическая. Нигде еще власть папы не была столь безгранична. Инквизиция была общественным бичом, который причинял бесконечное зло просвещению и поддерживал предрассудки простонародья.

§ 38.

Португалия находится точно в таком же положении. Между тем Помбаль оказал стране много добра, он реорганизовал университет Коимбры, академию наук в Лиссабоне и Томасе, но в особенности, географический институт в Лиссабоне.

Отдел двенадцатый.

Италия.

§ 39.

Господствующая религия, и единственно терпимая в течение долгого времени — католичество, но теперь относятся терпимо ко всем сектам. Народное образование организовано очень плохо, в особенности институты второго и последнего разрядов, но зато имеются очень хорошие сословные институты, а также много университетов и разного рода академий. Ватиканская библиотека весьма замечательна.

§ 40.

Италия — страна искусств, где они достигли высшей степени совершенства. Каждое место напоминает здесь о памятниках древности, изыскания которых беспрестанно продолжаются.

[1]) В оригинале следует неразборчивое слово.

[2]) В оригинале следует зачеркнутое слово: «peuples» — «народы».

Статистика. Введение или теория [1]).

1-я часть: Состояние нации.

Введение.

1-я глава. Население.

Отдел 1-й. Все в целом.
Отдел 2-й. Деление.
Отдел 3-й. Отношение.

II-я глава. Народное богатство.

Отдел 1-й. Земледелие.
Статья 1-я. Россия и т. д. и т. д.
Отдел 2-й. Фабрики.
Статья 1-я. Россия и т. д. и т. д.
Отдел 3-й. Торговля.
Статья 1-я. Россия и т. д. и т. д.

III-я глава. Просвещение.

Отдел 1-й. Религия.
Статья 1-я. Россия и т. д. и т. д.
Отдел 2-й. Образование.
Статья 1-я. Россия и т. д. и т. д.
Отдел 3-й. Нравы.
Статья 1-я. Россия и т. д. и т. д.

---

[1]) Этот столбец написан на обороте последней страницы рукописи. (См. предисловие, стр. 177).

К истории освобождения крестьян декабристом И. Д. Якушкиным.

Проект освобождения крестьян И. Д. Якушкиным неоднократно обсуждался в литературе в связи с выяснением взглядов на крепостное право либеральных кругов русского общества первой четверти XIX в. Проект Якушкина действительно дает в известной мере возможность понять причины возникновения и характер реформ, намечавшихся в среде декабристов, понять, что́ заставляло их ставить во главу угла своих планов ликвидацию крепостного права. Якушкин объяснял это слабой производительностью крепостного труда. Крестьяне «трудились, по его словам, и на себя и на барина, никогда не напрягая своих сил» [1]). Можно не сомневаться, что это явление было распространено по всей крепостной России. Не один Якушкин, а многие русские помещики крепостной эпохи «придумывали способы возбудить деятельность крестьян и поставить их в необходимость прилежно трудиться» [2]). В то время не мало было составлено проектов «освобождения крестьян», при чем авторы этих проектов обычно пытались доказать, что «вольный» труд производительнее труда крепостного. Дворянство в массе решало вопрос об увеличении производительности крестьянского труда по старине — усилением крепостного гнета — и, несомненно, не желало и слышать о каких-либо реформах социального быта. Об этом свидетельствует Якушкин [3]) и многие другие. Крепостнику-реакционеру надо было конкретно показать, что при известных условиях ликвидация крепостного права может быть для него выгодна. Попыткой освобождения своих крестьян Якушкин едва ли не имел в виду дать именно показательный пример [4]). С этой точки зрения попытки Якушкина представляют особый интерес.

До сих пор проект Якушкина и попытки его осуществления были известны лишь в изложении его самого, приведенном в его записках. Подлинное прошение Якушкина на имя министра внутренних дел и дальнейшее производство по нему оставались неизве-

[1]) Записки И. Д. Якушкина, изд. 3. Спб. 1915, стр. 29.

[2]) Перифраз слов Якушкина. Там же.

[3]) Там же, стр. 6.

[4]) По ходу изложения и в связи с прошением Якушкина автор этих замечаний остановился лишь на причинах экономического характера, вызывавших тогда проект ликвидации крепостного права. Следует отметить, что указание только лишь этих экономических причин было бы односторонне. Не меньшее, если не большее, значение в этом отношении имела ни на минуту не прекращавшаяся и все усиливавшаяся борьба, которую вели крестьяне против помещиков.

стными. Исследователи безуспешно разыскивали эти документы в быв. архиве министерства внутренних дел. Оно показано в описи уничтоженным [1]).

Подлинники хранятся в 3-м отделении юридической секции Ленинградского центрального Историч. Архива (архив быв. м-ва внутрен. дел), в деле 1819 г., № 203, под названием «о увольнении крестьян в свободные хлебопашцы помещиком *Якушкиным*» Нач. 13 июля 1819 г. конч. 7 генваря 1820 г. (на 12 листах).»

Сообщил *Н. Лавров.*

1.

Письмо И. Д. Якушкина мин. внутр. дел. О. П. Козодавлеву.

Милостивый государь

Осип Петрович.

Осмеливаюсь беспокоить ваше высокопревосходительство письмом моим, могу оправдать себя тем, что обстоятельства поставляют меня в необходимость отнестись лично к вашему превосходительству.

Желая отпустить на волю доставшихся мне по наследству крестьян, Смоленской губернии, Вяземского уезда, числом сто двадцать [2]) душ, предоставляя им их имущество, строение и землю, находящуюся под усадьбами, огородами и выгонами, не требуя с них никакой за это платы, принимаю смелость спросить ваше высокопревосходительство, могут [ли] люди сии получить освобождение на означенном положении и могут ли по освобождении своем причислены быть к сословию вольных хлебопашцев и пользоваться правами сих последних; могу ли я по отпущении на волю крестьян заключать с ними добровольные с их стороны условия касательно обрабатывания земель моих?

Зная, сколько ваше высокопревосходительство снисходительны были к представлениям многих частных людей, смею надеяться, что удостоите и мое вашего внимания, почему честь имею уведомить ваше высокопревосходительство, что я живу в деревне своей, Смоленской губернии, Вяземского уезда, в сельце Жукове.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию честь имею быть вашего высокопревосходительства, милостивый государь, покорнейший слуга *Иван Якушкин.*

1819 года, июля 29.

---

[1]) Дело было в числе тех архивных дел, которые предназначались к уничтожению и отмечено в описи, как уже уничтоженное. Как оказалось, служащие архива не привели в исполнение этого приговора в отношении тех дел, которые представлялись им ценными, как и дело «об освобождении крестьян помещиком Якушкиным».

[2]) В подлиннике «сто двенадцать», но в слове «двенадцать» вычеркнуты буквы: «ен», и получилось «двадцать».

2.

Отношение департамента гос. хозяйства и публичных зданий 17 июля 1819 г. № 280 смоленскому губернскому предводителю дворянства.

Смоленской губернии помещик г. Якушкин в письме своем к г. министру внутренних дел объясняет, что он намерен крестьян своих Вяземского уезда, в числе 112 душ, уволить с землею и со всем их имуществом в свободные хлебопашцы, не требуя с них за сие никакой платы, но обязав их повинностями в обрабатывании земель его; а потому и требует об оказании ему содействия в сем предприятии.

В высочайшем указе 20 февраля 1803 и в правилах, 21 февраля того ж года высочайше конфирмованных, подробно изображен порядок, на основании коего должно быть совершаемо увольнение родовых или благоприобретенных крестьян в свободные хлебопашцы, и как узаконениями сими требуется, дабы о сем предварительно заключено было помещиком с увольняемыми им крестьянами добровольное условие, с точным изъяснением в оном всех повинностей, приемлемых сими последними за увольнение, то и зависит совершенно от воли г. помещика Якушкина поступить в исполнении своего намерения согласно сему постановлению и сделать с крестьянами своими, по взаимному с ними согласию, условие насчет исправления ими тех повинностей, какими он за увольнение обязать их желает.

Департамент государственного хозяйства и публичных зданий долгом считает предварить вас о таковом намерении г. Якушкина, и поелику вообще сделки об увольнении крестьян в свободные хлебопашцы заключаемые, по силе вышеупомянутых правил 21 февраля 1803, подлежат предварительному рассмотрению г.г. предводителей дворянства: то департамент просит вас руководствовать г. помещика Якушкина в исполнении его предприятия и содействовать ему, дабы дело о увольнении крестьян его приведено было в законный порядок, о последствии же сего департамент уведомить.

Подписал директор *Степан Джунковский.*

Скрепил нач. отд. капитан *Кирилов.*

3.

Отношение смоленского губ. предводителя дворянства 11 авг. 1819 г. № 861 в департамент гос. хозяйства и публичных зданий.

Во исполнение предписания оного департамента истекшего июля от 17 числа за № 280, в коем изъяснено господину министру внутренних дел желание вяземского помещика г. Якушкина, что он намерен

крестьян своих того уезда в числе 120 душ уволить с землею и со всем их имуществом в свободные хлебопашцы, не требуя с них за сие никакой платы, но с обязанием их повинностями в обрабатывании земель его, отнесся я с приложением копии того предписания к вяземскому г-ну дворянства предводителю, дабы он согласно высочайшему указу 20 февраля 1803 г. и правил, 21 февраля того ж года высочайше конфирмованных, объявил помещику Якушкину о сделании с крестьянами своими условия с подробным изъяснением всех повинностей, какие они приемлют за свое увольнение: а) условие произвести ему, г. Якушкину, при г-не предводителе и земском исправнике, означив притом число десятин земли всей, уступаемой им, и то условие для дальнейшего по нем исполнения представил бы он, Якушкин, при своем прошении ко мне; а между тем если состоят на имении сем какие казенные долги или иски, то чтоб и оные к совершенной заплате были им, Якушкиным, обеспечены. О чем департаменту государственного хозяйства и публичных зданий имею честь донести.

Губернский дворянства предводитель и кавалер *Сергий Лесли*.

4.

Отношение смоленского губ. предводителя дворянства 20 окт. 1819 г. № 1322 в департамент гос. хозяйства и публичных зданий.

Вяземский уездный предводитель на отношение мое с приложением в копии предписания оного департамента от 17 июля сего года, за № 280, доставил ко мне просьбу капитана Ивана Якушкина, изъявившего господину министру внутренних дел желание на увольнение крестьян его, согласно указу 20 февраля 1803 года, в свободные хлебопашцы, — из которой видно, что г. Якушкин, располагая дать 121-й душе крестьян своих свободу, не руководствовался ни мало правилами, в помянутом указе постановленными; ибо, отпущая оных на волю, он дает им только по 9 десятин земли на каждую деревню, что под ее селением, огородами, гуменниками и выгоном; следовательно, крестьяне без земли для хлебопашества, лугов и других угодий могут быть без пропитания и к платежу государственных податей безнадежны. За сию свободу крестьянам он, г. Якушкин, не требует с них никакой платы, ни работы и условия не заключает с ними. Обстоятельство сие предавая благорассмотрению оного департамента, имею честь представить подлинную его, г. Якушкина, просьбу.

Губернский дворянства предводитель и кавалер *Сергий Лесли*.

5.

Прошение И. Д. Якушкина.

Его высокоблагородию вяземскому г. уездному дворянства предводителю Матвею Петровичу Потулову.

От капитана Ивана Дмитриева сына Якушкина

Прошение [1]).

На объявленное мне вами предписание господина смоленского губернского предводителя от 22 августа сего года, сим вам объяснить имею, что отпущаемых мною в вольные хлебопашцы крестьян за мною состоит: Вяземского уезда в деревнях Истоминой 47, Арефановой 30 и Земщине 35 да переводимых Бельского уезда из деревни Павловой в деревню Истомину 4 и в Арефанову пять, всего ж с переводимыми 121 [2]) ревижских душ, коим я предоставляю всю под поселением, огородами, огуменниками и под выгоном лежащую землю всего к каждой деревне по девяти десятин с их строением имуществом, скотом, с наличным и посеянным на принадлежащей мне земле к 1820 году хлебом, оставляя всю прочую землю за собою, не требуя за сие и за их увольнение от них никакой платы, ни работы, и не предполагаю теперь заключать никакого рода с ними условия. Если ж сей земли для них будет и недостаточно, то они могут у меня или и у других помещиков нанимать по добровольным между собою условиям, сколько им будет потребно, о чем и в письме моем к г-ну министру внутренних дел относился; поясняя к тому, что на мне и имении моем долгов казенных и партикулярных не состоит, кроме взятых в 1813 году на продовольствие тех же крестьян, но и оной платеж, не обременяя крестьян, приемлю на себя, кои имею взносить в свое время в надлежащее место, обеспечивая платеж оных четырьюстами земли, Вяземского уезда в сельце Жукове имеющейся, что объясня вашему высокоблагородию, покорнейше прошу с прописанием всего вышеписанного довести до сведения вышнего начальства.

К сему прошению капитан *Иван Дмитриев* сын *Якушкин* руку приложил [3]).

Сентября 12 дня 1819 года.

---

[1]) Наверху листа помета: «Подано 1819 года сентября 13 дня».

[2]) Переправлено из «120».

[3]) Прошение писано писарским почерком, подписано же собственноручно И. Д. Якушкиным.

6.

Доклад [1]).

Смоленской губернии помещик Якушкин в письме к покойному министру внутренних дел изъявил желание уволить в свободные хлебопашцы крестьян своих в числе ста двадцати одной души, с землею, без всякой за то платы или особых повинностей, просил об оказании содействия ему в таковом предположении.

Поелику, по правилам об увольнении крестьян в свободные хлебопашцы, 21 февраля 1803 высочайше конфирмованным, вообще сделки сего рода, заключаемые помещиками, подлежат предварительному рассмотрению г.г. предводителей дворянства, то и писано было смоленскому губернскому предводителю дворянства, дабы он принял на себя руководствовать Якушкина в исполнении его предприятия и по заключении помещиком условия с крестьянами его, привел бы вообще сие дело в порядок, какой постановлен для сих случаев в высочайшем указе 20 февраля 1803 и означенных правилах.

Губернский предводитель ныне препроводил просьбу помещика Якушкина, в которой сей объясняет, что он увольняемым им крестьянам — всего 121 душе — предоставляет во владение всех их строение, скот и прочее имущество и 27 десятин земли, не требуя с них за увольнение никакой платы, работ или других каких-либо повинностей, условия же с ними о сем теперь не предполагает заключать; если же уступаемой от него крестьянам в собственность земли недостаточно, то они могут пользоваться оною из найма у него самого или у других соседних помещиков.

Г. предводитель, с своей стороны, присовокупляет, что поелику помещик Якушкин уступает 121 душе крестьян всей вообще земли только 27 десятин, то по таковому количеству крестьяне могут быть без пропитания и к платежу государственных податей безнадежны.

Справка. 1) Высочайший указ 20 февраля 1803 [г.] по точным словам I пункта оного относится к тем случаям, если кто из помещиков пожелает отпустить по одиночке или целым селением на волю, и вместе с тем утвердить им участок земли или целую дачу.

Таковым крестьянам дозволено 4 пунктом, буде не пожелают войти в другие состояния, оставаться на собственных землях землевладельцами, составляя особенное состояние свободных хлебопашцев.

2) В 1807 году по поводу духовного завещания виленского помещика Нагурского, коим он дал свободу своим крестьянам без земли, оставив их в некоторых обязанностях к наследникам, и споров, по сему возникших, последовал 14 декабря 1807 [г.] высочайший указ правительствующему сенату, коим хотя увольнение людей сих и утвер-

---

[1]) На поле приписка: «Г. управляющий утвердил заключение. Ноября 28 1819».

ждено, но вместе постановлено, чтобы впредь в увольнении крестьян целыми селениями на волю поступаемо было не иначе как на основании изданного о свободных хлебопашцах положения, в коем подробно изображены способы как к исправному отправлению повинностей, так и к предохранению самых селений в их целости.

Заключение. Департамент полагает отнестись к смоленскому губернскому предводителю дворянства, дабы он, войдя с помещиком Якушкиным в ближайшее сношение, внушил бы ему, что как он, без сомнения, предполагал при сем увольнении крестьян умножение их благосостояния: то сие не может быть иначе как с их собственного согласия, и как увольнение целым селением без земли не дозволяется, то и нужно, чтобы крестьяне сами, если желают быть в звании свободных хлебопашцев, изъявили свое мнение о способах, коими они могут иметь достаточное количество земли как для своего продовольствия, так и для обеспечения правительства в исправном платеже податей и земских повинностей, а посему необходимо нужно такое между помещиком и крестьянами постановление, которое, согласно с правилами о свободных хлебопашцах, давало бы и ему и тем свободное право к исполнению их желаний.

Директор *Степан Джунковский.*

Начальн. отд. *К. Кирилов.*

7.

Отношение департамента гос. хозяйства и публичных зданий 5 дек. 1819 г. [№ 708 смоленскому губернскому предводителю дворянства.]

Из сообщенных вами от 20 минувшего октября сведений по делу об увольнении помещиком Вяземского уезда Якушкиным ста двадцати одной души крестьян его в свободные хлебопашцы вижу я, что помещик сей не предполагает заключить с крестьянами условия или акта об увольнении их, так как не требует с них никакой платы и не обязывает их никакими в пользу свою повинностями, и что при сем увольнении уступает он им всей земли только двадцать семь десятин. Поелику же увольнения крестьян в свободные хлебопашцы не иначе совершено быть может, как на точном основании высочайшего указа 20 февраля 1803 [г.], коим требуется предварительное составление между помещиком и крестьянами надлежащего о том акта, и как настоящее распоряжение г. Якушкина имеет целью единственно благотворение его крестьянам, то и не нахожу я особой причины, по коей мог бы он затрудняться заключением с крестьянами означенного увольнительного акта, которым бы он мог устроить прочным образом будущее их состояние.

Я прошу вас, милостивый государь мой, войдя в ближайшее сношение с помещиком Якушкиным, внушить ему, что увольнение крестьян необходимо нужно постановить с обеих сторон такое усло-

вие, [1]) в котором бы, согласно правилам о свободных хлебопашцах, 21 февраля 1803 [г.] высочайше конфирмованным, изъяснено было взаимное помещика и крестьян согласие на увольнение и которое давало бы ему законное право к исполнению их желаний.

Вместе с сим вы не оставите также сообщить ему, что, судя по числу крестьян, количество уступаемой им в собственность земли слишком для них недостаточно и вместо того, чтобы обеспечить их благосостояние, может действительно обратиться в тягость и разорение.

Как же высочайшим указом 14 декабря 1807 [г.], правительствующему сенату данным, увольнение крестьян вовсе без земли воспрещено, то если помещик не может дать им соразмерного по званию хлебопашца количества земли, по крайней мере нужно бы в самом акте, который между помещиком и крестьянами заключить полагается, изъяснено было надлежащее со стороны крестьян удостоверение о тех способах, коими они немедленно приобресть себе могут количество земли, достаточное как для своего пропитания, так и для обеспечения правительства в исправном от них платеже податей и других казенных повинностей.

Я буду ожидать от вас, милостивый государь мой, подробного уведомления о последствии сношения вашего по сему делу с помещиком Якушкиным.

Управляющий министерством внутренних дел граф *В. Кочубей*.
Директор *Степан Джунковский*.

8.

Рапорт смоленской губ. предводителя дворянства от 24 дек. 1819 г. № 1422 управляющему мин. вн. дел гр. В. П. Кочубею.

На предписание вашего сиятельства сего декабря, № 708, полученное в городе Смоленске 10, а ко мне дошедшее 20 числа в город Вязьму, где в отделенном присутствии принимаю рекрут, — о внушении помещику Вяземского уезда Якушкину, что для увольнения крестьян его в свободные хлебопашцы согласно высочайше конфирмованному указу 1803 года февраля 21 дня нужно ему условие с ними сделать, в котором бы по крайней мере изъяснено было надлежащее со стороны крестьян удостоверение о тех способах, коими они немедленно приобресть себе могут количество земли, достаточное для своего пропитания и для исправного платежа казенных податей и повинностей и о прочем.

Имею честь всепокорнейше донести, что по возвращении г. Якушкина из Саратовской губернии, куда на время он отъехал, предписание вашего сиятельства исполнено быть имеет.

Губернский дворянства предводитель и кавалер *Сергий Лесли*.

№ 1422, декабря 24 дня 1819 года. Вязьма.

[1]) Так в оригинале.

Заговор в Зерентуйском руднике.

Кажется с первого взгляда, что мысль о восстании совершенно покинула декабристов в Сибири. Разбитые, побежденные царским правительством, раскиданные по глухим сибирским углам, многие из них далеко ушли от прежних революционных настроений. Даже намерение бежать мелькало у немногих, и то лишь в первое время. Тем ярче выделяется на этом фоне уныния и упадка сил попытка декабриста И. И. Сухинова организовать восстание в Зерентуйском руднике, поднять и освободить ссыльных и каторжан Нерчинского округа и, наконец, освободить всех государственных преступников читинского острога. Заговор был открыт, и правительство жестоко расправилось с его участниками расстрелами, кнутом и плетьми. Главный организатор его И. И. Сухинов удавился в тюрьме ночью 1 декабря 1828 г. перед исполнением приговора. Из всей жизни декабристов в Сибири это единственная попытка подняться с оружием против власти, вырваться вновь на волю, и из всех декабристов И. И. Сухинов принадлежит к числу немногих, для которых революционное дело не умерло в сибирских рудниках.

О восстании в Зерентуйском руднике мы знали до сих пор преимущественно по мемуарной литературе. Наиболее полно рассказывает о нем неизвестный автор очерка «И. И. Сухинов», впервые напечатанного в «Русском Архиве» за 1870 г., принадлежащего, надо полагать, бар. Соловьеву. Многие документы, относящиеся к этому восстанию, впервые публикуются в настоящей статье [1]), в сопоставлении с данными мемуарной литературы.

И. И. Сухинов принадлежал к наиболее демократической группе декабрьского движения — к обществу Соединенных Славян. Он происходил из «свободного состояния» Херсонской губернии, родом из села Краснокаменки. Отец его отставной коллежский регистратор, бывший столоначальник нижнего земского суда в г. Крылове, имел 112 дес. земли при четырех душах мужского пола крестьян и занимался хлебопашеством и солепромышленностью. В 1809 году Сухинов поступил в Лубенский гусарский полк рядовым «по вербунку», в 1815 году произведен в унтер-офицеры, а затем «за неспособностью переведен в Инвалид, из оного в Изюмский гусарский полк, а оттоль в Черниговский пехотный». В 1817 году Сухинов «нашел средство доказать дворянство и на праве оного произведен в офицеры». В 1825 г. Кузмин, его сослуживец по Черниговскому полку, принимает его в общество Соединенных Славян, в котором Сухинов является деятельным участником. На рубеже 1825—26 годов он — один из немногих «Славян», участвовавших в возмущении Черниговского полка и сыгравших в нем большую роль. Ему удается бежать с поля битвы с правительственными войсками; некоторое время он скрывается, затем отдается в руки власти [2]). Сухинов был судим Комиссией военного суда в Могилеве, при

штабе 1 армии и по первоначальному постановлению должен был быть казнен, но по измененному Николаем I приговору был лишен чинов и дворянства, подведен под виселицу после преломления над его головой шпаги и сослан в Сибирь в вечную каторжную работу [3]). Вся его революционная деятельность отмечена пылкостью, беззаветной преданностью делу и храбростью. Одна из официальных бумаг о нем «справедливо» говорит: «в числе злодеев, бывших главными пружинами возмущения сего, состоит поручик Сухинов» [4]).

Мемуарная литература сохранила воспоминание об одной отличительной черте настроения Сухинова на каторге — он не мог примириться со своей участью, ненавидел правительство и горел желанием мести. При встрече с Сухиновым в Чите княгини Трубецкая и Волконская заметили в нем «озлобление против правительства и желание отомстить ему каким бы то ни было образом» [5]). Особенно ясно и точно такое указание: «вредить правительству чем бы то ни было сделалось для него потребностью; освободить себя и всех было его любимой мыслью. Он жил только для того, чтобы до последней минуты своей жизни быть вредным правительству. Любовь к отечеству, составляя всегда отличительную черту его характера, не погасла, но, по словам самого Сухинова, она как бы превратилась в ненависть к торжествующему правительству» [6]).

Обращаемся к официальным документам, относящимся к восстанию.

Первым дошедшим до нас официальным известием о заговоре Сухинова является рапорт начальника Нерчинских заводов берггауптмана фон-Фриша генерал-майору Лепарскому, коменданту при Нерчинских рудниках, от 31 мая 1828 года за № 8. Мы имеем его в копии, скрепленной подписью самого Лепарского и посланной гр. Дибичу в Петербург вместе с отношением Лепарского. Тяжелым «суконным» языком фон-Фриш извещал о событии всего тремя длиннейшими фразами, обнаружив, между прочим, даже незнание того, за что Сухинов сослан в Сибирь. Вот этот любопытный документ:

По обстоятельствам, встретившимся в 24 число сего мая при Зерентуйском руднике, сколько немаловажность оных дознано теперь только еще предварительными спросами, до настоящего исследования я за долг почел вашему превосходительству донести, что в означенное число, по объявлению ссыльного Казакова [7]), управляющему Нерчинскою горною конторой открыто большое сомнение на заговор составившейся партии злоумышленников из проживающих в Зерентуйской казарме ссыльно-рабочих, около двадцати человек, кои предпринимали будто бы намерение в наступавшую того 24 числа ночь под предводительством ссыльного Ивана Сухинова (того самого, который сослан сюда из Польши за участие в возмущении), собраться в назначенное место, итти забрать наипервее из тамошнего цейхгауза солдатские ружья с патронами, потом следовать вооруженными в казармы, где жительствуют ссыльно-рабочие, и принудить их к побегу; разбить тюрьму и освободить всех в оной содержащихся под стражею колодников, потом зажечь все селение при Зерентуйском руднике, итти в здешний Нерчинский завод и далее, истребляя все, что только будет упорствовать их желанию, и что все вышеозначенные ссыльные пьянствовали (в чем и сам упомянутый доносчик, ссыльный Казаков, сознался участником) якобы на счет означенного Сухинова, который поил их с тем, чтоб тем более возбудить дух буйства. Сверх того, когда по сему доносу предприняты были со стороны управляющего конторой меры к забранию всех злонамеренных, то при первых словесных спросах еще один ссыльный — Голиков — сознался во всех намерениях к произведению вышеписанных злодеяний, дополняя при том, что при сем предприятии хотели еще разбить пороховой подвал, кладовую и вынуть из них порох, денежную казну и принудить вооруженною рукою к бунту и побегу, и чтоб, набрав таким образом многолюдную разбойническую шайку, итти с нею по всем заводам и рудникам, приглашая и принуждая с собою всех, и, достигнув до читинского

острога, из оного освободить всех государственных преступников; к предпринятию же всех сих злодеяний был он, Голиков, как и прочие, подговорен помянутым Сухиновым; у Сухинова же при обыске найдено ружье с небольшой частью пороха и кинжал.

По получении о сем рапорта, тотчас предприняты мною меры на крепчайшее содержание злоумысливших, на деятельнейшее соблюдение повсеместно тишины и спокойствия и строжайшей предосторожности во всех ведения сего начальства местах; для надлежащего же сего случая обследования и дознания сущей истины отряжен высший чиновник; и, какой в самом деле по обстоятельном исследовании сие происшествие окажется важности, о том вашему превосходительству я не премину особенно донести без промедления.

Подлинное подписал берггауптман и кавалер *фон-Фриш*.

Итак, 31 мая фон-Фриш донес Лепарскому об открытом заговоре: 8 июня он же послал донесение в Петербург кабинету его величества, в ведении которого находились Нерчинские заводы, и другое донесение непосредственно Николаю I. Лепарский послал 8 июня рапорт о случившемся начальнику главного штаба графу Дибичу, где между прочим сообщал и о бегстве В. Бочарова. Первым в Петербург пришло донесение фон-Фриша; генерал-лейтенант Селявин получил его 28 июля, того же числа он рапортовал о полученном известии товарищу начальника главного штаба, и в тот же день был направлен к фон-Фришу ответ с указаниями необходимых мер. Предписывалось:

1-е) принять деятельнейшие меры к преследованию и открытию скрывшегося преступника Бочарова; 2-е) усилить караулы и надзор за ссыльно-рабочими во всех рудниках и заводах в предупреждение подобных происшествий; 3-е) как из донесения г. Фриша видно, что ссыльно-рабочие, участвовавшие в сем происшествии, были в пьяном виде, то обратить должное внимание к отвращению их от пьянства, а между тем донести, почему они допущены к питью вина в самые даже рабочие дни; 4-е) если об оном происшествии не дано было знать коменданту при Нерчинских рудниках генерал-майору Лепарскому, то немедленно к нему отнестись для принятия с его стороны надлежащих предосторожностей и 5-е) о последствиях сего дела донести кабинету во всей подробности. Сверх того, о происшестии сем и сделанных нерчинским горным начальством и кабинетом распоряжениях ныне же в подробности донесено мною господину министру императорского двора.

Донесение Лепарского на имя Дибича за № 323 от 8 июня 1828 г., и полученное последним 31 июля, было следующего содержания:

Имею честь при сем вашему сиятельству представить список из отношения ко мне исправляющего должность начальника Нерчинских заводов г-на берггауптмана фон-Фриша.

Из оного ваше сиятельство усмотреть изволите, что хотя начатое следствие еще не открыло всех обстоятельств истины по злоумышлениям каторжно-ссыльных в Нерчинских заводах и хотя, может быть, самые их злобные намерения не произвели бы важного успеха в принуждении всех жителей к общему мятежу и не причинили бы в тамошних рудниках, а тем паче в читинском остроге, другой опасности, кроме всеместной тревоги, при всем том я почел моим долгом о сем происшествии довести до сведения вашего сиятельства, яко о деле, касающемся до моего поста.

По сему случаю не меньше поставляю моей обязанностью доложить и о том, что сколько по разным соображениям понимать мне можно, я примечаю, что открывающиеся заговоры каторжно-ссыльных в заводах оказывают ежегодно более замысловатости. Так и в прошлом году, одна партия, два раза взбунтовавшаяся, хотя не была сильнее 25-ти человек и в последствии почти на самой черте китайской границы побеждена пограничными казаками, но при своей защите производила, наступая и отступая

правильные эволюции, имея в предмете напасть на разные рудники, присоединить к себе убеждением или силою, под лишением жизни, каторжно-ссыльных и, таким образом, усилясь, следовать по рубежу китайской границы, с направлением своего побега к Бухарии. Таких планов в прежние времена предпринимаемо не было.

Для предупреждения на будущее время подобных злонамерений или для укрощения оных при самом их открытии я осмеливаюсь вашему сиятельству представить, что скорое укомплектование и усиление весьма слабого 5 горного батальона необходимо нужно, который совершенно утомлен по малолюдству отправлением самой тяжелой и едва ли где равной во всей империи службы. Да к тому край, имеющий в длину более тысячу двухсот верст, отделяемый от России цепью гор Яблонового хребта и морем Байкалом, имеющий *) для наблюдения за внутренним спокойствием оного не более нескольких небольших инвалидных команд и одного казачьего Забайкальского полка, раскомандированного для провождения ссыльных по этапам, и где этапных команд вовсе не состоит, требует необходимого умножения военной силы хотя в Нерчинском заводе, куда ссылаются столь вредные для обществ люди, а в числе коих часто попадаются самые утонченные злоумышленники.

Генерал-майор *Лепарский.*

Товарищ начальника главного штаба граф Чернышев, получив извещение о всем происшедшем одновременно и от Селявина и от Лепарского, 29 июля написал Селявину бумагу с просьбой принять немедленные меры к усилению 5 батальона (отношение за № 522); 31 июля Чернышев написал и Лепарскому, с просьбой уведомить о дальнейшем ходе дела. В тот же день Чернышев получил от Селявина сообщение, в каком состоянии находился 5 горный батальон (по сведениям, которые имелись в кабинете), и какие меры приняты к его усилению. Ранее этого были составлены новые штаты, по которым решено было пополнить батальон. Они еще не были утверждены, но по неотложности дела было дано срочное предписание исполняющему должность начальника Нерчинских заводов приступить к укомплектованию батальона на основании этих новых штатов.

Сам Николай I оказал делу о Зерентуйском заговоре совершенно исключительное внимание. Он интересовался всеми подробностями и был, видимо, сильно обеспокоен. Он поэтому уполномочил Лепарского действовать при расправе с мятежниками по законам военного времени. В наших материалах сохранилась заверенная Селявиным копия с этого рескрипта.

Секретно. Коменданту при Нерчинских рудниках господину генерал-майору Лепарскому.

Усмотрев из представленного мне донесения кабинета, что ведомства Нерчинских горных заводов в Зерентуйском руднике каторжные в большом числе под предводительством Ивана Сухинова в пьяном виде намеревались произвести возмущение, но по доносу Алексея Казакова были взяты и содержатся под стражею, кроме Василия Бочарова, который скрылся, я повелеваю вам приказать отыскать непременно Василия Бочарова и всех предать немедля военному суду, по окончании коего над теми, кои окажутся виновными, привести в исполнение приговор военного суда по силе § 7 учреждения о действующих армиях и впредь в подобных случаях разрешаю руководствоваться сим же правилом, донося о том начальнику главного штаба моего и министру императорского двора.

Подлинный подписан собственною его императорскою величества рукою
Николай.

в Одессе
13 августа 1828.

Верно, генерал-лейтенант *Селявин.*

*) В оригинале: «не имеющий».

Упомянутый § 7 был сообщен в выписке Лепарскому для руководства и гласил следующее:

§ 7. Главнокомандующий утверждает окончательно смертные приговоры, лишение чинов и гражданскую смерть по судам над обер-офицерами, штаб-офицерами и полковниками, и приговоры сии приводятся в действие по его приказанию.

Мемуарная литература, освещая дело о приговоре над Сухиновым и его товарищами, полагает, что смертный исход был Николаем I предписан. Автор названной выше статьи о Сухинове пишет, что Лепарскому из С.-Петербурга «было повелено конфирмовать военно-судное дело, главных участников в открытом заговоре расстрелять, а их соумышленников наказать кнутом и плетьми по собственному усмотрению». Это не совсем так: Лепарскому были даны широкие полномочия и известный простор в выборе строгих и решительных мер. 27 декабря 1828 г. Николай, еще не зная об исходе дела, через канцелярию дежурного генерала главного штаба дал приказ Лепарскому ведать всех преступников, осужденных Верховным Уголовным Судом и всех «тех, кои впоследствии суждены за государственное же преступление военным судом. На сем основании должны поступить в ваше ведение сужденные за возмущение Черниговского полка Сухинов, Соловьев, Мозалевский и Быстрицкий...» Поэтому приказывалось Соловьева и Мозалевского немедленно перевести к Лепарскому из Зерентуйского рудника. «Что же касается до содержащегося в Зерентуйском руднике преступника Сухинова, то как он прикосновенен к известному вам делу о возмущении каторжно-ссыльных того рудника, то его величеству благоугодно, чтоб он оставался там впредь до окончания о нем дела».

Теперь ясно: Николай I указанием на § 7 правил о действующих армиях дал Лепарскому возможность применить любой вид наказания до смертной казни включительно. Но определенного указания на смертную казнь Сухинова дано не было; даже, наоборот, несмотря на знакомство Николая со следственным делом восстания в Зерентуйском руднике, он, очевидно, не предполагает, что Сухинов обязательно подвергнется смертной казни: он дает поведение перевести его после следствия в читинский острог [8]). Таким образом, вся тяжесть смертного приговора Сухинову в конечном счете ложится на генерал-майора Лепарского. Приведенная выше переписка велась в декабре, — Сухинов в это время был уже мертв.

После краткого обследования заговора Нерчинскою горною конторою, действовавшей «по горячим следам», дело было передано особой комиссии, организованной конторою. В состав комиссии входили — берггауптман Киргизов *), коллежский секретарь Нестеров и прапорщик Анисимов **). Киргизов и Анисимов были наряжены экспедицией для ведения следствия 30 мая. Киргизов приехал в Зерентуйский рудник 1 июня и получил начатое, но неконченное конторой следственное дело. Во время производства следствия Киргизов заболел, и дело довели до конца Нестеров с Анисимовым. Комиссия пьянствовала и творила всяческие бесчинства. Автор статьи о Сухинове положительно утверждает, что, будь у Соловьева и Мозалевского деньги, можно было бы добиться от нее совсем другого приговора. Сухинов, не желавший давать показаний, был этой комиссией закован. В записках Горбачевского судьи называ-

*) В очерке «И. И. Сухинов» неправильно указан Кириллов.

**) В очерке неправильно назван подпрапорщиком.

ются невеждами, развращенными и бесчувственными *). Тем не менее следствие продвигалось вперед, и 24 сентября Лепарский мог уже направить в Петербург поступивший к нему самому от фон-Фриша 5 сентября «список из следствия». Судя по пометке на документе, гр. Чернышев получил его в Петербурге 16 ноября. В рапорте, при котором была направлена выписка, Лепарский, между прочим, писал: «Относительно же государственных преступников, находящихся в моем ведении, ничего мною не замечено, чтобы происшествие, случившееся в Зерентуйском руднике, имело какое на них вредное влияние».

В последнем утверждении Лепарский не вполне прав: о заговоре Сухинова хранят память многие мемуары, и некоторые из них, напр., мемуары М. Н. Волконской, отзываются о нем взволнованно и сочувственно. Но есть и случаи скептического и прямо насмешливого отношения к заговору, — напр., у Завалишина **).

Между тем в Сибири шло следствие по заговору Сухинова. Приводим «список из следствия» по копии Лепарского:

Выписка, учиненная в Нерчинской горной экспедиции из следствий, произведенных сначала Нерчинскою горною конторою, потом, по поручению от сей экспедиции, г.-г. берггауптманом Киргизовым, коллежским секретарем Нестеровым и прапорщиком Анисимовым и напоследок вновь переследованного в присутствии сей экспедиции о намерении, будто бы предпринятом при Зерентуйском руднике ссыльными Голиковым с товарищи в 24 числе мая сего года учинить побег с произведением разных злодеяний, из которого значится.

Рапортом Нерчинская горная контора от 28 числа мая сего 1828 года донесла, что 24 числа того мая пополудни в 3 часу [9]) по приезде г. управляющего тою конторою из Кадаинского в Зерентуйский рудник явился к нему ссыльный Алексей Казаков в пьяном виде и объявил, что из числа проживающих в Зерентуйской казарме ссыльно-рабочих Павел Голиков, Василий Бочаров, Федор Моршаков, Семен Семенцов, Василий Михайлов и Тимофей (коего прозвания не припомнит [10]) и другие, коих он поименно не упомнит же, числом около двадцати человек, согласились в ту ночь под предводительством ссыльного Ивана Сухинова, сосланного за участие в государственном возмущении, собраться в назначенное ими место и, учиня побег, забрать наипервее из цейхауза при том Зерентуйском руднике солдатские ружья с патронами, потом итти вооруженными в казармы того же рудника и принудить рабочих к побегу с ними, разбить тюрьму и освободить всех арестантов, потом зажечь все селение при Зерентуйском руднике, итти в Нерчинский завод и далее, истребляя все, что только будет упорствовать против исполнения их желания, и что он, Казаков, лично об этом слышал от ссыльных Голикова и Бочарова, коими он к сему был соглашаем, и что он, Казаков, и обещание в том дал, но, обдумав сие злостное предприятие, решился о сем объявить с тем, что означенные ссыльные вообще все пьянствуют на счет помянутого Сухинова, который поит их для того, чтоб более возбудить в них дух буйства.

Вследствие такового объявления тот же час приняты были меры к захвачению означенных ссыльных, которые все, кроме Василия Бочарова, узнавшего о доказательстве и тот же час скрывшегося неизвестно куда, были взяты под стражу и закованы, как равно взят и Иван Сухинов под крепкий караул [11]). Между тем для исследования сего столь важного дела и скорейшего отыскания всех злоумышленников и участвующих в оном людей сделано было наипервее словесное разбирательство, по коему один только ссыльный Голиков сознался во всех замыслах к произведению вышеозначенных злодеяний, дополняя при том, что, сверх тех предприятий, хотели еще они разбить порохо-

*) Записки Горбачевского. Изд. 1916 г., стр. 207 и 231.

**) Записки М. Н. Волконской. 1904, стр. 84. Завалишин. «Записки декабриста». Мюнхен 1904 г., стр. 128.

вой подвал, кладовую и вынуть из них порох, денежную казну, принудить вооруженною рукою всех к бунту и побегу и, набрав таким образом сильную разбойническую шайку, итти с нею по всем заводам и рудникам, приглашая и принуждая с собою всех, и достигнуть до читинского острога, из коего освободить всех государственных преступников [12]), наконец, что к предприятию всех сих злодеяний был и ссыльный Бочаров подговорен помянутым Сухиновым, коим, однако ж, два другие его товарища, и именно Вениамин Соловьев и Александр Мозалевский, не были соглашаемы и совершенно ничего о сем деле не знали. О чем и начато было тою конторою производиться строжайшее исследование; доказателю ж ссыльному Казакову велено было управляющим итти в контору, но он, неизвестно куда, скрылся.

А посему, дабы сколь возможно поспешнее удостовериться в истине показанного в рапорте намерения, предпринятого ссыльными и участвующими с ними, и паче дознаться, не подал ли кто-либо повода им на мстительное озлобление, то по определению сей экспедиции, учиненному 30 числа того ж мая для приведения всего того в ясность внимательнейшим исследованием, командирован был г-н бергауптман Киргизов с придачею ему в помощь прапорщика Анисимова с тем, чтоб он, вытребуя от горной конторы начатое оною следствие, учинил по оному точнейшее изыскание начинщиков и участников в том заговоре, и нет ли у них где-либо в иных местах соумышленников на исполнение сего злостного намерения и, пока не будет приведено обстоятельство дела сего в ясность, разместить подозреваемых в преступлении и оговариваемых ими людей по разным местам под строжайшую стражу и по окончании следствия представить в сию экспедицию. О чем того ж 30 числа на сведение дано знать и Нерчинской горной конторе, которая по прибытии на Зерентуйский рудник г-на берггауптмана Киргизова и передала 1 числа июня при отношении начально произведенное ею по вышеозначенному предмету недоконченное следствие; из оного значится, что спрошенный в Нерчинской горной конторе 25 числа мая ссыльный Павел Голиков показал, что в последних числах апреля сего года бывал он неоднократно в квартире у ссыльнорабочих Вениамина Соловьева, Александра Мозалевского и Ивана Сухинова, познакомясь с ними, иногда Сухинову услуживал по доме, имел нередко с ним, Сухиновым, разговор, когда где случится, о бедном его, Голикова, и прочих рабочих состоянии; и в том апреле месяце Сухинов по вызову Голикова о неимении у его сапогов велел ему приискать таковые и на штаны купить дабы, обещаясь заплатить за то деньги, что и выполнил. После того, в одно время, проходя, он, Сухинов, с ним, Голиковым, по улице, и, между прочим, он, Сухинов, вызвался ему, Голикову, постараться подговорить к общему с ним побегу из проворных ссыльных хотя до 20 человек, обещаясь за то вознаградить все его недостатки, на что Голиков и согласился, будучи и сам к побегу готов; а при том просил его Сухинов сходить в Нерчинский завод и также пригласить к побегу проворных и известных ему, Голикову, ссыльных, но он от того ему отозвался тем, что ему никак итти в Нерчинский завод нельзя, ибо в оном есть ссыльные, отосланные для работ с Зерентуйского рудника, которые имеют на его, Голикова, злобу и в случае его к побегу вызова, могут о том доказать; на сие Сухинов просил его прислать ему ссыльного Василия Бочарова для посылки его в Нерчинский завод, сказав при том, если Бочаров не согласится итти в Нерчинский завод, то может съездить в оный и сам Сухинов; по просьбе коего он, Голиков, тогда же обратился в казармы, вызвал из оных Бочарова и с оным пришли оба к Сухинову, стоявшему в улице между огородами, принадлежащим к домам рядового Калашникова и ссыльного Игнатия Борисова: по приходе их, Голикова и Бочарова, к Сухинову сей последний просил Бочарова сходить в Нерчинский завод для приглашения к побегу ссыльных—Пятина и ему подобных, которых де Пятин при личном с ним, Сухиновым, свидании в заводе обещался подговорить, на что Бочаров дал ему обещание и вызвался, что он не имеет штанов, которые ему Сухинов обещался дать по времени и потаенно от его товарищей, почему Бочаров в 13 число мая ушел в Нерчинский завод и, обратясь из оного в ночи на 14 число около 11 часа, пришел прямо в казармы, застал его, Голикова, неспящим и сказал ему, что он никому о своем намерении не вызвался, ибо в рассуждении праздничного тогда дня все знакомые ему ссыльные были пьяны; а хотя он и старался увидеться со ссыльным Алексеем

Пятиным и, отыскивая его, встретил по улице 4-х рядовых, ведущих в полицию Пятина пьяного. Все сие пересказано Бочаровым 14 числа на дворе у квартиры потаенно и Ивану Сухинову, который просил его, Бочарова, постараться отыскивать к побегу людей в Зерентуйском руднике, и если таковых будет приглашено хотя до 20-ти человек, то можно усилиться забрать из цейхгауза солдатские ружья с патронами, потом итти в казармы, где проживают рабочие, и принудить всех их насильственным образом к общему побегу, разбить тюрьму, взять колодников с собою, достать из порохового подвала порох и из кладовой деньги, зажечь жительство, а чиновников посадить в тюрьму и зажечь; по выполнении ж сего итти в Нерчинский завод и сделать то же, как и в Зерентуйском руднике, забрав в оном наипервее при гаупвахте из фронта ружья, освободя из тюрьмы колодников, приглася их с собою, забрав пушки из военного цейхгауза, все ружья и патроны; а забравши сие в свою разбойническую партию, то при умножении оной и вооружении ничего уже сделать не могут, после чего проходить по заводам и рудникам, забирать в партию людей, с коими пройти свободно до читинского острога и, буде возможно, освободить из оного всех содержащихся там государственных преступников, с коими соединясь, сделать тогда особенное распоряжение и принять другие меры. В 15 или 16 число мая Сухинов послал с ним, Голиковым, Бочарову дабовые голубые шаровары и велел отдать их за услуги Бочарову, кои ему того же дня и отданы.

К побегу им, Голиковым, подговорены были ссыльные Федор Моршаков, Аврам Леонов, Василий Михайлов, Иван Каверзенко, Алексей Казаков, Антон Кавальчуг, Григорий Глаухин и Григорий Шинкаренко. Всех сих людей приглашал он, Голиков, каждого порознь и потаенно, где только случится могло, при чем о вышеприписанном намерении, хотя он тем товарищам и наказывал подробно, однако ж уверял, что будет человек способный путеводителем.

Во вторичном же допросе, отобранном в той же Нерчинской горной конторе 31 числа того ж мая, помянутый Голиков показал, что он сговор вышеписанным ссыльным к побегу учинил в пьяном образе, от ссыльного ж Сухинова хотя в разговорах и слышал об одном только побеге, и то из одного сожаления, что многие ссыльно-рабочие очень в бедном положении, и если бы он был в таковом же, то б непременно учинил побег или лишил себя жизни, по каковому поводу он, Голиков, и приглашал вышеписанных ссыльных, но о прочих обстоятельствах, как то: о заборе из военного цейхгауза ружей с патронами и прочих злостных умыслах вовсе он, Голиков, от Сухинова и никогда не слыхал, да и по приезде Сухинова из Нерчинского завода в 23 и 24 число вовсе его не видал и ни о чем с ним не разговаривал; в 24 число, после обеда, по приходе его, Голикова, в питейной, сказал ему сиделец Птицын [13]), что Сухиновым оставлено у него следующих ему, Голикову, под работу денег 1 рубль 80 копеек, в число которых забрано им, Голиковым, в тот же день вином 1 рубль 60 копеек, а достальные 20 копеек получил наличными; прежнее же его, Голикова, показание учинено несправедливо оттого, что он после трехдневного пьянства был с похмелья и тем, мнительно, хотел себя оправдать; однако ж по взятию его, Голикова, в означенное 24 число в горную контору под стражу, от побега он и прочие были удержаны; о всех вышеписанных обстоятельствах и ссыльному Бочарову им, Голиковым, сказано не было; а только было с ним согласие к побегу и приглашение к таковому прочих людей.

Сие показание ссыльный Голиков подтвердил и при производимом г-м берггауптманом Киргизовым вообще с прапорщиком Анисимовым следствии.

А как между производством сего следствия г. берггауптман Киргизов заболел, то показанное следствие и поручено было производством докончить коллежскому секретарю Нестерову с упоминаемым прапорщиком Анисимовым.

При спросе ж оными г.г. Нестеровым и Анисимовым показанный ссыльный Павел Голиков, учинив отпирательство от первого показания [14]), подтвердил тоже последние два показания с дополнением, что взятые им от ссыльного Сухинова для отдачи ссыльному Бочарову голубой дабы шаровары он, Голиков, ему, Бочарову, не передавал, а удержал в свою пользу и после оные променял ссыльному Рубцову на сукманные с придачею от него ему, Голикову, денег 70 копеек.

Явившийся в Зерентуйский рудник в казармы ночью на 1 число минувшего июня из бегов ссыльной Василий Бочаров [15]) в произведенном г. г. берггауптманом Киргизовым и прапорщиком Анисимовым допросе показал, что он о сговоре к побегу и прочим злым намерениям ни от кого не слыхал и никто его не подговаривал, а он сам о побеге со ссыльным Голиковым, говорил или нет, будучи в 24 число мая пьян, совершенно не помнит. В Нерчинский завод пред учиненным побегом прежде за две недели с билетом на два дня для покупки соли ходил и ссыльного Павла Голикова на сход дабинные голубые шаровары и полусапожки брал и обратно пришел на рудник ему ж, Голикову, отдал; до побега ж его, Бочарова, совершенно по бедности его и по просьбе ссыльного Ивана Сухинова он ему со ссыльным Павлом Голиковым штаны синие дабинные прислал, а не из чего другого какого-либо случая, с чего же ссыльный Алексей Казаков сделал управляющему конторой и рудниками донос, он, Бочаров, совсем не знает, и сговору на злодейское предприятие к побегу намерения его ни с кем не было.

На очной ставке Голиков уличал Бочарова, что он его, Бочарова, к побегу подговаривал, но Бочаров в том не признался.

Ссыльный же Иван Сухинов в отобранных от него Нерчинскою горною конторою и берггауптаном Киргизовым показаниях в намерении к побегу и в подговоре к тому ссыльных Голикова и Бочарова и в посылке последнего для такового ж подговора ссыльных в Нерчинский завод и в прочих злых предприятиях признания не учинил, показывая, что он ничего о том не знает и пояснить не может. Ссыльным Павлу Голикову в работу за его, Сухинова, и по бедному его состоянию давал значущиеся в показании его деньги и вещи. И Василию Бочарову по просьбе его и бедности дал штаны синей дабы, которые и послал к нему, Бочарову, с Голиковым; впрочем, с ними никакой законопротивной связи он, Сухинов, не имел. А с чего он, Голиков, на его, Сухинова, и сие взвел, истинно не знает, в чем утвердился и на очной с Голиковым ставке.

Во время производства сего следствия, 13 числа июня до полудни проживающий в Зерентуйском руднике служитель Мирон Рудаков доставил в Нерчинскую горную контору притащенную к дому его собакою со степи человеческую левую руку, отделенную от самого плеча и имеющую невредимыми всю часть от кисти до локтя, почему в то ж самое время г. шихтмейстер Мелехин с пристойным числом людей отыскивали в окрестности Зерентуйского рудника мертвое человеческое тело, от которого и найдено в неглубоком шурфу, находящемся не доходя от кладбища до Ново-Зерентуйского приска примерно в 250-ти саженях, череп головной с волосьями и кишки, одежных вещей, шинель сукманная, белая рубаха холщевая, чарки юфтевые, кушак шерстяной, шапка овчинная, рукавицы юфтевые, пагаленки шерстяные и лоскут полушелковый старый. Все сии вещи доставлены в контору, а равно и череп головной с волосьями, которые вообще с рукою и внутренностию после освидетельствования медицинским чиновником преданы земле; при рассматривании ж найденной одежды дознано и утверждено некоторыми из рабочих, проживающих в зерентуйских казармах, что оные вещи принадлежат потерявшемуся 24 числа мая с Зерентуйского рудника ссыльному Алексею Казакову; а как он, Казаков, учинил словесный донос в то же 24 число о заговоре многими ссыльными к общему побегу из Зерентуйского рудника и о прочих злостных намерениях и после сего доказательства не был видим, то, известно, сомнение, не учинено ли ему убийство кем-либо из ссыльных, сговаривавшихся к побегу, из злобного отмщения за то, что Казаков учинил доказательство, или не приключилась ли ему смерть от других каких-либо случайных причин.

Дело сие доставлено для окончательного исследования г. берггауптману Киргизову: от оного ж за болезнию его передано оно по предписанию сей экспедиции на исследование г.г. коллежскому секретарю Нестерову и прапорщику Анисимову. Сими следствиями при представлении допросов, отобранных от служителей Рудакова, объявившего притащенную собакою человеческую левую руку, и бергауера Зиновьева, объявившего ж после того найденную им около того места, где найдены части человеческого тела, шапку, признанную рабочими принадлежащею потерявшемуся в 24 число мая ссыльному Алексею Казакову; в рапорте объяснено, что в 24 число мая по объявлению ссыльного Казакова начаты, хотя и неупустительно распоряжением г. управляю-

щего горною конторою, забираться принадлежащие к злостным намерениям люди под караул, в контору к спросам; но так как собираны были они из разных мест и особенно некоторые найдены были в березнике около селения Зерентуйского, то по сему и сбор всех тех людей продолжался после полудня того 24 числа мая, с 5-го по 7 час, по потере уже ссыльного Казакова; кем же он убит или другим каким образом лишен жизни, о сем обстоятельство очень темно, и никакими при исследовании дела убеждениями не можно было тогда открыть и дознать в убийстве его сущих виновников, да и прочих членов тела, кроме известных по делу головного черепа, левой руки и части кишек, нигде не отыскано; из одежных же вещей по особо вытребованному тем следствием от горной конторы в 28 число минувшего июня сведению означается, что, сверх прежде найденных в 29 число прошедшего мая, то-есть через 5 дней по потере ссыльного Казакова, еще найдена и объявлена была бергауером Зиновьевым, ходившим тогда в лес за дровами, его, Казакова, шапка, которая также хранится с прочими вещами в той конторе. Найдена же та шапка Зиновьевым, как из дела видно, в недальном расстоянии от Зерентуйского рудника и от того места, где после, то-есть в 13 число июня, по объявленной служителем Рудаковым человеческой руке отысканы головной череп, кишки и одежда, не более 10 и 15 сажень, как о том Нерчинская горная контора в доставленном по требованию того следствия сведении означает. А как при общем свидетельстве 14 числа июня находившимися при следствии чиновниками равно управляющим горною конторою с его помощником и прикомандированным сею экспедициею лекарем г. титулярным советником Владимирским того места, на котором найдены были некоторые человеческого тела члены и одежда, оказалось, что от того шурфа, где найдены кишки и одежда, не более примерно 2-х только сажен, очень приметно, что тут был убит и лежал ссыльный Казаков, потому что место то крайне утолочено и трава вся вымята, довольно же как на сем месте, так и около упомянутого шурфа имеется от одежды его изорванных или растерзанных собаками или другими дикими зверьми разных небольших и даже мелких лоскутков и часть черных волосов, бывшие же на нем чарки были найдены особо и недалече от того места; однако ж каждый один от другого порознь, и, как кажется, по целости их были кем-либо с него сняты: а по всему тому и можно полагать, что означенный ссыльный Казаков был убит, но каким орудием или как иначе, того по растерзанным, найденным немногим частям тела и одежды, того по делу не дойдено, равно и лекарским свидетельством (которое при том же приложено) не доказывается.

Засим помянутые ссыльные Голиков, Бочаров и все бывшие, по показаниям их в заговоре к побегу, вытребованы от Нерчинской горной конторы за стражею каждый порознь и в присутствии сей экспедиции допрошены, из коих Голиков утвердил первоначально сделанные ими в Нерчинской горной конторе 25 числа мая показания, а ссыльный Бочаров, сознавшись во всех обстоятельствах, согласно показанию Голикова, как о сговоре к побегу, так и о намерении по подговору ссыльного Сухинова привесть в действие все злостные намерения, помещенные в том Голикова показании, и, вообще, Голиков и Бочаров дополнили: что Голиков в 24 число мая от питейного дома (где он производил пьянство с товарищами) пошел один к квартире Сухинова и узнал от ссыльного Кириллы Анисимова, что Сухинов ушел вверх по улице, почему и он пошел к казарме и встретился в сенных той казармы дверях с Сухиновым, который сказал ему, Голикову, что он был в Нерчинском заводе и пригласил к побегу людей довольно, почему и нужно в ночи на 25 число в 10 часов собираться всем согласившимся людям около кладбища, что слышал и находившийся тут же Бочаров, на что Голиков вызвался Сухинову, что необходимо нужно для ободрения людей купить вина, посему Сухинов велел брать вина у сидельца, ссыльного Птицына, но с тем, чтоб замечать друг за другом, дабы кто-либо не доказал о предпринимаемом умысле. Окончив сей разговор, Сухинов пошел домой, а он, Голиков, сказавши прочим товарищам итти в питейный, пошел наперед сам, а за ним и прочие туда же, но не все вместе, а порознь. Подходя к питейному, пошел к огороду квартиры Сухинова и получил от него записку к Птицыну на отпуск вина на 70 копеек, которое и пили он, Голиков с Бочаровым, Моршаковым и Михайловым; после того Птицын отказал им более в отпуск

вина и требовал деньги, почему Голиков от питейного, увидав Сухинова в огороде, подошел к плетню, сказал ему, что целовальник Птицын более вина не отпускает, а между тем и целовальник Птицын, вышедши из питейного, вскричал Сухинову, что Голиков просит на счет его вина пол-осьмины,—Сухинов в ответ сказал, отпустить, обещаясь тотчас доставить деньги [16]), а засим поспешил он, Сухинов, из огорода в свою квартиру за деньгами, а Голиков обратился в питейный, куда очень скоро пришел и Сухинов, и при нем Голиков (sic!) в сенях того питейного дома отдал Птицыну пятирублевую ассигнацию и просил за вычетом из них собственного его долгу 1 рубль 80 коп., в том числе и за взятое им, Голиковым, того дня по записке вино —70 копеек, всего на остальные из оной 3 рубли 20 копеек, в числе коих причтены и за взятое перед тем по слову Сухинова вино 70 копеек, отпускать ему, Голикову, вина, и когда он с Моршаковым и Бочаровым и Михайловым равно и прочими их товарищами забрали у сидельца данные Сухиновым деньги и разошлись от питейного, и он, Голиков, ушел в казарму, где и пробыл часу до 2-го или до тех пор, как товарищ его, Бочаров, пришедши к казарме, сказал ему скрытно от прочих, что ссыльный Алексей Казаков, приходя к управляющему, объявил о всем их заговоре и побеге и что о сем ему, Бочарову, поспешил предварить ссыльный Моршаков с тем, чтоб он, Голиков, отыскал того Казакова и постарался напоить его допьяна и усыпить. Почему, знавши Голиков важность сего заговора, тотчас решился на отыск Казакова, и в то ж время увидели он, Голиков и Бочаров шедшего из улицы к казарме означенного Казакова пьяного; сказал Голиков Бочарову, чтоб зазвать Казакова в березник будто бы пить вина, что Бочаров и исполнил; и оба они пошли в чащу, а Голиков, не мешкав, следовал за ими и, отошедши от казармы саженях в 150, догнал Бочарова и Казакова и, бросившись к Казакову с азартом, взявши его за ворот, сказал Голиков, что он, Казаков, доноситель и, несождав от него, весьма оробевшего, никакого ответа, ударил Голиков имевшимся у него в руке камнем Казакова в висок так сильно, что он в то же время упал на землю, при чем он тем же камнем, ударив еще по голове несколько раз и видя его, Казакова, мертвым, привязали с Бочаровым ему за ноги кушак Бочарова, и сим средством оттащив от места убийства примерно сажень через 10 к шурфу, где снявши кушак бросили в тот шурф убитого и забросали ветвями и частию из отвала щебнем. По окончании сего, возвратившись, зашли на ключ, имеющийся на пути от березника, и Голиков, обмыв с рук кровь, пошли с Бочаровым вместе к питейному, где у сидельца Птицына выпили в одолжение вина на 20 копеек. В то ж время бывшая у питейного неизвестная им лет десяти девушка сказала, что их ищут солдаты в полицию, почему они поспешно пошли в рощу, не заходя никуда, особливо к ссыльному Сухинову, и потому о убийстве Казакова не имели случая сказать ему, Сухинову; в роще же, нашедши спящим ссыльного Моршакова, разбудили его и, не говоря ему о сделанном убийстве, пошли с ним в казарму и на пути повстречались с идущим от казармы надзирателем Астраханцовым, который и приказал им всем итти в контору; между тем подошел и Василий Михайлов, которому тоже приказано было итти туда ж; почему Голиков, Моршаков и Михайлов, пришедши в оную, взяты под караул: а Бочаров с дороги отпросился сходить в ту казарму под предлогом якобы взять кушак, но между тем, как и выше значит[ся], учинил побег. Про убийство ж сие Голиков никогда и никому из товарищей не сказывал и, знали ль они о сем каким-либо случаем, не знает, как равно, был ли кто намерен к таковому убийству ссыльного Казакова, тоже доказать не может. В прежних же допросах они, Голиков и Бочаров, о убийстве ссыльного Алексея Казакова не признались, и, наконец, изменил Голиков и первое показание на счет предпринимаемого побега с злоумышлением, ни от чего иного как для того только, что полагали от такового непризнания все то быть сокрытым и через то с своими товарищами избегнуть должного наказания.

Ссыльный Иван Сухинов в произведенных показаниях, а напоследок и на очных ставках по показанию ссыльного Голикова о сделанном тем Сухиновым, его, Голикова, подговоре к побегу, соглашении тому других и прочих предпринимаемых ими злых намерениях, а равно и с Бочаровым в посылке его в Нерчинский завод для подговора к побегу ссыльного Пятина и других, ни в чем признания не учинил, показывая,

напротив, что одежные вещи купил Голикову и дал Бочарову по их бедному состоянию из человеколюбия. На пропой Голикову с товарищами об отпуске вина сидельцу Птицыну записок не давал, а иногда случалось только, что посылал Голикова за вином с записками по малой части собственно для себя и товарищей; и в последний раз 24 мая дал в сенях питейного дома сидельцу Птицыну пяти-рублевую ассигнацию с тем, чтобы из нее зачел Птицын следующего с его, Сухинова, ему долга не 3 рубли 20 коп., как он в показании 19 числа сего июля утверждал, а по приведении ему сидельцем Птицыным на очной с ним ставке расчета, вспомнил, что 1 рубль 80 копеек, достальные же 3 рубля 20 копеек, в том числе и за отпущенное по слову его, Сухинова, вино тому Голикову 70 копеек, точно, отданы Голикову в наем за его, Сухинова, в работу; Бочарову поштанников белых холщевых с Голиковым не посылал, а послал синие дабовые штаны; в завод Бочарова к ссыльному Пятину не посылал, и неизвестно ему, был ли в заводе Бочаров, ибо от него о том не слыхал; а хотя в апреле месяце и мая 23 числа и был он, Сухинов, в Нерчинском заводе за покупкою для себя и товарищей разных вещей в торговом ряду у купцов Попова, Кандинских и Белокопытова, но со ссыльным Пятиным нигде не видался и вовсе его поныне не знает; по приезде ж в оба раза имел квартиру у экспедитора Климонтова и в лавки за покупкою вещей ходил с проживавшим у того Климонтова ссыльным Молессоном, что и сей в точности подтвердил.

Живущие вообще с Сухиновым товарищи его ссыльные Александр Мозалевский и Вениамин Соловьев показали, что они не слыхали ни от кого вызыву к учинению побега или какому-либо злостному намерению, равно и за Сухиновым ничего особенного, относящегося к какому-либо злоумышлению или подозрительной связи с другими ссыльными, они совершенно не замечали.

Ссыльный Алексей Пятин побег учинил из Нерчинского завода на 28 число июня и поныне не пойман; почему и остался неспрошенным.

Вышеписанными ж ссыльными Голиковым и Бочаровым, доведенными в присутствии сей экспедиции до признания, были подговорены к побегу и дали на то согласие, именно: Тимофей, непомнящий родства, Федор Моршаков, Аврам Леонов, Григорий Шинкаренко, Иван Каверзенко, Григорий Глаухин и Никита Колодин, в чем они и признались. Прочие ж, и именно—Семен Семенцев, Василий Михайлов, Николай Григорьев, Антон Ковальчуг и Мирон Акатьев, признания в том не учинили, а Павел Анедин и Ефим Ильин подговариваны к побегу не были, в чем с них сговорил и Голиков.

А как из отобранных Нерчинскою горною конторою равно и в следствии производимом чиновниками, со ссыльных по вышеописанному происшествию, случившемуся в 24 число мая показании, доказывается, что из них многие пьянствовали не токмо в то 24 число, но и пред тем, то-есть 22 и 23, от какового пьянства делали они и в показаниях своих разные изменения и при том отзывы на беспамятство, то почему они были как рабочие люди допущены немалое время пьянствовать, об оном на посланный от следователей запрос Нерчинская горная контора объяснила, что из прикосновенных по следственному делу ссыльных замечен в пьянстве в 22 и 23 числа мая наиболее Голиков и Бочаров, а в 24 число и многие по их же приглашению совокупившиеся, из коих Бочаров и Моршаков были за таковое наказаны соразмерно, первый палками, а другой лозами, и Голикову учинено строжайшее подтверждение.

По всему вышеозначенному исследованию ссыльный Иван Сухинов в показываемом на него заговоре к побегу и другим злоумышлениям сознания ни в чем не учинил и прямыми доказательствами ни от кого не обличен, кроме оказавшихся в показаниях его разностей и сомнения в даче ссыльному Голикову денег.

Подлинную подписали обер гиттен-фервалтер *Рик*.
Обер гиттен-фервалтер *Чебаевской*.
Секретарь *Казаков*.
Губернский регистратор Дмитрий *Степанов*.
С подлинного сверял генерал-майор *Лепарский*.

Николай изучил этот документ так, как его изучит не всякий историк. Его взволновал главным образом слишком «свободный» режим декабристов и вообще каторжан в Сибири. От его внимательного глаза не укрылась ни одна мелочь: отчего Сухинов ходил по воле; отчего каторжники пьянствуют в будни; как смел каторжанин отлучаться в Нерчинский завод и иметь наемную прислугу. — Все эти детальнейшие замечания, записанные со слов Николая, сохранились в проекте отношения министру императорского двора, хранящемся среди документов по делу восстания. Они ясно обрисовывают образ Николая — тюремщика декабристов не только во время следствия над ними, но и позже, по ссылке в Сибирь.

№ 657-й
23 ноября 1828 года.

Проект отношения министру императорского двора.

Из донесений, поступивших в кабинет его величества в июле месяце сего года, ваше сиятельство изволите быть известны об открытом 24 мая сего года Нерчинских горных заводов в Зерентуйском руднике, посредством доноса ссыльного Казакова, заговоре каторжно-ссыльных к побегу и произведению разного рода буйства под предводительством одного из них, Ивана Сухинова.

13 августа воспоследовал на имя коменданта при Нерчинских рудниках генерал-майора Лепарского высочайший указ, чтоб виновные в сем возмущении преданы были военному суду и приговор приведен был в исполнение по силе 7 § учреждения о большой действующей армии.

А как в одно время с присланным в кабинет донесением от нерчинского горного начальства получен был об означенном происшествии рапорт и в главном штабе его величества от генерал-майора Лепарского, то я тогда же предписывал ему донести, что откроется по изысканию, в Зерентуйском руднике производившемуся.

Во исполнение сего генерал-майор Лепарский, донося мне ныне о получении им означенного высочайшего указа, представил вместе с тем копию из следствия, полученную им от управляющего Нерчинскими заводами берггауптмана Фриша.

Сие донесение генерал-майора Лепарского я имел счастие представлять государю императору.

Его императорское величество, рассмотрев во всей подробности обстоятельства и ход произведенного в Зерентуйском руднике по распоряжению горного начальства изыскания, изволил сделать на оное следующие замечания:

1-е) Ссыльный Сухинов, сосланный в каторжную работу как государственный преступник за участие в возмущении Черниговского полка, пользовался в Зерентуйском руднике совершенною свободою, ибо не только ходил невозбранно по улицам в питейный дом, но отлучался даже 23 мая и в Нерчинский завод.

2-е) Когда 24 мая ссыльный Казаков объявил в Зерентуйском руднике управляющему о заговоре ссыльных, то не только не был тогда же взят под стражу для предупреждения его от побега как единственное лицо, могущее обнаружить и доказать все подробности заговора, но был тогда же отпущен, а сие было следствием, что ссыльные Голиков и Бочаров из злобы на него за открытие их злоумышлений в тот же день его, Казакова, убили в самом недальном расстоянии от завода.

3-е) Голиков и Бочаров показали, что сего последнего посылал Сухинов в Нерчинский рудник, незадолго до открытия заговора, к ссыльному Пятину уговаривать и там к возмущению тех ссыльных, которых он, Пятин, при свидании с Сухиновым обещал подговорить. Но следователи не обратили никакого внимания на ссыльного Пятина и нетолько не взяли с него в течении слишком месяца показания, посредством коего мог бы обнаружиться злой умысел Сухинова, но даже не приняли меры к арестованию его как лицо прикосновенное к столь важному делу, и чрез то сей Пятин, не быв вовсе спрошен, 28 июня сделал побег, доказав тем явно участие его в злонамерении ссыльных Зерентуйского рудника.

4-е) Ссыльные, участвовавшие в заговоре, обращались в пьянстве 22, 23 и 24 мая и в сей последний день, предназначенный к возмущению, пьянствовали в питейном доме в числе десяти человек; из показания же ссыльного Бочарова видно, что и в Нерчинском руднике, когда он послан был туда Сухиновым, ссыльные тоже были пьяны. На вопрос следователей о причине допущения ссыльных к пьянству Нерчинская горная контора, признавая сама, что ссыльные, действительно, обращались в пьянстве, отвечала, что за оное Бочаров и Моршаков были наказаны соразмерно—один палками, а другой лозами, а ссыльному Голикову, обнаруженному по следствию одним из первых злоумышленников, сделано строжайшее только подтверждение. Из сего замечается, что со стороны местного горного начальства не только слабый надзор за каторжно-ссыльными, но явное попущение их к пьянству, могущее легко расположить к буйству и злоумышлению сих людей и без того закоренелых в пороках и преступлениях всякого рода.

5-е) Кроме показаний Голикова, Бочарова и Сухинова, других отобранных от прочих ссыльных, участвовавших в возмущении, в подробности не объяснено, и чрез то нельзя сделать соображения, в какой мере сходствуют оные с допросами Голикова и Бочарова и открывают умысел Сухинова. Не видно также в подробности и показания сидельца питейного дома ссыльного Птицына, который как свидетель пьянства ссыльных в день, назначенный к мятежу, получавший деньги от Сухинова на отпуск им вина, мог и должен знать некоторые обстоятельства, ведущие к открытию истины. Голиков говорит, что когда отпущенное ему по записке Сухинова сидельцем Птицыным вино было выпито, то сам Птицын, выйдя из питейного дома и увидя Сухинова, кричал ему, что Голиков просит вина полосьмины, на что Сухинов отвечал: отпустить; но по делу не видно, чтоб противу сего отобрано было показание от Птицына и от Сухинова.

6-е) Несмотря на то, что все прикосновенные к делу лица находились под рукою, следствие сие производилось весьма медленно, слабо и вообще не обращаемо было при оном того внимания и не употреблено той точности, каких требовала важность сего дела. Убийство ссыльного Казакова, произведенное Голиковым и Бочаровым близ самого завода 24 мая, не было открыто мерами розыска, а обнаружилось уже 13 июня, когда рука убитого была притащена собакою в самое селение рудника. Из сего следует, что с самого 24 мая, когда пропал без вести Казаков, или вовсе не был он отыскиван, или поиски производились слабо.

Все сии замечания государь император высочайше повелеть мне соизволил сообщить вашему сиятельству вместе с прилагаемою при сем представленною от генерал-майора Лепарского копиею из следствия на тот предмет, дабы вы изволили доложить по сему делу его величеству для получения по сему предмету дальнейших высочайших повелений.

Подписал: товарищ нач. глав. штаба граф *Чернышев*.
Верно: Правитель канцелярии *Вердеревский*.

Эти замечания — первый этап строжайшего исследования о режиме каторжно-ссыльных, поднятого зерентуйским делом. 27 ноября 1828 г. эти замечания, переработанные в официальное отношение, пошли за № 5764 из кабинета его императорского величества к товарищу начальнику главного штаба. 29 ноября 1828 г. Чернышев уже отсылал следующий приказ Лепарскому (за № 681):

Получив рапорт вашего превосходительства от 24 сентября № 537, с копиею из следствия, произведенного горным начальством по случаю заговора каторжно-ссыльных в Зерентуйском руднике, я имел счастье представлять государю императору. Его величество, усматривая, между прочим, из сего изыскания, что ссыльный Сухинов, сосланный в каторжную работу как государственный преступник за участие в возмущении Черниговского полка, ходил по воле, отлучался из Зерентуйского рудника в Нерчинский завод и даже имел для прислуги другого каторжного, высочайше повелеть соизволил строжайше исследовать, по чьему распоряжению сие было допущено.

государю императору угодно, чтоб сведение сие приказали вы произвесть состоящему при вас плац-майору, буде найдете то возможным его отлучить, в противном же случае избрали бы для того одного из надежнейших штаб-офицеров, вновь назначенных в Нерчинский горный батальон из внутренней стражи.

Объявляя вашему превосходительству сию высочайшую волю к надлежащему и немедленному исполнению, прошу вас донести мне в свое время, что по изысканию сему окажется, для доклада государю императору.

А пока Петербург изучал погрешности в режиме декабристов и строго запрашивал Лепарского о причинах послаблений, свершалась одна из самых страшных казней, которые видела Сибирь.

Первоначальное постановление комиссии по делу зерентуйского заговора нам известно по окончательному приговору Лепарского в его приказе от 29 ноября 1828 г. на имя исправляющему должность начальника Нерчинских заводов — берггауптману фон-Фришу *). Приговор комиссии был представлен Лепарскому 4 ноября. Лепарский нашел приговор «сходным с законами», но изменил его на основании приведенного выше приказа Николая I. Вина Сухинова было одинаково понимаема и комиссиею и Лепарским, но приговоры были различны. Комиссия постановила: «Ссыльного Ивана Сухинова за соглашение ссыльных Голикова и Бочарова к общему с ним побегу, принявшего злоумышление набрать партию ссыльных до двадцати человек и более, с ними взять насильственно в Зерентуйском руднике и Нерчинском заводе солдатские ружья, порох, пушки и денежную казну, итти по прочим рудникам и заводам, разбивать всюду тюрьмы для присоединения к себе колодников, приглашать и принуждать проживающих отдельно в казармах рабочих ссыльных и из жителей к общему бунту, истребляя все, что только ему противиться будет, а чиновников, находящихся в Зерентуйском руднике, забрать в тюрьму и зажечь оную; усиля же свою разбойническую шайку, пробраться в читинский острог, где освободить государственных преступников, принять тогда с ними решительные меры к дальнейшим злодеяниям; и, хотя он, Сухинов, ни в чем прописанном собственного сознания не учинил, а, напротив, опровергал то разного для сего околичностями и изменениями собственных своих сознаний, но достаточно на очных ставках изобличен ссыльными Голиковым и Бочаровым, а к тому, как он сослан в Нерчинские заводы в работу за участие в возмущении против высочайшей власти, довольно доказывается виновным; почему на основании указа 1775 года, апреля 28 дня, не домогаясь от него, как шельмованного и лишенного всех прав и доверия, собственного сознания за вышеприписанные его на сии злодейства покушения, по силе узаконений: воинских артикулов на 99-й толкования, 127-го, 135 и 137 -го с толкованием, и указа 1754 года мая 13-го, пункта 8-го, учинить ему, Сухинову, смертную казнь, повесить, но, сообразуясь с силою указов 1754 года, сентября 30 и 1817 года, декабря 25 дня до воспоследования разрешения наказать его кнутом тремястами ударами, поставить на лице клейма и, дабы он впредь подобных к преступлениям покушений сделать не мог, заключить его, Сухинова, в тюрьму».

Лепарский постановил: «Вместо того, согласно полевого уголовного по уложения (sic) главы II, § 7-го, главы V, § 40-го, определяю: Ивана Сухинова расстрелять».

Павел Голиков был признан «склонившимся к общему побегу и обольстясь обещаниями Сухинова и давшим слово к подговору других ссыльных; согласившим Бочарова сходить в Нерчинский завод для сего же подговора и по возвращении Бочарова уве-

*) «Былое» 1906 г. № 8, стр. 130—135.

домить о не сделании им на заводе успеха, неотставшим от Сухинова и тогда, когда оной ему объявил весь план злодейств, предпринимаемых им, привести в действие после побега; попустился учинить убийство бывшему в общем заговоре Казакову, открывшему, наконец, своему начальнику о заговоре к побегу, за утайку при неоднократных спросах о том убийстве и изменения его показаниев, по силе соборного уложения XXI-ой главы 72-го пункта, воинских артикулов: 43-го с толкованием, на 99-й толкования, 127-го, 135-го, 137-го с толкованием и указа 1754 мая 13-го, пункта 8-го учинить ему смертную казнь, повесить, но, сообразуясь с силою указов 1754 сентября 30 и 1817 года декабря 25 дня до воспоследования разрешения, наказать кнутом четыреста ударами и, подновив штемпельные знаки, заключить в тюрьму, дабы он впредь подобных преступлений сделать не мог». Лепарский изменил приговор: «Вместо того, согласно того же полевого уголовного положения и тех же параграфов, определяю: Павла Голикова расстрелять». Вина Бочарова была установлена в том, что он знал от Голикова и Сухинова о плане побега, подговаривал к тому других, пьянствовал, не исполнял назначенной ему работы даже после наказания палками, содействовал Голикову при убийстве Казакова, не послушался надзирателя и самовольно ушел в казарму, а затем учинил побег, во время следствия сделал «ложный извет на следователя берггауптмана Киргизова, утаил свои преступления при допросах и дал ложные показания». Комиссия вынесла такое же постановление, как и Голикову (с той разницей, что ударов кнутом Бочарову было назначено 350); Лепарский постановил: «Вместо того, согласно того же полевого уголовного положения и тех же параграфов, определяю: Василия Бочарова расстрелять».

Федора Моршакова, Тимофея непомнящего и Василия Михайлова комиссия определила наказать по 300 и 250 ударов кнутом и оставить на каторге; Лепарский постановил расстрелять и их.

Аврам Леонов, Григорий Шинкаренко, Семен Семенцов, Григорий Глаухин, Иван Каверзенко, Никита Колодин, Николай Григорьев, Антон Ковальчуг, Мирон Акатьев, Павел Анедин, Ефим Ильин, Алексей Рубцов и Кирилл Анисимов были приговорены комиссиею к наказанию от 200 до 300 ударов кнутом. Лепарский приговор утвердил.

Комиссия и вслед за ней Лепарский признали не подлежащими наказанию: Соловьева и Мозалевского, так как было доказано, что никакого причастия к заговору они не имели. Было постановлено освободить их, «но, дабы они между собой не могли впредь иметь соглашения и свидания, разослать для определения в работы в разные рудники, усугубя местному начальству за их поступками внимательный присмотр» *).

О первоначальном постановлении комиссии кто-то сейчас же сообщил Сухинову [17]). Мысль о позорном наказании была непереносимой для Сухинова: он решил покончить с собой. Два раза Сухинов в тюрьме отравлялся мышьяком, скрывая свои страдания от часового, но оба раза его спасали усилия врача. Наконец, последняя ночь перед казнью решила его участь: он повесился в тюрьме на ремне, которым подвязывались оковы.

Между тем шли приготовления к казни. Неподражаемая «записка» Лепарского об обряде казни **) дает много ярких фактических штрихов. Первое, что надо было заготовить, — это деревянный столб «длиною поверх земли 2 арш. 12 верш., в земле 1 аршин».

---

*) Цитируемый документ сохранил указание и на то, что все военно-судное дело о зерентуйском заговоре занимало 370 писаных листов.

**) «Былое» 1906 г. № 5, стр. 37—38.

Сзади велено было вколотить два кольца. Лепарский приложил даже чертеж, как все это должно было быть расположено. Позади всего «в двух аршинах должна быть вырыта яма в земле глубиною, как роют для могилы, а шириною, чтобы тела шести человек могли поместиться». Велено было затем сделать «смертных шесть рубах белого холста, длиною чтоб не доходили до земли четверть аршина, и столько же широки, чтобы можно их одевать сверх одежды. А также шесть белых холщевых платков для завязыванья глаз». «И шесть веревок крепких двухсаженных...»

Велено было откомандировать шесть человек ссыльных, чтобы они отвязывали тела, бросали в яму и зарывали. В патронах велено было иметь не более 2 золотников пороху. Господину поручику Рику было приказано осмотреть ружья и карабины, проверить патроны по калибрам, «дабы при заряжении не было конфузии, если патрон не войдет в дуло». Для стрельбы было отряжено 15 человек. Для надзора за наказанием каждого вида (расстрел, кнут и плети) было отряжено по чиновнику. Место экзекуции должны была окружать до 20 служителей на конях, с заряженными ружьями («вместо жандармов»). Очень характерно заключение: «Все время до дня экзекуции, особливо в последнюю ночь, должно усугубить надзор за арестантами, и если можно, и прибавить караулы, ибо они, узнавши о приготовлениях, готовы решиться опять на что либо отчаянное». Записка «обряд казни» датирована 29 ноября 1828 года.

3 декабря 1828 года Лепарский рапортовал графу Чернышеву о казни над восставшими, в скобках сухо упоминая о смерти Сухинова.

Секретно. Товарищу начальника главного штаба его императорского величества господину генерал-адъютанту и кавалеру графу Чернышеву

Коменданта при Нерчинских рудниках генерал майора Лепарского

Рапорт.

По высочайшему государя императора повелению, последовавшему ко мне за собственноручным его величества подписанием от 13 числа прошлого августа, исполнен мною приговор, заключенный комиссиею военного суда, при Нерчинском заводе учрежденной, над подсудимыми ссыльными, намеревавшимися в прошлом мае месяце под предводительством ссыльного же Ивана Сухинова учинить из Зерентуйского рудника побег, произвести возмущение и разные злодеяния, по которому приговоренные из них к смертной казни, а именно: Иван Сухинов, Павел Голиков, Василий Бочаров, Федор Моршаков, Тимофей непомнящий прозвания, Василий Михайлов, по силе учреждения для большой действующей армии (кроме Ивана Сухинова 1-го сего декабря удавившегося в тюрьме) при мне сего числа расстреляны.

По тому же делу наказаны кнутом, с подновлением штемпельных на лице знаков, Аврам Леонов, Григорий Шинкаренко, Семен Семенцев, Григорий Глаухин.

Наказаны плетьми: Иван Каверзенко, Никита Колодин, Николай Григорьев, Антон Ковальчук, Мирон Акатьев, Павел Анедин, Ефим Ильин, Алексей Рубцов, Кирило Анисимов.

Освобождены от дела: Вениамин Соловьев, Александр Мозалевский, Константин Птицын.

О чем вашему сиятельству имею честь донести, а равно, что о том же донесено мною сего числа за № 660 господину министру императорского двора.

Генерал майор *Лепарский*.

№ 661
Декабря 3 дня
1828 года
Нерчинский завод.

А вот мемуарный рассказ об этой же казни:

На другой день после смерти Сухинова начались приготовления к наказанию Голикова, Бочарова и их сообщников. Рыли глубокую яму, ставили столбы, шили саваны, делали новые и поправляли старые кнуты и плети... Генерал присутствовал сам и распоряжался экзекуцией. Он приказал производить вдруг все роды наказания, вероятно, для сокращения времени. Все преступники были приведены на лобное место, и охладевшее тело Сухинова между ними видимо было, которое тотчас бросили в приготовленную яму. На приговоренных к смерти надели белые саваны, и первый Голиков был привязан к столбу у самого края вырытой ямы. Он был весьма спокоен и просил убедительно оставить его глаза незавязанными, но его просьбы не были уважены. Незадолго до выстрелов, он начал что-то говорить... «Я не виноват»,— были последние слова, как ружейный залп вырвал у него жизнь с быстротою молнии. Бездушное тело спустилось вниз по столбу, сейчас было отвязано и брошено в яму.

Потом расстреливали Бочарова. Должно думать, что сия необыкновенная сцена подействовала на самих исполнителей приговора, ибо солдаты потеряли меткость. Бочаров был только ранен; унтер-офицер подошел к нему, вонзил штык в грудь и сим кончил мучения бедного страдальца. Михайло Васильев выдержал залп и остался невредим. Солдаты укоротили дистанцию и начали поодиночке стрелять.

Генерал Лепарский сердился, кричал, бранил офицера и батальонного командира за то, что подчиненные их не умеют стрелять, и приказал скорее как-нибудь сию трагическую сцену кончить. Солдаты ранили Васильева несколькими пулями, но не убили; наконец, подскочили к нему и прикололи его штыками. С двумя последними сообщниками Голикова и Бочарова почти то же самое случилось, что и с Михайлом Васильевым.

В одно и то же время, когда одних расстреливали, три палача наказывали кнутом и плетьми других, приговоренных к сим наказаниям. Невозможно представить себе всех ужасов сей кровавой сцены. Вопли трех жертв, терзаемых палачами, командные слова, неправильная пальба, стон умирающих и раненых,—все это делало какое-то адское представление, которое никто не в силах передать и которое приводило в содрогание самого бесчувственного человека [18]).

Эти воспоминания рисуют во всей живости и трагичности сцену, о которой сухо и кратко доносит генерал Лепарский. Мемуарист развил, углубил каждую деталь. И, наоборот, есть одна трагическая сторона расстрела, которой не может вскрыть мемуарист: он лишь отмечает что-то неладное с расстрелом — расстреливали плохо: предположительное объяснение мемуариста — волнение солдат, которые из-за этого потеряли меткость. Но вот документ, открывающий секрет трагедии расстрела:

Товарищу начальника главного штаба его императорского величества господину генерал-адъютанту и кавалеру графу Чернышеву

Коменданта при Нерчинских рудниках
генерал майора Лепарского

Р а п о р т.

Команда 5 горного батальона, квартирующая в Нерчинском заводе, имея налицо 170 человек рядовых, не могла для 70 человек, находившихся в параде для экзекуции при расстреливании осужденных преступников, о коих я имел честь вчерашнего числа рапортом за № 661 донести вашему сиятельству, набрать более 40 ружьев; из оных выбранных пятнадцати половина людей не могла исправно стрелять, и за всем тем, что я приказал уменьшить пороху в патронах, не без опасности по ослаблении казенных шурупов, можно было решиться употребить для пальбы сии ружья, поступившие в оной батальон еще в 1775 году и у коих все пружины и шурупы совершенно негодные, а штыки уже вовсе не употребляются, имея развернутые трубки.

Почему полагая, что кабинету его величества в таком виде о негодности ружьев никем не было представляемо, да притом, считая оной батальон вооруженным теперь хуже, как бы он имел одни только пики, я почел долгом службы довести о всем сказанном до сведения вашего сиятельства.

Подлинный подписал генерал майор *Лепарский*.

№ 662.
Декабря 4 дня
1828 года.
Нерчинский завод.

Царское правительство «не умело повесить» декабристов 13 июля 1826 года на кронверке Петропавловской крепости: у троих оборвались веревки. Не умело оно и расстрелять, не причиняя лишних, нечеловеческих мук тем, кто пытался в первый и единственный раз восстать во имя освобождения декабристов в Сибири.

В ответ на рапорт ген. Лепарского о негодности ружей военный министр дал распоряжение 27 января 1829 года (за № 5) артиллерийскому департаменту, по поручению Николая I, отправить нужное количество ружей в Нерчинские рудники.

Между тем Петербург все не забывал о слишком свободном режиме каторжан, а вопросы, возбужденные Николаем при чтении следственного дела, продолжали оставаться без ответа, и чуть ли не через полгода после первых распоряжений по поводу восстания в Зерентуйском руднике Лепарский получил напоминание 31 марта 1829 года от дежурного генерала главного штаба.

Отвечая, Лепарский в рапорте от 1 июня 1829 г. отговорился болезнью, как своей, так и состоящего при нем плац-майора. Другой причиной промедленья была задержка прибытия вновь назначенных штаб-офицеров. Свой рапорт Лепарский заканчивал уведомлением, что 30 мая командирован им для следствия плац-майор.

Лепарский взялся за дело следствия и на этот раз выполнил задачу, по крайней мере с канцелярской стороны. 16 июня, через год с лишним после открытия зерентуйского заговора, в Петербург из далекого Забайкалья было отправлено объемистое «дело».

В нем имеются очень интересные документы по препровождению Сухинова в Сибирь: дан список партии каторжан, с которой он шел, указание сопровождавшим кордонным казакам, как вести себя, конвоируя осужденных, большое количество отношений в Нерчинскую горную экспедицию от иркутского губернского правления с препровождением статейных списков отправляемых преступников и другие ценные документы.

Самое следствие было ведено через плац-майора при Нерчинских рудниках Северского конно-егерского полка капитана Лепарского. По требованию последнего давались сведения начальником Нерчинских заводов фон-Фришем и Нерчинской горной экспедицией. Последняя и дала наиболее полное объяснение о неисправностях в режиме каторжно-ссыльных.

Оказалось, что Соловьев, Сухинов и Мозалевский «с товарищи» были приведены закованными, но сопровождавшие их кордонные казаки имели письменное предписание по приводе преступников кандалы забрать и отнести обратно. Никаких особых предписаний о новом заковании Сухинова и его товарищей не было, — поэтому начальством были «назначены употреблению в работу» раскованными и «разосланы от сей экспедиции сообразно потребности в людях по разным заводским местам, из коих Сухинов, Соловьев и Мозалевский—в Нерчинскую горную контору...» О том же, каков

был режим их по рассылке, «экспедиция была неизвестною», так как все те «места» непосредственно отчитывались перед Лепарским. Посему отписка экспедиции в конце и намекала:

«А посему о всем вышеизъясненном представить к исправляющему должность начальника заводов и кавалеру для представления от него всего того, куда следовать долженствует».

Едва ли это объяснение удовлетворило правительство. Предпринятая концентрация «государственных преступников» в Петровском заводе должна была облегчить надзор за ними и предупредить возможность попыток к бегству. В общем, зерентуйское дело повлияло на ухудшение режима декабристов.

Тем закончилось зерентуйское восстание, — единственная организованная попытка освобождения, предпринятая декабристом.

М. Нечкина.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Они находятся в Москве, в Военно-историческом архиве в делах «секретной части канцелярии дежурного генерала» за 1828 год: связка 43, дело № 92 «об открытом в Зерентуйском руднике Нерчинских заводов намерений ссыльно-каторжных к побегу и произведению разного рода неистовств», и дело № 115 той же связки, того же года под заглавием «По представлению коменданта при Нерчинских рудниках, должны ли поступать в его ведение присланные к нему преступники Дмитрий Таптиков, Василий Колесников и Андрей Быстрицкий и об отправлении к нему в читинский острог преступников: Соловьева, Мозалевского, Завалишина и Сухинова по окончании над последним дела в Зерентуйском руднике, и Дружинина».

2) Об истории этого бегства и многом предшествовавшем ему в жизни Сухинова (о получении дворянства) см. статью Ю. Г. Оксман «Поимка поручика И. И. Сухинова», в сборнике «Пушкинского Дома» «Декабристы. Неизданные материялы и статьи». М. 1925, стр. 71 и др.

3) Военно-исторический архив в Москве, опись № 847, связка 14, дело 88 — «Дело по рапорту ген.-адъют. бар. Толя об остановленном в киевской почтовой конторе письме полк. Бриггена к кн. Трубецкому», л.л. 5—7, а также по той же описи, в связке 15 под № 132, «Дело о поручике Александрийского гусарского полка Сухинове, участвовавшем в возмущении Черниговского пехотного полка».

4) Там же, л. 5, копия с отношения ген.-адъют. бар. Толя к херсонскому губернатору от 16/I 1826 за № 99.

5) Мемуары, приписываемые И. И. Горбачевскому. М. 1916, под ред. Б. Е. Сыроечковского, стр. 195.

6) Там же, стр. 197. Ср. «Записки кн. М. Н. Волконской», 1904, стр. 86. Здесь Сухинов ошибочно назван Сухининым.

7) Не только Казакова. В «Записках» Горбачевского есть указание на второй донос («Записки» Горбачевского, стр. 205), в очерке же о Сухинове (там же, 231 стр.) указывается, что этот второй доносчик был Тимофей, непомнящий прозвания. Если Казаков был пьян, и настолько, что Черниговцев (управляющий Нерчинским рудником) его отослал проспаться, едва ли он мог сообщить сразу столько подробностей о заговоре, позже подтвержденных следствием.

8) Лефортовский Архив, опись 847, связка 43, дело 115, см. выше примечание 1-е.

9) В очерке «И. И. Сухинов» неправильно указано, что Казаков сделал донос 2 мая («Записки» Горбачевского, стр. 231).

10) Павел Голиков, казарменный староста, некогда был фельдфебелем в учебном карабинерском полку, за какой-то проступок был разжалован, наказан кнутом и сослан в Сибирь. В «Записках» Горбачевского говорится, что он «поражал всех диким и независимым своим нравом; какая-то душевная сила возвышала его над всеми другими и приводила в трепет самых закостнелых, отчаянных воров и разбойников». Василий Бочаров был сыном богатого астраханского купца, так же за какое-то преступление был наказан кнутом и сослан. О нем Горбачевский говорит: «Тонкий и хитрый ум Бочарова и некоторая степень образованности покоряли ему развращенную и необдуманную толпу его товарщей». Из среды других каторжников мемуарист выделяет также «Михаила Соловьева», вероятно, спутывая имя и фамилию Василия Михайлова; последний ранее также был фельдфебелем в одном гвардейском полку. Трое упомянутых лиц и еще двое их товарищей, имена которых автор записок забыл, «были каждый в своем роде весьма замечательные люди и отличались от презренной толпы обыкновенных воров и разбойников. Ни страх наказания, ни видимая опасность не могла удержать их ни в каких замыслах; будучи доведены до крайней нищеты и унижения, не имея никакой надежды к избавлению, испытывая беспрерывно несправедливости, они были ожесточены против всяких начальств. Ненависть, злоба и мщение наполняли их сердца; разврат погасил в их сердцах чувствование своего достоинства; однако же при всем своем унижении, они отличались от всех других ссыльных каким-то особенным над ними влиянием и, видимо, брали везде над своими товарищами поверхность»: Тимофей, непомнящий прозвания, второй доносчик, был денщиком Черниговцева и жил у него в доме. («Записки» Горбачевского, 198—199, 228—229).

11) В «Записках» Горбачевского неправильно указано, что Сухинов арестован 26 мая вечером (стр. 205). В очерке же «И. И. Сухинов» — также неправильно указывается, что арест имел место 23 мая в 5 часов вечера. Из комментируемого документа видно, что арест Сухинова, как и прочих, произошел 24 мая.

12) В очерке «И. И. Сухинов» упомянуты еще две важные детали плана: восставшие хотели прервать почтовые сношения и, после освобождения государственных преступников, бежать за границу. В этом нет ничего несбыточного: китайская граница была близко, и каторжники в своих побегах обычно стремились к ней. («Записки» Горбачевского, 232).

13) Целовальник Птицын — бывший юнкер Гусарского полка в очерке «И. И. Сухинов» называется одним из важнейших участников заговора (стр. 228—229). Участники заговора все время пьянствуют в его заведении, и любому непредубежденному читателю следственного дела ясно, что Птицын играл в заговоре большую роль. На это обратил внимание Николай I, заметивший, что «Птицын как свидетель пьянства ссыльных в день, назначенный к мятежу, получавший деньги от Сухинова на отпуск им вина, мог и должен знать некоторые обстоятельства, ведущие к открытию истины». Между тем Константин Птицын был освобожден от дела за непричастностью. Не сыграл ли здесь роль подкуп?

14) Характерно для всего дела отпирательство подсудимых от первоначальных показаний. В «Записках» Горбачевского и в очерке «И. И. Сухинов» определенно утверждается, что при допросах применялись всяческие способы воздействия, начиная с угроз, вплоть до пыток: «допросы сопровождались жесточайшими побоями» (там же, стр. 230). «Известно, каким образом в Сибири производятся допросы: плети, палки и розги почитаются в сем случае лучшими путеводителями к истине. Телесные истязания заставили Голикова признаться...» (Там же, стр. 205.)

15) В «Записках» Горбачевского неправильно указано, что Бочаров был пойман. Если б это было действительно так, начальство рудников не преминуло бы подчеркнуть это. Случаи добровольного возвращения беглых часты в сибирской каторге, так тяжелы условия побега.

16) Невольно рождается вопрос, откуда у Сухинова было так много для его положения денег. Точных указаний на это важное обстоятельство нам не удалось разыскать ни в мемуарной литературе, ни в документах. Есть указание на то, что у Соловьева,

Мозалевского и Сухинова «вещи и деньги — все было общее» («Записки» Горбачевского, стр. 203) и что Сухинов тратил очень много; это вызывало неудовольствие товарищей, не решавшихся из деликатности упрекать Сухинова. Была некоторая связь и с читинским острогом. Во время следствия Соловьев и Мозалевский виделись с Сухиновым, и, будь у них деньги, дело могло бы принять другой оборот. Волконский прислал к ним нарочного с предложением снабжать их всем нужным, но «хотя писали они в Читу и просили денег, но ответа никакого не получили; вероятно, письма их не достигли своего назначения» (там же, стр. 233—очерк «И. И. Сухинов»).

17) В только что вышедшей книжке «Былого», посвященной столетию восстания декабристов (1925, № 5 (33), стр. 109 — 114) опубликована М. Азадовским любопытная записка, относимая им к заговору Сухинова. Она обращена к некоему Тимофею Васильевичу, подписана Иваном Бушуевым и содержит указание на грозящее первому наказание кнутом на какое-то воззвание к народу и цареубийство. Азадовский полагает, что это и есть записка, предупреждающая Сухинова. Я считаю это толкование мало-вероятным — комментатор упускает из виду, что заговор был в Зерентуйском, а записка найдена в Акатуевском руднике, и объяснения этому не дает.

18) «Записки» И. И. Горбачевского, стр. 211—213.

Из записной книжки архивиста.

П. И. Пестель. «Конституция Государственный завет».

«Конституция Государственный Завет» печатается не с подлинной рукописи Пестеля, а с копии. Краткая история этой копии такова: Бестужев-Рюмин, развив среди «Соединенных Славян» энергичную агитацию за организационное слияние их общества с Южным, для вящшего убеждения Славян выдвинул аргумент, пользовавшийся среди членов и Южного и Северного общества исключительной силой убедительности: «...дабы избежать долговременности и кровопролития революции французской, необходимо предварительно приготовить хорошую конституцию, дабы, разрушив существующий порядок вещей, его немедленно заменить лучшим» [1]). И для доказательства, высокой организованности расхваливаемого им [2]) Южного общества он заявил Славянам, «что у нас конституция уже давно сочинена, и потому если хотят (славяне. *С. М.*) променить цель невозможную (т.-е. объединение всех славянских племен в единую федеративную демократическую республику. *С. М.*) на истинно для России полезную, то они должны присоединиться к нашему обществу» [3]).

Но Бестужев-Рюмин, видя колебания Славян, понял, что одними словесными заявлениями о том, что Южное общество настолько подготовилось к революционным действиям, что даже предусмотрительно составило конституцию, ему не удастся окончательно убедить Славян в необходимости слияния обоих обществ. Поэтому он решил подкрепить свои слова фактами — показать Славянам конституцию Южного общества. Горбачевский в своих воспоминаниях очень красочно рассказывает, что Славяне заставили Бестужева-Рюмина показать им хваленую конституцию: «Потом начал говорить он (Бестужев-Рюмин. *С. М.*) о силе своего общества, об управлении оного верховной думой, о готовности Москвы и Петербурга начать переворот, об участии в сих намерениях 2-й армии, гвардейского корпуса и многих полков 3-го и 4-го корпусов. Из его слов видно было, что конституция, заключающая в себе формы республиканского правления для России и получившая одобрения многих знаменитых публицистов английских, французских и германских, принята была единодушно и членами Южного общества. Большая часть Славян соглашалась на соединение, но прежде хотели видеть составленную конституцию, узнать меры к введению оной и имена главных членов Южного общества.

Бестужев обещал немедленно доставить им копию

---

[1]) Показания Бестужева-Рюмина. Дело № 396, л. 142.

[2]) Член о-ва Соединенных Славян Пестов говорит, что Бестужев-Рюмин на собрании Славян «ничего больше не говорил, как восхвалял то общество и тех людей, которые находились в оном». Дело № 436, л. 6.

[3]) Дело № 396, л. 142.

Страница из подготовительных набросков Пестеля к „Русской Правде“, содержащая проект аграрной реформы.
(Архив Окт. Революции. Особ. Отд. Фонд XXI, д. № 10, л. 230.)

с конституции, объяснить цель, меры и управления оного общества и при окончательном соединении дать наименования главных членов» [1]). Чтобы удовлетворить требование Славян, Бестужев-Рюмин, доставил им документ под названием Государственный Завет, представляющий собой краткое изложение основных положений одного из вариантов «Русской Правды» Пестеля.

Другой «конституции» в Южном обществе не было, но находящийся у Бестужева-Рюмина текст «Государственного Завета» не был написан самим Пестелем.

«Завет сей, — говорит в своих показаниях Бестужев-Рюмин, составлен Пестелем и почерпнут из «Русской Правды» [2]). На вопрос Следственной Комиссии, не является ли он автором найденного у Славян «Государственного Завета», Пестель ответил: «Я не знаю, какой Государственный Завет дан был от Бестужева-Рюмина Славянскому обществу, но точно помню под моей диктовкой писал Бестужев извлечение краткое из «Русской Правды» [3]). Эту свою запись Бестужев-Рюмин и передал члену общества Соединенных Славян Пестову, с которой было снято несколько копий.

Публикуемый нами текст «Государственного Завета» является одной из таких копий, снятой Борисовым 2. Находится она в деле Шимкова [4]), который получил ее от Спиридова [5]). Чрезвычайно любопытны указания Шимкова, что некоторые из циркулировавших между Славянами копий «Государственного Завета» были написаны настолько неразборчиво, что их пришлось уничтожить [6]). Свидетельство Шимкова, как и внешний вид копии Борисова 2, которую мы даем, сохраняя полностью ее орфографию и пунктуацию, должны служить для исследователей предостережением против поспешных выводов и напоминанием, что Пестель не является подлинным автором единственно дошедшего до нас текста «Конституция Государственный Завет».

Сообщил *С. Мильман.*

Конституция Государственный завет.

1) Границы Россійскаго государства Суть . . . . . При семъ случаѣ дѣйствуютъ два Правила: Правило Благопріличія для Россіи и Правило Народности Плѣменъ или Народовъ смѣжныхъ и подвласныхъ — Когда дѣло идетъ о Народѣ Могущемъ пользоватся независимостію и Самостоятельностію, тогда правило Народности беретъ Перевѣсъ. Когда же дѣло идетъ о народѣ не могущемъ онымі пользоватся и долженствующимъ Быть подъ покровительствомъ и зависимостію у другой Славнѣйшей державы тогда правило благопріличія для россіи Беретъ перевѣсъ. — Польша. — Правило Народности объявляетъ независимость и Самостоятельность Народа, но правило благоприличія опредѣляетъ въ семъ Случаѣ Частности Границеположенія.

2) Россійское Государство раздѣляется в отношеніи Законнаго своего Пространства на 10 областей и 3 удѣла. Удѣлы суть Столичный въ коемъ пребываетъ и сосредоточивается

---

[1]) Горбачевский, И. И. «Записки и письма». М. 1925, стр. 49—50. Разрядка принадлежит нам. *С. М.*

[2]) Дело № 396, л. 142 об.

[3]) Показания Пестеля. Дело № 394 л. 234.

[4]) Дело Шимкова № 445, л.л. 8—9.

[5]) Там же, л. 11.

[6]) Там же, л. 11.

Государственное Правленіе. Нижній Новгородъ или Москва, Донской и Киргизской. — Каждая Область Состоитъ изъ 5 Губерній или Округовъ. Губерніи Состоятъ изъ уѣздовъ уѣздъ Состоитъ изъ волостей Волости бываютъ цѣльныя и приписныя 1000 обывателей мужеск. пола.

3) Государство Состоитъ изъ Народа и Правительства [1]).

4) Весь Россійскій Народъ Составляетъ одно Сословіе Гражданское всѣ нынѣшнія Сословія уничтожаются и сливаются въ одно Сословіе Гражданское—Всѣ различныя Племена Составляющія россійское Государство признаются Русскими и слагая различныя свои Названія Составляютъ одинъ Народъ русскій всѣ россіянѣ росписаны по волостямъ Каждый россійскій Гражданинъ Есть члѣнъ Которой либо волости Сіе замѣняетъ теперешнее разспредѣленіе россіянъ по сословіямъ. Волость имѣетъ для своихъ Членовъ два Списка Гражданской и Скарбовой Въ Скарбовой Списокъ вносятся Гражданѣ имѣющія въ волости Какую нибудь Собственность Подать берется съ Собственности — Посему Можетъ одинъ и тотъ же человекъ въ Скарбовыхъ Спискахъ Многихъ волостей быть записанъ [2]), но въ Гражданскомъ Спискѣ можетъ каждый Быть записанъ только [3]) по одной волости ибо Гражданской Списокъ означаетъ Политическое Состояніе, а политическимъ [4]) Правомъ пользуется Каждый русскій въ той только волости въ которой Состоитъ въ Гражданскомъ Спискѣ.

5) Вся земля къ Каждой волости принадлежащая, раздѣляется на двѣ Части: Волостную и Частная Первая принадлежитъ всему обществу вторая Частнымъ Людямъ Первая Составляетъ Собственность общественную, вторая Собственность Частную. Волостная земля есть неприкос — (л. 8 об.) новенна, она раздѣляется На участки. участки раздаются по требованіямъ Членовъ волости. Остальная Земля отдается въ Наемъ постороннимъ Людямъ не иначѣ какъ на одинъ Годъ. — Естли требуется болѣе участковъ нежели сколько таковыхъ имеется, тогда не удовлѣтворяется требованіе тѣхъ, которыя наибольшіе [5]) Число участковъ взять желаютъ участки сіи Переходятъ изъ рукъ въ руки въ тѣхъ только Случаяхъ когда являются новыя требователи Сіи Требователи Суть или такія кои прежде никакаго участка не брали или желаютъ нынѣ взять болѣе у кого участокъ отбирается тотъ Самъ назначаетъ какой участокъ онъ отдаетъ. Правило Совокупной Стоятельности (principe de la Solidereté) Передъ Правительствомъ является всегда волость а не люди порознь. — Россіянѣ Составляли народъ Состоящій изъ однихъ обывателей земли всѣ россіянѣ суть помѣщики или частныя или общественныя.

6) Переходъ изъ нынѣшняго Положенія въ порядокъ здѣсь предлагаемый Есть постепенной у нынѣшнихъ Помѣщиковъ Земли откупается оброкомъ или работою лѣтнѣю. Напередъ заводится Сіе въ казенныхъ имѣніяхъ и волостяхъ а потомъ уже въ частныхъ оброчныя Селенія и пахотныя Селенія дворовыя люди заводскія Крестьянѣ продолжая нынѣшніе [6]) занятіе положенное время тѣже сами откупаются а дворовыя в волости поступаютъ.

7) Правительство раздѣляется на вѣрховную [7]) власть и Государственное Правленіе.

8) На щетъ устроенія верховной власти отвергается правило равновѣсія властей но принимается правило Опредѣлительности Круга дѣйствія Вѣрховная власть раздѣляется на Законодательную и верховно Исполнительную. — Первая поручается Народному вечу вторая державной думѣ Сверхъ того нужна

---

[1]) Первоначально было написано «Правления».

[2]) Перв.: «записаннымъ».

[3]) Дальше след. зачеркнутые две буквы.

[4]) Перв.: «политическое».

[5]) Перв.: «наиболее».

[6]) Перв.: «нынешніе».

[7]) Перв.: «верховную».

еще власть блюстительная дабы тѣ двѣ не выходили изъ своихъ предѣловъ власть блюстительная поручается вѣрховному Собору.

9) Народная вeча Состоит изъ Народныхъ Представителей выбранныхъ Народомъ на 5 лѣтъ каждый годъ пятая часть низходитъ и замѣняется новыми выборами тотъ же самый [1]) можетъ опять быть выбран устройство внутреннего Порядка вeча пренадлежитъ Сему Самому. Предсѣдатель выбирается ежегодно изъ Членовъ послѣдней годъ Засѣдающихъ Народная Веча Есть одно цѣлое и на Каморы нераздѣляется, (л. 9) вся [2]) законодательная власть въ ней [3]) обретается она объявляетъ войну и заключаетъ Міръ. различіе въ Составленіи Законовъ Завѣтныхъ и всѣхъ прочихъ Законовъ. Первыя Обнародываются и на сужденіе всей россіи предлагаются. Народная Веча имѣетъ свое время когда не засѣдаетъ тогда оставляется временная Комиссія. Никто не можетъ разпустить Народной вечи она представляетъ волю въ государстве душу народа.—

10) Державная Дума Состоитъ изъ 5 Членовъ народомъ выбранныхъ на 5 лѣтъ. Ежегодно одинъ изъ думы выходитъ и замѣняется другимъ выборомъ. Предсѣдатель Есть членъ Засѣдающій послѣдній или пятой годъ Ежегодно предлагаетъ каждая губернія Кандидата изъ числа Сихъ Кандидатовъ выбираетъ Народная вeча окончательно. Державная дума имѣетъ всю верховно исполнительную власть ведет войну и производитъ переговоры но не объявляетъ войны и не заключаетъ Мира [4]) всѣ Министерства и всѣ вообще правительствующія мѣста Состоятъ подъ вѣдомствомъ [5]) и начальствомъ Державной Думы дѣйствуя но с разрѣшеніемъ и Исполняя съ Приказаніемъ она имѣетъ Собственную Свою Канцелярію.

11) Верховный Соборъ Состоитъ изъ 120 Членовъ именуемыхъ [6]) Боярами. Бояри назначаются на всю жизнь и не могутъ участвовать ни въ Законодательномъ ни въ Исполнительномъ порядкѣ. Губерніи назначаютъ Кандидатовъ а Народная вeча замѣщаетъ упразднившееся Число Бояръ. Предсѣдатель выбирается на годъ Самимъ Соборомъ. Соборъ имѣетъ вѣрховно блюстительную власть. Народная вeча препровождаетъ къ нему на утвержденіе свои Законы. Соборъ не разсуждаетъ о сущности предмѣтовъ [7]) но смотритъ на однѣ формы дабы вовсемъ соблюдено законное послѣ Сего утвержденія получаетъ Законъ свою дѣйствительную Силу. Самъ же Соборъ не дѣйствуетъ. Соборъ назначаетъ изъ Своихъ Членовъ по одному Генералъ Прокурору въ каждое Министерство и по одному Генералъ Губернатору въ каждую Область (приказный блюститель) областной Посадникъ) Генералъ Прокуроръ разсматриваетъ журналы палатъ Министерства и утверждаетъ ихъ опредѣленіе взирая на одну Законность и Соблюденіе предлагаемаго порядка но невходя въ сужденіе о Сущности Самаго Содержанія безъ ихъ утвержденія не можетъ исполненіе [8]) послѣдовать они утверждаютъ [9]) за свои дѣйствіи Державная Дума рѣшаетъ а Верховный Соборъ можетъ чиновника отдать подъ судъ (л. 9 об.) Отданный подъ судъ Судится Судебнымъ порядкомъ Генералъ Губернаторъ имѣетъ таковыи же обязанности въ отношеніи Областныхъ Правленій изъ сего явствуетъ что Соборъ удерживаетъ въ предѣлахъ законности Народную вeчу и Державную Думу Самъ же не имѣетъ никакого дѣйствія положительнаго. Главнокомандующія дѣйствующихъ армій на-

---

[1]) Перв. предполагалось написать слово, начинающееся слогомъ «ма», по которому потомъ было написано слово: «самый».

[2]) Перв.: «вла».

[3]) Перв.: «немъ».

[4]) Перв.: «Міра».

[5]) Перв.: «ведомствомъ».

[6]) Перв.: «именуямых».

[7]) Перв.: «предмета».

[8]) Перв.: «пополненіе».

[9]) Перв.: «она утверждаетъ».

значаются верховнымъ Соборомъ онъ принимаетъ Начальство надъ Арміею когда выступаетъ за предѣлы Государства и Слагаетъ когда въ предѣлы вступаетъ Губерніи на военномъ Положеніи.

Рассказ И. Я. Телешева о 14 декабря 1825 г.

Автор печатаемого здесь рассказа о 14 декабря 1825 г. Иван Яковлевич Телешев, воспитанник Казанского университета, в 1825 г. был молодым начинающим чиновником и служил в министерстве финансов, по департаменту разных податей и сборов, где состоял под начальством будущего составителя книги о воцарении Николая I—бар. М. А. Корфа. В день 14 декабря Телешев был у дворца, на Сенатской площади и на улицах и в ближайшие же дни, под свежим впечатлением, записал все виденное и слышанное в этот день. Рассказ его не лишен интереса, как впечатления среднего обывателя-чиновника, каких не мало было в тот день в толпе, заполнявшей площади и улицы; интересен он и некоторыми отдельными наблюдениями.

В конце своей записки Телешев приводит отзыв Н. М. Карамзина о восстании декабристов, слышанный им в те дни. Этот отзыв И. Я. Телешев мог слышать в доме у самого Карамзина, при детях которого он «находился», давая им уроки. [1]) Телешев был большой поклонник Карамзина и помогал ему в работах его над «Историей Государства Российского». Карамзин рекомендовал Телешева Д. Н. Блудову, покровительству которого тот в значительной мере обязан был своей дальнейшей карьерой. Телешев служил под началом Блудова в министерстве народного просвещения, по департаменту иностранных исповеданий; когда же департамент этот был передан в министерство внутренних дел, то и Телешев перешел в это ведомство, состоя опять при Блудове, который в те годы (1832—1837) управлял министерством внутренних дел. В то же время Телешев помогал Блудову в разборке и подготовке к печати материалов XII (неоконченного) тома истории Карамзина; продолжал он давать и частные уроки по литературе и истории.

13 октября 1837 года Телешев был назначен курским вице-губернатором. С 1838 г. по 1861 г. он состоял председателем курской казенной палаты. В этой должности он показал себя не выше обычных нравов тогдашнего чиновничества: брал взятки с откупщиков и сквозь пальцы смотрел на всякие злоупотребления в питейном деле. В 1861 г. у него произошло на этой почве столкновение с новым губернатором Деном, не пожелавшим принять услужливо переданной ему Телешевым обычной губернаторской доли из пасхальных приношений откупщиков и открывшим поход против злоупотреблений казенной палаты. Дело это, однако, принесло Дену одни неприятности; впрочем, и Телешеву пришлось покинуть Курск: в 1861 г. он был причислен к министерству финансов.

Вращаясь в кругах, близких литературе, Телешев и сам выступал в печати; им была помещена хвалебная статья-некролог о Д. Н. Блудове в № 125 «Русских Ведомостей» за 1864 г., перепечатанная в № 4 «Домашней Беседы» за 1865 год.

Когда в 1857 году, с высочайшего разрешения, была издана для публики, составленная еще в 1848 году, книга Корфа о восшествии на престол Николая, Телешев, живший тогда в Курске, вспомнил про свои старые записки, разыскал их и в ближайшую поездку свою в Петербург вручил их своему бывшему начальнику. Корф представил их Александру II при следующей докладной записке:

[1]) См. М. Погодин. «Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников». Часть 2, М. 1866 г., стр. 468. Там же напечатан и приводимый Телешевым отзыв Карамзина о 14 декабря.

«Служивший в конце царствования блаженныя памяти императора Александра I под моим начальством и приехавший теперь в Петербург председатель курской казенной палаты Телешев вручил мне современную свою записку о происшествиях 14 декабря, отысканную им, по прочтении моей книги, в старых своих бумагах.

Записка эта любопытна как свидетельство очевидца, который излил свои наблюдения и чувства в самые первые минуты со всем влечением молодости, хотя там, где он положился на слышанное от других, сведения его местами не совсем точны. Сверх того, в ней есть несколько драгоценных слов в бозе почившего императора, твердо врезавшихся в память и сердце молодого человека. Наконец, примечателен и взгляд на это событие Карамзина.

Заметки сии осмеливаюсь повергнуть на высочайшее благоусмотрение вашего императорского величества. Статс-секретарь барон *Модест Корф*. 15 января 1858 г.».

На записке этой Александр II сделал пометку:

«Читал с любопытством, хотя и есть много неверностей».

В настоящее время приведенная докладная записка М. А. Корфа и приложенный при ней рассказ Телешева хранятся в Особом Отделе «Архива Октябрьской революции» в Москве в составе бумаг быв. «Библиотеки Зимнего дворца» в деле № 2073, носящем заглавие: «Докладные записки бар. М. А. Корфа имп. Николаю I и цесаревичу Александру Николаевичу по делу об издании «Истории восшествия на престол имп. Николая I (1848—1858 г.г.)».

Сообщил *Б. Сыроечковский*.

---

14 декабря 1825 г. в С.-Петербурге.

Грозный урок провидения был началом царствования Николая I. Государь прекрасно выдержал испытание рока, и счастливый конец грозы ужасной был наградою за его твердость великодушную. 14 декабря 1825 года есть день великий для России, единственный для императора Николая. Да будут следствия его столько же благодетельны для царя и народа, сколько злы и пагубны были замыслы первенствующих в заговоре мятежников! Этот день никогда не изгладится из моей памяти: мне многое удалось видеть и слышать. Постараюсь описать его сколько можно подробнее.

Утро было ясное и довольно теплое. Я медленно шел в департамент разных податей и сборов, желая более воспользоваться хорошим временем, чрезвычайною редкостью в С.-Петербурге, как вдруг был поражен словами одного мальчика, который, выбежав из мелочной лавочки (в Чернышевом переулке) с газетным листом бумаги, кричал во всю улицу:

— У нас новый государь, у нас царствует Николай Павлович! вот и указ!..

С каким-то беспокойным чувством я ускорил шаги мои и, пришедши в департамент, точно узнал, что великий князь Николай Павлович вступил на престол всероссийский, потому что император Константин от оного отказался. Вскоре приехал директор, привел всех чиновников к присяге и уехал в другой вверенный ему департамент. Разумеется, тут никто не думал приниматься за дело, и все, разделясь на партии, передавали друг другу свои замечания и чувствования о сем важном и для них нечаянном событии. В сие время приезжает курьер и сказывает, что на площади против Зимнего дворца народ и войско ожидают нового императора, чтоб изъявить ему верноподданническое свое поздравление. Сия весть, как пожар, всех выгнала из департамента; толкая один другого на лестнице, все бежали на улицу и, боясь опоздать на площадь, старались наперерыв занимать извозчиков. Я, как не очень проворный, уже не мог найти саней и потому отправился туда же пешком.

Идучи Невским проспектом, я не заметил ничего необыкновенного, и

мне казалось, что еще немногим была известна столь важная новость столицы. Но, подходя к арке Главного штаба, я увидел множество народа и едва мог пробраться до того места, где государь осматривал лейб-гвардии Преображенский полк; я узнал его по голубой ленте, и как теперь помню, что лицо императора, как полотно, было бледно. Солдаты были в серых шинелях, и это несколько удивило меня; но чувство неизъяснимо приятное заступило место удивления, когда я услышал радостные восклицания народа и милостивое к нему обращение государя; сие чувство овладело мною совершенно, и я готов был плакать от умиления...

Устроив войско, государь сел на лошадь и, сопровождаемый преображенцами, тихо поехал на площадь Адмиралтейскую. Посреди сей площади, против самого шпица адмиралтейского, он остановился и, обратясь к народу, сказал:

— Ну, братцы! Я на все готов: кто прав перед богом и совестью, тому нечего бояться.

Не зная ничего, я совершенно не понимал слов императора и, не смея что-либо угадывать, стоял в самом неприятном ожидании развязки. Не долго я находился в недоумении: раздался залп из нескольких ружей в стороне сената, и вся площадь взволновалась; слово «бунт» с громким шопотом было повторяемо в народе, ужас был изображен на лице каждого... Государь смутился, но с твердостью отдал приказ одному из окружающих его генералов узнать, кто стреляет. Генерал поехал по краю площади, и государь сказал ему:

— Ваше превосходительство! Извольте ехать прямо,—прямо и скорее!

Посланный скрылся; перестрелка продолжалась, и вся свита императора была в чрезвычайном смущении: лицо каждого перед глазами государя имело принужденную на себе улыбку; но как скоро государь не мог их видеть, то все их движения выражали не только скорбь, но даже отчаяние, чувства которого они знаками передавали друг другу. Тут-то я увидел в первый раз, как искусно и проворно придворные, по обстоятельствам, могут переменять наружный вид свой. В сем смятении государь несколько раз обращался к народу и уговаривал всех итти по домам для их безопасности, но никто не думал исполнять сего, жаль только, что не из усердия к монарху, а из одного любопытства, ибо при сильных залпах у сената все толпами бежали в улицы и, оставляя государя одного в опасности, возвращались к нему тогда лишь, когда пальба делалась меньше. Как не любить государю военных более, думал я с огорчением, когда без них некому защищать его в случаях чрезвычайных.

Между тем генералы, штаб- и обер-офицеры, приезжающие от сената, беспрестанно докладывали императору, и грустный вид его ясно показывал, что нерадостные доходили до него вести. Из числа их один кавалерист сошел с лошади, снял шляпу и, подойдя к государю, довольно долго и тихо с ним разговаривал. По черной на голове повязке я узнал в сем офицере Якубовича, давно с самой дурной стороны по слуху мне известного. Государь выслушал его с великим вниманием и потом, взяв за руку, сказал сперва окружающим:

— Ошибиться может всякий, но он сознался в своем заблуждении, и я свидетельствуюсь всеми вами, что признаю его за человека благородного,—а после Якубовичу:

— Поздравляю вас!

Я стоял не более на сажень от государя и потому мог хорошо слышать все слова его, когда он говорил, оборачиваясь на мою сторону. Поступок необыкновенно дерзкий удивил меня при сем случае: тогда как государь объявил прощение Якубовичу, стоявший подле меня мужик не мог удержать своего доброго восторга:

— Господи, какой он добрый, батюшка! какой милостивый! Да здравствует, да здравствует Нико...

И в сие мгновение сосед его, одетый в синем кафтане, черноволосый, сурового вида человек, зажал рот мужику и с сердцем насмешливо сказал ему:

— Погоди, брат, погоди! Еще рано кричать!.. что-то будет!

Мужик остолбенел и не знал, что делать; бунтовщик отвел его в сторону, тихо стал говорить с ним на ухо, и потом они оба скрылись. Ужас и негодование овладели мною. Государь показал, что ничего не приметил, тогда как все сие происходило перед его глазами; он продолжал свои распоряжения с видом печальным, но с твердостью необыкновенною. В короткое время он простил еще несколько офицеров; но как они подходили к нему с другой стороны, то я не мог слышать его с ними разговоров.

Уже был третий час за полдень; пальба усиливалась у сената, и государь непременно требовал, чтобы все шли по домам и не подвергали себя бесполезной гибели, что он надеется и без них усмирить непокорных. Но любопытные трусы оставались на своих местах, а я, желая знать, что происходило внутри города, оставил площадь и, зайдя на минуту в свою квартиру (между Полицейским и Конюшенным мостом в доме Рекети), отправился потом в Итальянскую улицу к двоюродным сестрам своим.

Чем далее отходил я от Адмиралтейства, тем менее встречал народа; казалось, что все сбежались на площадь, оставив дома свои пустыми. Везде ворота были заперты, магазины закрыты, и только одни дворники изредка выглядывали из калиток и узнавали, что делается на улице. Тишина самая печальная и самая беспокойная царствовала повсюду. Рассказав у сестер, что делается на площади, я тотчас после обеда ушел от них, беспокоясь о брате; но, узнав дома, что он также пошел к сестрам, я захотел еще раз побывать у Адмиралтейства. Это был уже 5-й час, и я только что успел в тесноте дойти до места, где Малая Морская пересекает Невский, как вдруг весь народ побежал от площади Адмиралтейской к Полицейскому мосту; пешие и конные давили друг друга, и гибель была неминуема для того, кто хоть раз не мог удержаться на ногах; пушечные выстрелы увеличивали смятение. Перед глазами моими видя погибающих под лошадьми или экипажами, я каждую минуту находился в величайшей опасности; но господь сохранил меня: влекомый толпою по тротуару Невского, я вырвался из давки в Миллионную улицу, прошел чрез двор известного дома Котомина на Мойку и, перебежав оную по льду, благополучно пришел домой, где ожидал меня брат мой с большим беспокойством. Я не менее рад был его видеть и, рассказав ему все, чему я был свидетелем на площади, куда он как-то не попал, отправился с ним вместе на Невский, где было очень тихо и очень пусто. С Невского мы пришли к Отсолигу, где пили чай, и в разговорах вечер пролетел неприметно.

Тут я узнал, что происшествие у сената было следствием возмущения в некоторых гвардейских полках: солдаты, обманутые бунтовщиками-офицерами, не хотели присягать новому государю, думая, что Николай Павлович есть похититель престола и что Константин от оного отказался не произвольно; иные из них даже были уверены, что Константин Павлович посажен под стражу. Таким образом, предполагая защищать государя законного, они едва не сделались виновниками бедствия не только столицы, но и всей России. Некто из офицеров, Панов, уже с партиею бунтовщиков вошел в Зимний дворец, искал императорской фамилии, и, может быть, бог знает что бы случилось тут, если бы не удачные распоряжения генерала Башуцкого. Он, встретясь с ними в коридоре и узнавши их намерение пробраться в комнаты государя, сказал, что они совсем не туда идут, и указав на одну маленькую лестницу, как на кратчайший путь к их цели, сделал, что они по оной вышли на двор. Между тем у комнат императора верный караул так был увеличен, что бунтовщики уже не могли пройти в оные. Тут же я слышал, как первоклассные сановники, один светский, а другой духовный, совершенно противуположно отличились на Сенатской площади. Первый — С.-Петербургский военный генерал-губернатор граф Милорадович,

в 50-ти сражениях доказавший свою храбрость, с обыкновенною своею неустрашимостью подъехал к непокорным и стал их уговаривать. Его стращали смертию, он смеялся над угрозами и, наконец, когда начал склонять солдат на свою сторону, был поражен смертельною раною из пистолета (Каховский был его убийцею). Другой — митрополит Серафим, в полном облачении и с крестом в руках, подошедший, по высочайшему повелению, словами веры смирить мятежников, бежал от них, как трус малодушный, при первой насмешке, может быть, такого же храбреца из их партии. Смех сопровождал высокопреосвященного, который, выбившись из сил, на самом скверном извозчике спасал остаток дряхлой и, конечно, непрекрасной своей жизни.

В 12-м часу ночи мы возвратились домой, конвои один за другим беспрестанно нас встречали на улицах, и, хотя везде было видно, что правительство успело принять меры самые действительные для безопасности города, но, верно, никто в эту ночь не ложился в С.-Петербурге спать совершенно покойно.

Чрез несколько дней после сего я имел приятнейшее удовольствие слушать рассуждение о сем происшествии незабвенного Николая Михайловича Карамзина. Он находил в нем особенное милосердие вседержителя, который, как бы желая удивить нас своею благостию, чудесным образом открыл пред нашим отечеством бездну ужаса для того, чтоб чудесно спасти его от гибели.

Провидение, — говорил он, — омрачило умы людей буйных, и они в порыве своего безумия решились на предприятие столь же пагубное, сколько и несбыточное: отдать государство власти неизвестной, злодейски свергнув законную. Бунт вспыхнул мгновенно; обманутые солдаты и чернь ревностно покорились мятежникам, предполагая, что они вооружаются против государя незаконного и что новый император есть похититель престола старшего своего брата Константина. В сие-то ужасное время общего смятения, когда смелые действия злодеев могли бы иметь успех самый блистательный, милосердный погрузил предприимчивых извергов в какое-то странное недоумение и неизъяснимую нерешительность: они, сделав каре у сената, несколько часов находились в бездействии, а правительство между тем успело взять все нужные противу них меры. Ужасно вообразить, что бы они могли сделать в сии часы роковые; но бог защитил нас, и Россия в сей день спасена от такого бедствия, которое если не разрушило, то конечно бы истерзало ее.

Солдаты Московского полка о 14 декабря 1825 г.

Мы имеем показания о событиях 14 декабря в допросах их участников и руководителей [1]); гораздо реже и лишь отрывочно доходят до нас показания о тех же событиях замешанных в них солдат и матросов. Печатаемые ниже документы содержат показания о событиях, разыгравшихся 14 декабря в Московском полку. Снятые допросы с нижних чинов этого полка дополняют и подтверждают показания по тому же вопросу М. и А. Бестужевых, Щепина-Ростовского и других декабристов.

Документы эти хранятся в Ленинградском Центральном Историческом Архиве.

А. Шебалов.

1826 года января 23 дня [2]) л.-гв. Московского полка 2 фузелерной роты правящий за фельдфебеля унтер-офицер Александр Сергузеев показал: 14 декабря в 9 часов утра услышал

[1]) См. дела членов Северного общества, издаваемые Центрархивом, т.т. 1, 2, 3.

[2]) Дело главного штаба, № 333.

он от рядового 2 роты Гавриила Бондаренко, что люди 1 роты одеваются к присяге. В скором после сего времени получена записка из полковой канцелярии, чтобы людям быть одетым и выходить по сбору на полковой двор, а для чего сказано не было. Прежде 14 декабря в ночи и по утру оного ж числа он не видал и не слыхал, чтобы кто приходил в казарму и возмущал людей. Того ж утра часу в 10, когда уже все одеты были, приходил в роту поручик Броке (командовавший тогда ротою) и по окончании расчета сказал людям: «знаете ли, ребята, для чего вы оделись?» Люди отвечали: «не знаем», то продолжал: «вот для чего: Константин Павлович отказывается от престола, и мы пойдем присягать Николаю Павловичу». Сказавши сие, ушел из роты неизвестно куда. Через полчаса после сего Броке пришел с двумя Бестужевыми и Щепиным в роту; при входе на лестницу дежурный унтер-офицер Максаков, увидя из них адъютанта Бестужева и полагая его за генерала, при Броке отрапортировал о благополучии роты. После чего все четверо вошли в покои 4 отделения и, остановясь посредине оного, адъютант из них говорил: «Ребята знаете ли для чего вы одеты?» Люди отвечали: «К присяге». Потом продолжал: «Я приехал известить вас, что вас обманывают. Я —адъютант Константина Павловича, прислан от него вас предупредить. Вспомните, ребята, что 20 дней не более как присягали вы государю Константину Павловичу, целовали крест. Вы христиане, знаете бога и не должны присягать другому государю, тогда как государь ваш жив. Вас обманывают, и сие знают вот ваши офицеры и ротный ваш командир. Бойтесь, ребята, бога, вот сабля Константина Павловича; стойте за него крепко». Люди кричали: «Рады стараться». Потом спросил: «Где, ребята, шеф ваш Михаил Павлович?» Люди отвечали: «В Варшаве». Он же продолжал: «Нет, ребята, он поспешал повестить вас о том же, о чем я вам сказывал, но его остановили за Нарвою». После сего бывшие с ним Бестужев, Щепин и Броке ушли наверх в 3 отделение, а адъютант отстал, разговаривая с одним старым солдатом Савельем Пархоменкою и потом пошел за ними же в означенное отделение, за коим и он, Сергузеев, следовал, при чем он приказал ему сказать людям, чтобы они взяли на всякий случай боевые патроны. Он же, будучи в смущении, без всякого намерения приказал о том дежурному по роте унтер-офицеру Максакову. При входе же в покой 3 отделения видел он, что Щепин говорил тоже возмутительные речи со слезами, где были люди со всех отделений, кроме 4, кои без его, Сергузеева, были собраны, где адъютант повторил прежде сказанные им слова... Все бывшие в роте люди весьма уверены были в справедливости всего выше сказанного бунтовщиками, потому более, что командующий ротою Броке сам присутствовал при том, который не только не дал нужного при том совета, но даже во все то время не подал противного тому вида, из которого люди, вероятно, могли бы тотчас заметить, что все сказанное бунтовщиками есть злая ложь. После сего в скором времени Броке прибежал в роту, собрал людей и всем подтвердил, чтобы люди никак не присягали до тех пор, покуда не приедет генерал-лейтенант Бистром I, и ему, Сергузееву, приказал то же самое еще подтвердить людям и сам ушел из роты, куда—ему не известно. Он же, видя, что ничего нет постоянного, приказал людям взять с собою артельные и, у кого есть, собственные деньги, говоря, чтоб и с нами не случилось того, что с Семеновским полком. Потом он вышел на двор, желая узнать что-либо насчет присяги от фельдфебеля 1 роты, при чем поручик Броке встретился с ним под воротами дворика и приказал сказать людям, чтоб ничего не делали, и убежал от него на большой двор, почему он воротился в роту,—то в ту же самую минуту адъютант Бестужев с маленького дворика закричал: «вон», и люди, слыша то, стали выходить на дворик, при чем адъютант Бестужев кричал: «скорей». Потом велел ему, Сергузееву, командовать от ноги, чего он еще произнесть не успел, а он уже скомандовал направо, закричал «ура» и побежал

со двора малого на большой. И как люди бежали за ним в беспорядке, то он бежа за ними же, крича, «стой», остановил всех на дворе и стал строить полувзводы, при чем поручик граф Ливен, подойдя к правому флангу роты, говорил: «стойте ребята, не ходи», что увидя, адъютант Бестужев прибежал к нему с пистолетом, спустил курок против него, но не выстрелил, почему граф Ливен отстранился от роты, а люди с Бестужевым побежали к учебной зале, крича, «ура», что он видя отстал от роты и стал подле Фурштадских казарм, откуда видно ему было под воротами в толпе ужасное смятение—солдаты одни от других отнимали штыками знамена, потом толпа бросилась на двор, где, разделившись на две части, одна убежала со двора, а другая осталась на оном. Рядовой Павел Васильев, бывший на вестях в дивизионном дежурстве, пришел из оного (как он после узнал) в казарму, надел шинель и вышел на двор для присяги; не зная о происшествии и идя около бунтовавшей толпы, оставшейся на дворе, вошел в оную, где, увидя на земле от знамя кисти и крест, подняви, взял к себе и от неизвестного ему солдата отобрал часть изорванного знамя, спрятавши все то в рукав шинели, ушел опять в казарму. А когда приехал его высочество шеф полка, то он объявил о том поручику Броке и полковнику Фридрихсу, кои велели то хранить ему, покуда возвратится с площади полк.

Налицо 14 декабря состояло в роте: поручик Броке, подпоручики князь Кудашев и князь Цицианов и прапорщик Малиновский, коих во время выхода из казарм роты никого при оной не было, и ему неизвестно по какой причине. При присяге же все они находились во фронте и потом уведены оба батальона на площадь его высочеством.

1826 года января 22 дня л.-гв. Московского полка 5 фузелерной роты фельдфебель Григорьев [1]) показал: 14 декабря прошлого 1825 года еще до рассвета получена записка из полковой канцелярии, чтобы ротам быть одетым в караульной форме и по сбору выходить на полковой двор, но для чего—никому известно не было. В девятом часу того ж утра приходил в роту командир оной штабс-капитан Волков, который имел против обыкновенного большую перемену в лице, и как люди были собраны в одну комнату и стояли во фронте, то он сказал: «Вот, ребята, у нас был государь Константин Павлович малое время, а теперь будем присягать Николаю Павловичу, потому что цесаревич отказывается от престола». После сего распустил людей и ушел, куда — не известно. Ни прежде 14 декабря, ни в ночи на оное число никто не приходил в казармы и не возмущал людей, а того числа в 10 часу утра приходил в казарму 1 отделения командир роты штабс-капитан Волков и с ним штабс-капитаны Бестужев, Лашкевич и адъютант, назвавшийся братом Бестужева. Сей последний говорил людям: «Ребята, знаете ли, что вас хотят заставить присягать Николаю Павловичу?» Люди отвечали: «Знаем». Тогда опять начал говорить: «Это обман, ребята; я сейчас только приехал из Варшавы от Константина Павловича для того, чтобы вам сказать, что Константин Павлович не отказывается от престола. Шеф вашего полка, его высочество за четыре станции до Нарвы остановлен. Государь же Константин Павлович обещал вам 15-летнюю службу. При присяге с вами не будет никого, кроме одного бригадного командира; вы — русские и должны знать, что значит присяга. Государь ваш жив, и вас хотят принудить присягнуть другому». А как люди молчали, то штабс-капитан Бестужев закричал на них: «Что же вы молчите, пойдемте в мою роту (3 фузелерную) и посмотрите, как все они умереть готовы за государя Константина Павловича». Потом, когда шли из покоя, то унтерофицер Григорий Шмарев спрашивал у своего ротного командира Волкова: «Что нам делать и кому присягать?» Волков обратился к нему, сказал: «Константину» и сие произнес довольно громко, что слышали бывшие при том

[1]) Дело главного штаба № 334.

люди. По настоянию Бестужева люди не ходили в 3 роту. Через час почти времени после вышеупомянутого прибежал из 3 роты унтер-офицер Петр Федоров в покой 4 отделения и сказал, что ротный командир Волков прислал его к нему, Григорьеву, дабы сказать, чтоб он поскорее выводил роту на маленький дворик, говоря, что прочие роты уже вышли на оный, что все люди 4 отделения, бывшие при том, слышали, у коего он спрашивал: «Где Волков? То он отвечал: «На дворике дожидается» и торопил выходить. Почему, когда он вышел на сказанный дворик, называемый черный, то адъютант Бестужев и Щепин-Ростовский ротам, стоявшим уже во фронте, 2, 3 и 6, скомандовал: «Направо, ружье на руку, ура!» и побежали с оными ротами на большой двор. После чего построил он, Григорьев, роту, которая находилась еще в повиновении, повел на большой двор и, когда вышли на оный и увидели под большими воротами в учебной зале большое смятение в толпе и волнение оной со знаменами, то все бывшие с ним туда же побежали, коих он никак остановить не мог. После сего, когда он, Григорьев, увидел на дворе ротного своего командира и спрашивал, он ли присылал 3 роты унтер-офицера Федорова с приказанием выводить роту на черный двор, который говорил, что он такового не присылал. Г.г. субалтерн-офицеры состояли тогда в роте: поручик Лагада и подпоручик Ивановский и прапорщик Воропай, коих при роте до происшествия не было, и по каким причинам ему, Григорьеву, неизвестно. Первый вперил в людей мысль, влекущую к пагубному возмущению, адъютант Бестужев и все бывшие с ним штабс-капитаны — Бестужев, Лашкевич и ротный командир Волков, особливо сей последний, приказывал присягнуть Константину. Во все время злых наставлений адъютанта он говорил с ним и с прочими по-французски с лицом ясно доказывающим, что их слова признает справедливыми и не подал ни малейшего людям вида такого, по которому можно было бы видеть, что он с ними не согласен. Штабс-капитан Лашкевич также участвовал разговаривая с ними, и когда адъютант обращался к нему со словами, требующими подтверждения, то он утверждал, говоря; «да». Знамена находились в учебной зале со взводом гренадер роты его высочества. Кто их имел и как попали в руки бунтовщиков и что при том происходило, он, Григорьев, не видел, потому что был далеко на дворе от них, также когда ранили бригадного и полкового командиров и прочих, кто и как к тому допущены были, он сам не видел. Только известно ему, что командовали толпою Щепин-Ростовский и два Бестужевых; из роты находилось в оной и ушли со двора 9 унтер-офицеров и 130 рядовых. Что удержало другую бунтующую толпу на дворе казарм с одним знаменем, ему неизвестно, а видел издали, когда командующий корпусом генерал Воинов, подъехавши, уговаривал их обратиться к повиновению, то бывшие в оной толпе люди вдруг закричали «ура» и взяли ружья, бывшие у ноги, на руку. Во время чего командующий корпусом отъехал от них прочь. В особенности действующих и возбуждающих более других к неповиновению он по отдаленности не заметил и отчего не слушали увещания начальства и без его высочества шефа полка не хотели присягать, ему неизвестно. Когда же приехал генерал-лейтенант Бистром, то уговорил их, кои пристроились к своим частям, стоявшим во фронте, а по прибытии его высочества приняли присягу на верноподданство е. и. в. государю Николаю Павловичу и отведены на Сенатскую площадь. Из казарм люди взяли боевые патроны самовольно без позволения.

1826 года января 22 дня л.-гв. Московского полка 3 фузелерной роты фельдфебель Карп Нежинцов [1]) показал [2]): .... 14 декабря в половине 10 часа, придя в роту, командир оной штабс-капитан Бестужев и с ним Щепин-Ростовский возмущал оную роту ложными уверениями. Потом Бестужев сам вывел роту на маленький дворик, при чем

[1]) Дело главного штаба № 334.

[2]) В начале то же, что и Григорьев.

люди во всем ему повиновались и следовали примеру его и вместе с Щепиным-Ростовским, который уже ожидал его с 6 ротою, с маленького дворика побежали на большой и потом к учебной зале, где находились тогда знамена, крича «ура». Прибежавши под ворота, остановились, произнося тоже «ура». Потом сия бунтующая толпа бросилась обратно на двор, где разделилась на две части, одна ушла со двора, а другая осталась на оном; но не строилась как следует, а противилась принимать присягу. 14 декабря состоял в роте налицо подпоручик Бахметьев, коего в оной при выходе из казарм и прежде того не было, которого уже после смятения видел на дворе казарм, и по принятии присяги командовал он оставшими людьми сей роты. Между людьми в роте не было и ныне нет никаких толков и суждений, нарушающих порядок службы и спокойствие.

Казнь моряков декабристов [1]).

Морских офицеров гвардейского и др. флотских экипажей привлечено было по делу декабристов Следственной Комиссией 23 человека. Из них 15 человек, т.-е. одна восьмая всех осужденных и четвертая часть осужденных членов Северного общества, были, как государственные преступники, приговорены по лишении чинов и дворянства к каторге с разными сроками и на поселение; некоторые «написаны в солдаты».

Местом совершения гражданской казни для моряков была выбрана лично Николаем I «практическая эскадра» Балтийского моря, именно флагманский корабль 74-х пушечный «Князь Владимир». Таким образом казнь над декабристами из моряков должна была совершиться сугубо в морской обстановке. Небезынтересно, что весь экипаж «Владимира», свыше 600 ч., состоял из того же гвардейского экипажа, большинство офицеров которого за бунт было предано суду.

Казни предшествовала некоторая подготовительная работа, которая производилась при ближайшем участии самого Николая. Дважды до дня казни в течение полутора месяцев, с начала открытия летней кампании, Николай лично приезжал в Кронштадт, где делал смотр эскадре, особенно при этом выделяя «Владимира». Монаршее благоволение начальнику эскадры Кроуну, командиру корабля «Владимир», гвардейского экипажа капитану 1 ранга Качалову, а также всем линейным штаб- и обер-офицерам того же корабля, пожалование нижних чинов рублем — играли роль подготовки всего личного состава «Владимира» в предстоящей в ближайшем будущем церемонии казни [2]). «За исправное и скорее действие» при вступлении «Владимира» и др. судов под паруса Николай не истратил бы на одних нижних чинов слишком четыре с половиной тысячи рублей. Посещения им эскадры адмирала Кроуна 1 мая и 1 июня 1826 г. были разведкой царя, возможно ли здесь произвести церемониал гражданской казни? Имея уверенность в личном составе, обласканном и достаточно наученном результатами события 14 декабря, Николай смело мог провести намеченный план. О настроении Николая перед днем казни свидетельствует ряд фактов: отъезд из Петербурга в Царское Село, введение в Кронштадт

[1]) Настоящая статья составлена главным образом по архивным материалам 1 и 2 отделов 2 отделения Военно-Морской секции Е. Г. А. Ф. Главными фондами, давшими материал, явились: военная по флоту е. и. в. канцелярия, шканечные журналы, канцелярия флотского начальника в С. П. Б. и гвардейский экипаж. Из прочих материалов для данной статьи были использованы имеющиеся в печати данные Следственной Комиссии и Верховного Уголовного Суда.

[2]) Дело военной по флоту канцелярии, № 1296 за 1826 г.

до казни новых войск, коими занимаются караулы в городе, а также и форты, — все это достаточно показательно.

С другой стороны, Николай отдавал дань и международному мнению. За час до начала церемонии на флагманском корабле из строя вышли, согласно сигнала с «Владимира», для направления в Лондон с секретным поручением два фрегата: «Константин» и «Елена». В трюме первого находилось сто слишком пудов золота, на втором несколько меньше — 72 пуда 09 фунтов. Больше 172 пуд. золота в слитках направилось в этот день в адрес банкиров Ротшильда и Гарами и К⁰ для «равновесия международного мнения», которое можно было всегда выровнять золотом чистой пробы [1]). Сумма в 381.427 фунтов стерлингов (ассигнациями 9.699.011 руб.), вырученные с продажи золота и ушедшие на выплату части займов и процентов Ротшильду и др.[2]), должна была подчеркнуть, что в России все спокойно, золото прикрывало действительное политическо-экономическое состояние страны.

Церемониал гражданской казни, обставленный соответствующими обрядами морской службы, частью взятыми из старого петровского устава, большею же частью из установившегося обычая, был разработан начальником главного штаба бар. Дибичем и сообщен в распоряжении от имени самого императора 11 июля на имя начальника морского штаба Моллера 2-го. «Чтобы ваше превосходительство приготовили свою яхту, которая могла бы принять из крепости всех преступников, морскому ведомству принадлежащих, и потом вести их прямо, не заезжая никуда, на адмиральский корабль адмирала Кроуна, где и разжаловать их непременно в тот же день, т.-е. 13 числа, по обрядам морской службы. Дабы в случае противных ветров не могла встретиться остановка в доставлении на адмиральский корабль, государю императору угодно, чтобы для буксирования яхты был готов пароход».

Моряки-декабристы были обвинены «в умышлении на царя, на убийство и истребление императорской фамилии, знании умысла цареубийства, участии в бунте с привлечением товарищей, в принятии члена в тайное общество» (Торсон) и даже просто за присутствие на площади.

Согласно книги пятой морского устава, в главе «третия на десять» мы читаем: «офицеров, которые к сему повод дали (к сходбищам непристойным. *А. Д.*) или таким непристойным сходбищам позволили, или рядовых каким-нибудь образом тому допустили и научили, или иным образом к тому причину дали, наказать лишением чести, имени и живота».

По этой же книге, глава первая, тому, «кто будет злоумышлять против его величества или ведает и не известит» — полагается четвертование в первом случае и вообще «живота лишен» во втором. Там же: «кто дерзает оружием против вышних командиров» — «буде кто генерала, адмирала или вышних начальников дерзает вооруженной силой рукой атаковать, или оному в сердцах противиться и в том оный весьма обличен будет, оный имеет, хотя он тем ружьем повредил или не повредил, для прикладу другим всемерно, живота лишен будет...» и последняя в книге пятой: глава 143, «на преступлении, на которые в сей книге примеру нет, иметь решение с совету и доносить в коллегию».

Связывая указанные обвинения с этими пунктами морского устава, поголовно всех подсудимых - моряков можно было при известном настроении «лишить живота».

В результате судебного приговора, «смягченного» Николаем, последовали следующие кары: лейтенантам Завалишину, Арбузову и мичману Дивову вместо смертной казни — вечная каторга; капитан-лейтенанту Бестужеву и его брату, бывшему офицеру гвар-

---

[1]) Дело военной по флоту канцелярии, № 3120 за 1826 г.

[2]) Отчет о действиях и обозрение оборотов сумм министерства финансов особенной канцелярии по кредитной части за 1826 г.

дейского экипажа, Михаилу срок каторги и ссылки остался без изменения.

Торсон, приговоренный Верховным Судом к одному с Н. Бестужевым наказанию, получил смягчение — вечная каторга заменялась 20-летней и поселением.

Два брата Беляевых, осужденные каждый на 15 лет каторги, получили смягчение на три года; лейтенант Кюхельбекер вместо 10 лет каторги получил 8 и затем поселение; мичман Бодиско по новой редакции ссылался на крепостную работу.

Приговор по отношению лейтенанта Чижова остался без изменения: лишение чинов и дворянства и ссылка на поселение. Лейтенанту Бодиско 1-му, осужденному по одному разряду с Чижовым, поселение было заменено «написанием в матросы». В отношении остальных четырех осужденных по II разряду приговор остался в силе — лишение чинов и написание в солдаты без выслуги.

12 июля утром подсудимым был прочитан приговор, и не прошло еще и 24-х часов после того, а приговор для пяти находящихся вне разрядов и прочих не-моряков был рано утром 13 июля приведен в исполнение. На рассвете того же 13 июля 1826 г. моряков, наравне с прочими приговоренными Верховным Уголовным Судом, вывели на крепостную площадку, где, как указывает в своих воспоминаниях декабрист Розен, было уже выставлено каре и 4 шеринги из лейб-гвардии Павловского полка и крепостной артиллерии.

Все осужденные, за исключением моряков, составлявших отдельную группу, были введены в середину образованного из войск четерехугольника, моряки же были затем направлены к воротам крепости, выходящим на Неву. С пристани С. Петербургской крепости они были посажены в два крытых баркаса с решетками на окнах, приготовленных начальником морского штаба, как это видно из его ответа генерал-адъютанту Дибичу: «Сообщая, писал он, об изготовлении шхуны «Опыт» с пароходом . . . но как мне неизвестно еще количество преступников, приговоренных Верховным Уголовным Судом к лишению чести, то я вместе с яхтой приказал быть двум баркасам с закрытыми каютами, ибо яхта весьма малое количество может вместить людей у себя» [1]).

Отвалив от пристани С. Петербургской крепости и пройдя плавучий Исаакиевский мост (где памятник Петру I), баркасы причалили к шхуне «Опыт». Там все уже было готово к отправке. Здесь же находились и два казенных портовых парохода. Баркасы и шхуны, буксируемые пароходом, двинулись к Кронштадту. Арестанты были оставлены на баркасах в закрытых каютах.

Ответственность по доставлению арестованных на адмиральский корабль была возложена на капитана 3 ранга морской артиллерии Балашова, состоящего в этот день дежурным штабофицером. Полученная им инструкция определяла как его обязанности, так и порядок доставки и характер гражданской казни арестованных декабристов-моряков.

В инструкции капитану Балашову указывалось: «государственных преступников, находящихся в Петропавловской крепости, кои по приговору Верховного Уголовного Суда, высочайше утвержденного, должны быть лишены чести, как над именем каждого означено, предписываю вам принять всех их по упомянутому списку из крепости на баркасы, в ведении вашем состоящие, и, пересадя на шхуну «Опыт», под строгим караулом отправить на Кронштадтский рейд и тамо сдать их на корабль «Князь Владимир», где по данному от меня адмиралу Кроуну предписанию имеет быть приведено им к исполнению высочайшее е. и. в. повеление, после чего надлежит вам, приняв их обратно на шхуну «Опыт», кроме Бодиско первого, доставить под тем же строгим караулом в С. П-бург; в попечении вашей известной расторопности лежит точное и

[1]) Дело № 1299 военной по флоту канцелярии за 1826 г.

неукоснительное сего поручения исполнение» [1]).

За «неукоснительное исполнение» впоследствии капитан Балашов получил орден Анны 2 степени.

«В четыре часа по полуночи,— читаем в рапорте командира бранвахты большого Невского фарватера,— прошли мимо бранвахты в Кронштадт казенные пароходы «Проворный» и «Скорый»; первый буксировал шхуну «Опыт» и при оной два двенадцативесельных катера. На шхуне были командир штурманский помощник 14 класса Сергеев, команда гвардейского экипажа, один квартирмейстер, один барабанщик, шесть матросов и один артиллерийский канонир.

На катерах — 15 флотского экипажа капитан лейтенант Зыбин, лейтенанты Евсюков, Воинов, два квартирмейстера, 24 матроса, третьей морской артиллерийской бригады унтерофицеров — 3, канониров — 6; на оных же катерах, — заканчивает свой рапорт командир, — находятся из Петропавловской крепости арестанты, какие именно и сколько, мне того неизвестно». [2]).

Распоряжение о строгом карауле при офицерах, таким образом, было выполнено полностью. Одновременно 12 июля было дано соответствующее распоряжение адмиралу Кроуну, относящееся к церемонии разжалования, при чем вместе с распоряжением был послан и четырехугольный черный флаг. Флаг этот должен был быть поднят как сигнал, согласно распоряжения на адмиральском корабле в день казни, как только увидят с корабля «Опыт» с баркасами [3]).

В это же время на суднах эскадры адмирала Кроуна происходила подготовка встречи «гостей». Командиры отдельных судов, согласно полученным от адмирала распоряжениям, вытекающим из полученной Кроуном штабной инструкции, обязаны были выслать на «Князь Владимира» старшего после командира офицера, одного лейтенанта и мичмана. Сигналом для этого должно было служить поднятие при пушечном выстреле на крюг-стеньге «Владимира» четырехугольного черного флага. В распоряжении на имя адмирала Кроуна по вопросу церемонии читаем: «поутру весьма рано на шхуне «Опыт» с пароходом прибудут на «Князь Владимир» государственные преступники. Разжаловать их непременно в тот же день, сделав следующее распоряжение завтра, во вторник: когда с эскадры видно будет, что приближается к оной шхуна «Опыт» с пароходом (может быть, с ними будут еще два баркаса с каютами), тогда на адмиральском корабле поднять на крюг-стеньге при пушечном выстреле черный флаг, при сем препровождаемый, по поднятии которого тотчас съезжаются с судов, находящихся на Кронштадтском рейде, офицеры в порядке и количестве, указанном выше».

«По вступлении преступников на корабль,—читаем дальше в инструкции,— тотчас проходить им в присутствии всего экипажа корабля и тех, кто собран сигналом».

О командире практической эскадры Романе Васильевиче Кроуне, на которого возложено было проведение церемонии лишения чести моряков-офицеров и чтение приговора, декабрист Александр Беляев в своих воспоминаниях пишет: «Адмирал был очень хорошо расположен к нашим офицерам; каждый день двое или трое из нас были приглашаемы к обеду. Это был чудный, милый, добрейший адмирал, истинный моряк, несмотря на свои 70 лет. Могло ли кому притти в голову тогда, что его офицеры будут привезены к милому их адмиралу в тюремном судне для исполнения адмиралом над ними приговора». В 6 часов был произведен пушечный выстрел с «Владимира», и одновременно был поднят черный флаг [4]). Вдали у Кронштадта

---

[1]) Дело № 56 военной по флоту канцелярии за 1826 г., исх. № 1433 от 12/VII.

[2]) Дело № 1299 военной по флоту канцелярии.

[3]) Исходящий журнал № 56 военной по флоту канцелярии.

[4]) Шканечный журнал начальника практической эскадры адмирала Кроуна за 1826 год.

была видна шхуна «Опыт», буксируемая пароходом. По поднятии сигнала немедленно стали прибывать на флагманский корабль по два, по три офицера с судов, находящихся в составе эскадры и на рейде, а также и гребные суда с нижними чинами.

Через час шхуна «Опыт» с баркасами, буксируемая «Проворным», подошла довольно близко к «Владимиру» и стала на якорь. К тому времени подошел второй пароход «Скорый» и стал обходить кругом адмиральского. Через полчаса, пользуясь гребными суднами, шхуна «Опыт» с баркасами была подведена к правому борту «Владимира» и поставлена у трапа. «Государственные преступники» были выведены с баркасов на корабль и поставлены в середине построенного на шканцах каре из экипажа корабля «Владимира». Здесь же находились прибывшие с отдельных судов эскадры офицеры и нижние чины.

Как только арестованные вступили на палубу адмиральского корабля и были окружены «войском», второй пароход, все время ходивший кругом, стал на якорь [1]).

По прочтении приговора Кроуном над головами лейтенантов Арбузова, Завалишина, мичмана Дивова, капитан-лейтенантов Бестужева и Торсона, мичманов Беляевых, Александра и Петра, Бодиско 2-го, лейтенанта Кюхельбекера и Чижова, согласно морской службы и обычая, были переломлены (заранее подпиленные) сабли, оторваны эполеты, которые вместе с мундирами выброшены за борт.

Остальные осужденные, дополненные лейтенантом Бодиско 1-м, были лишены, по прочтении приговора, мундиров и сабель. В отношении на имя Дибича того же 13 июля мы читаем о совершении церемонии: «над десятью переломлены сабли и оторваны эполеты, как и мундиры их брошены за борт, прочие лишены мундиров и сабель».

«По прочтении им высочайшей конфирмации затем отправлены обратно для содержания до ночи в С. П-ской крепости...». По воспоминаниям Завалишина, мундиры были розданы матросам, а не выброшены за борт.

К половине девятого часа все было окончено. Осужденных, за исключением Бодиско 1-го, отправляемого в Кронштадт, переодетых в матросскую верхнюю одежду, перевели обратно на баркасы [2]).

Направляемый в Кронштадт Бодиско 1-й, разжалованный в матросы, был намечен к отправке в 22-й флотский экипаж в Свеаборг, при чем отправление предполагалось на фрегате «Легком».

В шканечных журналах 74-х пушечного корабля «Сысой Великий» и 44-х пушечного фрегата «Вестовой» от 13 июля читаем: «в $^3/_4$ девятого министерская яхта отошла от адмиральского корабля» [3]) и «в $^3/_4$ девятого прошли обратно с буксируемой яхтой и баркас» [4]).

Таким образом около 9 часов утра шхуна с баркасами, буксируемая и

---

[1]) Церемония казни только у Завалишина получила некоторое освещение. «Мы стали сходить на палубу,—пишет он,— и тут ожидало нас новое торжество: командир корабля и офицеры встречали нас пожатием руки, а стоявшие вдали приветствовали знаками. Началось чтение приговора; старик адмирал не выдержал и зарыдал; плакали навзрыд матросы и офицеры; многие из последних не могли перенести сцены и, замахав руками, бросились вниз» (т.-е. в жилые палубы *А. Д.*).

Приводимые Завалишиным подробности никем больше не подтверждаются, а сцена с пожатием руки командиром корабля, т.-е. капитаном 1 ранга Качаловым, командиром гвардейского экипажа, представляется мало вероятной.

[2]) По рассказу того же Завалишина, здесь их ждал «вкусный завтрак, чай и кофе, так что возвращение наше совершилось еще веселей, нежели передний путь».

[3]) Шканечный журнал 74-х пушечного корабля «Сысой Великий» за № 3797 от 1826 г.

[4]) Штурманский журнал 44-х пушечного фрегата «Вестовой» № 3806 за 1826 г.

конвоируемая теми же пароходами, направилась в обратный путь. Привожу выдержку из другого рапорта известного нам уже командира Невской бранвахты о возвращении из Кронштадта «Опыта». «Сего числа по полудни в час возвратились из Кронштадта обратно казенные пароходы, на которых находятся арестанты, те же самые, которые были отправлены сего числа из Петропавловской крепости». Командир бранвахты допустил невольную ошибку в своем рапорте: не 15 человек государственных преступников вернулись из Кронштадта, а только 14, так как пятнадцатый, Бодиско 1-й, был оставлен в Кронштадте.

В инструкции, данной капитану 3 ранга Балашову (выше приведено ее начало), было предусмотрено, как поступить по возвращении в С.-Петербург; «первых восьмерых по списку (Арбузова, Завалишина, Дивова, Н. Бестужева, Торсона, Беляевых, А. и П., Кюхельбекера, *А. Д.*), также и лейтенанта Чижова, представить тотчас в С.-Петербургское губернское правление для отсылки по принадлежности; Бодиско же 1-го отослать с корабля «Владимир» в Кронштадт для написания в матросы во флот, а из остальных — Бодиско 2-го препроводить в инженерный департамент военного министерства, а прочих, как то — П. Бестужева, Вишневского, Мусина-Пушкина и Акулова, доставить в инспекторский департамент главного штаба е. и. в.».

Прибыв на старое место около Исаакиевского моста и «полагая неудобным разводить их днем по городу для доставления по принадлежности», адм. Моллер обращается к коменданту С. Петербургской крепости генерал-ад. Сукину с просьбой принять их в крепость, кроме одного, оставленного в Кронштадте — Бодиско.

«Из крепости они могут быть приняты ночью». В своем докладе от 14 июля на высочайшее имя Моллер подчеркивает, что «преступники не только не были в губернском правлении, но и на берегу, и что на судах никто с ними никакого сообщения не имел и свидания также».

Распоряжением свыше моряки были приняты в Петропавловскую крепость известным плац-майором крепости полковником Подушкиным.

А. Дрезен.

Из писем и записок В. Ф. Раевского.

Письма В. Ф. Раевского к К. А. Охотникову и А. Г. Непенину.

Перехваченное тайной военно-полицейской агентурой письмо майора В. Ф. Раевского от 1 февраля 1822 г. к полковнику А. Г. Непенину явилось, как доказывают материалы главного аудиториата [1]), ближайшим поводом к аресту автора письма и к официальному открытию остававшегося до тех пор негласным следствия по его делу.

Все бессарабское гнездо Союза Благоденствия неожиданно оказалось под ударом, и если бы не своевременное уничтожение В. Ф. Раевским большей части принадлежащих ему бумаг, — в распоряжении руководившего дознанием ген. Сабанеева оказался бы гораздо более обильный документальный материал, чем тот, которым пришлось ограничиться при формулировке важнейших обвинительных пунктов. Но в последних все же нашли себе место осколки обширной корреспонденции В. Ф. Раевского. — Проживая перед арестом в кишиневской квартире К. А. Охотникова, он невольно привлек внимание розыскных органов к бумагам своего приятеля, откуда и были извлечены при обыске восемь собственных его писем за время с 23 ноября 1820 г. по 17 ноября 1821 г. Это был как раз период особенно напряженной просветительно-пропагандистской работы в районе 16 пехотной дивизии [2]).

[1]) Дело аудиториатского департамента о майоре 32-го егер. полка Раевском 5-м, 1827 г., № 42, лит. А, том. 3, л.л. 5—8.

[2]) Обильный материал о бессарабской группе Союза Благоденствия еще ждет

Вдохновляемая дивизионным командиром, одним из виднейших деятелей Союза Благоденствия — ген. М. Ф. Орловым, — эта работа своими опорными пунктами имела широко распространенные в эти годы на местах стоянок отдельных воинских частей Ланкастерские школы взаимного обучения и направлена была столько же на поднятие общего культурного уровня солдатской массы, сколько и на определенное политическое ее развитие. Революция в Испании, восстание в Пьемонте, Семеновская «история», та или иная очередная вспышка военных поселян, — все эти волнующие эпизоды политической летописи 1820—1821 г.г. живо интрепретировались в дивизионной юнкерской и солдатской Ланкастерской школах, при чем, как свидетельствует позднейший обвинительный акт, «вместо данных от начальства печатных литографических прописей и разных учебных книг, Раевский приготовил свои рукописные прописи, поместив в оных слова: свобода, равенство, конституция, Квирога, Вашингтон, Мирабо, а в своих беседах с учащимися неустанно доказывал, что «конституционное правление лучше всех правлений, а особливо нашего монархического, которое хотя и называется монархическим, но управляется деспотизмом».

Распространение «вредных и возмутительных мыслей» в местах расквартирования 16 пехотной дивизии делало тем большие успехи, чем труднее становились общие условия армейского быта, чем явственнее обозначались тенденции восстановления старой палочной дисциплины и чем резче проводимая сверху система переобучения войск противоречила специфическим трудностям несения пограничной службы в далекой и тогда еще полудикой окраине.

Публикуемые здесь письма Раевского к его друзьям, как и записка его «О солдате», отражают мысли и суждения этого видного деятеля левого крыла «Союза Благоденствия», вызванные переменой режима в войсках, в связи с общей политической ситуацией начала 20-х г.г.

Как известно, в последнем всеподданнейшем докладе по делу В. Ф. Раевского несколько цитат, выдернутых из его писем к К. А. Охотникову и А. Г. Непенину, послужили, вместе с рассуждением «О солдате», материалом для целого (по счету 9-го) параграфа обвинительного акта: «Из писем Раевского видно, что он, кроме многих непонятных мистических изречений, входил в рассуждения о неаполитанских происшествиях, присовокупляя, что Охотников найдет в письме его, Раевского, ту простоту и откровенность, которая свойственна им, оживотворенным одною благородною целью, тем же стремлением к пользе общей, тою же надеждою к достижению; что терпение и скромность должны быть девизом и что при начальстве вандалов служба становится хуже всего; при чем Раевский упоминал о какой-то новой администрации... Кроме того, Раевский в сих письмах дерзко порицал сделанные начальством распоряжения как насчет устройства при полках учебных команд, так и относительно наказания солдат, объясняя: «что Вахтен при смотре разрешил унтер-офицерам и ефрейторам бить солдат палками до 20-ти ударов и благородный порядок обратил в порядок палочный; и что Сабанеев вдруг все учреждения Орлова насчет побоев солдат и Охотского полка перевернул вверх дном». [1]).

С гораздо большею обстоятельностью бумаги Раевского разбирались в военно-судной Комиссии при 6 корпусе, когда от обоих корреспондентов потре-

своего исследователя. Много данных, относящихся к этой теме, собрано П. Е. Щеголевым («Исторические этюды», СПБ, 1913 г. стр. 186 — 198), в статье о «М. Ф. Орлов» — М. О. Гершензона («История молодой России», М. 1908) и в изсл. С. Н. Чернова: «К истории полит. столкновений на москов. съезде 1821 г.» Саратов, 1925 г.

[1]) Доклад этот, конфирмованный 15 октября 1827 г., опубликован в книге П. Е. Щеголева «Исторические этюды», СПБ, 1913 г., стр. 237—252.

бованы были детальные разъяснения едва ли не всех темных мест их переписки. Следует, впрочем, отметить, что в одном и другом случае остались нераскрытыми «многие непонятные мистические изречения», привлекавшие к себе внимание следственной и судебной власти едва ли не в большей степени, чем высказывания, проникнутые подлинным пафосом политического заговора и конспирации. А между тем, все эти якобы «мистические изречения» (их особенно много в первых двух письмах) представляли собою не что иное как характерную для воинствующего материализма 20-х годов пародию на модные в то время прозрения и афоризмы метафизического порядка, при которой сознательно не различались бредовые идеи Юнг-Штиллинга и Эккартсгаузена от «натур-философских» построений Шеллинга и Велланского.

Остается сказать несколько слов о самих адресатах В. Ф. Раевского; один из них — капитан К. А. Охотников, заведывавший кишиневской Ланкастерской школой, адъютант ген. М. Ф. Орлова и товарищ его по тайной организации, вместе с ним явившийся делегатом 16 пех. дивизии на московском январском съезде 1821 г.,— занимал в рядах Союза Благоденствия еще в 1818 г. настолько видное место, что именно к нему был направлен для ближайшего ознакомления с законоположениями Зеленой книги только что принятый в Тульчине в тайное общество В. Ф. Раевский. Как свидетельствует последний в своих показаниях об этом знакомстве, он в Кишиневе в 1818 г. виделся с Охотниковым «не более пяти или шести раз»; но узнал Охотникова «из общей молвы и общего об нем мнения» короче, нежели из обращения с ним. «Этот человек, получая несколько тысяч в год от отца, тратил на себя одно жалованье. Получаемые же деньги были принадлежностию бедных; все несчастные в Кишиневе знали его. Я сам был свидетелем, когда Охотников, не имея денег, продал последний бриллиантовый перстень (подарок короля Прусского) за 3.000 левов, дабы обеспечить участь одного израненного и бездомного офицера, служившего с ним вместе в турецкую и французскую войну. Он купил ему виноградный сад и дом близ Кишинева. Известно мне, что здесь не место исчислять достоинства Охотникова, но это самоотвержение для общей пользы, строгая жизнь и чистая добродетель без личных видов глубоко врезалась в груди моей. Я тайно завидовал, что человек почти одних со мною лет, так далеко ушел от меня в совершенстве нравственном — и поклялся истребить последние недостатки в себе самом... Вот почему в письмах моих находятся слова: нам, оживотворенным стремлением к одной цели, вот причины моей привязанности к нему, а не тайные связи, не вредное соумышлие и не буйные замыслы» [1]).

Тактика запирательства и полного отрицания предъявленных ему обвинений заставила Раевского упорно отрицать на следствии «вредное соумышлие» и «буйные замыслы» бессарабской ячейки тайного общества,— и поэтому моральный облик К. А. Охотникова совершенно заслонил в только что приведенной характеристике его, ныне хорошо нам известную, крупную политическую роль ген.-адьют. Орлова.

Что касается второго адресата Раевского — полк. А. Г. Непенина, то заметной роли в тайной организации, в которую принят был Пестелем Кальмом в 1819 г. [2]), он никогда не играл, но, являясь командиром 32 егерского полка, служил как бы прикрытием всей проводимой в полку пропагандистской работы.

Ликвидация Союза Благоденствия после московского съезда в январе 1821 г. едва ли серьезно отразилась на деятельности его бессарабской группы. Формально из общества выступил, продолжая активно сочувствовать его задачам и не теряя связи с его работниками, лишь М. Ф. Орлов, да отпали и без того утратившие связь с ячей-

[1]) Дело б. государств. архива о майоре В. Ф. Раевском, I В, № 49, л.л. 13—14.

[2]) Дело б. государств. архива о полк. А. Г. Непенине, № 96, л.л. 7—10.

ками союза его номинальные члены. Директивы тульчинской управы, отказавшейся, как известно, от признания постановления о роспуске союза, позволили В. Ф. Раевскому и К. А. Охотникову развивать без перебоев пропагандистскую работу до самого начала февраля 1822 года.

Письма В. Ф. Раевского к К. А. Охотникову и А. Г. Непенину печатаются нами с оригиналов, находящихся в деле главного аудиториата «О майоре 32 егерского полка Раевском 5-м», 1827 г., № 42, т. 7, л.л. 117—134. Очевидно, сейчас же по приобщении их к делу все письма были особо зарегистрированы, — и уже во всеподданнейшем докладе аудиториатского департамента от 31/XII 1824 г. каждое из них фигурирует под своим порядковым номером. Однако, в виду того, что нумерация эта была совершенно случайной, мы не сохранили канцелярского размещения писем, а попытались восстановить строгую хронологическую их последовательность. Следует отметить, что на некоторых письмах сохранились следы сургучной печати В. Ф. Раевского — с изображением миниатюрной пятиконечной звезды.

Ю. Г. Оксман.

Письма В. Ф. Раевского.

23 ноября [1820 г.]. С. Каракмазы.

Насилу собрался я писать к тебе, любезный Охотников, за то надеюсь помучить тебя добрые полчаса над моим письмом, содержание коего не будет, конечно, заключать ни верных метафизических доводов Шанди отца Тристрамова, ни объективных углов атаки и продовольствия Буллова, ни пиитического жару усопшего Хвостова и его собратий... Но ты найдешь в нем ту простоту и откровенность, которые свойственны *нам*, оживотворенным одною благородною целью, тем же стремлением к пользе общей, тою же надеждою к достижению... баста!.. Самохвальство прилично только старым воинам, которые при покойной блаженной памяти императрице Екатерине переносили ужасные труды, при переходах от Киева до Днестра и от Днестра до города Глухова! — а нам оно несвойственно; т е р п е н и е есть девиз солдата русского; терпение и скромность должно быть девизом нашим.

Надо предуведомить тебя, что я пишу к тебе из комнаты, которая ничем не лучше той, которую описал Грессет в своей «La Chartreuse», с тою разницею, что я защитил себя от в н е ш н и х ветров, а крыс и кошек, по счастью, в целом дворе нет!.. Не достает только пера и воображения Грессетова, — а то бы дело было в шляпе, и на место этого письма получил бы ты предлинное послание; но, увы! на берегах Тираса все усыпляет пылкие и еще (Mercurii sublim. Sapsap, и серными ваннами) не погашенные чувства; здешний народ и дикая природа сильнее действуют на нервы и мышцы, нежели действие жрецов над Дельфийскою Пифиею или Месмера над молодыми девками;— магнетическими прикосновениями они приводили в магнитной сон, или в снобдение (somnambulismus), или в провоззрение, или, наконец, в просветление — а меня здесь все приводит в недоразумение, утомление, нетерпение и, наконец, в усыпление. Только было взошел я на кафедру (перед 9 егерской ротою) и во имя Демосфена, Цицерона и Красса загремел о подвигах предков наших, о наших собственных подвигах и будущих наших подвигах, о Румянцове при Кагуле, о Кутузове при Бородине, и только было полетел с Суворовым от Рымника по верхам Альпийским, как Михаил Федорович [1]) обрезал или перерезал мой полет приказом своим за №, кажется, 34. И я, как Икар, — в воду, с тем различием что Икар не командовал ротою, а я при-

[1]) Командир 16 пех. дивизии ген. М. Ф. Орлов.

нужден остаться теперь командиром 50 или 60 человек настоящего папского войска.

Не думай, чтобы я писал это в сомнабулизме, совсем нет, дело идет вот о чем: у нас (да я думаю и везде так, даже и у кафров и готтентотов) водится обыкновенно, что кто больше имеет смысла и разума — что составляет теперь по новой системе Шилинга или Веланского, ум, — следственно, кто больше имеет ума и опытности, и заслуг, тому поручают более власти с доверенностию управлять ею по рассудку и законам: капитан управляет ротою, полковник полком, генерал дивизиею и т. д. Теперь вышло с нашего левого флангу на изворот— и с большим ущербом для благородных намерений Михаила Федоровича. 1) При батальоне составлена учебная команда, состоящая из 80 человек отборнейших людей, надежды и опоры целой роты; ею командует подпоручик N., который едва ли в три шеренги поставленную нумерацию с знаком будет уметь привести в одно целое. Вы скажете: а где ж батальонный командир? Великий Алла!—У него есть паши, Тападжи-Паши, Кападжи-паши, Кади и... [неразб.], и проч. и проч.; зачем же ему думать о Суворове, Румянцове о нравственности и духе солдата? Он приказал, и учебного солдата вертят, стягивают, крутят, ломают, толкают, за—и перетягивают, коверкают, щипают и, чорт возьми! иногда и—кусают!.. А визирь выходит, чтобы иногда сказать: Изрядно! — а чаще всего: Скверно, гадко, мерзко,— прибавляя за каждым разом русскую солдатскую п р и в ы ч к у... я вас перекатаю! в г... зарою! Вот и Суворов, вот Румянцов, Кутузов, Воронцов... все полетело к чорту, и солдаты остаются все те же, с тою разницею, что они забывают своих товарищей в роте, своих начальников, и теряют то единодушие, которое было неразлучно с знаменами Суворова!.. Капитан знает в своей роте каждого солдата, он знает нравственность каждого, он обходится с Константином иначе, как с Федулом, он Петру говорит: «Это, любезный друг, нехорошо», а Тарасу говорит: «Ты скотина, я тебя заставлю это делать», а в учебной команде и Константину, и Федулу, и Петру, и Тарасу—одна честь, одно обхождение одни темпы брани!..

2) При полковой команде все то же, только тут султан приказывает визирю или янычар-аге! Да ему и без того дела много.—И тут однако ж командует подпоручик X., который хотя и благороднее и умнее первого, но он не виноват, если отец не имел состояния учить его, а краткость века воспретила видеть поля Кагульские, Бородинские, Лейпцигские! Но между тем у ротного командира остается 50 человек, а учебной команды при полку под командою подпоручика 240 человек. Поверь, любезный друг, что не одно честолюбие говорит здесь, нет, — польза общая того требовала, я хотел в короткое время моего командования выставить роты на о б р а з е ц. Накупил грифельных досок, бумаги, чернил, азбук, перьев—и вдруг со всеми этими принадлежностями остался командиром человек 40 портных, сапожников, артельщиков, горбатых, хромых, кривых, словом сказать, целой кунскаморы! К которой боюсь приступить, ибо петербургские пригляделись и надоели.—Но что еще удивительней, что, отобравши у нас самых лучших и способнейших людей, после отдадут всю хвалу и славу тем, которые едва ли успели разглядеть лица этих людей, не только узнали, как кто из них зовется.

Finis.

Не радуйся, любезный друг! Ты думал, что finis заключает в себе совершенное finis, ты крепко ошибся: за о д н у о с ь м у ш к у твоего письма я хочу наказать тебя целыми двумя листами. И, по всем вычислениям Ейлера и Лагранжа, все мои идеи истощатся к концу этого листа. Finis значит только finis той скучной материи о к о м а н д а х, которая заключает в себе половину письма, но, взявши Кондильяка и прочтя его со вниманием, ты согласишься, что я говорил правду, не знаю, однако ж, согласится ли с этим генерал.

Я не был в Одессе, не получал ниоткуда никаких известий, и сам прекратил со всеми переписку, ибо на два письма не отвечал в Тульчин ни слова. Но знаю и ведаю, что все идет хорошо, и, соглашаясь с твоими же словами, я теперь у м о р я ж д у п о г о д ы! Ничто не развлекает, ни занимает меня, я сижу, как дервиш, по[до]бравши ноги, и думаю только о том, чтобы эта ночь была для меня приятней прошлой и чтобы товарищ Морфей был ко мне поснисходительней, ибо он часто меня отдает на жертву воображения, которое, подобно азоту, заставляет меня на утро прокашлять более обыкновенного! Чорт возьми! Здесь есть чудесные молдаванки, и я всегда забываю свою Психею или Аглаю, или Галатею, когда смотрю на какую-нибудь Гракину, Аксенею, или Настазию! Еслиб ты был на моем месте, то сделал бы то же, не забыл бы, конечно, своего идеала,—но твое всегда неограниченное воображение и фокус зрения в соединении лучей представил бы тебе Рим, Византию! Лукрецию, Корнелию!.. триумфы невинности, добродетели, свободы, представил бы тебе все невозможное возможным, возможное невозможным, и Аксения — отрасль какого нибудь Гракха — или Мария, или побочная натуральная, и вернее прочих, отрасль Овидия, который умер здесь на берегах Тираса,—была бы существом выше обыкновенным, существом дышущим свободою своих предков; — но я — я слабый смертный, сознаваясь с Баумейстером, что с у щ н о с т ь с у щ е г о е с т ь в е з д е с у щ а, забываю о простых земных благах, пью небесный дар в объятиях какой-нибудь Гракины — только не Агрипины — и забываю Лицей Приапов и почтенного Колумба, который, открыв Америку, заставил меня из уважения к его памяти есть так долго меркурий и запивать нектаром — декохтом.

Наконец, из этого хаоса моих мыслей и истин, положенных на бумагу, ты знаешь теперь, что я делаю и что думаю. Теперь скажу, что делается и думается у н а с: с нового года в нашем полку учреждается библиотека. Мы выписываем 2 иностранных журнала и все русские, выписываем ландкарты и рублей на 500 книг, — вот тебе отчет об успехах. Это з а к л ю ч е н и е хаоса. Кланяйся от меня почтенному Липранди, всем вашим и Федор Федоровичу [1]) мое истинное почтение скажи.

Если это письмо тебя не заставит зевать, то пиши ко мне. Я отвечать аккуратно буду, однако, пожалуйста, не на о с ь м у ш к е. Наконец, идеи мои истощились по самому обещанию, лист кончается, свеча догарает, будить человека не хочется— все согласилось, чтобы я перестал писать и дал покой твоему чувству зрения, которое наверно весьма утомилось. Прощай. Остаюсь тебе преданный

Раевский.

2 [2]).

[1 мая 1821 г.]

Я получил письмо твое, любезный Охотников, перед самым отъездом в Одессу, но выполнить твоего поручения не мог, потому что аспидных досок купить по дороговизне невозможно, и даже в греческую Ланкастерскую школу выписывали из Парижа.

Новостей в Одессе никаких нет, ибо более недели ни один карабль в порт не входил. Неаполитанские происшествия меня взбесили. Полагаю пиемонтцы менее будут и т а л ь я н ц а м и.

Впрочем, сущность сущаго при единстве разнородной гармонии составит то действительное, которое в эмпирическом действии, при деятельном движении побочных организованных существ, может как субъективно, так и объективно дать целому веществу то свойство, которое Невтон, или Нютон, доказал центральным влечением.

Однако диссолютное в отношении к абсолютному не то ли же имеет дей-

---

[1]) Ф. Ф. Орлов — брат М. Ф. Орлова.

[2]) На обороте адрес: «Его благородию милостивому государю Константину Алексеевичу Охотникову. При дивизионной квартире в Кишиневе».

ствие в производстве мистико-техническом, какое парабола при своей конечности — к черепу земли?

Из сего я с н о видеть и у р а з у м е т ь можно, что Кант+Шиллинг+Эккартсгаузен+Фихте+Штилинг+Веланский—составят то единое метафизическо-сферическое тело, которое, соединясь элипсом в параболе, заставит в уразумении усомниться, ибо:

«Сомненье мудрости есть самый зрелый плод»... *Батюш[ков.]*

Но при всем этом не заставит усомниться тебя в дружбе моей. Прощай и пиши к преданному тебе *Раевскому*.

1 мая. (Сижу целый день дома!)

3.

[Конец апреля — начало мая 1821 г.].

Любезный Охотников! Я не отвечал на последнее письмо твое, ожидая удобного случая сказать полковнику о помощи юнкерам, но весьма кстати Таушев [1]) приехал сюда, видел все и скажет тебе подробно все здешние обстоятельства.

Моя школа приняла свой ход, но ни места, ни способов не было, чтобы устроить так, как хотелось. В юнкерской и Ланкастерской—все один и сам. Люди успевают, но на господ юнкеров, будущих товарищей наших, надо обратить особенное внимание. Эти члены и столбы отечества, у нас в самой низкой доле! Чего можем мы ожидать от юношей, погрязших в распутстве, невежестве, и, будучи повреждены вначале,— ничего больше не обещают в будущем [кроме], пагубы самим себе, стыда мундиру, бесполезного бремя другим и отечеству. Михайло Федорович, кажется бы, из патриотизма или из сострадания должен обратить на них свой взгляд и попечение. Ему будет честь и общая благодарность тех, которые не чувствуют самих себя. Полки будут иметь хороших офицеров. А он—хороших, благородных подчиненных, которые облегчат в о в с я к о м с л у ч а е труды его.

Я ожидаю производства с нетерпением. Почему оно затянулось, не понимаю,—только я бы согласился лучше устремить все свои труды на нравственное образование большого числа юношей, нежели на ноги их. Советую тебе, приступя к благородному делу, обратить первое на нравственность, а потом — на образование и науки. Ибо едва ли можно вообразить, до какой степени достигла порча нравов!..

Я все собирался быть у вас, но по некоторым причинам до приезда М. Ф. я быть не могу и потому все подробности оставляю до личного свидания с тобою. Прощай. Будь здоров и пиши к преданному тебе *Раевскому*.

4.

[17 июня 1821 г.]

Благодарю тебя, любезный Охотников, за поздравление. Я не столько свободен, сколько ты воображаешь; те же занятия и одна и та же цель заставляют меня быть невольником. Классы для юнкеров и Ланкастерская школа суть цепи для меня весьма приятные, ибо я делаю пользу отечеству и отдаю ему долг мой, сколько в силах теперь. Я наверное ручаюсь, что из школы моей юнкера будут лучшие по армии. Это не гордость и самолюбие, но твердая уверенность на старание моих юных сотоварищей!..

Устремимся, любезный друг, к пользе общей, и мы увидим успехи наши, увенчанные, если не бессмертием, то, наверное, благодарением обязанных и хвалою собственных чувств!!!

Предлинную диссертацию напишу тебе в ответ на письмо твое — теперь ограничиваюсь этим.

Поблагодари от меня любезного Таушева за память и письмо и отдай ему дружеский мой поклон.

Прощай. Преданный тебе

Раевский.

17 июня.

[1]) Поручик Таушев, Николай Степанович, гевальтигер 16 пех. див., вероятно, член Союза Благоденствия. После ареста В. Ф. Раевского содействовал уничтожению материалов, изобличавших его друга в пропаганде. После событий 14 декабря уволен от службы и отдан под надзор полиции.

5.

[14 июля 1821 г.]

Любезный Охотников, я начинал уже досадовать за твою беспечность, как получил от тебя маленькую записочку, за которою благодарю, равно и за присылку номеров.

С нетерпением жду времени, когда буду свободен, дабы посетить Кишинев. Я хочу видеть твои занятия и успехи учеников, в чем не сомневаюсь при твоих трудах.

Я просил тебя об Михаловском [1]) и еще повторяю мою просьбу. Но ты не найдешь в нем учителя по твоему ожиданию: русский язык он знает плохо, арифметику до тройных правил хорошо, географию — Европу и Азию изрядно. Но способности и отлично благородные чувства заставляют меня желать ему добра, и все, что ты для него сделаешь, будет мне порукою в твоей приязни. Только поспеши его взять и не смотри ни на какие отговорки. Скажи, когда война будет, ты его отпустишь. Из нашего полка двух или трех юнкеров лучших перевели в 17 дивизию.

Когда возьмешь Михаловского, уведомь меня тотчас.

Я посылаю тебе первую тетрадь географических уроков, составленных мною для полка. По получении от тебя ответа пришлю остальные — русского языка и арифметики; до тройных правил преподавать арифметику можешь поручить Михаловскому, равно и кратко географию. Да отдай ему эту записку.

Я не теряю здесь времени: вместо ушедших с полком людей из школы набрал рекрут и учу по методе Ланкастерской. Чрезвычайно успевают. По письмам из России я вижу, что эту методу хотят уничтожить, дабы не дать просвещению так быстро распространиться. Итак, любезный, спеши, пока время, дать какие-нибудь понятия юнкерам. Я убеждаю тебя, а отечество и обязанные будут тебе благодарны.

Будем делать, что можем теперь!.. не теряй времени делать добро другим.

Ты ничего не пишешь о Мих. Фед., о новостях, которые для меня столь занимательны. У нас пустыня; из Одессы ничего не слышно, но я послал туда нарочного узнать обо всем и сегодня получу ответы.

Пожалуста, пиши ко мне как можно больше. Ничем меня более не обяжешь.

Мнение мое о учении юнкеров я опишу тебе в будущем письме, т.-е. после ответа твоего; — вели и Михаловскому писать ко мне.

Я предполагаю, война до весны начаться не может. Заготовлений никаких нет. — И как скоро я узнаю, что это все пустое, то останусь в Аккермане. Но как бы ни было, а намерен в непродолжительном времени побывать у вас. Как сожалею о потери Липранди! [2]). Я писал к нему. Я боюсь обременить тебя, а то в полку нашем есть еще два юнкера, обещающие много: Перхалов и Лукомский; если можешь возьми, а если нет — как хочешь. Главная моя просьба о Михаловском. Остальная молодежь весьма с худою нравственностью, следовательно, о них думать нечего.

Кланяйся от меня Таушеву, Друганову [3]) и хозяйке своей. Прощай. Пиши и исполни просьбу преданного тебе. *Раевский.*

P. S. Покамест начнешь географию учить по карте, вели им учить на память.

14 июля.

---

[1]) Портупей-юнкер 32 егерского полка, ученик В. Ф. Раевского, откомандированный им в Кишинев, в дивизионную школу; впоследствии — один из важнейших свидетелей по обвинению Раевского в революционной пропаганде.

[2]) Подполковник 33 егерского полка И. П. Липранди, по свидетельству кн. С. Г. Волконского — член Союза Благоденствия, под впечатлением революции в Италии возбудил ходатайство о «дозволении стать в ряды волонтеров народной итальянской армии»; ходатайство это было принято, как «дерзость», и Липранди вынужден был подать в отставку. Ср. записки С. Г. Волконского. СПБ, 1901 г., стр. 318.

[3]) Друганов—адъют. ген. М. Ф. Орлова.

6 [1]).

22 июля 1821 г.

Здравствуй!

На последнее письмо твое отвечать тебе буду лично — в Кишиневе, ибо сейчас получил позволение от Орлова приехать — письмом через Калакуцкого. Я чрезвычайно этим доволен. Там поговорим о пользе отечества! О способах дать образование (этим) юношам! Если можешь, до моего приезда постарайся о юнкере Левецком 1-м, дабы не потерять его из дивизии; он необходим будет при заведении большой школы.

Рад, что ты доволен Михаловским. В 32 полку есть хотя не такие, но весьма изрядные; но без меня не делай ничего и не требуй никого.

Буде можно, похлопочи мне о квартире недалеко от школы и от тебя. Прощай.

Ожидай преданного тебе
Раевского.

Скажи Михаловскому, что я буду.

7 [2]).

[25 июля 1821 г.]

Любезный Охотников! Неожиданный поход, смотр Вахтена [3]), неизвестность ничего — или для чего это все — мне вскружили голову; и так до совершенной известности я остался здесь как командир двух рот, для содержания караула оставленных.

Приказы Орлова, кажется, написаны были на песке! Вахтен при смотре разрешил не только унтер-офицерам, но и ефрейторам бить солдат палками до 20 ударов!!! и благородный порядок обратился в порядок палочный. Об смотре ты можешь подробно узнать от солдат и офицеров, но не от полковника, которого я постичь не могу. Он все дервости сносил равнодушно, — хотя безвинно, и полк был представлен в наилучшем виде.

Я здесь останусь, пока не узнаю наверное, что кампания будет.

Поручаю, прошу тебя и убеждаю премного портупей-юнкера Михаловского нашего полка вытребовать и взять к себе в школу; он оказал очень много успехов, и мне не хочется оставить его на жертву носков и Киселистов! Ты можешь его выпросить у дивизионного командира, а меня этим навсегда премного обяжешь. Все, что для него нужно, я беру на свой отчет.

Не забудь, пришли мне номера на эполеты — и пиши как можно чаще. Податель сего есть штабс-капитан Прокопов. Он получил отставку и ищет места. О смотре нашем от него узнать можешь.

Если дивизионная квартира не скоро тронется, я сам у вас скоро буду, только уведомь меня о приезде вашего генерала. Прощай и пиши.

Раевский.

25 июля.

Любезному Таушеву кланяйся. Да о юнкере опять прошу тебя.

8 [4]).

[Последние числа июля 1821 г.]

Любезный Охотников! На удачу пишу: — не знаю, приехал ли ты, или нет? Очень бы рад был, если б это письмо застало тебя, тем более что отсутствие генерала сделало много худых перемен и у нас в полку. Я бы приехал сам в Кишинев, если б наверное знал, что вы уже там.

В короткое время при начальстве вандалов служба становится хуже горькой редьки. Прощай, любезный друг. Пиши подробно, что знаешь, что ви-

[1]) На обороте адрес: «Его благородию милос[тивому] госуд[арю] Константину Алексеевичу Охотникову. Капитану и кавалеру. При дивиз. квартире».

[2]) На обороте адрес: «Его благородию Константину Алексеевичу Охотникову. В Кишинев. При генерале Орлове».

[3]) Генерал-майор Вахтен — нач. штаба 6 арм. корпуса.

[4]) На обороте адрес: «Милостивому государю Константину Алексеевичу Охотникову. Капитану и кавалеру».

дел и слышал. Письмо непременно дойдет в мои руки...

Будь здоров и помни преданного тебе *Раевского*.

Юнкер Песецкой есть податель этого письма.

9 [1]).

[1 февраля 1822 г.]

Милостивый государь
Андрей Григорьевич!

Спешу вас уведомить обо всем здесь происходящем кратко и ясно. Когда прочтете, предайте письмо огню. После отъезда благородного нашего генерала С... в приехал сюда, и вдруг все учреждения Орлова насчет побоев солдат и Охотского полка перевернул кверх дном!.. Не знаю, кто, каким образом, все дела Орлова представлены ему были совершенно в противном виде; он даже сначала начал действовать, как противу возмутителей, он подозревал Орлова, как будто в революционных замыслах, велел в некоторых полках все его приказы сжечь, уничтожить и возобновить жестокость и побои!

Мы дали знать через нарочных курьеров обо всех происшествиях нашему генералу. Он на днях сюда будет; не знаю, чем кончится?

Между тем Сабанеев, видя, что ничего нет, охладил жар свой; однако не престает самыми сильными средствами вредить генералу. Киселев завтра или после завтра сюда будет. Не знаю, чем это кончится.

Между тем подлец Сущов [2]), будучи недоволен моим с ним, как и с прочими юнкерами, строгим обращением, подстрекаемый адъютантами Сабанеева и врагами новой администрации, приступил к прекрасному средству — украл у меня какие-то бумаги и письма, написал Вержейскому [3]) на меня донос, и все это отдано в руки Сабанееву; еще дело не открыто, в чем это все состоит. — Однако Сабанеев тотчас взял из нашей лицеи этого подлеца и отослал в Тирасполь под свое крыло.

Я не знаю, что он там наплел на меня? Бумаг важных у меня никаких не было, но все неприятно, и, атакуя меня, думаю, генералу хотят сделать неприятность.

До вас одна и важная просьба: если к вам будут какие-нибудь запросы, постарайтесь им дать ответ благородный; и если сильно напрут, то подкрепите свидетельством от офицеров о моем благородном поведении и примерном. Тем более это нужно, что Неймáн [4]) глаголит: что и офицеры в полку мною недовольны. Постарайтесь; я надеюсь на ваше благородное расположение.

Сущов за мое добро мне славно заплатил! Уведомьте, что у вас делалось. Но только пишите не по почте. Если что-нибудь важное будет, уведомьте чрез нарочного. Липранди 1-й еще здесь. Охотников просит вас о деньгах. Остаюсь истинно вам преданным и покорным слугою. *В. Раевский.*

1 февраля.

P. S. Если есть на имя Павла Петровича Липранди письма или посылки, перешлите сюда ко мне.

Примечания.

1. Письмо от 23/XI 1820 г. При приобщении к следственному делу (под № 5) оно неправильно отнесено было

[1]) На обороте адрес: «A monsieur monsieur de Nepenin chef et chevalier à табак».

[2]) Подполковник 32 егерского полка, один из самых ранних «обличителей» Раевского.

[3]) Майор Охотского пехотного полка, отстраненный ген. Орловым за свои «неистовства» и истязание нижних чинов от командования батальоном и преданный военному суду. Ср. приказ по 16 пех. дивизии от 6/I. 1822 г., № 3.

[4]) Юнкер 32 егер. полка, пользовавшийся некоторое время большим доверием Раевского и проживавший даже в его квартире. В процессе Раевского играл большую роль как один из главных свидетелей обвинения.

к 1821 г.; между тем, устанавливаемая нами дата — 1820 г. — представляется совершенно несомненной, во первых, потому, что в ноябре 1821 г. автор письма жил не в сел. Каракмазах, а в Кишиневе, и, во вторых, по самому характеру упоминаний о работе в 9 егерской роте, от командования которой Раевский был освобожден еще в апреле 1821 г.

Военно-судной Комиссии при 6 корпусе, при требовании объяснений о значении первых тирад письма — В. Ф. Раевский указал, что «благородною целью называл он стремление ко всему благородному, что основано на справедливости, человеколюбии и прочих гражданских добродетелях; общею пользою он разумел пользу людей тех, в кругу коих им определено быть, при том и польза оных основывалась бы на чистоте нравов членов ее; говоря о надежде к достижению, он, Раевский, имел в предмете усовершенствование всех нравственных способностей, которые терпением и временем только приобретены быть могли». При запросе следственной властью К. А. Охотникова о смысле полученного им письма, тот «отозвался», что «об особенной какой-либо цели майора Раевского, клонящейся к пользе общей, он ничего не знает; что же касается до слов: терпение и скромность должны быть нашим девизом, он никакого подразумеваемого в словах сих смысла не понял». Эти разъяснения, конечно, не удовлетворили ни следователей, ни судей, и ген. Сабанеев в своем заключении относительно обмолвки первого письма о «нас, оживотворенных одною благородною целью» и т. д. — правильно заметил, что «здесь подразумевается какая-то тайна, известная только тем, кто переписывается». Характерно, что, уделяя так много внимания начальным тирадам Раевского, следственные власти совершенно прошли мимо чрезвычайно интригующего признания в конце письма: «Я не был в Одессе, не получал ниоткуда никаких известий и сам прекратил со всеми переписку, ибо на два письма не отвечал в Тульчин ни слова. Но знаю и ведаю, что все идет хорошо, и, соглашаясь с твоими же словами, я теперь у моря жду погоды». Между тем, это глухое свидетельство о связях Раевского с тульчинскою управою Союза Благоденствия и с Одессою могло бы послужить для раскрытия всех нитей заговора во 2 армии.

2. Письмо от 1 мая 1821 г. (к следств. делу приобщено под № 8). На запрос по поводу некоторых мест этого письма Раевский «ответствовал» военно-судной Комиссии, что «как он не имеет всего письма, то и не припомнит, в каком случае он писал таковое; но что пьемонтцы будут менее итальянцы значит, что они не столько развращены, как другие народы Италии и известны своими добродетелями и лучшими офицерами в войсках; прочих же слов в том письме или всего смысла оного объяснить он, Раевский, не может. Письмо сие написано в шутку и есть одна шутка для дополнения письма, ибо писать было нечего; бе сить же его итальянские происшествия могли потому, что все тогда ожидали войны и даже 2 армии один корпус вышел в поход; а как он, Раевский, слышал, что заключен уже был мир, то сие ему и досадно было, поелику он и службу продолжал, надеясь единственно на войну». Капитан Охотников «на вопрос военного суда о пояснении смысла мистических выражений, заключающихся в письме майора Раевского, объявил, что, прочтя сие письмо, он, Охотников, совершенно ничего из оного не понял и видел только набор слов, не заключающий в себе никакого смысла».

3. Дата этого письма (к следств. делу приобщено под № 3) определяется нами на основании упоминания в его тексте об ожидаемом Раевским «производстве» — «почему оно затянулось — не понимаю». Между тем, в майоры В. Ф. Раевский был произведен, как свидетельствует его формуляр, 22 апреля 1821 г.; учитывая, что в штабе 32 егерского полка приказ этот мог быть получен с известным опозданием, мы относим письмо к концу апреля, началу мая 1821 года.

4. Письмо от 17/VI 1821 г. К следственному делу приобщено под № 4.

5. Письмо от 14/VI 1821 г. К следственному делу приобщено под № 1. Внимание органов надзора обращено было на школы взаимного обучения тотчас же после Семеновской истории, при чем инициатива гонений принадлежала на этот раз самому императору Александру.

6. Записка от 22/VII 1821 г. К следственному делу приобщена под № 2.

7. Письмо от 25/VII 1821 г. К следств. делу приобщено под № 6. По характеру упомин. о Михаловском, вероятно, в дате письма ошибка: не июль, а июнь 1821 г.

8. Записка эта (по нумерации следств. дела № 7) датируется последними числами июля, так как 5 августа Раевский был уже в Кишиневе. В своих объяснениях военно-судной Комиссии некоторых особенностей содержания этой записки В. Ф. Раевский указал, что «отсутствие генерала — значит отсутствие бывшего дивизионного начальника ген.-майора Орлова, который находился в отпуску. Перемены — он, Раевский, разумел вновь возобновившиеся в отсутствие его жестокости в обращении с нижними чинами 32 егерского полка; начальством вандалов — называл он, Раевский, начальство батальонных начальников того полка. Под словом вандализма разумел он беспорядок, основанный на употреблении во зло власти, которая сделала службу действительно хуже горькой редьки».

9. Письмо от 1/II, 1822 г. к А. Г. Непенину (к следств. делу приобщено под № 9). Объяснения, данные В. Ф. Раевским относительно этого письма, сводились к следующему: «Учреждениями насчет побоев разумел он, Раевский, приказы ген.-майора Орлова, которые заключали в себе желание вывести непомерные побои; а повернул кверх дном, значит уничтожение как приказов, так и того, что сказанный Орлов сделал в Охотском полку. Сие заключение основано на нижеследующем: по жалобе унтер-офицеров Кочнева и Матвеева произведено следствие в Охотском полку, где оказалось, что майор Вержейский, капитан Гимбут и другие офицеры производили непомерные побои и столь сильные, что сам майор Вержейский сказал подполковнику Липранди, — если закон его не осудит, то совесть его убьет; за что ген.-майор Орлов представил как Вержейского, так и Гимбута под суд.

«По отъезде ген.-майора Орлова в отпуск, ген.-от-инфант. Сабанеев уехал в Кишинев, и там 1) Охотского пехотного полка унтер офицеры Кочнев и Матвеев, которые по резолюции Орлова переведены в другие полки без наказания, были взяты по приказу ген. Сабанеева под арест и преданы суду при 33 егер. полку. 2) Брат майора Вержейского, юнкер, говорил в школе, что он слышал от брата, что ему ничего не будет по представлению ген.-майора Орлова и что о сем будто бы ген. Сабанеев сам говорил. 3) Капитан Гимбут, который равно был представлен к суду и арестован, выпущен и даже наряжен по караулу дежурным. 4) Приказы ген.-майора Орлова в Селенгинском пехотном полку велено было уничтожить чрез майора Кочубея, что он, Раевский, слышал оного ж полка от майора Геевского.

«Делами ген.-майора Орлова называл он, Раевский, все его действия и намерения, чтобы вывести непомерные жестокости в полках, а что представлены они в другом виде, — сие значит то, что ген. Сабанеев прежде сказал в приказе, что жестокие побои производят или от незнания законов, или от употребления во зло власти, а после, призвав Камчатского полка офицера, приказал солдат бить попрежнему.

«О действиях, как противу возмутителей» он, Раевский, основывается: 1-е, на вышеупомянутом сборе офицеров Камчатского пехотного полка и на приказе возобновить побои. 2-е, на отдаче под суд прощенных ген.-майором Орловым унтер-офицеров Кочнева и Матвеева; 3-е, на освобождении капитана Гимбута из-под ареста; 4-е, на арестовке Камчатского пехотного полка майора

Логвинова за то, что сказал 1 мушкатерской роте: «лишнего не болтать» тогда, как они шли на следствие к ген. Сабанееву. 5-е, на слухах, которые носились, что ген.-майор Орлов арестован и что юнкера, а особливо Янович, находившийся в дивизионной школе, громко говорил при солдатах: «что и Орлов попался». 6-е, а главное, на общем слухе, что еще с декабря месяца адъютанту ген. Сабанеева гвардии капитану Радичу поручено было надзирать за поведением ген.-майора Орлова.

«Новая администрация (управление) значит тот порядок, который начал существовать в 16 пехотной дивизии с принятием начальства ген. Орловым, то-есть о доведении солдат без жестокостей, которые существовали прежде. Врагами новой администрации называл он, Раевский, майора Вержейского и капитана Гимбута; впрочем, он, Раевский, имел надобность писать таковое письмо, ибо известно ему было, что на него, Раевского, подан донос и доносу дан вес. Ответ благородный ясно изображает, что он, Раевский, ничего более не хотел, дабы ответ был справедливый и по сущности дела благородный; подкрепление же свидетельства офицеров он, Раевский, просил, как верной опоры, которая бы могла опровергнуть еще более донос, относившийся к тому времени, как он, Раевский, был в полку».

«О солдате».

Записка В. Ф. Раевского.

Записка майора В. Ф. Раевского «О солдате», захваченная при аресте его 6 февраля 1822 года по обвинению в революционной пропаганде в войсках 16 пехотной дивизии, была сразу учтена следственною властью, как одно из важных подтверждений «вредных и возмутительных мыслей» заговорщика, но в своей основной части осталась вне поля зрения и позднейших ликвидаторов «декабризма» и виднейших его историографов.

Случайной ссылкой в опубликованном в книге П. Е. Щеголева последнем «всеподданнейшем докладе» по делу Раевского [1]) да двумя упоминаниями в известном труде В. И. Семевского [2]) исчерпывались до сих пор в печати все свидетельства о погребенном в делах аудиториатского департамента интереснейшем памятнике политической мысли единственного пропагандиста-массовика в рядах Союза Благоденствия и Южного общества.

Мы знаем, с какой исключительной настойчивостью правительство императора Николая старалось во время следствия и суда над декабристами дать себе отчет в том, «какими средствами злоумышленники надеялись обольстить войско, народ и вообще найти себе пособников между непринадлежавшими к их сообществам» [3]).

Применительно к только что подавленному восстанию Черниговского полка главное командование 1 армии выдвинуло эту же проблему с гораздо большею определенностию и остротою. «Каким образом в войске, отличающемся твердостию в вере и непоколебимою преданностию и верностию к престолу, два или три мятежные офицера, без денег, без славы и, следовательно, без доверенности, — в одно мгновение могли возмутить почти целый полк и, не встречая сопротивления, увлечь всех за собою, и каким образом ложное и безрассудное учение их принято так внезапно и безусловно людьми

[1]) П. Е. Щеголев. Исторические этюды, СПБ., 1913 г., стр. 241.

[2]) В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, СПБ., 1909 г., стр. 111 и 114—115.

[3]) Секретное приложение к докладу Следственной Комиссии 1826 г. «Рус. Архив», 1875 г., III, 434.

неиспорченными и простыми, коих понятия и желания должны бы быть учению сему совершенно противуположны?» [4]).

Записка В. Ф. Раевского, несмотря на всю свою незаконченность и фрагментарность (работа над ней была, очевидно, прервана арестом), давала почти исчерпывающий ответ на все поставленные выше вопросы.

В «презревших печать» рассуждениях «первого декабриста» как бы суммировались те разрозненные и случайные указания на дефекты хозяйственной и административной организации русской армии после наполеоновских войн, которые ныне нам хорошо известны и из официальных и из частных источников.

Как свидетельства, наиболее близкие построениям В. Ф. Раевского, мы напомним здесь хотя бы замечательное письмо начальника штаба 2 армии П. Д. Киселева от 15/IV 1822 г. генералу А. А. Закревскому [2]) и сделанный на следствии в Петербурге Матвеем Муравьевым-Апостолом бегглый перечень оснований, по которым «армия готова двигаться», т.-е. откликнуться на первый же мятежный призыв [3]).

Тезисы трактата «О солдате» давали, однако, не только четкую характеристику положения армейских низов, но, в противоположность всем прочим высказываниям на эту тему, с одинаковой трезвостью обнажали и экономическую и социальную подоплеку тех антагонистических настроений в военной среде, возможность использования которых в интересах организаций, взявших на себя инициативу государственного переворота, представлялась Раевскому совершенно несомненной.

Опора на солдатскую массу, на угнетенного «кандалами беззакония» и насильственно облеченного в военный мундир крестьянина и мастерового диктовалась всем построением трактата, в котором тесно переплелись и итоги живого опыта пропагандистской работы и прямо вытекающие из них новые директивы идеологического и тактического порядка.

Трудно сказать, могла ли рассчитывать на серьезный успех в ячейках Южного общества выдвигаемая В. Ф. Раевским программа. Тульчинская директория в это время была еще как бы на перепутьи, методы агитационной работы развертываемых ею «управ» еще только определялись, но на сколько важен был бы в этот переходный момент голос автора записки «О солдате», свидетельствует хотя бы тот факт, что даже Пестелем появление в революционных войсках В. Ф. Раевского предусматривалось в декабре 1825 г. [4]), как необходимая предпосылка последнего неосуществленного плана переворота.

Записка «О солдате» печатается с чернового оригинала, находящегося в деле аудиториатского департамента о майоре Раевском, 1827 г., № 42, лит. В, том 10, л.л. 7—12. («Дополнительное исследование о Союзе Благоденствия и о дружеском листе, который был заведен в 32 егерском полку, 1819 года, в м. Линцах.»)

Текст ее занимает 6 листов синей бумаги обычного канцелярского формата, исписанных с обеих сторон. Зачеркнутые и исправленные автором места рукописи нами не восстанавливаются в их начальной редакции, так как решительно все сводятся к мелким вариантам чисто стилистического порядка. При приобщении рукописи В. Ф. Раевского к следственному делу 4-й лист ее оказался неправильно подшитым, лицевая сторона заняла место оборотной, и конец главы «О работах» попал в середину. Этот случайный недосмотр канцеляриста (нами установленный и устраненный) обусловил неправильное чтение всей рукописи при снятии копий с нее для аудиториата и при включении ее текста

[1]) Отношение гр. Сакена от 7/I 1826 г. на имя ген.-лейт. Рота — в деле штаба 1 армии о возмущении Черниговского пехотного полка, № 10, л. л. 119—120.

[2]) «Граф П. Д. Киселев и его время», т. I, СПБ, 1882 г., стр. 164.

[3]) П. Е. Щеголев, op. cit., стр. 345.

[4]) « Былое», 1906, IV, 275.

во всеподданнейший доклад по делу Раевского от 31 декабря 1824 г.

Судя по намеченному в начале записки плану, в ней недостает двух последних пунктов — «О войне» и «Об отношении его (солдата) к офицеру». Вероятнее всего, работа Раевского была прервана арестом, — и недошедшие до нас части трактата так и остались ненаписанными.

Что же касается даты рукописи, то на основании некоторых внутренних признаков (напр., осуждение действий ген. Сабанеева [1]), близость некоторых мест записки письму к А. Г. Непенину от 1 фев. 1822 г., наконец, характер ссылки в одном из примечаний на 1821 год, как на прошлый), — ее довольно точно можно определить последними числами января 1822 г.

Ю. Г. Оксман.

О солдате.

В России военный класс составляет как бы отдельную часть народа [2]). Другие законы, другие обязанности и совершенно другой образ мыслей отделяют его от гражданина.

Дворянин или офицер исключается из этого числа. Он может оставить службу и быть снова тем же дворянином. Следственно, участь его не стоит внимания, достойный и храбрый офицер и в бедности найдет себе помощь, — невежда и негодяй не стоит сострадания.

Но об солдате хочу я говорить. — А дабы вразумить лучше его состояние, я разделяю на следующие статьи рассуждение мое.

1. О вступлении в службу.
2. О трудах его в мирное время.
3. О войне.
4. Об отношении его к офицеру.

О вступлении в службу.

18 до 30-ти лет суть лета, когда человек, известного роста и крепкого сложения, принимается в службу военную. И в эти лета вдруг, оставя семейство, земледельческое состояние и навык к сей единообразной жизни, — он клянется царю и службе на 25 лет сносить труды и встречать мученья и смерть с безмолвным повиновением. Клятва ужасная!! Пожертвование кажется невозможное! — Но необходимость общественной безопасности и искусное устроение махины управления весьма постоянно действуют, и солдат начинает рассуждать и действовать так, как определено ему рассуждать и действовать!

О трудах в мирное время.

1. Ученье и
2. Караулы

суть обязанности, предписанные законом солдату в мирное время.

Хорошо содержанный солдат и под хорошим начальством — первое считает вместо забавы; второе почитает необходимостью и даже за стыд считает уклоняться *).

Он старается узнать фронт, точность дела, исполнять все требуемое потому, что видит с этим сопряженную честь своих начальников, некоторым образом облегчение участи своей, непременную необходимость и даже то, к чему единственно назначен он во время

---

[1]) О том, что речь шла в записке, действительно, о ген. Сабанееве, восстановившем в январе 1822 г. палочную дисциплину в дивизии М. Ф. Орлова, свидетельствует одно из показаний В. Ф. Раевского на следствии: «На спрос военного суда, — Раевский отвечал, что генерал, о котором говорит он, есть генерал-от-инфантерии Сабанеев».

[2]) В разрядку напечатаны все слова, подчеркнутые автором в оригинале.

*) В 1821 году, при содержании караула в Аккермане, во время сильной вьюги я велел фельдфебелю всех кавалеров и сильно раненых сменить с часов и ставить на открытых постах молодых и крепкого сложения солдат. Один из 12 кавалеров пришел от имени прочих, сказать, что они считают за стыд увольнение от службы. Мы не лазаретные служители, — сказал он, улыбаясь. И я с восторгом заметил все благородство прямодушных солдат.

Прим. Раевского.

мира. — И видит упражнения мирные, как приготовление к войне.

Отвергнуть нельзя (даже и в наше очищенное от предрассуждений время) пользы и необходимости людей военных. На них отдыхают безопасно и трон и народ от внешней опасности и внутренних беспокойств.

Следственно требовать строго исполнения обязанностей от солдата — несомненно надлежит, но облегчить участь его повелевает и религия и устав чести!

Офицер или дворянин имеет право, (если он недоволен), оставить службу, — офицер имеет в виду награды чести или награды денежные, для которых в нашем монархическом правлении все дворянство служит. Но солдат имеет в виду бедность, труды и смерть. Редко, очень редко без одного проступка прослужить можно 25-ть лет, — а сделавши один проступок, он обрекается законом на вечную службу!!

На сих-то тяжелых правах русский крестьянин надевает мундир, — но участь его была бы сносною, если б вкравшиеся злоупотребления, основанные на лихоимстве и бесчеловечии, не вырвались из пределов своих и не обременили солдата кандалами беззаконного насилия и не принудили бы его видеть в начальниках тиранов, которых он боится и ненавидит. —

Один из генералов наших сказал: «что солдат жалуется тому, к кому он имеет более доверенности!» Истина неоспоримая. Но не перед глазами ли нашими пример, что жалобы мимо своих утеснителей считают преступлением? *).

Воронцов позволил обиженному прямо приходить к себе... Уничтожил побои, и никогда отдельный корпус в чужой земле (во Франции!) не мог бы иметь лучшей дисциплины и быть в лучшем устройстве при самой систематике палочной администрации!

Из сего заключить можно, что первое зло, которое вкралось в русскую армию, есть несоразмерно жестокие телесные наказания, которые употребляют офицеры вопреки всем законам для усовершенствования солдат, и — к несчастию и стыду — других средств большая часть из них не постигает!

О работах.

Хотя закон говорит в пользу обиженного, но выгоды полковых и батальонных командиров, сопряженные с выгодами ротных, всегда заставляют давать худой толк правому делу. И тех, кои дерзают приносить жалобы, или обвиняют в возмущении и наказывают, или, если капитан виноват, оставляют без всякого внимания, и горе тому солдату, который жаловался и остался в том же полку!

Производства следственных дел очень часто вверяются тем людям, кои для собственной защиты обвиняют подчиненного. Правое же решение считают за вражду или незаконное пристрастие!

Наши офицеры от чистого сердца верить не могут еще, чтобы солдат мог быть когда-нибудь прав!

Ни один беспорядок в армии не возник собственно от солдат, — либо жестокость или корыстолюбие и неразумие начальников были тому поводом. Русский солдат с каким-то благоговением видит власть, повинуется ей безмолвно, но любит видеть власть законную и справедливую.

Смело заключить можно, что из 20-ти наказанных самовольно, два солдата только сознаются, что они наказаны справедливо, другие все ропщут на несправедливость и жестокость. Но, предоставя закону определение наказания, офицер спокоен, и солдат роптать не посмеет.

Многие, особливо молодые офицеры, не имея ни достаточных познаний, ни природного ума и лишенные даже пристойной наружности, дабы обратить на себя внимание и вспомнить солдату о существе своем, прибегают к своеручным побоям или палкам,

*) И генерал, который судит так справедливо, сам первый нанес удар свободе искать справедливости.

Прим. Раевского.

полагая в этом одном все право и средство заставить уважать себя.

Унтер-офицеры, подражая офицерам, ефрейторы — унтер-офицерам, считают некоторого рода отличием бить, и несчастный солдат, не находя нигде защиты, не смея даже жаловаться на инспекторских смотрах, впадает в бесчувственное ожесточение, и часто для спасения своего делает извинительный побег и наказанный по закону навсегда теряет свое честное имя — и службу.

Если бы солдаты были вверены исключительно людям справедливым, благоразумным и образованным,—тогда (и то с трудом) побои допустить бы можно было. Но где они?

Участь благородного солдата всегда почти вверена жалким офицерам, из которых большая часть едва читать умеет, с испорченной нравственностью, без правил и ума. Чего же ожидать можно? Солдат чувствует это и молчит потому, что молчать страх повелевает.

Малейший р о п о т вменяется в преступление. Ж а л о б а мстится сильнее, нежели самое преступление!

О употреблении во зло власти.

Неизвестно с каких времен водворилось самовластное право телесно наказывать солдат в русской армии; но известно то, что во времена Петра Великого и прежде без суда никто не имел права поднять руки на подчиненного. — Ни в одной статье строгого устава Петра Великого не разрешается с а м о у п р а в и е; но — 2-й части глав. 33 и далее «строго под изгнанием из службы запрещается жестоко и часто наказывать солдат без важных причин», а так как за важные причины определен с у д и з а к о н ы, следственно, всякое наказание самовластное есть противно уставу.

От Петра Великого до наших времен ни один закон не разрешил того, что противно и религии и природе.

Уставом воинским Александра именно воспрещается всякое телесное наказание рекрут во время ученья.

Но наши офицеры, большею частью взросшие в невежестве и не получа хороших начал, — презрели все уставы и порядок, на которых основана и с т и н н а я дисциплина, — приступили к доведению солдат не терпением и трудами, но простым и легчайшим средством—п а л к а м и. Отсюда начались все неустройства, частные беспорядки и безнравие солдат.

Солдат не ропщет на законное и справедливое наказание, но он ненавидит корыстолюбивого и пристрастного начальника.

Вот сравнительная и достоверная таблица наказаний, которые определяет воля капитана и сила законов.

По с у д у. За первый побег рекруту —500 шпицрутенов. Старому солдату—1.000. За воровство, по воле капитана — 50 ударов, за ошибку на ученьи—300 [1]); за то, что ограбил жида 70; за то, что один солдат скинул шапку с жида во время маршировки— весь взвод по 100 палок. За то, что не привел девку — 100 шомполов, за то, что ремень не вычищен — кавалеру 100 палок; за то, что усы не наф[абрены] избит часовой.

Р а б о т ы.

Н е з а к о н н ы е р а б о т ы суть вторая угнетающая солдата пружина. Сенокосы, отделка домов, хуторов и проч., домашняя прислуга офицерам, послабляя устройство и истинную дисциплину, изнуряя и совершенно уничтожая нравственность, как бы омужичивает солдата. Сколь ни сильно воспрещено это в армии несколькими приказами императора, но солдат безмолвствует против начальника, а особливо сильного, ибо страх ему говорить воспрещает.

Во всяком справедливом следственном деле открываются неустройства эти, но так как не один генерал бывал тому примером, то подобные претензии уничтожаются, и солдат под мстительными ударами узнает, как опасно искать справедливости.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «За то, что споткнулся во время церемониального марша и испортил фронт—1000.

Часть людей на капитанской работе, другая работает полковому и батальонному командирам, а самая меньшая исполняет обязанности службы, которая для малого числа становится отяготительною, изнуряет их и служит второю причиною беспорядков и тайного ропота солдат.

Мастеровые в полках суть как бы подданные полкового командира, они не только употреблены для собственной до службы не касающейся работы полковника, но часто отдаются помещикам и жидам по договору; — может ли солдат сохранить все благородство своего звания и назначения, если жид обходится с ним, как с поденщиком своим?

У слабых командиров адъютанты, квартермистры или казначеи присвоивают себе совершенное право распоряжаться мастеровыми, как своею собственностью, и, дабы люди не роптали, они дают им некоторое послабление к разврату—прикрывают неустройства, видя в том исполнение своих корыстолюбивых расчетов.—

Оттого-то в целой русской армии весьма редко встретить можно мастерового не пьяницу или не вора. А зло это существовать будет до тех пор, пока мастерового употреблять не будут иначе, как на работу законную.

О лошади, на которой Николай I разгонял восстание декабристов.

В Детском (б. Царском) селе в Александровском парке имеется известное лошадиное кладбище, где под плитами с соответствующими надписями хоронились царские лошади. В одном из удаленных рядов (8 от дорожки) имеется сравнительно большая надпись над трупом лошади, на которой Николай I разгонял мятежные войска на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Надпись эта сделана на мраморной доске, помещенной на гранитной плите, и имеет характер краткой «биографии» лошади. Звали ее «Милая». Из сопоставления дат, помещенных в надписи, видно, что срок службы лошади был сравнительно непродолжительным. Царские лошади бывали в употреблении недолго, а затем заменялись другими, более молодыми, и лошадь выходила «в отставку», продолжая пользоваться благами царских конюшен.

Вот самая надпись:

«Верховая лошадь, кобыла гнедая, «Милая» служила их императорским величествам государю императору Николаю Павловичу и государыне императрице Александре Федоровне 5 лет. Пала 1842 г. Сент. 28 числа. На сей лошади его императорское величество государь император Николай Павлович изволил 14 дек. 1825 г. предводительствовать верною гвардиею против мятежников и, несмотря на несколько залпов, остался по милости божией невредим. Лошадь также не была ранена». *П. Попов.*

Месяцеслов на 1827 год.

«Месяцеслов на 1827 год» Академии Наук, в отделе: «Хронологическое показание достопамятнейших происшествий», рассказывал, между прочим, и о событиях 14 декабря 1825 года и связанных с ними событиях 1826 года. В пяти его статьях даны заметки о 14 декабря, о подавлении 3 января 1826 г. восстания С. Муравьева, об учреждении 1 июня Верховного Уголовного Суда, о конфирмации 10 июля приговора и о казни 13 июля.

Текст этих статей «Месяцеслова» поставил в большое затруднение министра народного просвещения и главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий адмирала Александра Семеновича Шишкова.

«В издаваемом при императорской Академии Наук «Месяцеслове» заклю-

чается, — писал Шишков Николаю, — статья под названием: хронологическое показание достопамятнейших происшествий.

Статья сия о происшествиях прошедшего и нынешнего годов, отпечатанная в корректурных листах для помещения в «Месяцеслове» на 1827 год, представлена на мое утверждение. Не смея сам собою ни разрешать, ни воспретить печатания некоторых заключающихся в ней обстоятельств, я долгом почел выписать из означенной статьи все, что касается до важнейших в России событий и, присовокупив некоторые замечания мои, всеподданнейше представить их на высочайшее вашего императорского величества благоусмотрение».

Что руководило министром? Осторожность, сугубая осторожность, опасение *напоминать* о происшедшем? «Нужно ли в календарях описывать с такою подробностью? — спрашивал Шишков. — Не лучше ли упомянуть о сем слегка и короче? Нет никакой надобности упоминать и оставлять о сем память в календаре. О худых примерах лучше умалчивать, нежели твердить о них и предавать во всенародное известие. Желательно, чтоб подобные происшествия для чести государства в самой истории забыты были, и твердить о них в календарях под именем достопамятных событий кажется мне весьма непристойно и неполезно».

Вот, что беспокоит искушенного годами и опытом министра — надо изъять и изгладить из памяти потомства такие «достопамятные события». Неловко говорить по поводу декабристов и о милосердии. Министр очень смутился одним местом календарной заметки и осторожно в кудрявых выражениях заметил под 13 июля: «при том же и в выражениях надобно наблюдать осторожность, чтоб не могло выходить из них некоторого нехорошего смысла, как то здесь сказано: «Вследствие оных приговоров, смягченных его величеством, преданы смертной казни», слово смягченных при словах преданы смертной казни делает некую несовместную игру слов».

Далеко не во всем соглашается со своим престарелым министром пылкий молодой самодержец, только что раздавивший «гнусный заговор».

Происшедшее — воля мудрого провидения, отвратившего от страны «всеобщее низвержение», рассуждает Николай. Вопреки своему советчику, он думает, что надо найти «простые» и «сильные» слова, чтобы изобразить все величие момента. В момент общенародной «Присяги» (это слово Николай даже пишет прописною буквою) кучка злодеев-мятежников замыслила заговор, «стремившийся ко всеобщему низвержению»; изумление и испуг охватили верноподданных, когда разошлась весть о начале мятежа; государь бодрствовал; по его «первому мановению» гвардия явилась защищать престол; все было истощено, чтобы не прибегать к силе оружия, но мятежники убивали тех, кто к ним приближался, и понесли заслуженное. Мятеж подавлен. Присяга принесена, и у всех — одна мысль: благодарение богу, что «недоумение» кончилось, а бунтовщиков постигла кара.

Хотя в суждениях Николая видное место отведено благодетельному промыслу, но вместе с тем не отсутствуют и очень мелкие житейские расчеты и соображения. Промысл — промыслом, а надо не забыть, например, упомянуть для памяти потомства, что «по первому мановению государя» первыми на защиту престола пришли первый батальон Преображецев и потом Конная Гвардия. Можно населению объявить даже, что в городе Василькове Киевской губернии тоже вспыхнуло возмущение части Черниговского полка, но об этом «можно коротко сказать, как бы затем только, чтобы доказать везде усердие и верность войска». Не следует забывать и о царском милосердии к виновным и благодарности к верным слугам. Николай напоминает: «оговорить, что приговор над государственными престу-

никами исполнен с возможным милосердием (пять повешено. *А. Н.*) и что на другой день было молебствие на том самом месте, где ровно за семь месяцев происходил мятеж, и сделано поминовение за вечной памяти достойного г. Милородовича и падших с ним воинов».

Николай не ограничился просмотром статей «Месяцеслова» о декабристах, он прошел с карандашом в руке все статьи «о достопамятнейших внутренних происшествиях» в России в 1825 и 1826 годах, которые Академия Наук ввела в свой «Месяцеслов». Все эти статьи смыкаются в ограниченный круг: путешествие Александра I в Таганрог, поездки его же из Таганрога, болезнь и смерть его, вступление на престол Николая I, немногое об обстоятельствах, связанных с 14 декабря, перевезение тела Александра I, прославление в полках памяти Александра I, военные подвиги на Кавказе, путешествия императриц Марии Федоровны и Елизаветы Алексеевны, конвенция с Швецией и Норвегией, кончина Елизаветы Алексеевны и перевезение ее тела, рождение царственных особ, освящение Ладожского канала, коронование Николая I, учреждение министерства императорского двора, война с персами.

Редакторская рука императора прошлась и по части этих календарных сообщений. Он усердно и старательно подчеркивает свой глубокий пиетет перед памятью Александра I. Так, ему не нравится выражение: «в 10 часов 50 минут до полудня скончался, к величайшему всеобщему прискорбию, его величество государь император Александр Павлович». Он ищет более сильного слова и находит — «к неизмеримой всеобщей горести». Календарь, упоминая о высочайшем манифесте 12 декабря, в коем объявлялось, что Николай I воспринял «венец своих предков», обронил выражение: «высочайший манифест о сем радостном событии». Николай почувствовал неловкость при такой формулировке, и упоминание «о сем радостном событии» было им под 12 декабря вычеркнуто. Не понравилась ему и редакция под 19 января 1826 года: «полки лейб-гвардии приняли торжественно высочайше пожалованные им мундиры» Александра I. «Слова «приняли торжественно» нехороши: лучше сказать, — заметил Николай, — полкам лейб-гвардии высочайше с торжественною церемониею пожалованы и вручены»...

Не лишены некоторого любопытства и еще две высочайшие властные пометки Николая. Под 28 января 1826 года упоминается манифест о «наследии престола»; на случай кончины Николая и несовершеннолетия наследника упомянуто об учреждении «опеки особы наследного государя». Шишков поэтому поводу робко спрашивает: «Не нужно ли упомянуть здесь имя его высочества Михаила Павловича?» Следует резолюция: «включить». Рассказывая под 13 марта 1826 года, как погребали в Петропавловском соборе Александра I, календарь упоминает лишь о «последнем лобзании гроба императорскою фамилиею». Шишков осторожно спрашивает: «не нужно ли присовокупить: «и всеми присутствовавшими при том особами?» Николай пишет: «можно».

Министр народного просвещения получил обратно свой всеподданнейший доклад со вложенными в нем статьями о достопамятнейших внутренних происшествиях в 1825 и 1826 годах, с общею резолюцией: «я полагаю, что можно будет сделать изменения по отметкам, мной сделанным, придерживаясь не слов моих, но мыслей».

Министр очень старательно изучил все карандашные отметки царя и старательно своим старческим уставным почерком переписал их чернилами. Случилась все-таки некоторая неточность: резолюции Николая переписаны очень грамотно, тогда как на самом деле они чрезвычайно безграмотны.

Строй его речи любопытен. Вот некоторые образцы его синтаксического построения: «избравший сию минуту к открытию всего ужаса заговора

стремившегося ко всеобщему низвержению», или «не смотря нато что мятежники убивали тех, которые к ним приближались», или «открытие заговора во всех его отраслях и принятые меры для всеобщей безопасности».

Всеподданнейший доклад А. С. Шишкова «О Месяцеслове на 1827 год» со вложенными в него статьями «о достопамятнейших внутренних происшествиях в 1825 и 1826 годах, кои Академия Наук предполагает внести в обыкновенный месяцеслов на 1827 год» хранится в I Отделении Историко-Культурной Секции Ленинградского Центрального Исторического Архива (в папке всеподданнейших докладов императору Николаю I (за годы 1827 — 1839). На данном всеподданнейшем докладе (от 1827 года в папке хранится 15 всеподданнейших докладов) даты нет. Она устанавливается косвенным путем: в книге исходящего журнала за 1826 год на обороте стр. 129 под № 641 значится среди всеподданнейших записок, доложенных Николаю 19 декабря, шестнадцатая записка—о Месяцеслове на 1827 год (инвентарный № входящего журнала в Отделении —132089).

При печатании текста «Месяцеслова» опущены его статьи, не имеющие отношения к событиям междуцарствия и не вызвавшие поправок со стороны Николая I.

Статьи о достопамятнейших внутренних происшествиях в 1825 и 1826 годах, кои Академия Наук предполагает внести в обыкновенный месяцеслов на 1827 год [1]).

---

[1]) Наверху всеподданнейшего доклада рукою Шишкова чернилами написано: «Получено от государя императора с следующим собственноручным его величества карандашом написанным решением: «я полагаю, что можно будет сделать изменения по отметкам мною сделанным, придерживаясь не слов моих, но мыслей».

1825 г.

Декабрь.

12. Его величество государь император Николай I воспринял венец своих предков, принадлежащий ему и вследствие торжественного, совершенно произвольного отречения государя цесаревича, и по назначению в бозе почивающего императора Александра, и в силу коренных законов империи о наследии престола.

14. По обнародовании высочайшего манифеста о восшествии на престол тогда, когда все государственные сословия и чины военные и гражданские, народ и войско единодушно приносили присягу в верности государю императору Николаю Павловичу и его наследнику [1]), горсть непокорных

---

[1]) Рукою Шишкова после слова «наследнику» поставлен чернилами крест; чернилами же отчеркнуто по полю от слов «наследнику» до слов «Наложен траур»...; на полях чернилами рукою Шишкова написано: «Нужно ли в календаре описывать сие с такою подробностью? не лучше ли упомянуть о сем слегка и короче, например, следующим или тому подобным образом: в то время некоторая малая часть воинских команд, введенных в заблуждение, дерзнула оказать неповиновение, которое вскоре укрощено было; но при сем открылось преступное злоумышление некоторых участвовавших в том разного звания лиц, из коих главнейшие зачинщики по суду государственного совета и сената осуждены на казнь, другие же сосланы в заточение, и прочие меньше виновные прощены».

Рукою Николая I карандашом написано: «Я полагаю, что было бы не благодарными быть к провидению, если бы не признавать в сем событии явный промысл божий, избравший сию минуту к открытию всего ужаса заговора, стремившегося ко всеобщему низвержению. Мне кажется, должно простыми, но сильными словами изобразить то, что было: присягу и всеобщую одну мысль, благодарение богу, что недоумение кончилось; изумление испуг, когда весть разошлась об начале мятежа, всеобщее усердие гвардии по первому мановению государя

здесь, в столице, дерзнула противостать общей присяге, закону, власти, военному порядку и убеждениям. — Надлежало употребить силу, чтоб рассеять и образумить сие скопище. Вследствие сего смутного происшествия взяты под стражу главные зачинщики мятежа; а рядовым, вовлеченным в сей мятеж обманом и изъявлявшим живейшее раскаяние, даровано высочайшее прощение. Оный мятеж обнаружил существование весьма гнусного заговора, имевшего целью испровержение престола и отечественных законов, превращение порядка государственного и введение безначалия. Высочайше учрежденной на сей случай Следственной Комиссии предоставлено было открытие сих ужасных преступлений и злобных замыслов, во всем их пространстве и подробности.

Наложен траур на один год по его величестве, блаженной и вечной славы достойном памяти, великом государе императоре Александре Павловиче, считая оный от 19 дня ноября 1825 года.

1826 г.

Генварь.

1. Государь император, высочайшим манифестом, даровал смягчение наказаний преступникам [1]), осужденным по день восшествия его величества на престол, то есть по 19-е число ноября 1825 года, и всемилостивейше простил некоторые недоимки прежних лет

явиться для защиты престола, при чем упомянуть, что первый прибыл 1 б. Преобр., потом Кон. Гвардия. Что все истощено было, чтоб не прибегать к силе оружия, несмотря на то, что мятежники убивали тех, которые к ним приближались, наконец, то, чем все кончилось. Открытие заговора во всех его отраслях и принятые меры для всеобщей безопасности».

Далее рукою Шишкова чернилами повторена эта же надпись Николая I.

[1]) Рукою Шишкова чернилами поставлен крест и написано: «сосланным в заточение». Рукою Николая I карандашом написано: «справедливо».

3. Прекращено возникшее в городе Василькове Киевской губернии возмущение части Черниговского полка. Главные зачинщики сего мятежа, принадлежавшие к обнаруженному уже гнусному заговору, преданы вместе с прочими злоумышленниками высочайше учрежденной Следственной Комиссии [2]).

19. Полки лейб-гвардии приняли торжественно высочайше пожалованные им мундиры [3]), которые изволил носить в бозе почивающий государь император Александр I, для хранения их в память сего незабвенного монарха [4]).

28. Дан высочайший манифест, коим его величество государь император, желая при самом вступлении на престол изъявить монаршее попечение о непоколебимости законов, спокойствие государства ограждающих, в силу коренных законов империи о наследии престола, определить изволил правителя государства, на случай своея кончины и несовершеннолетия наследника, и учредить опеку особы наследного государя.

[2]) В тексте на полях все изложенное под 3 января рукою Шишкова отчеркнуто и чернилами написано: «мне кажется, нет никакой надобности упоминать и оставлять о сем память в календаре; о худых примерах лучше умалчивать, нежели твердить об них и предавать во всенародное известие». Рукою Николая I карандашом: «можно коротко сказать: что вспыхнуло как бы затем только, чтобы доказать везде усердие и верность войска».

[3]) Под 19-ть первые восемь слов подчеркнуты карандашом; после слова «им» поставлен карандашом крест; слово «торжественно» зачеркнуто; рукою Шишкова чернилами написано: «слова «приняли торжественно» не хороши, лучше сказать»: «полкам лейб-гвардии высочайше с торжественною церемониею пожалованы и вручены».

[4]) Рукою Николая I в конце карандашом приписано: «под личным предводительством коего приобрели они незабвенную славу в походах 1812 — 1813 и 1814 года против всеобщего врага».

Все союзные дворы, разделяя глубокое прискорбие о последовавшей кончине незабвенного императора Александра, отправили к российскому двору высоких своих представителей как для изъяснения своих чувств и намерений, так и для поздравления его величества государя императора Николая I с восшествием на престол.

Июнь.

1. Учрежден высочайшим манифестом Верховный Уголовный Суд для суждения преступников государственных, коих ужасные преступления и замыслы обнаружены во всем их пространстве и подробности высочайше учрежденною на сей случай Следственною Комиссиею [1]).

Июль.

10. По окончании высочайше учрежденным Верховным Уголовным Судом вверенного ему дела, приговоры его, на законах основанные, смягчены его величеством государем императором, сколько долг правосудия и государственная безопасность дозволяли, и обращены к надлежащему исполнению и изданию во всеобщее известие [2]).

13. По утру, вследствие оных приговоров, смягченных его величеством, преданы смертной казни публично пять самых главных преступников государственных; прочие же государственные преступники получили тогда же определенное им наказание и сосланы по назначению. Таким образом очищена навсегда святая Русь от оной заразы, извне нанесенной и уже давно гнездившейся. По сему случаю произнесено было благодарственное молебствие всемогущему творцу следующего дня по утру, на Сенатской площади, на том самом месте, где семь месяцев тому назад, при внезапном мятеже, открылась тайна гнусного заговора [3]).

21. По полудни их величества, государь император и государыня императрица Александра Феодоровна, изволили прибыть в петровский дворец в вожделенном здравии. Государь император имел торжественный въезд в древнюю столицу высоких предков своих. Наружный блеск царственного шествия возвышен и украшен был душевным восторгом усердного и верного народа, который с радостным умилением и восторгом встречал великого государя в стенах первопрестольного града.

---

[1]) В тексте подчеркнуты карандашом последние слова, начиная от «коих ужасные...» до конца. Чернилами рукою Шишкова написано: «о сем уже выше сказано, то, кажется, и не нужно повторять». Николай I написал: «Сказать, что по окончании Следственной Комиссии назначен Верховн. Суд».

[2]) Изложенное под 10 июля на полях отчеркнуто карандашом и зачеркнуто. Рукою Шишкова чернилами написано: «То же, повторение сие, кажется, не нужно». Рукою Николая I карандашом отмечено: «Оговорить, что приговор над государ. преступниками исполнен с возможным милосердием, и что на другой день было молебствие на том самом месте, где ровно 7 месяцев происходил мятеж, и сделано поминовение за вечной памяти достойного г. Милорадовича и падших с ним воинов».

[3]) Изложенное под 13 июля отчеркнуто на полях и перечеркнуто в тексте. Рукою Шишкова написано: «О сем также сказано уже было выше сего, и довольно сказать однажды. Желательно, что подобные происшествия для чести государства в самой истории забыты были, но распространяться и твердить о них в календарях под именем достопамятных событий, кажется мне, если не обманываюсь, весьма не пристойно и не полезно. При том же и в выражениях надобно наблюдать осторожность, чтобы не могло выходить из них некоторого нехорошего смысла, как то здесь сказано: «вследствие оных приговоров, смягченных его величеством, преданы смертной казни», — слово смягченных при словах преданы смертной казни делает некую несовместную игру слов». Вдоль изложения под 10 и 13 июля Шишковым чернилами дважды написано: «Статьи сии вымараны государем» и «Тож вымарано государем».

В сем месяце учинено на российских границах с Персиею, в разных пунктах, внезапное воинское вторжение в Российские пределы. Генералу Ермолову вследствие сего высочайше повелено было, отражая силу силою, очистить прежде всего сию границу и требовать от персидского правительства изъяснения и полного удовлетворения. Сообщил *А. Николаев*.

Завещание П. И. Пестеля.

«Завещание» П. И. Пестеля, неизвестно по какому поводу составленное, сохранилось в автографе. Автограф был обнаружен среди арестованных бумаг Пестеля. Вопрос о дате документа приблизительно разрешается; 3-й его пункт говорит о «даре» П. И. Пестелем своему сослуживцу по полку кап. Майбороде, ставшему предателем своего же покровителя и начальника. Можно полагать, что «Завещание», относящееся с такою теплотой к Майбороде, писано до начавшегося разрыва отношений между Пестелем и Майбородою, т.-е. не позже половины 1825 года.

Приводим текст автографа полностью:

«Оставляю в знак памяти и дружбы.

1) Г. майору Гриневскому.

1) Верховую серую лошадь Каспаровскую.

2) Дрожки с простыми тремя хомутами.

2) Г. майору Чаплыгину.

1) Верховую серую лошадь Менгденскую.

3) Г. капитану Майбороде.

1) Верховую мою вороную кобылу.

2) Верхового чалого татарина.

3) Три вьюка: один перекладной и два седельные.

4) Г. поручику Мишевскому.

1) Тройку дрожечных моих гнедых лошадей.

5) Г. подпоручику Сомовичу.

1) Пару моих лошадей: Скакуна и Муравского.

6) Г. прапорщику Гореславскому.

1) Верховую серую лошадь Басаргинскую.

2) Новое седло с муштуком.

7) Г. прапорщику Майбороде.

1) Старое седло с муштуком.

8) Штабс-капитану Бабакову.

1) Всю стеклянную посуду с приборами для водки и уксуса.

2) Всю фаянсовую и оловянную посуду.

3) Всю медную посуду, что в кухне.

Сверх того:

1) Господину генерал-интенданту Юшневскому.

1) Четверку рыжих моих каретных лошадей.

2) Наборные хомуты на четверку со всем прибором.

3) Коляску.

2) Господину доктору Плесли.

1) Три пары позолоченных подсвечников.

2) Лампу и все кенкеты [1])».

Сообщил *Б. Пушкин*.

---

[1]) А. О. Р., Особый Отдел, Фонд XXI, «Госархив I Вв», дело № 293, л. 326.

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: { Вл. Максаков. И. Покровский. В. Фриче.

Издания Центрархива РСФСР.

Центрархивом выпущены следующие книги:

1. «Красный Архив». Исторический журнал. Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П Полонского и В. М. Фриче. Т.т. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11—12, 13.

2. «Архивное Дело». Журнал, посвященный вопросам теории и практики архивного дела. Под редакцией М. С. Вишневского, В. В. Максакова и А. А. Сергеева. Выпуски I, II, III—IV, V—VI.

3. Русско-Германские отношения. Сборник секретных документов. С предисловием М. Н. Покровского.

4. Царская Россия в мировой войне. С предисловием М. Н. Покровского.

5. Русско-Польские отношения в период мировой войны. С предисловием М. Г. Валецкого.

6. Революция 1848 г. во Франции. Под редакцией и с предисловием С. Красного и Г. Зайделя.

7. Крестьянские движения 1902 г. Вып. III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.

8. Аграрный вопрос в совете министров в 1906 г. Вып. IV. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.

9. Политические процессы 60-х годов. Вып. I. Под редакцией Б. П. Козьмина.

10. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. I. Под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.

11. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. II. Под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.

12. Восстание декабристов. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Т. VIII. Алфавит декабристов. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса.

13. Декабристы. Сборник отрывков из источников. Составил Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского.

14. А. Е. Пресняков. 14 декабря 1825 г. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева: «Гвардия в декабрьские дни 1825 года».

15. Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов. В мемуарах и переписке членов царской семьи. Под редакцией Б. Е. Сыроечковского.

16. Южно-русские рабочие союзы. Под редакцией В. В. Максакова и В. И. Невского.

17. Морозовская стачка. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием В. И. Невского.

18. Ленские события. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием В. Владимировой.

19. Рабочее движение в годы войны. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием М. Г. Флеера.

20. Рабочий вопрос в комиссии Коковцова в 1905 г. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием Б. А. Романова.

21. Петроградский Совет Р. и С. Д. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. С предисловием Я. А. Яковлева.

22. Разложение армии в 1917 г. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. С предисловием Я. А. Яковлева.

23. Партизанское движение в Сибири. Под редакцией и с предисловием В. В. Максакова.

24. Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова.

25. Пугачевщина. Т. I. Под ред. и с предисловием М. Н. Покровского.

26. Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. предисловием М. Н. Покровского.

27. Переписка Николая и Александры Романовых. Т.т. III и IV. С предисловием М. Н. Покровского.

28. Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. С предисловием М. Н. Покровского.

29. Русско-Японская война. По дневникам А. Н. Куропаткина и Н. П. Ляневича. С предисловием М. Н. Покровского.

30. Лейтенант Шмидт. (Письма и воспоминания.) Под редакцией и с предисловием В. Максакова.

31. Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового.

32. Бакунин. (Материалы для биографии). Под редакцией В. П. Полонского.

33. Дневник В. Н. Ламздорфа. Под редакцией и с предисловием Ф. А. Ротштейна.

34. Ф. М. Достоевский. «Исповедь Ставрогина» (Неизданные главы из романа «Бесы») и «Житие великого грешника» (план романа). Под редакцией В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.

35. Письма русских писателей. Из архива Достоевского. Под редакцией Н. К. Пиксанова.

36. Дневник А. Г. Достоевской.

37. Письма Достоевского к жене. Под редакцией В. Ф. Переверзева. С предисловием Н. Ф. Бельчикова.

38. Письма Скрябина. Под редакцией Л. Сабанеева.

39. И. С. Тургенев. (Новые материалы).

40. А. П. Чехов. Неизданная пьеса.

41. Сборник материалов и статей по архивному делу.

42. Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу.

43. Правила постановки архивной части делопроизводства в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и предприятиях РСФСР. 3 издание.

44. Инструкция по ведению архивной части делопроизводства в волостных (районных) исполнительных комитетах.

45. Стенографический отчет о работах I съезда архивных деятелей.

Материалы и исследования по истории восстания декабристов.

Под общей редакцией М. Н. Покровского.

1. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. I — следственные дела С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, Д. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева, М. А. Бестужева. (Вышел в свет.)

2. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. II — следственные дела А. П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н. А. Панова, А. Н. Сутгофа, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, А. И. Одоевского, А. И. Якубовича, Н. Р. Цебрикова, Н. П. Репина. (Вышел в свет.)

3. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. III — следственные дела А. Н. Муравьева, И. Д. Якушкина, М. А. Фон-Визина, Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина, П. А. Муханова, М. Ф. Митькова, Д. И. Завалишина. (Печатается.)

4. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. IV — следственные дела

П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола. (Печатается.)

5. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. V — следственные дела П. И. Борисова 2-го, А. И. Борисова 1-го, М. М. Спиридова, И. И. Горбачевского, В. А. Бечаснова, А. С. Пестова, Я. М. Андреевича, Ю. К. Люблинского, А. И. Тютчева. (Печатается.)

6. Восстание декабристов. Т. VI. Восстание Черниговского пехотного полка. (Печатается.)

7. Восстание декабристов. Т. VII. Русская Правда П. И. Пестеля. Под редакцией С. С. Мильмана и С. Н. Чернова. (Печатается.)

8. Восстание декабристов. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Т. VIII. Алфавит декабристов. Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. (Вышел в свет.)

9. Декабристы. Сборник отрывков из источников. Сост. Ю. Г. Оксман, при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского. (Вышел в свет.)

10. М. Н. Покровский. Декабристы. Сборник статей. (Печатается.)

11. А. Е. Пресняков. 14 декабря 1825 года. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева: «Гвардия в декабрьские дни 1825 года». (Вышло в свет.)

12. С. С. Мильман. П. И. Пестель.

13. М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян. (Печатается.)

14. Библиография. Н. К. Пиксанов и Н. М. Ченцов. (Печатается.)

15. Опись архивных дел.

Материалы по истории рабочего движения в России.

Под общей редакцией А. Лозовского.

1. Рабочее движение 70-х г. г.

2. Морозовская стачка. С предисловием В. И. Невского. (Вышло в свет.)

3. Рабочее движение 1881—1895 г. г. (Печатается.)

4. Стачечное движение 90-х г. г.

5. Рабочее движение начала 900-х г.

6. Революционное движение 1898—1905 г. г. (Печатается.)

7. Рабочий вопрос в комиссии Коковцева в 1905 г. С предисловием Б. А. Романова. (Вышло в свет.)

8. Ленские события. С предисловием В. Владимировой. (Вышло в свет.)

9. Рабочее движение в годы войны. С предисловием М. Г. Флеера. (Вышло в свет.)

---

1. Революция 1848 г. во Франции. Донесения Киселева.

2. Пугачевщина. Т.т. I, II, III. Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского. Т. I — вышел в свет, т. II — печатается, т. III — подготовляется.

3. Политические процессы 60-х годов. В. II.

4. Политические процессы 70-х и 80-х гг. Под редакцией В. В. Максакова, В. И. Невского и П. Е. Щеголева.

5. Крестьянские движения до 60-х гг. XIX стол. (Печатается.)

6. Дело 1 марта 1887 г. (Дело П. Шевырева, Александра Ульянова и др.) (Печатается.)

7. Процесс Каракозова. 2 тома.

8. Материалы по истории «Народной Воли».

9. Дневник Л. Тихомирова. Под редакцией В. М. Фриче. (Печатается.)

10. Студенческое движение 1905 г.

11. Революционное движение в армии и флоте.

12. Последние дни Колчаковщины. (Печатается.)

13. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. (Печатается.)

14. Письма Победоносцева к Александру III. С приложением писем к Николаю II и Сергею Александровичу. Т. II. (Печатается.)

15. Дневник Е. А. Перетца. (Печатается.)

16. Русский империализм на Дальнем Востоке.

17. Наказы депутатам в I Государственную Думу.

18. Европейская биржа и русские финансы во время русско-японской войны. Под редакцией Е. А. Преображенского. (Печатается.)

19. Из архива Ф. М. Достоевского. Материалы в роману «Идиот». Под редакцией П. Н. Сакулина.

20. Материалы к роману «Преступление и Наказание». Под редакцией И. И. Гливенко.

21. Материалы к роману «Бесы». Под редакцией Н. Л. Бродского.

22. Материалы к роману «Подросток». Под редакцией В. Ф. Переверзева.

23. Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. Под редакцией П. Н. Сакулина.

Государственное Издательство
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

1917 год в ДОКУМЕНТАХ и МАТЕРИАЛАХ
Под редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО и Я. А. ЯКОВЛЕВА

РАЗЛОЖЕНИЕ АРМИИ
В 1917 ГОДУ

Подготовлено к печати Н. Е. КАКУРИНЫМ. С предисловием Я. А. ЯКОВЛЕВА
Стр. 192+карта. Ц. 1 р. 50 к.

„При составлении настоящего сборника было использовано главным образом делопроизводство Ставки, канцелярии военного министерства и кабинета военного министра. Дела Ставки дореволюционного периода довольно полно отражают картину постепенного разложения армии; начало ее разложения также достаточно полно выявляется в документах, относящихся к совещаниям главнокомандующих в Ставке 1917 г. и в первых донесениях начальников частей по этому поводу. Внутренняя жизнь старой армии и ее настроение в момент окончательного разложения и в эпоху т. н. керенщины ярче всего выявились в делопроизводстве кабинета военного министра". (От редакции).

Н. АВДЕЕВ

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 года
ХРОНИКА СОБЫТИЙ

ТОМ I. ЯНВАРЬ—АПРЕЛЬ. Стр. 213. Ц. 1 р. 40 к.

ТОМ II. АПРЕЛЬ—МАЙ. Стр. 307. Ц. 2 р. 50 к.

В. МАКСАКОВ и Н. НЕЛИДОВ

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИИ

ВЫПУСК I. 1917 ГОД. Стр. 143. Ц. 50 к.

„Предлагаемая „Хроника Революции" представляет собой сжатое изложение революционных событий 1917 года... В задачи составителей входило дать, по возможности, исчерпывающий и проверенный перечень наиболее важных событий, могущий служить справочником для лекторов партшкол, учащихся высших учебных заведений и рядового партийного работника". (Предисловие Истпарта к книге).

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: в Торговый Сектор Госиздата (Москва, Ильинка, Биржевая площадь), в магазины, киоски и во все отделения Госиздата.

Государственное Издательство
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

1917 год в ДОКУМЕНТАХ и МАТЕРИАЛАХ
Под редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО и Я. А. ЯКОВЛЕВА

ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ
РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро И. К.
Подготовлено к печати Б. Я. Наливайским.
С предисловием Я. А. ЯКОВЛЕВА

Стр. 375. Ц. 2 р. 75 к.

В книге собраны все сохранившиеся протоколы заседаний Исполнительного Комитета за время с 3 марта по 9 августа 1917 г. и протоколы заседаний Бюро И. К. за время с 20 апреля по 17 июня того же года.

„Мы публикуем эти протоколы заседаний меньшевистского Совета, так как они представляют исключительный интерес для истории всей нашей революции,—и в частности, для истории того, как меньшевики пытались превратить Советы в органы, подсобные Временному Правительству, и как вооруженные рабочие в союзе с крестьянами-солдатами превратили Советы в органы государственной власти". (Из предисловия Я. А. Яковлева).

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В 1917 ГОДУ

Печатается.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ В 1917 ГОДУ

Печатается.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: в Торговый Сектор Госиздата, (Москва, Ильинка, Биржевая площадь), в магазины, киоски и во все отделения Госиздата.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ВОСПОМИНАНИЯ и ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Аграрный вопрос в совете министров (1906 г.)—(Материалы по истории крестьянских движений в России под ред. Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче. Вып. IV). Стр. 178. Ц. 1 р. 20 к.

Аксельрод, Л. И. Этюды и воспоминания. Стр. 61. Ц. 35 к.

Аннушев, Ан. Очерки истории гражданской войны. 1917—1920. Стр. 288. Ц. 2 р.

Арский, Павел. 1905 год. Литературно-исторический сборник. Под редакцией Ильи Садофьева. Стр. 218. Ц. 1 р.

Барт, Эмиль. В мастерской германской революции. Пер. с нем. С. Крицман. С пред. Я. Вальхера. Стр. 201. Ц. 1 р.

Бебель, Август. Из моей жизни. Перевод с рукописи под ред. и со вступительной статьей Д. Рязанова. Стр. 547. Ц. 3 р.

Борьба за Петроград. 15 октября—6 ноября 1919 г. Стр. 279. Ц. 2 р.

Браун, Лили. Роман моей жизни. (Мемуары социалистки.) Перев. с нем. З. Журавской. Т. I. Изд. 2-е. Стр. 363. Ц. 50 к. Т. II. Изд. 2-е. Стр. 371. Ц. 50 к.

Витте, С. Ю., гр. Воспоминания. Царствование Николая II. Том I. Стр. XLVII, 471. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 75 к.

Витте, С. Ю., гр. Воспоминания. Царствование Николая II. Том II. Стр. 518. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 75 к.

Витте, С. Ю., гр. Том III. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849—1894). Стр. XVI, 335. Ц. 3 р.

Войтоловский, Л. По следам войны. Походные записки. 1914—1917. Том I. Предисл. Демьяна Бедного. Стр. 220. Ц. 2 р. 50 к.

Волкенштейн, Л. А. Из тюремных воспоминаний. Вступительная статья и примечания Р. М. Кантора. С портретом автора. (Серия „Библиотека мемуаров"). Стр. 135. Ц. 1 р. 25 к.

Волконская, М. Н. Записки. Вступительная статья и примечания. П. Е. Щеголева. Стр. 72. Ц. 50 к.

Воронцин, И. История одного каторжанина. Ц. 2 р.

Восстание декабристов. Материалы. Дела Следственной Комиссии о злоумышленных обществах. Том VIII. **Алфавит декабристов.** Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. (Материалы по истории восстания декабристов. Под общей ред. и с предисловием М. Н. Покровского.—Центрархив.) Стр. 4 н., 431. 5 н. Ц. 4 р. 50 к.

Восстание на броненосце „Князь Потемкин Таврический".—Воспоминания, материалы и документы. Под ред. и со вступ. статьей В. И. Невского. Стр. 368. Ц. 2 р. 50 к.

Генкин, И. По тюрьмам и этапам. Стр. 486. Ц. 2 р.

Гинзбург, Илья. Из прошлого. (Воспоминания.) С портретом автора и 9 снимками. Стр. 183. Ц. 1 р.

Горев, Б. И. Из партийного прошлого. Воспоминания. 1895—1905. Отр. 91. Ц. 50 к.

Дневник б. великого князя Андрея Владимировича.—1915 год. Редакция и предисл. В. П. Семенникова. Стр. 111. Ц. 85 к.

Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова. Текст подготовлен к печати и снабжен примечаниями М. М. Константиновым. (Центрархив). Стр. XI, 236. Ц. 1 р. 50 к.

За кулисами царизма. (Архив тибетского врача Бадмаева). Ред. и вступит. статья В. П. Семенникова. Стр. XXXIV. 175. Ц. 1 р. 40 к.

Залежский, В. Н. На партийном фронте между двумя революциями. I. В эпоху реакции (1905—1912 г.г.). Стр. 91. Ц. 40 к.

Известия Совета Рабочих Депутатов. С.-Петербург, 17 октября — 14 декабря 1905 года. С предислов. и примечаниями Дм. Сверчкова и с приложением фотографических снимков „Известий". (Ленингр. Истпарт.) Стр. 98. Ц. 1 р. 30 к.

Иренин, М. Первый Совет Рабочих Депутатов. (Краткий очерк.) Стр. 48. Ц. 30 к.

Историко-революционный сборник. Под ред. В. И. Невского. Том второй. Группа „Освобождение Труда", с портретами и снимками с документов на 7 отд. листах. Стр. 428. Ц. 2 р. 75 к.

История классовой борьбы в России в материалах и документах. Под редакцией Н. Карпова и М. Мартынова. Том I. (Серия „Библиотека обществоведения".) Стр. 428. Ц. 2 р.

История классовой борьбы в России в материалах и документах. Под редакцией Н. Карпова и М. Мартынова. Том II. (Серия „Библиотека обществоведения".) Стр. 424. Ц. 2 р.

Кантор, Р. М. В погоне за Нечаевым. К характеристике секретной агентуры III отделения на рубеже 70-х г. г. 2-е исправленное и дополн. изд. Стр. 155. Ц. 1 р. 20 к.

Карпов, Н. Крестьянское движение в революции 1905 года в документах. Стр. 276. Ц. 2 р. 20 к.

Колонтай, А. М. Отрывки из дневника 1914 г. Стр. 79. Ц. 50 к.

Корнилов, А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. Стр. 590. Ц. 3 р. 75 к.

Куделли, П. Народовольцы на перепутьи. Дело Лахтинской типографии. С приложением документов и „летучих листков" группы народовольцев 1892 и 1895 г.г. (Ленинградский Истпарт.) Стр. 168. Ц. 1 р. 20 к.

Левин, Ш. М., и И. Л. Татаров. История РКП (б) в документах. Том. I. 1883—1916. Предисловие В. И. Невского. Стр. XV, 696. Ц. 2 р. 50 к.

Леде р, З. 1905 год в бывшей царской Польше. Стр. 32. Ц. 20 к.

Лемке, М. Политические процессы в России 1860 г.г. По архивным документам. 2-е изд. Стр. VIII, 684. Ц. 3 р.

Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов—1917 г. (Статьи, воспоминания и документы.) Ц. 75 к.

Лепешинский, П. На повороте. (От конца 80-х годов к 1905 г.). Попутные впечатления участника революционной борьбы. Стр. 237. Ц. 70 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ВОСПОМИНАНИЯ и ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Малаховский, Вл. Из истории Красной Гвардии. Красногвардейцы Выборгского района. 1917. (Очерк с приложением документов и иллюстраций.) Предисловие и редакция Ц. Зеликсон-Бобровской. (Ленинградский Истпарт.) Стр. 63. Ц. 50 к.

Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Т. II. Восьмидесятые годы (15 апреля 1881 г.—29 февраля 1882 г.) Под ред. и со вступ. статьей Г. Я. Красного-Адмони. Стр. XXXII, 542. V. Ц. 3 р. 50 к.

Молок, А. И. Парижская Коммуна и крестьянство. Проблема смычки города и деревни в революцию 1871 г. Стр. 80 к. Ц. 30 к.

Молок, А. И. Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах (хрестоматия). С приложением карт и факсимиле документов. Стр. 581. Ц. 1 р. 50 к.

Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). Предисловие В. И. Невского. Редакция и вступ. статья В. П. Семенникова. Стр. 154. Ц. 1 р.

О Ленине. Сборник воспоминаний. I. Под редакцией Л. Б. Каменева. [Институт Ленина при ЦК РКП (б)] Стр. 159. Ц. 60 к.

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства (в 1917 г.), Редакция П. Е. Щеголева.

Том. I. Допросы: А. Н. Хвостова, Климовича, Протопопова, Хабалова, Васильева, Штюрмера, Бурцева, Кафафова, Наумова, Андроникова. Стр. XXX, 432. Ц. 2 р. 75 к.

Том. II. Допросы А. Д. Протопопова, кн. М. М. Андроникова, А. Т. Васильева, И. Ф. Манасевича-Мануйлова, А. А. Макарова, К. Д. Беляева, кн. Н. Д. Голицына, Н. А. Добровольского, И. Г. Щегловитова. Стр. VI, 439. Ц. 2 р. 75 к.

Том. III. Допросы и показания: А. В. Герасимова, А. И. Спиридовича, В. Н. Воейкова, Н. А. Маклакова, М. С. Комиссарова, П. Г. Курлова, М. И. Трусевича, А. А. Вырубовой, С. П. Белецкого, И. Л. Горемыкина, О. А. Лохтиной, С. В. Виссарионова, Н. С. Чхеидзе. Стр. IV, 508. Ц. 3 р.

Том IV. Записки А. Д. Протопопова и С. П. Белецкого. Стр. 536. Ц. 3 р.

Новорусский, М. В. Записки шлиссельбуржца. 1887—1905. С портретами и рисунками. Стр. 245. Ц. 60 к.

Первая русская революция в Петербурге. 1905 г. Сборник II. По фабрикам и заводам. Под редакцией Ц. Зеликсон-Бобровской. („Ленинградский Истпарт"). Стр. 147. Ц. 60 к.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1915 г.г. Том III. С предисл. М. Н. Покровского. Стр. XXXIV, 524. Ц. 5 р. (Центрархив).

Петров, Е. Социальная революция и международная политика в переписке Маркса и Энгельса. Исторические очерки. Стр. 122. Ц. 60 к.

Поливанов, П. С. Алексеевский равелин. Биографический очерк. И. И. Майкова. Редакция текста, примечания и послесловие П. Е. Щеголева. („Библиотека мемуаров".) Стр. 208. Ц. 1 р. 50 к.

Попов, Александр. Из истории забастовочного движения в России накануне империалистической войны. Бакинская забастовка 1914 г. (Ленинградский Истпарт.) Стр. 152. Ц. 80 к.

Прибылев, А. В. В динамитной мастерской и Карийская политическая тюрьма. Из воспоминаний народовольца. Стр. 79. Ц. 60 к.

Прибылева-Корба, А. П., и В. Н. Фигнер. А. Д. Михайлов. (Историко-революционная социалистическая библиотека.) Стр. 230. Ц. 1 р. 80 к.

Революционное юношество. Сборник I. Из истории движения учащихся средне-учебных заведений Петербурга. 1905—1917 г.г. (Ленинградский Истпарт.) Стр. 277. Ц. 1 р. 25 к.

Революция 1848 г. во Франции. (Донесения Я. Толстого.) Под редакцией и с предисловием Г. Зайделя и С. Красного. (Центрархив.) Стр. 184. Ц. 1 р. 70 к.

Робеспьер, Шарлота. Воспоминания. Перевод с французского. Е. Л. Овсянниковой. С предисловием и примечаниями А. А. Ольшевского. Стр. 62. Ц. 55 к.

Розин-Азис, Фр. Страница из истории крестьянства. Историко-экономическое исследование аграрных отношений в Прибалтике. Вступительная статья П. Стучки. Перевод, примечания и предисловие к русскому изданию А. Я. Кляве-Клявина. Стр. 233. Ц. 1 р.

Русско-японская война. Из дневника А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского. (Центрархив.) Стр. VII+189. Ц. 1 р. 80 к.

Сверчков, Д. На заре революции. Издание четвертое, иллюстрированное. Стр. 336. Ц. 2 р.

Сталин, И. На пути к Октябрю. Статьи и речи. Март—Октябрь 1917. Изд. 2-е. Стр. XLV +220. Ц. 90 к.

1905 г. в Петербурге. Выпуск I. Социал-демократические листовки. Собрали: С. Н. Валък, Ф. Г. Матасова, К. К. Соколова и В. Н. Федорова. Вступительная статья К. Шелавина. („Ленинградский Истпарт".) Стр. 444. Ц. 2 р.

Уорд, Джон, Союзная интервенция в Сибири. 1918—1919. Записки начальника английского экспедиционного отряда. С предисловием И. Майского. Стр. 172. Ц. 1 р. 20 к.

Царская Россия в мировой войне. Том I. С предисловием М. Н. Покровского. (Центрархив.) Стр. XXIV, 304. Ц. 3 р. 20 к.

Цыперович, Г. За полярным кругом. Десять лет ссылки в Колымске. Изд. 2-е. Стр. 242. Ц. 1 р. 50 к.

Шелгунов, А. В. Воспоминания. Редакция, вступ. статья и прим. А. Шилова. (Библиотека мемуаров). Стр. 317. Ц. 1 р.

Шилов, А. А. Девятое Января. Книга для чтения. Предисловие В. И. Невского. Стр. 238. Ц. 1 р.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ в Торговый Сектор Госиздата, Москва, Ильинка, Богоявленский п., 4, — Ленинград, Проспект 25-го Октября 28, во все магазины, киоски и отделения Госиздата.

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ ГОСИЗДАТА (Москва, проезд Художественного театра, 6) **высылает книги немедленно по получении заказа наложенным платежом почтовыми посылками или бандеролью.**

КАТАЛОГИ и БЮЛЛЕТЕНИ ВЫСЫЛАЮТСЯ по ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ БЕСПЛАТНО.

ИЗДАНИЯ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Центрархивом выпущены следующие книги:

1. „Красный Архив“, т. т. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10. Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.
2. Русско-германские отношения. (Сборник секретных документов.) С предисловием М. Н. Покровского.
3. Ф. М. Достоевский. „Исповедь Ставрогина“ (неизданная глава из романа „Бесы“) и „Житие великого грешника“ [illegible]. Под редакцией В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.
4. Письма русских писателей. Из архива Ф. М. Достоевского. Под редакцией Н. К. Пиксанова.
5. Дневник А. Г. Достоевской.
6. Сборник материалов и статей по архивному делу.
7. [illegible]
8. [illegible]
9. [illegible]
10. [illegible]
11. [illegible]
12. [illegible]
13. [illegible]
14. [illegible]
15. [illegible]
16. [illegible] т. III и IV. [illegible] М. Н. Покровского.
17. М. А. [illegible] Под ред. В. П. [illegible]
18. Аграрный вопрос в совете министров в 1906 г. Вып. IV. Под редакцией В. В. Воеводского, В. М. Фриче и В. И. Пичета.
19. Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. С предисловием М. Н. Покровского.
20. Юлия [illegible] Под ред. В. В. Максакова и В. И. [illegible]
21. Морозовская стачка. Под редакцией А. Лозовского и с предисловием В. И. Невского.
22. Русско-японская война. По дневникам А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского.
23. Сборник [illegible] по архивному делу.
24. Царизм [illegible] С предисловием М. Н. Покровского.
25. Восстание декабристов. Материалы. Т. I. Под редакцией А. А. Покровского и с предисловием М. Н. Покровского.
26. [illegible]
27. [illegible]
28. [illegible]
29. [illegible]
30. [illegible] А. А. [illegible]
31. Рабочее движение [illegible] Под редакцией А. Лозовского.
32. [illegible] Под редакцией П. Е. Щеголева.
33. [illegible]
34. [illegible]
35. Политические [illegible] архивов.
36. Правила [illegible] делопроизводства в [illegible] учреждениях.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Материалы по истории восстания 14 декабря 1825 г.

Под редакцией М. Н. Покровского.

1. Следственные дела. Т. т. I (вышел в свет), II, III, IV, V и VI (печатаются).
2. „Русская Правда“ П. И. Пестеля. Под ред. С. С. Мальшина и С. Н. Чернова.
3. Алфавит декабристов. Под редакц. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. (Выйдет в свет.)
4. [illegible]
5. [illegible]
6. [illegible] 14 декабря 1825 г. (Печатается).
7. П. Е. Щеголев. [illegible] своего полка.
8. С. С. Мальшин. П. И. Пестель.
9. М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян. (Печатается.)
10. Опись архивных дел по истории декабристов.
11. [illegible]
12. [illegible]

5 руб.

Государственное Издательство РСФСР

[illegible]

[illegible], 10/2. Тел. [illegible]

[illegible]

НА

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] Пере[illegible] ([illegible] руб. в уездных городах) и всеми почтово-телеграфными конторами.